

Л. В. ЧЕРЕПНИН

РУССКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ДО XIX ВЕКА

Курс лекций

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

Л. В. ЧЕРЕПНИН

901
4-464

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ до XIX века

Курс лекций

113513

БИБЛИОТЕКА
Специальная библиотека педагогического факультета
Института педагогического образования
ИМ ПНУС
113513

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

Лекция первая

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Под редакцией **М. Т. Белявского**

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ РАЗРАБОТКИ КУРСА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Приступая к разработке какого-либо курса, прежде всего необходимо точно определить его предмет, задачи, методы. Надо установить, что изучает данная наука, какие цели она перед собой ставит, рассматривая определенную отрасль знания, каковы те приемы исследования, к которым она прибегает.

Термин «историография» употребляется в разных значениях. Этим термином часто пользуются для обозначения круга монографий, исследований, статей, которые посвящены какому-либо определенному периоду исторического прошлого. Например, говорят «историография истории советского периода», имея в виду работы, посвященные изучению проблематики советского общества. Или же употребляют выражения «историография, посвященная периоду феодализма», «историография, посвященная периоду капитализма» и т. д., подразумевая при этом те исторические труды, которые специально касаются тематики указанных периодов.

Иногда речь идет об историографии определенной проблемы исторической науки, рассматриваемой в рамках одного или нескольких периодов. Например, закономерно говорить об «историографии революционного движения в России» при обзоре научной литературы, освещающей историю русского революционного движения, об историографии, посвященной крестьянскому вопросу, истории общественной мысли, военной истории и т. д.

Такого рода употребление термина «историография» является довольно распространенным и это совершенно закономерно.

Но понятие «историография» имеет более широкое и глубокое значение — значение науки, которая изучает развитие исторической науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняет, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества.

Прежде, чем говорить о задачах курса историографии в этом понимании, очевидно, следует сказать несколько слов о том, что такое историческая наука (история), каковы ее задачи, так как, лишь исходя из них, можно определить круг вопросов, стоящих перед историографией, изучающей развитие исторической науки.

Марксистско-ленинское определение истории можно сформулировать таким образом: история — это наука, которая изучает развитие человеческого общества как закономерный процесс во всех конкретных формах, которые принимает это развитие.

Задача исторической науки не может быть сведена к простой регистрации фактов прошлого. История стремится обобщить эти факты и познать совокупность явлений прошлого во всей их сложности, разносторонности и противоречивости, в движении и борьбе, подчиняющихся своим законам.

В книге «Анти-Дюринг» Энгельс пишет: «...современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем, его задачей является открытие законов движения этого процесса»¹.

Так определяется задача истории как науки. Исходя из этого понимания, строятся исторические курсы, посвященные отдельным эпохам, народам, а также отдельным сторонам исторического развития (например, истории народного хозяйства, государства и права и т. д.).

Вершиной научного познания является марксистско-ленинская наука. Только марксизм-ленинизм дал такую теорию, которая действительно может раскрыть объективные закономерности исторического процесса, объяснить закономерную смену общественных формаций.

Но интерес людей к своему прошлому, к своей истории, попытки собрать фактический материал, относящийся к этому прошлому, попытки разобраться в собранных данных, обобщить и объяснить их — относятся к давнему времени. Зарождение исторической науки произошло задолго до появления марксизма.

Историография ставит своей целью изучить несколько

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 25. См. также В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 41.

вопросов, которые дают возможность охарактеризовать развитие исторической науки. Задачи историографии можно свести к следующим четырем пунктам.

Во-первых, историография изучает вопрос о том, как шло накопление знаний о человеческом обществе, т. е. как постепенно вводились в научный оборот ранее неизвестные источники, как расширялся круг исторических памятников, доступных изучению, и тем самым становились известными новые факты и т. д.

Но простое накопление фактов еще не создает историю как науку. Поэтому историография должна также показать, как видоизменялись и совершенствовались методы изучения исторических источников. Сами по себе памятники прошлого молчат. Для того чтобы они стали историческими источниками и помогли объяснить явления прошлого, их нужно заставить говорить. Изучение развития техники и методики анализа исторических источников — это вторая задача историографии.

В известной мере указанные два вопроса, которые должна ставить перед собой историография, сопрягаются с проблемами исторического источниковедения.

Третий вопрос, который стоит перед историографией, — это вопрос о том, как изменялась проблематика исторического исследования. Необходимо проследить, какие вопросы возникали на различных этапах изучения прошлого, и объяснить, почему в различные периоды в трудах, отражающих интересы тех или иных классов или социальных групп, ставились те или иные проблемы, например проблемы социально-экономической, политической или военной истории. Надо показать, как с развитием исторической науки расширялся круг выдвигаемых проблем, и выяснить, почему и в каком направлении происходило это расширение.

Наконец, четвертая и самая главная задача историографии заключается в том, чтобы показать, как развивались и изменялись теории, с позиций которых изучался исторический процесс, как историки различных направлений и школ подошли к объяснению исторического прошлого. Ведь задачи историка не могут ограничиться поисками новых источников, освещающих определенные исторические факты, или описанием событий, имевших место в жизни определенной страны или народа. Историки стремятся осмыслить эти события и создают концепции, отражающие их понимание общественного развития. Историография должна выяснить, как в разные эпохи представителями разных общественных групп и течений осмысливался исторический процесс и насколько они приближались к познанию объективных явлений прошлого.

Все эти задачи могут быть правильно разрешены только в том случае, если развитие исторической науки будет рассматриваться в связи с общественным развитием и прежде всего с развитием общественной идеологии. На боровшиеся между собой исторические концепции определяющее влияние оказывали философские и политические взгляды различных представителей исторической мысли, которые отражали интересы и задачи общественных классов, порождаемые социально-экономической действительностью.

Это положение требует раскрытия на конкретном материале. Поэтому я приведу два примера, относящихся к различным периодам в истории нашей Родины, отражающих разные этапы развития исторической мысли, но в одинаковой мере свидетельствующих о связи исторических представлений с философскими взглядами общественных классов.

Уже в раннефеодальный период истории Руси, в период существования Древнерусского государства с центром в Киеве (X — начало XII в.), стали возникать произведения исторического характера. Среди ранних памятников исторической мысли выделяется так называемая «Повесть временных лет» — летописный свод начала XII в. В нем излагаются факты преимущественно политической истории, которые автор пытается объяснить и осмыслить в свете мировоззрения своей эпохи и своего класса. Эти факты автор «Повести временных лет», так же как и другие летописцы, рассматривает с точки зрения провиденциализма, т. е. представления о непосредственном воздействии провидения на судьбы человечества. Происходившие в прошлом и современные события, по мысли летописцев, вызваны влиянием божественного промысла, являются следствием божьей воли.

Такие исторические представления объясняются общим религиозным мировоззрением, характерным для средневековья, причем свойственным не только людям, непосредственно связанным с феодальной церковью, но и всему феодальному обществу.

В более поздние периоды взаимосвязь между философскими и историческими взглядами, носителями которых являлись представители различных общественных классов и групп, стала, конечно, более сложной. В конце XIX — начале XX в., в период империализма — высшей стадии капиталистического развития в России, когда уже развивалась марксистско-ленинская историческая наука, когда появились классические работы В. И. Ленина, буржуазная историография переживала кризис. Представители реакционного крыла буржуазной историографии вели борьбу с марксизмом, которая была как прямой, так и завуалированной, носила иногда открытый, иногда

прикрытый характер. Наступление на революционный марксизм производилось с определенной философской платформы. В это время в среде буржуазной интеллигенции усиливаются идеалистические философские взгляды. Одной из распространенных в буржуазной историографии философских теорий было неокантианство. Появляются русские переводы произведений таких представителей этой теории, как Риккерт и Виндельбанд. Последователем их взглядов в России был А. С. Лаппо-Данилевский. Он выпустил большой двухтомный труд под названием «Методология истории», в котором поставил своей задачей выяснить с неокантианских позиций философские основы исторической науки.

Сущность теории неокантианства заключается в признании того, что мир непознаваем, непознаваема природа и история. С точки зрения неокантианства, утверждение, что в природе или в человеческом обществе наблюдаются определенные явления, означает не то, что они действительно существуют в объективной действительности, а то, что эти явления представляют собой результат деятельности нашего сознания. Следовательно, и изучение истории нельзя понимать как задачу познания объективно происходивших процессов и выяснения закономерностей общественного развития, речь должна идти о деятельности человеческого сознания, продуктом которого является история. Это — идеалистическое мировоззрение, которое по существу отрицает историю как науку.

Не подлежит сомнению тесная связь буржуазной исторической мысли периода империализма и той идеалистической философии (в виде неокантианства и других направлений), против которой выступал В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Поскольку философия (как и вообще идеология) развивается в борьбе между прогрессивными и реакционными взглядами, постольку и при изучении развития исторической мысли надо раскрыть борьбу передовых исторических теорий с реакционными. Марксистско-ленинская историческая наука крепла в борьбе с буржуазной историографией. В домарксистский период развития исторической мысли в России носители передовой идеологии (дворянские революционеры, революционные демократы) разрушали каноны официальной дворянской и буржуазной историографии. Достаточно назвать первого дворянского революционера А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и др. Они не были историками-профессионалами, но изучали историю и внесли много нового в ее понимание. В философской области революционные демократы были, правда, непоследова-

тельными, но материалистами, следовательно, шли по пути усвоения подлинно научного мирозерцания, хотя их материалистическое мировоззрение проявлялось главным образом в объяснении явлений природы, а не общественной жизни.

Приведенные примеры должны были показать, как важно при изучении исторических трудов выяснять, насколько понимание их авторами исторического процесса определяется общей системой философских взглядов и как необходимо рассматривать развитие этих взглядов в борьбе прогрессивных направлений с реакционными. Аналогичные примеры можно привести и для подтверждения того, что политическое мировоззрение историков накладывает свой отпечаток на их исторические представления.

До сих пор сохраняет значение труд одного из крупнейших представителей буржуазной историографии середины и второй половины XIX в. С. М. Соловьева — «История России с древнейших времен». Этот труд создавался еще в тот период, когда шло поступательное движение буржуазной исторической науки, когда еще не наступил ее кризис. В этом труде собран очень большой фактический материал, ценность которого и в настоящее время ясна для каждого, кто занимается проблемами феодализма. Ценность представляют и многочисленные наблюдения Соловьева по разным вопросам и особенно его попытка понять, объяснить и обобщить собранный им материал, дав на его основе связное изложение истории России как органического процесса внутреннего развития.

Но для понимания вопроса о том, как Соловьев объясняет исторические явления, очень важно знакомство с его политическими взглядами. Соловьев был близок к представителям так называемой «государственной школы» историков. Сущность исторической концепции, защищавшейся этой «школой» (если сформулировать ее очень коротко), сводится к утверждению, что историческое развитие в основном определяется деятельностью государства, которое рассматривается как творец исторического процесса, что в истории государства находит наиболее полное отображение исторический процесс.

Представление о решающей роли государства в истории разделял и Соловьев (хотя он выдвигал и другие факторы исторического развития: природную среду, этнографические данные, внешние условия). Эти представления отвечали его политическим взглядам: будучи противником крепостничества, Соловьев стоял на позициях сотрудничества русской либеральной буржуазии с монархией.

Для оценки исторической концепции Соловьева важно иметь в виду и тот период, когда она создавалась. Это — канун буржуазных реформ и время, непосредственно следую-

щее за отменой крепостного права. Соловьев был сторонником буржуазных реформ, подготовка которых правительством шла в период революционной ситуации, когда развивалось крестьянское движение и оформилась революционно-демократическая идеология.

Исторические взгляды Соловьева отразились и на структуре его труда: основные главы в томах «Истории России с древнейших времен», посвященных тому или иному периоду, заполнены материалом, относящимся к политической истории, а дополнительные разделы касаются вопросов быта, экономики и т. д.

Сохранились заметки Л. Н. Толстого по поводу «Истории» Соловьева, в которых великий писатель пишет о своем впечатлении от этого труда. «Читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железю, кто выводил лошадей, быков, баранов...»¹. Смысл вопросов Л. Н. Толстого (кто? кто? кто?), которые он задает Соловьеву, состоит в том, что в его «Истории» нет освещения деятельности народных масс, что «История» посвящена в основном политическим отношениям. А «народ живет», — отмечает Толстой.

Переходя от трудов Соловьева к работам революционных демократов, следует, напротив, подчеркнуть, что они уже были близки к пониманию роли народных масс в истории.

Политический смысл ряда исторических концепций, выдвигаемых дворянскими и буржуазными авторами, можно показать на многочисленных примерах. Так, в дворянской и буржуазной историографии была популярна так называемая «норманская теория» происхождения Русского государства. Это — теория о том, что государство в России было создано пришлыми варягами — скандинавами, которых якобы призвали на княжение восточные славяне в IX в.

Смысл утверждений норманистов сводился к тому, что славяне самостоятельно, в результате внутреннего общественного развития, не могли выйти из состояния дикости. Для движения по пути прогресса им нужна была помощь более цивилизованных пришельцев — варягов, которые и явились якобы создателями русской государственности.

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 48. Гослитиздат, М., 1952, стр. 124.

Для советских историков ненаучность норманской теории достаточно ясна. Хотя история знает и факты завоеваний, и то, что власть завоевателей оказывала определенное воздействие на жизнь покоренных народов, основой возникновения государства является раскол общества на классы, подготовленный экономическим развитием. Не останавливаясь на норманской теории, важно подчеркнуть, что в свое время она имела определенное политическое значение. Она распространилась в 40—50-х гг. XVIII в., когда руководящие государственные посты в России захватили пришельцы из числа немецкого, по преимуществу прибалтийского, дворянства. Им нужно было оправдать свое политическое господство. Норманская теория происхождения Русского государства и послужила одним из идеологических средств для достижения этой цели.

Представитель русской передовой исторической науки того времени М. В. Ломоносов вел борьбу с норманизмом, вскрывая тенденциозно-политическую направленность этой теории. Ломоносов подверг серьезной критике книгу (диссертацию) Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», доказав несостоятельность ряда аргументов автора и показав предвзятость его выводов: «Сие так чудно,— писал он,— что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹, т. е. если бы Миллер владел хорошим слогом, то он изобразил бы русских таким примитивным народом, каким еще ни один из самых отсталых народов не выступал в представлении какого-либо писателя.

Последний пример, иллюстрирующий вопрос о взаимосвязи и взаимообусловленности исторических концепций дворянских и буржуазных авторов и их политических взглядов, относится к началу XIX в. Это — период господства дворянской историографии, одним из крупных представителей которой был Н. М. Карамзин. Опубликование двенадцати томов его «Истории государства Российского» имело большое значение для развития исторической науки. Но само название труда уже указывает на его политическую направленность. Автор написал историю государства, а не народа. По своему политическому мировоззрению Карамзин — монархист, крепостник. «Историю государства Российского» он посвятил царю, выразив свои мысли в следующей фразе: «История народа принадлежит царю»².

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 21.

² Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Мат-лы для биографии с прим. и объяснениями М. П. Погодина, ч. II, М., 1866, стр. 198.

Представители революционной дворянской идеологии — декабристы протестовали против понимания Карамзиным назначения исторической науки. Никита Муравьев в противоположность Карамзину заявлял: «История принадлежит народам»¹. Н. И. Тургенев высказался по поводу посвящения Карамзина таким образом: «История народа принадлежит народу — и никому более! Смешно дарить ею царей»². Конечно, это выражение Тургенева нельзя понимать так, что под народом он имеет в виду народные трудовые массы, речь идет о русском обществе в широком смысле слова. Для характеристики взглядов Тургенева важно и следующее замечание: «Добрые цари никогда не отделяют себя от народа».

Известна также эпиграмма на Карамзина, которая приписывается А. С. Пушкину, хотя вопрос об его авторстве и является спорным. «В его (Карамзина) «Истории» изящность, простота, — читаем в эпиграмме, — доказывают нам, без всякого пристрастия, необходимость самовластья и прелести кнута»³.

Все предшествующее изложение позволяет сформулировать два вывода:

1. Исторические теории, господствующие в определенные периоды, тесно связаны с философскими и политическими взглядами, характерными для данного времени и общественной среды и определяются классовой идеологией выразителей этих взглядов.

2. Изучать развитие исторических взглядов нельзя в отрыве от классовой и политической борьбы, порождаемой условиями социально-экономической жизни общества.

Чем же вызывается смена тематики на протяжении развития исторической науки, почему в центре внимания историков в определенные периоды оказываются те или иные проблемы? В известной мере выдвижение новых проблем связано с расширением круга источников. Для того чтобы решить какой-то вопрос, надо иметь в своем распоряжении необходимые для этого материалы. Но дело, конечно, не только в наличии или отсутствии источниковедческой базы, так как и поиски новых источников подчиняются определенным целям. Изменение исторической тематики связано с общественным развитием, с классовой борьбой, с политическими задачами, которые ставили перед собой представители различных общественных классов.

¹ Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, стр. 198.

² Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III. (Архив братьев Тургеневых, вып. 5). Пг., 1921, стр. 115.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. I, ГИХЛ, М., 1949, стр. 240.

В русской дворянской и буржуазной историографии преобладал интерес к истории политической. Хотя буржуазные авторы и занимались историей экономики, сельского хозяйства, промышленности, но в целом ряде их трудов главное внимание устремлено на выяснение роли государства в историческом процессе. Это характерно как для дворянских историков, являвшихся идеологами самодержавия, так и для историков, отражавших интересы русской буржуазии, которая стремилась к сделке с монархией.

Говоря о других вопросах, помимо политической истории, можно отметить, что в русской дворянской и буржуазной историографии имеется много работ по истории крестьянства, по вопросу о возникновении крепостного права. Отмечая большой удельный вес этой тематики, нельзя видеть причины этого только в личном интересе и склонностях исследователей к данной теме, так как и личный интерес часто находит объяснение в условиях общественной жизни. Так, характерно, что значительное количество работ дворянских и буржуазных исследователей, посвященных крестьянскому закреплению, появилось накануне отмены крепостного права и в последующее за буржуазными реформами 60-х гг. XIX в. время. Очевидно, внимание к проблеме истории крестьянства диктовалось общественно-политическими интересами. В условиях революционной ситуации 1859—1861 гг., в обстановке развертывания крестьянского движения, когда царизм готовил отмену крепостного права сверху, историки, являвшиеся сторонниками буржуазных реформ, отражали свои взгляды в работах о прошлом русского крестьянства.

Интерес к крестьянскому вопросу усиливается и в начале XX в. Актуальность этой проблемы в данное время определялась тем, что крестьянство начинало играть активную роль в революции.

Таким образом, можно сделать вывод, что не только исторические взгляды, но и проблематика исследования связана с политическим мировоззрением и общественными интересами историков, меняющимися в зависимости от условий социальной жизни.

Тем самым мы подходим к большому и важному вопросу о партийности исторической науки, а следовательно, и о партийности историографии, которая изучает развитие исторической науки.

В высказываниях целого ряда буржуазных историков, философов, социологов и дореволюционного времени, и современных неоднократно подчеркивается, что наука, которой они занимаются,— это наука надклассовая, беспартийная, беспристрастная и объективная. Этот тезис нельзя признать верным.

В. И. Ленин писал в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм»: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борючимися партиями по сути дела, прикрываемой геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм»¹.

Это ленинское положение подтверждается и материалом, относящимся к зарубежной буржуазной историографии новейшего времени. Так, итальянский философ и историк Кроче, выступая с позиций крайнего идеализма, отрицает возможность научного отбора для исторического исследования объективно существовавших фактов. «Так как факт,— указывает он,— является историческим лишь постольку, поскольку он мыслится, и так как вне мысли ничего не существует,— вопрос о том, какие факты являются историческими, а какие неисторическими, совершенно лишен смысла»². Истина в исторических исследованиях познается не в результате изучения реального документального материала в целях выяснения объективных закономерностей общественных явлений, а путем привнесения «внутреннего опыта» историка («история требует от нас истины, почерпнутой из нашего внутреннего опыта») ³. Высказываясь в духе открытого субъективизма, Кроче считает, что история как творение человеческого сознания создается под влиянием интересов современности. «Практическая потребность, на которую опирается любое историческое суждение, придает истории черты «современной истории», так как она всегда (независимо от того, к каким древним временам относятся хронологические факты) касается современных потребностей, современного положения»⁴.

Те же мысли излагаются в «президентском адресе», прочитанном в 1931 г. на собрании американского общества историков Карлом Бекером. История, по его мнению, «является продуктом воображения, личным делом; каждый из нас ее формулирует на основе своего индивидуального опыта, приспособляя к своим практическим либо эмоциональным потребностям и приукрашивая соответственно своему эстетическому вкусу»⁵. При этом Бекер подчеркивает, что практические

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

² В. Гросе. Theory and History of Historiography, 1921, p. 108. Цит. перевод, данный в журнале «Коммунист», № 16, 1955, стр. 72.

³ В. Гросе. Die Geschichte als Gedanke und als Tat, 1944, S. 37. Цит. по журналу «Коммунист», № 16, 1955, стр. 73.

⁴ В. Гросе. Die Geschichte als Gedanke und als Tat, 1944, S. 41. Цит. по журналу «Коммунист», № 16, 1955, стр. 73.

⁵ The American Historical Review, vol. XXXVII, № 2, 1932, p. 227—228. Цит. по журналу «Коммунист», № 16, 1955, стр. 78.

потребности, в соответствии с которыми творится история, под-сказываются теми запросами, которые выдвигает перед историками современная им действительность («история есть продукт субъективного творчества, обусловленный современностью») ¹.

В «президентской речи», произнесенной в том же обществе перед историками США председателем общества К. Ридом в 1949 г., — в выступлении, имевшем программный характер, сторонникам необходимости и важности познания объективной исторической истины противопоставляется мировоззрение, которое «видит прошлое попросту как проекцию идей, интересов настоящего на нагроможденные данные удерживаемого в памяти опыта» ².

Политический смысл всех приведенных субъективистских высказываний заключается в попытке поставить историческую науку на службу интересам империалистической буржуазии. В качестве примера исторического произведения, в котором практически решается такая задача, можно назвать книгу русского белоэмигранта М. Т. Флоринского, которая появилась в Америке, на английском языке под заглавием «Россия. История и ее истолкование». Бросается в глаза это чрезвычайно претенциозное название. Флоринский преследует цель дать своего рода философию истории России, претендуя на беспристрастность объяснения ее прошлого. Он рассматривает историческое развитие России с IX в. (длительная история восточных славян до IX в. опускается) и до 1918 г., посвящая этому два тома объемом в полторы тысячи страниц.

Политическая направленность произведения Флоринского определяется тем, что, начиная с первых же страниц, оно посвящено по существу обоснованию ответа на вопрос — неизбежен ли большевизм? — прямо поставленный в конце книги в главе под таким названием. Вначале Флоринский излагает исторический процесс внешне как будто бы беспристрастно, но весь текст подводит читателя к защищаемой автором мысли о том, что Октябрьская революция, осуществленная под руководством большевистской партии в России, представляет собой историческую случайность, а, следовательно, переход к социалистическому обществу — совершенно не обязательный результат развития ряда других народов. Книга Флоринского подчинена навязчивой идее доказать, что вовсе не все народы должны идти по революционному пути, который

¹ The American Historical Review, vol. XXXVII, № 2, 1932, p. 234. Цит. по журналу «Коммунист», № 16, 1955, стр. 78.

² The American Historical Review, vol. LX, № 2, 1950, p. 275. Цит. по журналу «Коммунист», № 16, 1955, стр. 78.

ведет к ликвидации классового общества, да и Россия могла бы пойти иным путем. Поскольку доказать этот тезис посредством объективного исследования нельзя, Флоринский прибегает к ряду фальсификаций, к подмене исторических фактов, в частности, относящихся к деятельности В. И. Ленина.

Таким образом, знакомство с рядом произведений зарубежной историографии свидетельствует о партийности истории. В настоящее время, в условиях раскола мира на две системы, эта партийность проявляется все более неприкрыто. В то же время в современной зарубежной историографии имеются и передовые направления, представители которых способствуют прогрессу исторического знания.

В противоположность историографии, обслуживающей запросы империалистической буржуазии, партийность марксистско-ленинской исторической науки совпадает с подлинной научностью, так как интересы пролетариата как единственного последовательно революционного класса требуют познания объективной закономерности исторического развития. Поэтому партийность марксистско-ленинской науки несовместима с подделыванием истории, ее фальсификацией, а предполагает изучение объективных законов развития общества, поскольку они создают условия для ликвидации эксплуататорского строя и перехода к социализму. Дело науки заключается в том, чтобы познать эти законы и овладеть ими в интересах пролетарской революции и строительства социализма. Таким образом, изучение истории дает возможность научного предвидения и действия. Знанием объективных закономерностей общественной жизни руководствуются в своих действиях Коммунистическая партия и Советское правительство.

Если партийность марксистско-ленинской исторической науки определяется тем, что она ставит своей задачей овладение объективными законами общественного развития в целях революционного действия и переустройства общества, очевидно, историография должна показать, как в ходе изучения истории, в борьбе передовых и реакционных направлений, раскрывались отдельные стороны исторического процесса, как расширялись и углублялись предпосылки для установления законов общественной жизни, как марксистско-ленинская теория одержала победу над буржуазной идеологией. Изучение процесса познания общественных закономерностей, борьбы марксистско-ленинской науки с наукой буржуазной делает историографию таким же партийным участком исторического фронта, каким является и сама историческая наука.

Распространение марксизма-ленинизма произвело революционный переворот в исторической науке, но из этого нельзя

сделать вывод, что следует отказаться от буржуазного наследия в области общественных наук и начать изучать историю совершенно заново. Такого рода нигилистическое отношение к буржуазной историографии было бы неправильным. Ее положительные итоги нужно усвоить, хотя и следует вскрывать классовую сущность, политический смысл, показывать ограниченный характер буржуазных исторических построений, вести борьбу с реакционными концепциями.

Во-первых, в буржуазной историографии было накоплено большое количество фактического материала. Возвращаясь к примерам, приведенным выше, но рассматривая их несколько в другом плане, следует отметить, что в обобщающих трудах С. М. Соловьева или Н. М. Карамзина систематизировано значительное число документальных данных, собрано много важных сведений самого разнообразного характера. Этот материал надо использовать.

Во-вторых, буржуазные историки выпустили большое количество изданий исторических источников. Так, например, русский археограф П. М. Строев был инициатором археографической экспедиции 30-х гг. XIX в., которая объездила большие пространства России, посетила ряд монастырей, являвшихся хранилищами документов, и собрала значительное число рукописей. В результате этой экспедиции было издано много памятников письменности, и к этим изданиям обращаются советские историки.

Конечно, к дореволюционным публикациям исторических источников надо подходить критически, учитывая, что общественно-политические условия отражаются не только на исторических исследованиях, но и на изданиях документов.

Сам выбор текстов для издания обусловлен общественно-политическими отношениями эпохи. Значительная часть документов в дореволюционное время не могла быть издана из-за цензурных препятствий. При царизме, особенно до революции 1905 г., почти не публиковались, например, материалы, относящиеся к революционному движению. Издавались главным образом памятники официального, правительственного происхождения. Так, во второй половине XIX в. в России существовало Историческое общество, которое выпускало «Сборники» исторических источников. Таких «Сборников» было издано значительное количество, и в них помещено много полезного материала. Но Русское Историческое общество, имевшее официальное происхождение, отличалось консервативно-охранительными тенденциями, и его деятельность отвечала интересам и запросам царизма. Поэтому Общество печатало документы главным образом по внешнеполитической

и политической истории. Когда же возник вопрос относительно публикации таких материалов, как указы в Екатерининскую комиссию по созданию нового Уложения 1767 г., отражавшие требования различных сословий, то вопрос об этом вызвал много сомнений, издание задержалось и не было осуществлено полностью.

Но, несмотря на известную тенденциозность подбора памятников в ряде дореволюционных изданий, многие из них являются вкладом в историческую науку.

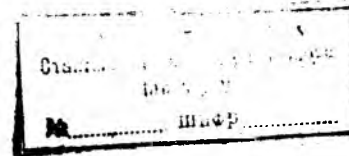
Многое было сделано в буржуазной историографии и в области разработки техники источниковедения, приемов и методов анализа источников разных типов. Интересный пример в этом отношении представляют труды одного из крупных дореволюционных русских историков — историка литературы и языка А. А. Шахматова. Его труды появились в период империализма — в конце XIX и в начале XX в. По своим политическим взглядам он был кадетом. Целый ряд исторических построений Шахматова неприемлем. Но разработанные им приемы изучения летописей (методика сличения отдельных списков и реконструкции на их основе несохранившихся летописных сводов, принципы датировки и т. д.) обладали значительным совершенством. Эта методика источниковедческого анализа должна быть отнесена к числу достижений буржуазной историографии.

Наконец, буржуазные историки оставили некоторые верные наблюдения, относящиеся к отдельным сторонам исторического процесса.

Следует всегда иметь в виду указание В. И. Ленина о том, как нужно правильно подходить к решению проблемы буржуазного научного наследия. В. И. Ленин называл, например, буржуазных экономистов периода империализма «приказчиками» капиталистов, так как они в своих работах сознательно или бессознательно выполняли политический заказ буржуазии. Но в то же время Ленин подчеркивал, что надо уметь отсечь в этих работах их реакционную тенденцию и извлечь из них то полезное, что может быть переработано в интересах марксистской науки¹.

При этом подход к буржуазной историографии должен быть историческим. Изучать ее надо в развитии, различая периоды ее поступательного роста и упадка. Так, западно-европейской буржуазной историографией времени ее подъема был не только накоплен большой фактический материал, но и сделаны некоторые важные наблюдения, касающиеся общественного развития. Например, французские буржуазные

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40; т. 14, стр. 328.

историки начала XIX в. Гизо, Минье, Тьери исходили в своих исследованиях из признания классовой борьбы и пытались показать ее проявление в событиях английской революции XVII в. и французской революции XVIII в. Маркс в своем письме к Вейдемейеру в 1852 г. говорит, что он не считает своей заслугой открытие существования классов и классовой борьбы. Новое, что доказал Маркс, должно быть сведено, по его словам, к трем пунктам: во-первых, что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; во-вторых, что борьба классов необходимо ведет к диктатуре пролетариата и, в-третьих, что сама эта диктатура составляет переход к уничтожению всяких классов, к бесклассовому обществу¹. Это была революционная теория, но революционный скачок, осуществленный марксизмом, был подготовлен предшествующим развитием науки и практики.

При изучении истории исторической мысли в России необходимо учитывать взаимодействие идей, развиваемых представителями различных общественных классов и групп, с теми идеями (философскими, политическими, историческими), которые высказывались в трудах, появлявшихся в других странах Запада и Востока. Как наряду с историей отдельных стран и народов и на ее основе наука стремится к изучению закономерностей всемирно-исторического процесса, в котором различные народы занимают свое место, так и историография должна определить то место, которое принадлежит исторической науке, развивавшейся в разных странах, в разработке истории как своей страны, так и всемирной. Но было бы неверно проблему взаимодействия исторических идей и представлений рассматривать в плане их простого заимствования историками разных национальностей друг у друга. Определенные идеи, зародившиеся в одной стране, могут быть восприняты в другой лишь в том случае, если для этого имеются материальные предпосылки, соответствующим образом подготовленная общественная среда, если они отвечают интересам и потребностям определенных классов и социальных групп. При этом восприятие зарубежных идей бывает обычно не механическим, они перерабатываются в соответствии с условиями национальной общественной жизни.

В то же время у каждой нации есть свои научные достижения, в том числе и в области историографии. Отказ от них и попытка растворить их в общем «всемирно-историческом» идеологическом потоке означает отход на космополитические

позиции. Это столь же неверный путь изучения развития историографии данной страны, как и рассмотрение ее в отрыве от историографии других стран и народов.

При построении курса историографии важно остановиться на общих принципах периодизации развития исторической науки в России. Прежде всего, в развитии историографии (как в России, так и в западноевропейских странах) выделяются два больших периода: домарксистский и период появления и распространения марксизма. Где же лежит грань между этими двумя периодами в России? Задавая этот вопрос, нужно исходить не из того, когда впервые появились русские переводы трудов Маркса, а из того, когда распространение марксизма привело к революционному перевороту в науке и к краху буржуазной историографии.

Изложение основных вопросов марксизма дал в своих трудах Г. В. Плеханов. Знаменитая книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» сыграла громадную роль в развитии философии диалектического материализма. Плеханов начал борьбу по идейному разоблачению народничества. Он указал на рабочий класс как главную силу, способную сокрушить самодержавие в России. Большое теоретическое значение имели высказывания Плеханова о народных массах как решающей силе в истории. Плеханов правильно указывал, что роль личности в истории определяется тем, в какой мере она выражает объективные закономерности исторического процесса. Однако Плеханов еще не завершил идейного разгрома народничества. Плеханову был присущ ряд ошибочных взглядов, которые явились зародышем его последующих меньшевистских ошибок.

Задачу соединения марксизма с рабочим движением решил В. И. Ленин. Время с середины 90-х гг. XIX столетия — после того, как появились работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», — можно назвать марксистско-ленинским этапом в изучении истории вообще и истории России особенно. Это — новый период в развитии русской исторической науки.

Нет возможности перечислить все то, что было внесено новым Лениным в историческую науку. Ленин завершил идейный разгром народничества. Он раскрыл теоретическую несостоятельность и реакционную сущность буржуазной историографии периода ее кризиса. Ленин установил закономерности и особенности развития России при феодализме, капитализме и в эпоху империализма — как высшей стадии капиталистического развития. Ленину принадлежит характеристика военно-феодалного империализма в России. В его работах получила

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. Госполитиздат, 1953, стр. 63.

оценку история рабочего класса, его борьбы за пролетарскую революцию, история социалистической революции.

Ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции приобрел мировое значение. Это дает основание для деления русской историографии на два указанных периода.

Следующий период в развитии исторической науки в России открывается Великой Октябрьской социалистической революцией. Методологические основы советской исторической науки были разработаны классиками марксизма-ленинизма. В настоящее время советская историческая наука получила международное признание, хотя у нее еще очень много недостатков и пробелов, требующих восполнения.

Переходя к периодизации процесса развития историографии в эпоху феодализма, следует, прежде всего, выделить время до XVIII в., когда еще нельзя говорить об исторической науке, можно лишь ставить вопрос о развитии исторических знаний, о первых попытках объяснения исторического прошлого. Основным видом исторических произведений являются летописные своды (отсюда существующее в литературе условное выражение — «летописный период русской историографии»). В объяснении исторических событий господствует религиозная точка зрения (провиденциализм). Народные взгляды на историю находят отражение в памятниках устного творчества, проникающего широкими струями и в феодальную литературу.

Период до XVIII в. можно разбить на несколько этапов. Первым этапом является время существования раннефеодального Древнерусского государства (X — начало XII в.). Наиболее крупное историческое произведение (летописный свод) этого времени — «Повесть временных лет» поднимает большую тему о происхождении Русской земли.

Второй этап — это феодальная раздробленность (XII — конец XV в.). В это время в исторических памятниках, возникших в отдельных русских княжествах и землях, находили выражение интересы местных феодальных центров. Но в то же время представление о единстве Руси не исчезло. С объединением русских земель вокруг Москвы, летописные своды общерусского значения становятся проводниками идеи ликвидации политического раздробления и создания единого государства, обосновывая тем самым задачи политики великокняжеской власти.

Третий этап — это время развития исторических знаний в Русском централизованном государстве. В исторических произведениях этого времени обосновывается идея создания сильной централизованной феодальной монархии.

С XVII в. начинается новый период в общественно-экономи-

ческой и политической истории России. Наряду с усилением крепостничества наблюдаются новые социально-экономические явления в жизни страны. Идет процесс складывания всероссийского рынка. Появляются первые мануфактуры. Начинается формирование русской нации. В условиях ликвидации пережитков политической раздробленности, развития экономических связей и обострения классовых противоречий создаются предпосылки для складывания абсолютистского государства. Все это находит отражение и в области идеологии, в частности в историографии XVII в. Летописная форма изложения исторического прошлого постепенно изживает себя. Появляются новые виды исторических произведений. Наряду с церковной идеологией в исторических трудах появляются элементы рационализма в объяснении событий прошлого. Расширяется проблематика исторических трудов. Увеличивается круг читателей, в частности из среды посадского населения. Появляется потребность в учебной книге по русской истории.

XVIII век выделяется как следующий важный период в развитии дворянской историографии. Характерной чертой историографии этого времени является постепенный отказ от религиозной точки зрения в трактовке исторических явлений и попытка их научного понимания с позиций рационалистической философии XVIII в. По словам Энгельса, в XVIII в. «знание стало наукой, и науки стали совершеннее, т. е. пригнули, с одной стороны, к философии, с другой — к практике»¹. Выдающимся представителем передовой дворянской историографии первой половины XVIII в. был В. Н. Татищев, которому принадлежит опыт построения сводного труда по истории России. Находясь еще под воздействием летописной формы изложения событий исторического прошлого, он, однако, сделал значительный шаг вперед в обобщении исторического материала. В XVIII в. появляются труды передового представителя исторической мысли, внесшего большой вклад и в изучение целого ряда других наук, — М. В. Ломоносова. В работах И. Н. Болтина поднимается вопрос об общих явлениях в истории России и стран Западной Европы.

В XVIII в. происходит борьба различных направлений в дворянской историографии. Представителем ее консервативного крыла был М. М. Щербатов, выходец из среды дворянской аристократии. По своим историческим взглядам он является прямым предшественником Н. М. Карамзина.

Большую роль в разработке истории, особенно ее источниковедческих основ сыграл просветитель Н. И. Новиков.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 348.

Наряду с трудами дворянских историков в конце XVIII в. зарождается буржуазная историография.

Появление трудов А. Н. Радищева означало зарождение революционно-дворянской историографии, получившей дальнейшее развитие в работах декабристов, противопоставлявших свое понимание исторического прошлого консервативно-охранительной концепции Карамзина.

В заключение остановимся на трудах по русской историографии. Из буржуазных историков значительное внимание вопросам историографии уделял С. М. Соловьев. Первым обобщающим трудом, посвященным русской историографии, была книга М. О. Кояловича: «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Книга выросла из курса лекций Кояловича, которые он читал в Петербургской Духовной Академии. Хронологически курс обнимает материал, начиная с древнейших былин и кончая историческими трудами 80-х гг. XIX в. Книга построена в субъективистско-идеалистическом плане. Автор исходит из мысли о том, что «в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших, голых фактов». Задачу своего труда автор видит в том, чтобы разобраться «в разного рода субъективизмах по изучению русской истории». «Собственный субъективизм» Кояловича заставляет его признать наиболее приемлемой теорией «русский субъективизм» славянофилов¹.

В 1898 г. вышла книга П. Н. Милюкова. «Главные течения русской исторической мысли». Милюков — буржуазный историк, приват-доцент Московского университета, впоследствии один из главных организаторов кадетской партии, председатель ее центрального комитета, лидер империалистической буржуазии, после Февральской революции министр иностранных дел Временного правительства. Милюков умер за границей в эмиграции.

В основу книги Милюкова легли лекции, которые он читал в Московском университете. Книга осталась незаконченной: оборвалась на I томе. Она посвящена раннему периоду в развитии исторической мысли в России, будучи доведена только до 40-х гг. XIX в.

Общее идеалистическое мировоззрение Милюкова определяло и его подход к изучению развития исторической мысли. Историю идей он рассматривает в отрыве от истории общественного развития. Незаконно противопоставляя теорию и

¹ М. О. Коялович. История русского самосознания. СПб., 1884, стр. VI—VII, IX.

практику, теоретические предпосылки научного исследования и его объективные результаты, Милюков говорит, что предметом его книги является «не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направлявшие ее теоретические побуждения...», причем эти побуждения зарождались «большую частью далеко от собственной сферы нашей науки...»¹.

После Октябрьской революции вопросами историографии занимался М. Н. Покровский. Ему принадлежит популярная книга: «Классовая борьба и русская историческая литература» (М., 1923): Под редакцией М. Н. Покровского выпущен двухтомный сборник статей, посвященный буржуазной историографии XIX—XX вв.: «Русская историческая литература в классовом освещении» (т. 1—2, М., 1927—1930). Эти труды имели значение для критики буржуазной историографии, раскрытия ее классовой сущности. Но Покровскому был присущ известный нигилизм в отношении дореволюционной историографии: так он считал, что через 15—20 лет уже перестанут читать как С. М. Соловьева, так и В. О. Ключевского.

Попытка создать обобщающий курс русской историографии с древнейших времен до Октябрьской революции принадлежит Н. Л. Рубинштейну, который читал указанный курс в течение ряда лет в Институте философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ), а затем в Московском университете. Им написана на основе этих лекций книга «Русская историография» (М., 1941). Достоинством книги Н. Л. Рубинштейна является то, что это — первый опыт рассмотрения развития исторической науки с марксистско-ленинских позиций. Но книга Рубинштейна вызвала и ряд критических замечаний в печати. Ее недостатком является то, что борьбе передовых и реакционных идей автор не уделяет должного внимания. Н. Л. Рубинштейн дает главным образом разбор трудов представителей официальной дворянской и буржуазной историографии (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и др.). Революционное направление в историографии остается почти вне поля его зрения. Он не рассматривает исторические взгляды А. Н. Радищева, декабристов, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и т. д. Поэтому развитие исторической мысли в изображении Рубинштейна часто носит характер плавного процесса. Он не подчеркивает в должной мере, что распространение марксизма произвело революционный переворот в науке и что марксистская историческая наука в России развивалась в упорной борьбе с буржуазной историогра-

¹ П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, т. 1, М., 1898, стр. 2.

фией. Иногда в книге проводится идея постепенного внедрения марксизма в буржуазную историографию, переоценивается роль иностранных влияний на русскую историческую мысль часто без должного показа органических корней ее развития.

В настоящее время вышел первый том коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР», являющегося реализацией части большого замысла Академии наук СССР — выпустить монументальные труды, посвященные развитию всех отраслей науки в дореволюционной России и в Советском Союзе.

Опубликованный под редакцией М. Н. Тихомирова том «Очерков»¹ рассматривает историографию феодальной эпохи (примерно до 1861 г.). Второй том будет посвящен развитию исторической науки при капитализме и третий том — историографии советского периода. Большим достоинством «Очерков» является то, что в них рассматривается не только русская историческая наука, но и историография других народов СССР.

¹ См. *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. I. М., 1955.

Рекомендуя этот труд в качестве общего пособия, мы не делаем на него специальных ссылок в отдельных лекциях.

Благодарю О. В. Орлик за помощь в сверке цитат.

Лекция вторая

ИСТОКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (X — начало XII в.)

В результате длительного процесса общественного развития восточного славянства к IX—X вв. сложилась древнерусская народность, отличающаяся относительным единством языка, территории, культуры.

Процесс классовообразования и возникновение феодализма у восточных славян привели в IX в. к образованию раннефеодального Древнерусского государства с центром в Киеве. Постепенно расширяясь, оно включило в свой состав значительную часть славянских и неславянских земель Восточной Европы и заняло выдающееся место среди других средневековых государств.

В тяжелой длительной борьбе с кочевниками русский народ отстаивал независимость своей страны. На основе народного творчества, в условиях взаимодействия со странами Запада и Востока развивалась русская культура.

Образование древнерусской народности и возникновение раннефеодального государства — это те важнейшие явления русской истории, которые дали толчок осмысливанию как народом, так и господствующим классом феодалов исторического прошлого, появлению и развитию исторических знаний.

Истоки исторических знаний и представлений нужно искать не в памятниках письменности, а в устном народном творчестве, в котором народ отразил собственное восприятие выдающихся событий своей истории и которое восходит к очень дав-

нему прошлому. Но судить о характере и содержании устного народного творчества (исторических преданий, легенд, былин, песен и т. д.) мы можем в значительной степени на основании сохранившихся письменных источников, в которых оно нашло отражение. Так, в составе летописного свода начала XII в. — «Повести временных лет» — до нас дошел богатый материал народной словесности, насыщенный изображением памятных событий из далекого прошлого родной земли.

Основной темой народных преданий служит борьба с иноземными захватчиками. Героями этой борьбы являются выходцы из трудового народа. В качестве примера можно привести летописный рассказ о нашествии на Русь в 992 г. печенегов. Согласно легенде, печенежский князь вызвал на единоборство русского «мужа». Князь Владимир Святославич кликнул клич по всему своему лагерю, желая найти такого «мужа», «ниже бы ся яль с печенежином» (который бы сразился с печенегом). На призыв Владимира откликнулся один старец, который привел к нему своего сына — ремесленника, выделывавшего кожи, юношу небольшого роста («бе бо середний телом»), не внушавшего страха своим внешним обликом. Его противник из лагеря печенегов, напротив, был страшен на вид («бе бо презелик зело и страшен»). Он встретил насмешками юношу-кожемяку. Однако последний победил врага в единоборстве, после чего печенеги обратились в бегство («и печенежи побегоша, и Русь погнаша по них секуще и прогнаша я») ¹.

Обычно в народных исторических сказаниях основной является мысль о том, что настоящий героизм присущ простым людям, хотя и невзрачным на вид, но проявляющим подлинную отвагу и умение побеждать в решительных боевых схватках. В то же время победа достигается не только храбростью и силой, но и свойственной русским людям смекалкой. Этой идеей проникнут, например, летописный рассказ об обороне от печенегов Белгорода в 997 г. Осада города печенежскими ордами затянулась. Вече уже вынесло решение о сдаче Белгорода. Тогда какой-то старец предложил выкопать колодцы и наполнить их — один болтушкой для киселя, другой — сытой из меда. Затем призвав печенегов в Белгород, горожане показали им оба колодца и предложили снять осаду, ибо она все равно бесполезна, так как осажденные обеспечены пищей на долгое время. Обманутые печенеги ушли восвояси ².

Народное творчество подчеркивает на исторических при-

мерах, что героизм простых людей заключается в их кровной связи с народом, который дает им силу. Такова идея летописного рассказа о храбром «отроке», пробравшемся вплавь по Днепру из осажденного в 968 г. печенегами Киева на другой берег, чтобы предупредить находившихся там воинов о необходимости прийти на помощь к «киевлянам». Действия смелого «отрока» достигают успеха, потому что они находят поддержку народа, потому что ему помогают «людые», а он помогает им ¹.

В народном сознании защита родной земли — это защита ее сел и городов, полей и пастбищ, плодов труда русских крестьян. Народные исторические представления отражают летописный рассказ 1093 г. о половецком нашествии, в результате которого запустели города и села («города вси опустеша, села опустеша»); стали тощими поля, где когда-то паслись стада коней, овец и волов («прейдем поля, иде же пасома бша стада конь, овця и волове, все тыще»); заросшие нивы сделались прибежищем диких зверей («ноне видим, нивы поростыше зверем жилища быша») ².

Сознание единства древнерусской народности пробуждает в народе чувство необходимости обороны родины, ибо нашествия захватчиков грозят самому его существованию. Замечательная по лиризму и по глубокому патриотическому чувству картина, народная по своему происхождению, запечатлена на страницах летописи под 1093 г. Половцы подожгли город Торческ и увели в свои вежи многочисленные семьи русских людей. И вот идут они по чужой стране измученные, печальные, страдающие от стужи, голода и жажды («стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде»), с осунувшимися лицами, почерневшим телом («опустневше лица, почерневше телесы»), с воспаленными языками, голые и босые, с ногами, израненными тернием («языком испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены тернем»). Со слезами рассказывают пленники друг другу: «Я жил в таком-то городе», а «я — выходец из такого-то села» («со слезами отвещеваху друг к другу, глаголюще: «Аз бех сего города», и други: «Яз сея вси») ³.

Судя по сохранившимся в письменных памятниках отрывкам народного творчества, народ представлял себе прошлое своей родины образно. Облик родной земли выступал перед ним в виде возделанных его трудом сел и городов, цветущих нив, пасущихся на лугах стад скота. Нападения на Русскую

¹ Повесть временных лет, ч. 1, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 84—85, 283—284.

² См. Повесть временных лет, ч. 1, стр. 87—88, 286—287.

¹ См. Повесть временных лет, ч. 1, стр. 47—48, 244—245.

² Там же, стр. 146, 347.

³ Там же, стр. 147, 348.

землю врагов рисовались в виде пожарищ, в огне которых гибли города и села; пепелищ и руин на местах, где прошли вражеские полчища. Образ пленника-скитальца на чужбине довершал картину горя, причиненного стране вторжением иноземных захватчиков. Героика борьбы с ними воплощалась в облике отважных и разумных выходцев из народа, «отроков» и «старцев», сохранявших с народом тесную связь. Такое историческое мировоззрение восходило к отдаленному прошлому восточного славянства.

В процессе общественного развития и классообразования в результате выделения военных вождей и возникновении вокруг них дружин, с появлением первых политических объединений (как переходных форм от союзов племен к раннефеодальному государству) наряду с общенародным творчеством создается дружинный эпос. Он также нашел отражение в памятниках раннефеодальной письменности и рисует развитие исторических представлений в дружинной среде.

Для дружинного эпоса характерна идеализация храброго князя, близкого по своему образу жизни к дружинникам, делившего с ними все тяготы походной жизни. Такими чертами рисуется князь X в. Святослав, храбрый как барс («как пардус»), проводивший жизнь в постоянных войнах, питавшийся кониной, говядиной или «звериной», зажаренной на углях, спавший на земле, подстлав под себя потник, положив седло под голову. В этой характеристике особенно подчеркивается, что князь ничем не отличался от простых воинов («также и прочии вои его вси бяху») ¹.

В дружинной поэзии «свои» князя противопоставляются чужим. «А наши князи добри суть», — говорят послы от древлян княгине Ольге ². В летописи сохранились предания о своих «княжениях» у полян, древлян, дреговичей, новгородских словен, полочан и т. д. ³, а также об отдельных князьях (Кие, который «княжаше в роде своем», древлянском князе Мале и т. д.).

С развитием феодальных отношений одной из форм исторической традиции становятся устные предания, связанные с деятельностью отдельных феодальных фамилий. Так, сохранились в летописной записи рассказы воеводы Вышаты и его сына Яня (XI в.).

Трудно точно датировать время появления на Руси письменности. Во всяком случае она уже существовала в первой половине X в., о чем можно судить по текстам договоров рус-

ских князей с Византией и по надписи на глиняном сосуде, найденном в Гнездове под Смоленском.

Древнейшими сохранившимися письменными трудами исторического характера были летописные своды — исторические произведения, в которых в основу изложения положена хронологическая сетка (сначала указывается год — «лето», а затем описываются случившиеся в этом году события). Источниками летописных сводов послужили самые разнообразные литературные материалы, в том числе, очевидно, отдельные погодные записи (летописи), составлявшиеся, по-видимому, преимущественно в монастырях, а также при митрополичьей кафедре, впоследствии при княжеских дворах.

Древнейшим из дошедших до нас летописных сводов является «Повесть временных лет», сохранившаяся в составе более поздних летописных сводов (XIV—XV вв.), из которых она выделяется довольно свободно. Памятник этот относится к началу XII в., его автором был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, труд которого подвергся впоследствии редакции монаха Выдубицкого монастыря Сильвестра и других лиц.

К «Повести временных лет» возможен подход с разных точек зрения. Во-первых, она представляет большой интерес как памятник языка и литературы, поэтому в любом курсе истории древнерусской литературы «Повесть временных лет» занимает почетное место. Во-вторых, «Повесть временных лет» подвергается изучению как исторический источник. И, наконец, к ней можно подойти как к историческому произведению.

При изучении «Повести временных лет» в качестве исторического источника перед исследователем стоит задача раскрыть процесс ее составления, выяснить, какие памятники лежат в ее основе, какие более ранние летописные своды ей предшествовали и в какой мере они были переработаны при включении в состав «Повести», а в конечном итоге установить, насколько данными «Повести» можно пользоваться при изучении истории Древнерусского государства, подвергая эти данные соответствующей критике.

В источниковедческом и историко-литературном плане над текстом «Повести временных лет» работали многие ученые как до Октябрьской революции, так и в советское время. Достаточно указать труды А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и др. В настоящее время можно считать установленным, что «Повесть временных лет» является не первым летописным сводом. Сделана попытка путем сопоставления текста «Повести» с памятниками новгородского летописания (сохранившегося в ряде списков, причем древнейший из известных списков восходит к XIII в.) и другими литератур-

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 46, 244.

² Там же, стр. 40, 238.

³ Там же, стр. 13, 209.

ными произведениями, раскрыть содержание более ранних летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет» и даже предположительно реконструировать их тексты. Обычно считают, что уже до «Повести временных лет» существовало четыре летописных свода. Это так называемый Древнейший киевский свод (его составление относят к 30—40-м гг. XI в., хотя есть точка зрения, что он появился еще в конце X в.); Новгородский свод 50-х гг. XI в.; свод, обработанный в Киево-Печерском монастыре, по-видимому, в 70-х гг. XI в., и свод Начальный (составленный также в Киево-Печерском монастыре предположительно в 90-х гг. XI в.). Тексты названных утраченных сводов в разной мере нашли отражение в «Повести временных лет».

Не касаясь этих достоверно не известных летописных сводов, в основу дальнейшего изложения мы положим реально дошедший до нас текст «Повести временных лет». Рассматривая ее как памятник историографии, как произведение исторической мысли, необходимо осветить несколько вопросов.

Во-первых, надо выяснить, какие исторические представления о прошлом Русской земли были у автора «Повести временных лет», как он мыслил историю своей родины и как ее объяснял, какие идеи положил в основу своего труда.

Второй вопрос, тесно связанный с первым, это вопрос о том, каковы философские основы и политический смысл тех взглядов на прошлое, которые высказывает автор «Повести», с каких классовых позиций он выступает и какими идеологическими средствами эти позиции защищает.

В-третьих, важно установить, какой исторический материал использовал автор «Повести временных лет» для того, чтобы обосновать развиваемые им исторические идеи, ибо всякие идеи и представления о прошлом раскрываются на конкретных исторических фактах. Задача выяснения источниковедческих основ исторических взглядов летописца, конечно, отлична от задачи анализа «Повести временных лет» как исторического источника.

Последний, четвертый вопрос заключается в том, как автор подходил к своим источникам, каковы были его приемы их использования. Это вопрос о методах обработки исторического материала, методах еще наивных, примитивных, характерных для исторического знания средневековья, однако содержащих уже элементы критического отношения к источнику.

Прежде чем переходить к рассмотрению поставленных вопросов, следует коснуться тех оценок, которые даются в советской литературе произведениям летописного типа, в частности «Повести временных лет» как памятнику исторической мысли. В этом отношении существуют две противоположных точки

зрения. Первая из них, на мой взгляд, неправильная, высказана в работах Н. Л. Рубинштейна и И. П. Еремина.

Коротко сущность взглядов названных авторов можно свести к следующему: памятники летописания, летописные своды не являются, строго говоря, произведениями историографии, так как излагаемые в них факты группируются лишь в чисто хронологической последовательности, нанизываются механически один на другой, причем между ними отсутствует причинно-следственная связь.

Н. Л. Рубинштейн свою точку зрения на летописание высказал прежде всего в книге «Русская историография». Он указывает, что в местных летописях «голая хронологическая последовательность целиком заменяет вопрос об исторической связи»¹. В другом месте Н. Л. Рубинштейн пишет: «Каждый летописец осуществляет фактическое авторство лишь в отношении небольшого отрезка летописи, описанного им в качестве современника. Отсюда чисто механическое соединение отдельных частей в сложном памятнике, который мы называем летописным сводом. Механическим объединением отдельных частей и является летописный текст вплоть до XV в.»². Таким образом, по мысли Н. Л. Рубинштейна, каждый летописец записывал лишь ограниченный ряд событий, совершавшихся при его жизни, располагая их хронологически и не улавливая между ними иной взаимосвязи, кроме соотношения во времени. Летописный же свод представляет собой лишь чисто искусственное сцепление ряда таких хронологических записей, лишенных внутреннего единства. Если бы действительно так создавались летописные своды, то в них, конечно, трудно было бы найти историческую концепцию за искусственной сводкой отдельных фактов, происшествий, событий, зарегистрированных разными авторами. Но, на наш взгляд, Н. Л. Рубинштейн обедняет содержание летописных сводов как исторических памятников прошлого.

В более поздней своей статье «Летописный период русской историографии» Н. Л. Рубинштейн развивает свою точку зрения на летописные своды в том же направлении. «Летопись,— указывает он,— не только особая форма исторического повествования, но и система исторических представлений, исторического мышления. Формальная связь погодной записи заменяет причинную связь органического развития, поскольку человеческое восприятие останавливается на внешней стороне

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. Госполитиздат, 1941, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

явления, видит лишь внешние проявления и действия, но не может проникнуть в их внутреннее содержание»¹.

Но в названной статье Н. Л. Рубинштейн делает шаг вперед в том отношении, что выделяет из числа других произведений летописного типа «Повесть временных лет» как труд, дающий «более целостное представление о жизни русского народа» по сравнению с более поздними летописными сводами. «...на первом этапе летописания, — пишет Н. Л. Рубинштейн, — мы наталкиваемся на кажущееся глубокое противоречие: он открывается памятниками высокого литературного мастерства, временами даже как бы преодолевающего внутреннюю ограниченность летописной истории, так что последующий этап представляется порой своеобразным упадком по отношению к первому периоду. Именно таким совершенным памятником русского летописания является первая русская летопись «Повесть временных лет», сложившаяся в XI веке»².

Оценка, данная Н. Л. Рубинштейном «Повести временных лет», в данном случае возражений не вызывает. Однако то «противоречие» с характером последующего летописания, которое он указывает, является надуманным и вызвано его общим, по-моему, неверным представлением о летописных сводах как механически составленных компиляциях. Забегая вперед, можно сказать, что и следующие за «Повестью временных лет» летописные памятники вовсе не знаменовали упадка исторической мысли³.

Точка зрения на летописные своды как сцепление изолированных фактов, расположенных в том порядке, в котором они следовали во времени, но подобранных без представления об их причинной связи, развивается и И. П. Ереминым в его книге «Повесть временных лет». Указав, что автор «Повести» излагает события в хронологической последовательности, располагая их под соответствующими датами, И. П. Еремин делает из этого следующий вывод: «Природа такого способа изложения ясна: перед нами ряд фактов, выпавших из своего реального, конкретного в каждом отдельном случае, причинно-следственного контекста...». «Выпадение исторических событий в сознании летописца — и в его изложении — из реального причинно-следственного контекста, — подчеркивает далее И. П. Еремин, — привело и не могло не привести к тому, что основной категорией, в аспекте которой он мог и должен был

рассматривать эти события, стало время»¹. По мнению И. П. Еремина, прошлое в изображении летописца — это «...механический ряд единичных исторических фактов, чередующихся во времени...»². Автору можно возразить, что даже при простой записи фактов летописцем последний должен был производиться какой-то их отбор, а при отборе не мог не руководствоваться каким-то идейным критерием, устанавливающим их взаимосвязь. Игнорирование этого влечет за собой, по-моему, следующую ошибку И. П. Еремина, недооценивающего то обстоятельство, что летописец подходил к прошлому с политических позиций.

И. П. Еремин приводит слова А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова о политической направленности летописания, высказывая мысль, что они неправильно представляют себе образ древнерусского летописца. «Действительный летописец, каким он рисуется нам на основе реально дошедшего до нас текста «Повести временных лет», ничего общего с ним (с этим образом, нарисованным А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым) не имеет; он неизмеримо проще, он не так хитер, не так обуреваем «политическими страстями...». Он, вопреки общепринятому мнению, гораздо ближе к пушкинскому Пимену; «не мудрствуя лукаво», правдиво описывал он все, что знал, что считал необходимым рассказать; стоя в стороне от междукняжеских распрей и осуждая их, он (летописец) в политической борьбе своего времени... занимал свою независимую позицию... скорее моралист, чем политик, по умонастроению, он написал свою «Повесть» по собственной инициативе, — как выразитель общественного мнения «земли Руской...»³.

По-моему, И. П. Еремин делает шаг назад по сравнению с А. А. Шахматовым, который утверждал, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы...»⁴. Шахматов был представителем буржуазной историографии, он не мог раскрыть классовой сущности взглядов летописца, охарактеризовать «Повесть временных лет» как памятник феодальной идеологии, но он понимал, что летописец подходил к историческому прошлому с политическими оценками, понимал, что «Повесть временных лет» — это произведение исторической и политической мысли. Мало реален облик летописца, воссоздаваемый И. П. Ереминым, летописца,

¹ Н. Л. Рубинштейн. Летописный период русской историографии. Уч. зап. МГУ, вып. 93. М., 1946, стр. 4.

² Там же, стр. 6—7.

³ Там же, стр. 7.

¹ И. П. Еремин. «Повесть временных лет». Л., 1947, стр. 52.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 38.

⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XVI.

писавшего о распри князей, но якобы стоявшего от них в стороне. Отвлеченная «правдивость» автора «Повести временных лет», его «мораль», оторванная от «политики», его особая «позиция» в обстановке развернутой политической борьбы, его роль как выразителя «общественного мнения» всей Русской земли,— все эти абстрактные категории, которыми оперирует Еремин, затушевывают классовый смысл мировоззрения летописца.

Другое направление в советской историографии, как мне кажется, открывает правильный путь к рассмотрению «Повести временных лет» как памятника исторической мысли. Так, в статье Б. Д. Грекова «Первый труд по истории России», посвященной «Повести временных лет», последняя рассматривается как историческое произведение, в котором осмысливается процесс образования Древнерусского государства¹. Д. С. Лихачев в статье «О летописном периоде русской историографии», подвергая анализу «Повесть временных лет» и другие летописные своды, полемизируя с Н. Л. Рубинштейном и И. П. Ереминым, убедительно доказывает, что «летописец, несомненно, имел известные представления о причинно-следственной связи событий. В своих исторических разысканиях он стремился доискаться «начала» каждого исторического явления, будь то происхождение Руси, происхождение славянской грамоты или начало того или иного феодального междоусобия, начало того или иного социального волнения»². В вышедшем первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» «Повесть временных лет» охарактеризована как «выдающееся историческое произведение, проникнутое общей идеей — дать историю Руси в связи с историей славян, конечно, с классовых позиций господствующих феодальных кругов»³.

Приведя историографическую справку о том, как в советской литературе стоит вопрос о летописных сводах как памятниках исторической мысли, перехожу к рассмотрению тех четырех моментов, которые были намечены в отношении «Повести временных лет»: 1) исторические идеи автора; 2) политические и философские основы этих идей; 3) источники, которыми пользовался автор, и 4) приемы их обработки.

Исторические идеи «Повести временных лет» вытекают непосредственно из самой темы этого произведения. Полное

название «Повести временных лет» такое: «Се повесть временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача перве княжити, и откуда Руская земля стала есть»¹. Таким образом, в «Повести» выдвинута большая историческая тема о происхождении и становлении Русской земли. Под «Русской землей» имеется в виду как страна, населенная древнерусской народностью, так и сама древнерусская народность (русский народ), наконец, Древнерусское государство. Основная историческая идея, которая пронизывает «Повесть временных лет» — это идея единства Русской земли и русского народа. Конечно, речь идет о народе не в значении трудовых народных масс, речь идет об единстве древнерусской народности как этнического целого (в рамках единого государства), об относительном единстве ее языка (при наличии диалектов), территории, культуры.

Характерной чертой «Повести временных лет» как исторического произведения является то, что в представлении автора прошлое Русской земли тесным образом соприкасается с ее настоящим, а отношение автора к настоящему служит исходной предпосылкой для описания и объяснения прошлого.

Автор выступает идейным борцом за независимость родины и под этим углом зрения рассматривает историю Русской земли.

Он начинает свой рассказ с расселения народов мира, затем переходит к славянским племенам, специально рассказывает о восточных славянах, указывает территорию их распространения, дает их этнографию (описание быта и нравов), подчеркивает различие между восточнославянскими (русскими) племенами («се бо токмо словенск язык в Руси») и племенами нерусскими, но Руси подчиненными («а се суть инии языци, иже дань даютъ Руси») ², затем рассказывает о том, как образовалась Русская земля. Это — прошлое, которое рисует автор «Повести временных лет». Когда же он говорит о настоящем Русской земли, когда рассказывает о том, как на нее нападают кочевники (печенеги, половцы и т. д.), он поднимает голос в защиту единства Руси. Его задача как историка — показать, как сложилось единство Русской земли, его цель как политика — вести идейную борьбу за сохранение этого единства. Слова, обращенные к князьям: «Почто вы распри имата межи собою? А погании губять землю Русьскую» ³, — предвосхищают тот призыв к объединению, который позже прозвучит в «Слове о полку Игореве».

¹ См. Б. Д. Греков. Первый труд по истории России. Исторический журн., № 11—12, 1943, стр. 57—67.

² Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. «Вопросы истории», № 9, 1948, стр. 34.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, стр. 56.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 9.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 143.

Подчинение исторических разысканий летописца запросам современности видно и из рассказа об обращении в 1097 г. киевлян к Владимиру Мономаху и другим князьям с просьбой не «погубить» Русскую землю своими усобицами. Современным князьям противопоставляются их «отци» и «деди», «стяжавшие» Русскую землю «трудом великим и храбрством»¹. Пример прежних князей должен был, по мысли летописца, остановить их потомков от междоусобной борьбы, способствующей ослаблению Руси.

Идея единства Русской земли провозглашалась с позиций феодального класса, автор являлся представителем феодалов и защищал их интересы, но эта идея была передовой, как передовым был и сам класс феодалов в то время. Идея единства Русской земли отражает процесс формирования древнерусской народности на основе слияния отдельных восточнославянских племен и утверждения феодализма.

Другая историческая идея, которую раскрывает «Повесть временных лет», — это идея единства славянства, близости русского народа к другим славянским племенам и народам. Эта идея нашла особенно четкое воплощение в одном утверждении, которое мы встречаем в летописи: «...а словеньский язык и русский одно есть...»². Слово «язык» в данном случае означает «народ». Таким образом, автор «Повести» подчеркивает, что русский народ — это одно из ответвлений славянства, что он связан в своем историческом развитии с другими славянскими народами.

Не случайно «Повесть временных лет», которая посвящена специальной теме становления Русской земли, дает краткие исторические сведения также о южных и западных славянах. Автор «Повести» называет «мораву», чехов, хорватов, сербов, хорутан, ляхов (поляков) и т. д. и подчеркивает их этническую общность («бе един язык словенск») ³.

В плане типично средневековых представлений «Повесть» разбирает вопрос о происхождении отдельных славянских народов. Постановка этого вопроса важна с точки зрения характеристики состояния исторической мысли того времени. Автор «Повести» развивает идею, что первоначально славяне селились по Дунаю, там, где в его времена были расположены земли Угорская (т. е. Венгерская) и Болгарская⁴. Оттуда славяне разошлись по другим местам и разбились на ряд племен и народов, получивших свои особые названия.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 174.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 11, 21.

⁴ Там же, стр. 11.

Попытка проследить общую историю восточных, южных и западных славян и вывести русский народ из единого славянского корня не являлась случайной. Эта тема была выдвинута в «Повести» потому, что русский народ был действительно тесно связан с другими славянскими народами и исторически, и с точки зрения современных для автора «Повести временных лет» событий. Во времена летописца восточных и южных славян объединяла, в частности, борьба с Византией. Идея необходимости борьбы против попыток византийского правительства подчинить славян своему господству, обусловленная соответствующей международной обстановкой, была политически остра и вызвала со стороны летописца ряд экскурсов в прошлое славянства.

При объяснении происхождения славянских племен и народов автор «Повести» прибегает к характерным для средневековых книжников трактовкам. Он пытается дать ответ на вопрос — откуда получили отдельные славянские племена и народы свои названия, после того, как они разошлись с места их первоначального поселения, и связывает эти названия прежде всего с географическими наименованиями новых поселений: «...разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте...» («...разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте») ¹. Так, название «поляне» якобы произошло от того, что это племя восточных славян обитало в полях, «древлянами» стали называться славяне, поселившиеся в лесах, слово «полочане» произошло от имени речки Полоты и т. д. ² Иногда автор «Повести» производит племенные наименования от имен легендарных исторических деятелей, например, названия «радимичи» и «вятичи» — от имен Радим и Вятко ³. Но за всеми этими объяснениями, подобными тем, к которым прибегали и другие средневековые книжники, лежит представление об общности происхождения славян.

«Повесть временных лет» подчеркивает не только этническое единство славянских народов, но и единство славянской письменности. Автор «Повести» специально ставит вопрос о происхождении славянской письменности, рассказывая о деятельности Кирилла и Мефодия на территории Моравии, среди западных славян. В плане своих религиозных представлений автор подчеркивает, что Мефодий был преемником апостола Андроника, являвшегося в свою очередь учеником апостола Павла. Последний же, как и Мефодий, побывал

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 11, 207.

² Там же, стр. 11, 23.

³ Там же, стр. 14.

в Моравии. «Там же,— читаем в «Повести»,— находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне». («Ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое»). На основании всего этого в «Повести» делается вывод, что, поскольку апостол Павел является учителем славянских народов, а Русь — это ветвь славянства, постольку апостола Павла надо считать учителем и русского народа («...тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск») ¹. Такова в церковном преломлении мысль о том, что письменность ряда славянских народов имеет общие корни.

Судя по заглавию «Повести временных лет» («...кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть»), летописец не отделяет тему истории Русской земли от темы образования государства, появления у славян политической власти. Автора «Повести временных лет» как выразителя феодальной идеологии прежде всего интересовала не история трудового народа, народных масс, а происхождение государственной власти и княжеской династии. Поэтому он большое внимание уделяет вопросу о возникновении Древнерусского государства с центром в Киеве.

Первоначальной формой общественного строя «Повесть» считает «род» («подем же жившем особе и володеющем роды своими», «и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим») ². Первоначальная форма политической власти — это, по «Повести», «княженье» какого-либо «рода», подчинившего себе другие «роды». Так, Кий, Щек и Хорив княжили над полянами, а после их смерти «держати почаша род их княженье в полях, а в деревьях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде...» и т. д. ³. Общественная жизнь отдельных «родов» регулировалась «обычаями», «законами отцов», «преданьями». Автор «Повести», ссылаясь на византийскую хронику Георгия Амартола, отличает письменный закон («исписан закон») от обычаев, которые люди, не знающие закона, воспринимали как предание, полученное от отцов («...закон безаконником отечестве мнится») ⁴. Тем самым автор «Повести» выступает сторонником утверждения письменного «закона» (феодалного права).

Господство «родового» строя летописец, идеолог раннефео-

дального государства, расценивает как время усобиц, постоянных столкновений между отдельными «родами» («...вста род на род и быша в них усобице...») ¹, время ослабления восточных славян и подчинения одной их части (новгородских словен, смоленских кривичей) — варягам, другой (полян, северян, вятичей) — хазарам. Для прекращения усобиц, по мысли летописца, было необходимо объединить славянские «роды» под властью князей, призванных со стороны. По рассказу автора «Повести временных лет», новгородские славяне и другие северные племена призвали трех варяжских князей братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора. Два последних князя умерли, а Рюрик сделался единовластцем («и прия власть»). Затем два его «мужа» (Аскольд и Дир) завладели Киевом. После смерти Рюрика наследник его «княженья» в Новгороде Олег напал со своими войсками на Киев, убил Аскольда и Диру и укрепился в Киеве, сделав его столицей: «Се буди мати градом русьским», — якобы сказал Олег ².

Такова концепция образования Древнерусского государства, содержащаяся в «Повести временных лет», которая дала основание ученым говорить, что ее автор является родоначальником «норманской теории». В то же время исследователи летописи установили, что легенда о призвании варягов отсутствовала в некоторых более ранних летописных сводах, что рассказ «Повести временных лет» не может служить достоверным историческим источником для решения проблемы происхождения Древнерусского государства.

Не поднимая сейчас вопроса об образовании Древнерусского государства в целом, а касаясь лишь взглядов на этот вопрос «Повести временных лет» и вдумываясь в вышеприведенный летописный рассказ, по-моему, можно сказать, что смысл его заключается в том, что инициаторами создания государственности на Руси являются сами славяне, хотя для прекращения междоусобиц они и были вынуждены призвать пришлых князей.

В самом деле, летописная легендарная повесть начинается не с призвания варяжских князей, а с изгнания славянами насильников-варягов, обложивших их данью: «...изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети...». Далее говорится о том, что у славян начались усобицы. «И реша сами в себе: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву» ³. По идее «Повести» славяне ищут такого князя, который соблюдал бы «правду». Насилию со стороны варягов противопоставляется идея права.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 23, 219.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 14—15.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 18.

² Там же, стр. 18—20.

³ Там же, стр. 18, 214.

Основная мысль, которую проводит «Повесть временных лет», такова: государство возникло тогда, когда у славян появилась нужда в правопорядке, и славяне осознали это. Классовая сущность этой концепции заключается в том, что обосновывается необходимость феодальной государственности, законность правящей княжеской династии, добровольность ее признания народом.

«Повесть временных лет» — это памятник высокого патриотизма, она проникнута национальной гордостью. Одним из проявлений этого патриотизма является стремление связать историю русскую и славян вообще с историей мировой, с тем, чтобы показать значение Руси в истории других европейских стран и народов.

Происхождение Руси автор «Повести временных лет» показывает на фоне истории народов мира. Делает он это опять-таки в плане средневекового, религиозного мышления, воспроизводя известные библейские легенды о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя, а также о вавилонском столпотворении, в результате которого люди стали говорить на разных языках, и таким образом произошли различные народы. Начинается «Повесть» с этнографического очерка, посвященного размещению в разных частях земли разных народов, причем указываются те водные пути, которые связывают восточных славян с другими странами¹.

Тему международного значения Руси автор «Повести» поднимает в рассказе о принятии христианства князем Владимиром Святославичем. В «Повести» рассказывается, как к Владимиру являлись из разных стран представители различных вер и исповеданий: у него были проповедники мусульманства (из Волжской Болгарии), иудейства (из Хазарии), католицизма (из Рима), православия (из Византии). Владимир беседовал с ними, а затем сам отправил посланников в различные страны для того, чтобы проверить, какое вероисповедание является более приемлемым. По возвращении посланников, Владимир выслушал их в присутствии бояр и остановил свой выбор на православии².

Рассказ об испытании вер, ставя своей целью пропаганду христианства как официальной религиозной идеологии раннефеодального государства, в то же время подчеркивает международную роль Древнерусского государства, с которым считаются различные страны, и самостоятельность его правительства, для которого принятие православия было делом свободного выбора.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 9—12.

² Там же, стр. 59—75.

Тема международного значения Древнерусского государства имела для автора «Повести временных лет» особое значение при рассмотрении русско-византийских отношений. Византия претендовала на политическое главенство над Русью, а средством к политическому подчинению Древнерусского государства Византийской империей являлось подчинение церковное. Автор «Повести временных лет», напротив, подчеркивает независимость Руси от Византии. Эта мысль звучит и в рассказе о принятии христианства не по указанию из Византии, а в результате самостоятельного решения Владимира по совету с боярами. Согласно «Повести», Владимир на предложение принять крещение, сделанное ему греческим философом, ответил: «...пожду и еще мало», «...хотя испытати о всех верах». Бояре и «старцы градские» также выразили недоверие к словам греческого философа («веси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить») и посоветовали ему «испытати гораздо» и «кто како служить богу», а лишь затем выносить решение. Политическая тенденция этого рассказа, направленного на утверждение национальной независимости Руси, не подлежит сомнению.

Интересна еще одна легенда, помещенная в «Повести временных лет» и по своему содержанию политически заостренная против Византии. Еще задолго до крещения князя Владимира, бог якобы отметил русский народ как народ избранный. Это — легенда о пребывании на Руси апостола Андрея.

Согласно летописному рассказу, апостол Андрей, прибыв из Синопа в Корсунь, узнал, что недалеко от Корсуни находится устье Днепра, и захотел отправиться в Рим. Он приплыл в Днепровское устье и оттуда отправился вверх по Днепру. Случайно пристав к берегу, где возвышались горы, Андрей сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияет благодать божья; имать град велик быти и церкви многи бог въздвигнути имать». («Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет великий город и воздвигнет бог много церквей»). Имеется в виду высказанное якобы Андреем пророчество, что на этом месте возникнет Киев, что он будет крупным политическим центром и центром православия. Далее в летописи говорится, что апостол взошел на горы, благословил их, поставил на них крест и, помолясь богу, отправился далее вверх по Днепру¹.

Летописец как бы хочет сказать: Византии нет основания гордиться, что именно оттуда пришло на Русь христианство. Напротив, русский народ может гордиться тем, что он избран

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 12, 208.

богом. Это — в церковном преломлении идея международного значения Руси.

Из всего вышеизложенного видно, что исторические взгляды автора «Повести временных лет» связаны не только с его политическими представлениями, но и с определенным философским (религиозным) мировоззрением. Господствующей богословской идеей, пронизывающей «Повесть временных лет», является идея провиденциализма. Она сводится к тому, что все явления общественной жизни, так же как и природные явления, обусловлены божественным промыслом, подчинены божьей воле. Подобное же мировоззрение характерно и для составителей средневековых западноевропейских хроник. В общественной жизни происходит борьба двух начал — доброго и злого. Все доброе идет от бога, все злое — от дьявола. Борьбой этих двух начал и объясняются исторические события.

Но было бы неправильно лишь ограничиться указанием на то, что автор «Повести временных лет» является носителем подобного миросозерцания. Важно раскрыть, как в плане богословского миросозерцания он рассматривает различные факты прошлого. Подходя с этой точки зрения к «Повести», можно заметить, что богословские рассуждения обслуживают классовые задачи летописца.

Разберем помещенный в «Повести» под 1071 г. интересный рассказ о движении смердов в Ростовской области и на Белозере. Согласно летописи, это движение было возглавлено волхвами. Летописные данные позволяют думать, что перед нами антифеодальное выступление под религиозной оболочкой. Имея социальную направленность, оно содержало и протест против новой (христианской) религии, освящавшей своим авторитетом феодальный строй. Летописец же изображает акт серьезной классовой борьбы прямолинейно и односторонне как борьбу язычества с христианством. Перед рассказом о выступлении смердов «Повесть» помещает длинную сентенцию о том, какое вредное влияние оказывают на действия людей бесы: они подстрекают людей на зло, а потом насмеваются, свергнув их в пропасть смертную («...беси бо подъятокше на зло вводятъ; посем же насмисаються, ввергыше и в пропасть смертную...») ¹. Действия смердов автор и объясняет «бесовским наущеньем». Таким образом, идея борьбы добра и зла в его трактовке приобретает чисто классовое содержание. Выступление против богом установленной власти, против богом заведенного порядка, — каким является феодальный порядок, — есть проявление бесовского вмешательства.

Описанию восстания в Киеве в 1068 г. в летописи также

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 117, 317.

предшествует длинное рассуждение о том, что «усобная жерать бываетъ от соблажненья дьяволя» ¹.

Д. С. Лихачев считает, что «в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозно-дидактические комментарии, сказывался... средневековый этикет писательского ремесла...». Думаю, что дело здесь не просто в этикете. Дело в том, что богословская трактовка событий представляет собой их оценку с позиций господствующего класса. Думается, что следует учитывать это обстоятельство, говоря о «расхождении» религиозных представлений, провиденциализма летописца «с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка», о «внешнем присоединении» им «своих религиозных толкований тех или иных событий к деловитому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях» ². Богословское мировоззрение органически присуще летописцу, оно накладывает отпечаток на всю его концепцию, что вовсе не исключает конкретности, образности и жизненности сделанных им отдельных исторических зарисовок, его практического подхода к действительности.

Переходя к вопросу об источниках «Повести временных лет», можно выделить среди них несколько основных групп. Первую группу составляют памятники устного народного творчества: сказания, песни, легенды и т. д. Особая ценность «Повести временных лет» как исторического произведения заключается в том, что, несмотря на церковное, религиозное мировоззрение автора, в основе многих его рассказов лежит исторический материал, передаваемый устно в народной среде. Эти памятники устной народной словесности используются летописцем для воссоздания героического прошлого Руси. Многие предания, включенные в летопись, политически целенаправлены и летописец приводит их в целях обоснования идеи независимости родины.

Одно из таких преданий говорит о том, как восточные славяне в свое время были покорены аvaraми (обрами). Как известно, некоторые историки связывают с борьбой славян против аваров факт создания первого политического объединения в Прикарпатье — союза восточнославянских племен во главе с дулебами-волынянами. Б. Д. Греков считал возникновение этого союза начальным моментом в истории образования государства на Руси. «Повесть временных лет» рассказывает, что обры «воеваху на словенех, и примучиша дулебы,

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 112.

² Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии, «Вопросы истории», № 9, 1948, стр. 40.

сущая словены, и насилье творяху женам дулебским». («Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилье женам дулебским»). Если обрин собирался куда-нибудь ехать, то он не позволял запрягать для себя коня или вола, а приказывал впрячь в телегу несколько славянских женщин. Далее летописец говорит, что несмотря на то, что обры были велики телом и горды умом; бог истребил их всех до одного: «...быша бо обре телом велици и умомъ горди, и бог потреби я, и помроша вси, и не остае ни един обрин». Отсюда,— заканчивает свой рассказ летописец,— пошла на Руси поговорка: «погибоша аки обре» («сгинули как обры») ¹.

Ссылка на бога — это проявление свойственного летописцу провиденциализма. Но основная идея рассказа, народная в своей основе, заключается в том, что вот были когда-то обры, они мучили славян, но все погибли; славяне же непобедимы, славянские народы свергнут всех, кто покусится на их независимость. Такая мысль пронизывает летописный рассказ, наполненный образами народного творчества.

Другой пример обращения летописца к памятникам устной словесности представляет легенда, вспоминаящая то время, когда ряд славянских племен находился в зависимости от хазар. В «Повести» говорится, что после смерти трех братьев (Кия, Щека и Хорива), княживших у полян, последних стали притеснять древляне и иные соседи. В это время хазары сказали полянам: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, согласились давать хазарам от дыма (очага) по мечу. Хазары рассказали своему князю и своим старейшинам: «Се налезом дань нову». Хазарские старцы на это сказали: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сих оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах». («Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдо-острое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель»). «Се же сбысться все,— подчеркивает в заключение летописец,— не от своей воля рекоша, но от божья повеленья» ².

Здесь перед нами опять сочетание мотивов народного творчества с богословской сентенцией, свойственной летописцу. Рассказ о дани хазарам — это одно из преданий из героического народного цикла. В нем звучит мысль, что славяне непобедимы, ибо даже в тот момент, когда они находились

под игом хазар, меч, предложенный ими завоевателям в качестве дани, служит эмблемой того, что они не прекратят борьбы за свое освобождение и добьются его. В заключение этого рассказа идет осмысление его автором «Повести временных лет» в плане присущего ему богословского мировоззрения.

Некоторые рассказы записаны в летописи со слов отдельных лиц, которые хранили в своей памяти воспоминания о прошлом. Так, автор «Повести» говорит, что он «многа слова слышах» от «старца» Яня, сына воеводы Вышаты, «еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах» ¹. Под 1096 г. в «Повести временных лет» помещен рассказ, услышанный летописцем от новгородца Гюряты Роговича («се же хоцю сказати, яже слышах... яже сказа ми Гюряты Роговичь новгородець...») ² о народах севера (югре и самояди).

Кроме устной традиции, в «Повести» были использованы и памятники письменности. Таковы предшествующие летописные своды, а также отдельные повести, например о крещении Руси, о князьях Борисе и Глебе, убитых их братом Святополком, и пр. Таким образом очевидно, что в Древней Руси был известен не один только вид исторических произведений — памятники летописания; наряду с летописями, создавались также отдельные сказания, посвященные специальным темам русской истории и иногда включавшиеся в летописные своды. В составе летописи дошло до нас «Поучение» князя Владимира Мономаха своим детям.

Особую разновидность литературных произведений, попадавших в летописные своды, представляют повести о княжеских междоусобиях. Д. С. Лихачев называет их обличительными повестями о княжеских преступлениях ³.

Эти повести рисуют картины феодальных войн и хорошо показывают то зло, которое причиняли постоянные княжеские смуты населению. Но их цель заключалась не в том, чтобы просто дать материал для внимательного чтения, они служили своеобразными документами в политической борьбе. По указанию какой-либо из участвовавших в этой борьбе сторон составлялась соответствующая повесть, которая и являлась обвинительным актом в отношении другой стороны.

Рассказы о феодальных войнах отличаются стремлением к детальности в изображении фактической стороны дела. Это объясняется не просто желанием дать живой рассказ читателю, а особым назначением повестей как обвинительных доку-

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 186.

² Там же, стр. 167.

³ См. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 215.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 14, 210.

² Там же, стр. 16, 213.

ментов. Автор должен был стремиться к убедительности изложения, стараться писать так, чтобы его произведение оставляло впечатление документального текста, полностью воспроизводящего реальную канву событий.

Образцом исторического повествования может служить повесть об ослеплении теребовльского князя Василько Ростиславича по приказанию князя Святополка Изяславича в 1097 г.

Княжеские конюхи получили предписание ослепить Василько. Летопись описывает, как после сопротивления он был связан, как положили ему на грудь доску, по обеим концам которой сели убийцы. Оказалось, что одной доски мало для того, чтобы удержать князя. Тогда убийцы положили ему на плечи вторую доску и снова сели на нее, отчего грудь у Василько «захрустела» («яко персем троскотати»). Затем князь получил удар ножом в лицо. Первый удар не достиг цели: лицо было поранено, но глаза остались целы. При этом летописец подчеркивает, что эти раны и до сих пор видны у князя на лице. Он хочет сказать, что можно проверить правдивость его рассказа. Наконец Василько получает удар ножом по глазам. Описание этого акта необычайно конкретное: «И посем удари и в око, и изя зеницю, и посем в другое око, и изя другую зеницю. И том часе бысть яко и мертв» («И затем... (убийца) ударил его в глаз, и вынул глаз, и потом ударил в другой глаз и вынул его. И Василько лежал в то время, как мертвец») ¹.

Подробность, детальность рассказа должны были служить гарантией его правдивости. Это не значит, что такие повести были действительно всегда правдивыми. Как раз, наоборот, в большинстве случаев они являлись весьма тенденциозными. Но тем важнее для автора было придать своему изложению характер объективности. И это достигалось в известной мере самым стилем исторического повествования.

Своеобразной чертой этих повестей является также их психологизм. Автор не просто описывает княжеские междоусобицы, но стремится убедить читателя в том, что одна из сторон в этих междоусобицах является правой, а другая виновной. Чтобы внушить эту мысль, он прибегает к всевозможным литературным средствам, к мотивировкам психологического характера. Поэтому наряду со стремлением к точному изложению фактического материала повестям о княжеских преступлениях присуща известная эмоциональность. В них содержатся рассуждения о правоте или неправоте отдельных князей, об их достойном или недостойном поведении и т. д. Это опреде-

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 173, 375. См. Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 215—219.

ляет тенденциозность изложения. Летописные повести о княжеских преступлениях отражают настроения и интересы отдельных феодальных группировок в их борьбе. Это политически острые произведения.

В качестве особой группы источников «Повести» следует назвать переводные памятники византийской литературы. В некоторых случаях в тексте «Повести» на них имеются прямые ссылки.

Из переводных византийских источников автор «Повести временных лет» использовал Хроники Георгия Амартола («Безгрешного», т. е. монаха), Иоанна Малалы (через какой-то Хронограф особого состава), «Летописец вкратце», константинопольского патриарха Никифора, «Житие Василия Нового» (описание похода на Константинополь киевского князя Игоря) и т. д.

В русской историографии была довольно распространенной точка зрения, что русское летописание сложилось под влиянием византийских хроник, что «Повесть временных лет» возникла путем дополнения русской переделки хроники Георгия Амартола событиями отечественной истории. Эту точку зрения нельзя признать правильной. Но знание автором «Повести временных лет» переводной византийской литературы несомненно. При этом он пользуется ею в той мере, в какой она помогает ему обосновать определенные идеи или же полнее раскрыть те или иные исторические факты. Так, рассказывая о том, что славянские племена руководствовались обычаями, «законом» и «преданьями» своих отцов, автор «Повести» ссылается на хронику Георгия Амартола, в которой проводится мысль, что каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай ¹.

В составе «Повести временных лет» до нас дошли договоры Руси с Византией (X в.), не сохранившиеся в отдельном виде. Очевидно, автор получил эти тексты от киевского князя. Следовательно, можно думать, что он писал свой труд, руководствуясь в какой-то мере указаниями княжеской власти, и «Повесть временных лет» представляет собой памятник историографии, использующий официальный документальный материал.

Очень интересно, что автор «Повести временных лет», наряду с устной традицией и памятниками письменности ссылается в качестве источника на вещественные остатки старины, на материал историко-географический и топонимический (названия местностей, урочищ и т. д.).

Приведу для примера выдержку из летописи, рисующую

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 15, 211.

политику княгини Ольги: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани...» («Отправилась Ольга к Новугороду и установила по реке Мсте погосты и дани...»). Погосты — это административные пункты сбора дани. «Ловища ея суть по всей земли...», т. е. известны места, где она останавливалась и охотилась. «...и сани ее стоять в Плескове (Пскове) и до сего дне, и по Днепру перевесища (места для ловли птиц) и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе»¹. Автор, очевидно, видел или слышал о всех этих реликвиях, связанных с именем Ольги. Конечно, сейчас нет надобности ставить вопрос о том, в какой мере достоверны данные летописи. Может быть, те сани, о которых идет речь, в действительности не принадлежали Ольге, лишь легенда связывала их с ее именем. Но важно, что автор «Повести временных лет» в подтверждение своего рассказа прибегает к ссылкам на вещественные остатки старины, так как время Ольги для него уже было стариной.

Интересно также летописное предание об Олеге. Автор «Повести» приводит легенду о его смерти якобы от укуса змеи и затем пишет: «...и погребоша его на горе, еже глаголется Щековица, есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова» («...и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олегавой»)². Следовательно, до времени летописца сохранилась какая-то могила, которая была связана с именем Олега, и которую автор «Повести» счел возможным упомянуть в качестве исторического источника.

Автор «Повести временных лет» знал также могилы князей Аскольда и Дира, убитых в Киеве Олегом, князя Игоря, убитого в Древлянской земле, князя Олега Святославича, погибшего во время междоусобной борьбы со своим братом Ярополком³, и т. д.

Внимание к данным топографии видно из следующего описания древнего Киева X в. с точным отнесением отдельных его урочищ к современным летописцу пунктам: «Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града, и бе вне града двор другый, идеже есть двор демьстиков за святою богородицею; над горою, двор тюремный, бе бо ту терем камен»⁴.

Летописец проявляет интерес и к данным топонимики в

других странах, в которых хранились воспоминания о событиях русской истории. Так, он говорит, что по имени киевского князя Кия, побывавшего на Дунае, «и доныне наречють дунайци городище Киевець»¹.

Выше уже отмечалось то внимание, которое уделяет автор «Повести временных лет» вопросам географии и этнографии (быту современных ему племен и народов).

Для характеристики автора «Повести временных лет» как историка важно его отношение к своим источникам. Он воспринимал их с известным недоверием; ссылаясь на эти источники, он делал попытку применить к ним пусть еще чрезвычайно элементарную, но все же известную историческую критику. Так, уже говорилось, что в «Повести» имеется рассказ о Кие, который был князем среди полян. С его именем автор «Повести» связывает построение города Киева. При этом летописец приводит различные известные ему версии о Кие: «Инии же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра...» («Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра...»). Автор «Повести» не соглашается с этой версией и приводит аргумент в пользу того, что Кий был не перевозчиком, а князем: «Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду...» («Однако, если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду»)². Перед нами критическая оценка различных показаний источников и аргументированный отбор наиболее убедительной версии.

Точно так же, упоминая о крещении Владимира Святославича в Корсуни, летописец приводит рассказы, согласно которым крещение произошло в Василеве или Киеве, и отвергает их³. Следовательно, элементы критики, правда, еще целиком подчиненной средневековому мировоззрению летописца, уже присутствуют в «Повести временных лет».

Интересно далее, что автор «Повести» производит хронологические вычисления. Под 852 годом в «Повести временных лет» дается довольно длинный (заимствованный из греческих источников) расчет числа лет, прошедших от Адама до потопа, от потопа до Авраама и т. д. Окончив вычисление продолжительности библейских периодов и приведя даты царствования византийских императоров, летописец переходит к хронологии княжений русских князей.

Известно, что древнейшая хронология «Повести временных

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 43, 241.

² Там же, стр. 30, 227.

³ Там же, стр. 20, 40.

⁴ Там же, стр. 40.

¹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 13.

² Там же, стр. 13, 209.

³ Там же, стр. 77.

лет» недостоверна и требует серьезной критики. В данном случае нас интересует не это, а то, что сам автор «Повести» подходит к историческим событиям с попыткой приурочить их к более или менее точному времени.

Анализ «Повести временных лет» свидетельствует, что это — историческое произведение, в котором не просто механически собраны отдельные факты, а имеется попытка в них разобраться, оценить историческое прошлое Руси в плане того феодального средневекового мировоззрения, выразителем которого был русский летописец. При этом летописец, используя большой круг разнообразных исторических источников, приводил их с известным отбором, давал им свои оценки.

Отмечая наличие большого количества источников, использованных «Повестью временных лет», нельзя, однако, согласиться с Д. С. Лихачевым в том, что летописи — это «не только своды предшествующих произведений, не только своды различных трафаретов писательского «этикета» но и своды идей¹, что летопись «не отражает единого, цельного мировоззрения»². Через устное творчество «Повесть» действительно отразила народный взгляд на историю, но летописец, приводя материал этого творчества, подчиняет его своей исторической концепции.

¹ Повесть временных лет, ч. 2, стр. 43.

² Там же, стр. 48. В этой статье Лихачева дан крайне интересный разбор «Повести временных лет», в том числе и как памятника историографии.

Лекция третья

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(начало XII — середина XV в.)

Период феодальной раздробленности — это время примерно со второй четверти XII в. до конца XV в., когда возникло единое Русское централизованное государство с центром в Москве. В период феодальной раздробленности Русь была разделена на ряд отдельных, в большей или меньшей степени самостоятельных княжеств и феодальных республик.

Раздробление Древнерусского государства было вызвано расширением и углублением процесса феодализации, развитием феодального землевладения в различных частях страны, что приводило к политическому обособлению местной знати. Сопrotивление крестьян обращению их в феодальную зависимость вызывало обострение классовой борьбы, а в целях подавления крестьянских движений правящая знать укрепляла государственный аппарат в отдельных землях. Рост городов как местных феодальных центров в условиях слабого развития экономических связей в стране, где еще полностью господствовало натуральное хозяйство, также способствовал обособлению многих княжеств, получавших известную независимость.

Хозяйственная и политическая изолированность и замкнутость ряда земель сказывалась и в области исторических знаний. В это время появляются исторические произведения не общерусского характера, а местного значения — произведения, посвященные тематике, касающейся отдельных феодальных центров.

Но в то же время сознание единства Русской земли в феодальной историографии не умирало и в период феодальной

раздробленности. Мысль о единстве Руси, о том, что интересы ее защиты от внешних врагов объединяют весь народ, несмотря на разделяющие его политические границы внутри страны, находит свое проявление в тех памятниках исторического характера, которые складываются в это время. Не случайно «Повесть временных лет» в XII в. оказала влияние на летописание Киева, Переяславля Южного, Галича, Владимира Волынского, Новгорода, Владимира-на-Клязьме, Ростова, Переяславля Залесского, Смоленска¹.

Задачей исследователя и является проследить эти две тенденции в развитии историографии: с одной стороны, уловить стремление к политической замкнутости, приводящее к созданию произведений локального характера, посвященных местным историческим сюжетам, а с другой стороны, посмотреть, как идея единства Русской земли преломляется в исторических трудах которые выходят за рамки отдельных изолированных областей и княжеств.

В то же время надо сказать, что поскольку переход к феодальной раздробленности явился результатом закономерного поступательного развития феодального способа производства, постольку и в области идеологии и культуры, в том числе и в области историографии, вызревание и обособление местных феодальных центров было отмечено новыми явлениями прогрессивного характера и в памятниках областных по своему значению. Увеличилось число центров развития исторической мысли. Более многообразными по своему характеру стали исторические труды. Это объясняется тем, что отдельные исторические произведения по своему содержанию и форме отражали особенности социально-экономического, политического и культурного развития тех земель и княжеств, в которых они возникали. При господстве религиозно-церковной концепции в трактовке исторического прошлого более активную организующую роль в создании исторических произведений начинает играть княжеская власть, более отчетливо проявляются в памятниках исторической мысли интересы мелких и средних военных слуг — условных держателей княжеской земли, поддерживавших политику сильных местных князей в борьбе с крупными боярами, а также церковными феодалами. Слышится в исторических памятниках и голос горожан.

Если говорить об идеях общерусского характера, восходящих еще ко времени Древнерусского государства, то надо сказать, что и они на разных этапах периода феодальной раздробленности получали своеобразную историческую интерпретацию, отвечавшую классовым интересам и политическим тен-

денциям правящих групп ряда феодальных центров. Идеологическое обоснование объединительной политики наиболее крупных князей XII—XIII вв. (владимиро-суздальских, галицко-волыньских) давали местные летописные своды, в известной мере претендовавшие на общерусское значение и строившие свое изложение на основе воспринятого из «Повести временных лет» понятия Русской земли. С XIV в., когда центром объединения русских земель делается Москва, идея единства Руси возрождается на иной основе, на основе более значительных экономических и политических связей между отдельными княжествами, в условиях формирования великорусской народности и ее борьбы за независимость с монголо-татарским игом, с наступлением польско-литовских феодалов, с агрессией ливонских рыцарей.

Очень важным является вопрос о взаимоотношении в рассматриваемый период в области историографии устной традиции и письменной записи. Церковный писатель XII в. Кирилл Туровский различает историков двух типов: летописцев-бытописателей, воплощающих исторические события в форме хронологически последовательного изложения, и песнотворцев или витий, преподносящих те же события в устной поэтически образной форме, прославляющих героев прошлого. «Якоже истории (историци) и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приклоняють своа слухы в бывшая между царей рати и ополчения (прислушиваются к происходившим между царями ратям и ополчениям), да украсять словеса слышащая и возвеличать крепко (храбровавшая и) мужествовавшая по своем царю, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчают...» (с тем, чтобы разукрасить средствами художественного слова услышанное и возвеличить и увенчать похвалами тех, кто храбро сражался за своего царя и не дался в сражении врагу)¹.

Если в «Повести временных лет» мы отмечали наряду с рассказами летописца следы устного народного творчества и дружинного эпоса, то в период феодальной раздробленности уже отчетливо выявляется наличие двух жанров исторического повествования: летописи и художественной поэмы с историческим содержанием, образцами которой являются «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Мотивы народного творчества присутствуют в произведениях обоих жанров. Но изложение летописи подчинено строгой хронологической канве, по которой наносится узор исторического повествования. На большом полотне исторической поэмы, широкими мазками

¹ См. Повесть временных лет, ч. 2, стр. 139.

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, под ред. А. И. Пономарева, вып. 1. СПб., 1894, стр. 167.

художника слова, в ярких красках и образах, без соблюдения деталей фактического порядка, воплощается поэтический замысел — прославить героиню прошлого.

В развитии исторических знаний на протяжении с начала XII до конца XV в. выделяются два этапа: 1) XII—XIII вв. и 2) XIV—XV вв., когда шел процесс объединения русских земель вокруг Москвы, происходивший в условиях борьбы с татаро-монгольским игом, и складывалась великорусская народность, выросшая, как и народности украинская и белорусская, из единого корня древнерусской народности, сформировавшейся еще в период древнерусского государства.

Остановимся сначала на историографии первого этапа. Основными историческими произведениями остаются летописные своды. Характерной чертой развития летописания этого времени является то, что складываются новые центры летописного дела. В отдельных городах и княжествах появляются свое местное летописание. Создаются новые летописные своды. Появляются и новые разновидности памятников летописного характера, новые виды летописных произведений.

Это, во-первых, личные и фамильные летописцы отдельных князей, которые составлялись при местных княжеских дворах. Для них характерна известная узость тематики. Если «Повесть временных лет» ставит целый ряд вопросов, касающихся Русской земли в целом, то в этих летописцах времени феодальной раздробленности имеется много мелких сведений, например, о рождении и смерти отдельных князей, о княжеских свадьбах, усобицах, о военных походах и т. д. Когда переходишь от «Повести временных лет» к личным и семейным хроникам, чувствуешь, как снижается тематика общеисторического характера.

Эти летописцы являются памятниками, типичными для периода феодальной раздробленности, когда отдельные князья замыкаются в узкие рамки своих владений, когда повседневным явлением становятся междоусобицы, феодальные войны.

Но в то же время в княжеских летописцах замечается черта, которая с точки зрения развития исторической мысли, исторического знания и повествования заслуживает внимания. Это — сознание исторической ценности личных биографий, своеобразный интерес к личной деятельности, прежде всего и преимущественно, конечно, к деятельности отдельных представителей княжеской власти.

Правда, эта биографичность понимается в узком плане, часто в плане подробностей семейной жизни и фамильных отношений. Но несомненный интерес к биографиям и особая форма семейных летописцев — это то новое, что появляется на

данном этапе развития исторических знаний¹. Такие семейные хроники князей киевских и черниговских сохранились в составе Ипатьевской летописи XV в. (названной так по месту хранения в Ипатьевском костромском монастыре).

Д. С. Лихачев, указав, что ни византийская, ни западноевропейская историографии не знали подобных личных летописцев, видит в них местную особенность «восходящую к устной традиции родовых преданий»². Думаю, что появление такого типа исторических произведений надо объяснять не возрождением устных родовых традиций, а новыми явлениями, связанными с политическим укреплением отдельных местных княжеских линий, вызвавшим потребность зафиксировать их историю. Некоторые из этих княжеских летописцев начинают впоследствии претендовать на значение общерусских.

Другую разновидность памятников летописного типа XII — начала XIII в. представляет Галицко-волынская летопись (известная в составе Ипатьевской летописи). Она уже отстает от обычного приема исторического повествования в пределах определенной хронологической сетки. Необходимость нарушения принципа погодной записи событий в интересах развития исторического сюжета дается в самом тексте Галицко-волинской летописи: «...хронографу же ноужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати передняя, овогда же воступати в задняя: чьтыи мудрыи разоумееть; число же летою зде не писахом, в задняя впишемь»³ (т. е. летописцу необходимо описывать все исторические события, причем иногда забегать вперед, иногда возвращаться назад: пусть разберет мудрый читатель; даты же событий мы здесь не проставляли, впишем их задним числом). И действительно, хронологическая сетка была, по-видимому, введена в Галицко-волынскую летопись дополнительно, в известной мере механически наложена на готовый текст, поэтому даты страдают неточностью.

Галицко-волынская летопись как историческое произведение по форме и содержанию близка к воинским или ратным («трудным» — от слова «труд» в значении воинский «труд» борьба, подвиг) повестям. «Начнем же сказати бещисленныя рати и великия труды, и частыя войны, и многия крамолы и частая востания, и многия мятежи...», — говорит летописец⁴.

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 181.

² Там же, стр. 176.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. II, изд. 2. СПб., 1908, стр. 820.

⁴ Там же, стр. 750.

Значительный раздел Галицко-волынской летописи составляет жизнеописание галицкого князя Даниила Романовича, одного из наиболее крупных русских политических деятелей XIII в. Характерной чертой этого жизнеописания является прославление сильного князя, ведшего борьбу с внешними врагами и той частью крупного оппозиционного боярства, которая пыталась захватить власть в свои руки и при поддержке иностранных феодалов (венгерских, польских и др.) оказывало сопротивление княжеской объединительной политике.

Появление такого рода исторических произведений в XIII в. не случайно, так как в это время в отдельных частях Руси уже намечалась тенденция к политическому объединению в масштабах крупных княжений. Князья, которые вели политику объединения раздробленных земель, опирались на верных им бояр, на мелких военных слуг из числа своих дружинников и на городское население. Разгром противников Даниила из числа крупного боярства летопись изображает как одно из мероприятий, связанных с общей задачей обороны Русской земли от захватов со стороны действовавших в союзе с боярами польских и литовских феодалов, как освобождение населения от «иноплеменных князии державы»¹.

В описаниях военных подвигов Даниила Галицкого, изображаемого летописцем идеальным князем-воином, все время звучит ревность о доброй славе родины среди окружающих государств. Так, рассказывая о походе Даниила на Литву в 1253 г., летопись приводит слова князя к воинам, которые хотели вернуться из похода: «...яко срамоту имеешь от Литвы и от всих земель, аще не доидемь и вратимь...»² (мы срам примем от Литвы и от всех других стран, если не дойдем и вернемся назад).

Галицко-волынская летопись представляет собой памятник, в котором много светского (несмотря на наличие в тексте ряда богословских сентенций). Она проникнута идеей воинской доблести. Так, в летописном рассказе 1254 г. воспроизводится речь Даниила к своим союзникам-полякам: «Почто ужасываете, не весте ли яко война без падших мертвых не бывает, не весте ли яко на моужи на ратные нашли есте а не на жены, аще моужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть, ини же и дома оумирають бе славы, си же о славою оумроша. Оукрепите сердца ваша и подвигнете оружие свое на ратнее»³. (Почему вы страшитесь? Разве вы не знаете, что война не бывает без погибших? Разве вы не знаете, что пришли воевать

с мужчинами-воинами, а не с женщинами? Если муж убит во время рати, то что здесь удивительного? Иные и дома умирают бесславно, а эти со славою погибли. Укрепите сердца ваши и обратите оружие ваше на брань!)

Используя в качестве исторических источников, помимо византийской переводной литературы, какие-то западноевропейские хроники, Галицко-волынская летопись ввела в текст некоторые образы, рисующие взаимоотношения между сеньорами и вассалами. Например, мы находим в этом историческом произведении картину посвящения в рыцари: «...пасаше Болеслав сыны боярьскы мечем многы». Наличие таких картин соответствовало светскому рыцарскому облику Галицко-волынской летописи.

Описывая боярские «крамолы», автор жизнеописания Даниила действовал средствами политической сатиры. Одного боярина Семьюнка он сравнивает с лисицей (по красоте волос): «...безаконный лихий Семьюнко, подобнии лисици чермьности ради»¹. Изменники, вынужденные сдать Даниилу Галич, изображаются летописцем коварными людьми, идущими навстречу князю со слезами на глазах, с ослабленными лицами, лижущими свои уста.

Классовая сущность идеологии Галицко-волынской летописи видна из презрительного отношения к лицам, не принадлежавшим к феодальному классу, людям неблагородного происхождения. Так, в летописи упомянуты «два безаконника от племени смердя»².

Крупным центром летописания в XII—XIII вв. был Владимир-на-Клязьме. Владимирские летописные своды нашли отражение в так называемой Лаврентьевской летописи конца XIV в. (получившей такое название по имени переписчика монаха Лаврентия) и некоторых других. Владимирское летописание, составлявшееся под наблюдением князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, проводит идею о необходимости сильной княжеской власти. Эта идея получает религиозное обоснование. Рассказывая об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г., летописец ссылается на ряд церковных текстов, подчеркивая, что «всяка душа властелем повинуется, власти бо от бога учинени суть» (т. е. каждый человек должен повиноваться властителям, так как власти установлены от бога). Царь по своему земному «естеству» подобен любому человеку, но по власти, присущей его сану, он выступает как бог. Царь не напрасно носит меч, ибо он

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 777.

² Там же, стр. 819.

³ Там же, стр. 822.

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 759.

² Там же, стр. 777, 790. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 247—267.

является божьим слугой. Тот, кто противится царской власти, противится закону божью¹. Подобные богословские рассуждения должны были укрепить авторитет княжеской власти, охранявшей интересы феодального класса, защищавшей его господствующие позиции. Не случайно эти рассуждения приводятся в летописи в связи с описанием народного восстания после убийства Андрея Боголюбского, когда были перебиты его посадник, тиуны, мечники и другие слуги.

На всем княжеском владимирском летописании имеется налет церковности. Это указывает на то, что оно велось при непосредственном участии духовенства (епископской кафедры). Идея провиденциализма пронизывает изложение. Победы владимирских князей во время внутренних междоусобных войн или в войнах с внешними врагами объясняются помощью богоматери, икона которой, якобы написанная евангелистом Лукой, была перенесена из Киева во Владимир-на-Клязьме. Тем самым в религиозном обрамлении проводится политическая мысль о преемстве Владимиром от Киева роли столицы Русской земли и о переходе к князьям владимирским значения великих князей всея Руси.

Но в то же время политическая тенденция великокняжеской власти проявляется во владимирском летописании в осуждении тех представителей духовенства, которые противятся князьям. Эта тенденция видна в летописном рассказе 1169 г. об изгнании богом и святой богородицей из Владимира «злаго и пронырливого и гордаго лестьца, лжаго» владыки Феодорца, который «не восхоте послушати» князя Андрея². Летопись прокламирует, что бог покарал Феодорца «рукою крепкою и мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдиваго и благовернаго князя Андрея»³. Таким образом, в летописи религиозная аргументация используется для укрепления позиций великокняжеской власти в ее борьбе с непокорными церковниками.

Религиозная аргументация приводится летописцем и для обоснования политических прав Владимира на Клязьме как центра Ростово-Суздальской земли. Горожане Владимира поддерживали князей-братьев Андрея Боголюбского — Михалка и Всеволода, продолжавших его политику и стремившихся к усилению княжеской власти путем разгрома непокорного боярства, центрами властвования которого были Ростов и Суздаль. Борьбу между сторонниками и противниками княжеского единовластия летописец изображает как борьбу

«старых» городов (Ростова и Суздаля) и «новых людей мезинных володимерьстних». Рассказав о старинном порядке, согласно которому решение «старейших городов» было обязательно для пригородов, летописец тем не менее не считает правильной линию поведения Ростова и Суздаля — оплота боярского самовластия, ибо они свою «правду», свои интересы противопоставляли «правде божьей», а бог избрал преемниками Андрея Боголюбского, Михалка и Всеволода. В этом «правда божья», которую уразумели «мезиннии» люди-владимирцы¹.

Большой интерес представляет составление в XIII в. во Владимире иллюстрированного (украшенного миниатюрами) летописного свода (до нас не дошедшего)². О характере этих миниатюр можно судить по так называемой Радзивиловской или Кенигсбергской летописи конца XV в. (находившейся одно время во владении Радзивилов, затем поступившей в Кенигсберг, а после Семилетней войны возвращенной в Россию). В Радзивиловской летописи свыше 600 миниатюр (изображающих сцены войн, избрания князей, картины производственной жизни и т. д.). Эти миниатюры являются копиями с более ранних оригиналов.

Иллюстрированные («лицевые», как их называли) летописные своды — это новая разновидность исторических трудов.

Большое развитие летописное дело получило в XII в. в Новгороде, а несколько позднее (с XIII в.) в Пскове. Д. С. Лихачев называет новгородское летописание городским³. Однако этот термин несколько узок и не отражает полностью характера летописного дела в Новгороде, который представлял собой не просто крупный торгово-ремесленный центр, а центр феодальной республики.

Для новгородских летописей характерен интерес к местной тематике. В них содержится значительное число сведений, касающихся чисто новгородских событий — пожаров, стихийных бедствий, неурожая, имеется большое количество упоминаний о явлениях хозяйственной жизни (например, о повышении цен на хлеб и прочие продукты).

Много внимания Новгородские летописи уделяют развитию классовых противоречий, волнениям «черных» людей, народным выступлениям на вече, борьбе на вечевых собраниях между черными людьми и боярами и т. д.

Д. С. Лихачев говорит об известной демократизации новгородского летописания, которая «объясняется общей демо-

¹ См. ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2. Л., 1926, стр. 370.

² Там же, стр. 355.

³ Там же, стр. 357.

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 377, 378.

² См. Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 279, 437.

³ Там же, стр. 197.

кратизацией новгородской общественной жизни, особенно резко сказавшейся после восстания 1136 г.»¹, приведшего к изгнанию из Новгорода князя Всеволода Мстиславича и оформлению Новгородской феодальной республики.

Термин «демократизация» вряд ли удачен, так как власть в Новгороде принадлежала крупному боярству и это не могло не наложить отпечаток на летописные памятники. Но Лихачев правильно видит отражение в Новгородских летописях жизни более широких масс населения, чем одни правящие верхи, освещение роли городского населения в общественном и политическом развитии. Это — своеобразная черта новгородского летописания, которая проявляется именно в данное время. Она объясняется тем, что городское население начинает принимать большее участие в политических событиях. Находки, сделанные за последнее время А. В. Арциховским (грамоты на бересте), показывают высокий уровень культуры городского населения Новгорода и говорят о значительном участии горожан в общественной жизни.

Если тенденция к изоляции в период феодальной раздробленности сообщает известную узость летописным памятникам, то проявление большего интереса к широким кругам населения характеризует дальнейшее прогрессивное развитие русского летописания.

До образования в середине XII в. Новгородской феодальной республики, организующая роль в создании новгородского летописания принадлежала князю. Затем эта роль перешла к новгородскому епископу, крупному феодалу и виднейшему политическому деятелю, принимавшему ближайшее участие в государственных делах. Участвовали в составлении Новгородских летописей и представители приходского духовенства, близкого по своим интересам к ремесленному городскому населению. Таковы священник Герман Воята² и пономарь Тимофей³.

В Новгородских летописях много внимания уделяется взаимоотношению новгородского правительства с князьями. Проводится идея выборности князей, которых призывали на договорных условиях, и если они нарушали эти условия — их изгоняли. При этом призыв или изгнание князей в ряде случаев нарочито изображаются как акты волеизъявления всего народа: «...изгнаша новгородици князя...», «и вознегодоваша новгородци, зане не створи им ряду... и показаша путь...»⁴,

«выведоша из Новагорода князя...»¹. Под 1215 г. в летописи рассказывается, что князь Мстислав Мстиславич «по своей воли» ушел из Новгорода, заявив на вече: «...а вы вольни в князех»². Под 1208 г. говорится о признании владимирским князем Всеволодом Юрьевичем новгородской «воли» и «уставов старых князь», данных Новгороду³. В 1269 г. новгородцы, согласно летописи, заявили князю: «...княже, поеди проче, не хотим тебе; али идем весь Новгород прогонит тебе»⁴.

«Измрем честно за святую Софью», «бог и правда и святая Софья»⁵, «Кде святая Софьи, ту Новгород»⁶ — таковы формулы, утверждающие независимость Новгорода. Софийский собор — политический центр Новгорода, резиденция епископа, эмблема самостоятельности Новгородской феодальной республики.

Народные движения летописец изображает как «котору злу в людех»⁷, «велик мятеж»⁸, «крамолу»⁹; «...инии паки злии челоВЕЦИ почаша добрых людии дома зажигати, кде чююче рожь, и тако разграблывахуть имение их...», — так рассказывает летопись об обострении классовых противоречий во время голода 1230 г., подразумевая под «добрыми людьми» зажиточную социальную верхушку (землевладельцев, купцов), у которых беднота («злии челоВЕЦИ») поджигала дома и грабила имущество.

В то же время летопись, изображая классовую борьбу в Новгороде, в отдельных случаях берет под свою защиту «меньших людей» (плебейские элементы города), осуждая действия «вятших людей (феодалов)». «И бысть в вятших совет зол, како побити меншии, а князя ввести на своеи воли»¹⁰. Стремление к ослаблению классовых противоречий вызывало со стороны летописцев попытку призвать правящие круги Новгорода к социальному компромиссу с «меньшими людьми».

В новгородском летописании нашла изображение одна из важных сторон истории русского народа того времени — его борьба с захватчиками — шведскими феодалами, ливонскими немцами и т. д.

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 34.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Там же, стр. 89.

⁶ Там же, стр. 55.

⁷ Там же, стр. 30.

⁸ Там же, стр. 34.

⁹ Там же, стр. 67.

¹⁰ Там же, стр. 70—71.

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 210—211.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 39, 70. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 197—215.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 29.

Подводя итоги, следует отметить злободневность летописания XII—XIII вв., определяющую деловой, документальный характер летописей. Летопись составляется не только для того, чтобы просто зафиксировать и оценить явления прошлого и настоящего, она возникает не в силу лишь чисто познавательного интереса к событиям современности и истории. Летопись является своеобразным политическим документом. Ведя борьбу за свои политические привилегии с князьями владимирскими, а затем московскими, доказывая свои права на государственный суверенитет, новгородские бояре в качестве документации приводили ссылки на летописные своды. Значит, летописи не были произведениями отвлеченной исторической мысли. Они составлялись с учетом того, что в дальнейшем могут быть использованы в политической борьбе. В более позднее время, в XV в., когда встал вопрос о включении Новгорода в состав Русского централизованного государства, новгородское правительство предъявляло летописи в качестве документа, доказывающего его право на самостоятельное политическое существование.

То же можно сказать и о летописях других феодальных центров. Так, в 1241 г. князь галицкий Даниил Романович после победы над боровшимися с ним боярами приказал печатнику Кириллу «исписати грабительство нечестивых бояр...»¹. Отчет Кирилла послужил материалом для летописи Даниила в изображении действий боярства. В 1289 г. князь Мстислав Данилович велел записать в летопись «крамолу» жителей г. Берестья². Таким образом, по специальному княжескому указанию в летописцы заносились рассказы о народных восстаниях, феодальных войнах и других событиях, имевших важное политическое значение.

Официальный характер летописцев проявляется и в том, что они основывают свое изложение на материалах княжеских архивов. Так, например, в руках автора жизнеописания Даниила Галицкого был договор («обет») Даниила с венгерским королем Белой IV, опущенный в летописи из-за его пространности («его-же за множество весь не списахом»)³.

Кроме того, летописцы привлекали в качестве источников материалы переводной письменности. Так, Галицко-волинская летопись использовала компилятивный хронограф, в состав которого входили греческие хроники Г. Амартола, И. Малалы, библейские книги, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия и т. д. Компилятивный хронограф особенно привлекал

внимание автора Галицко-волинской летописи картинами взаимоотношений правителей и мятежного боярства (рассказы о Тарквинии, Юлии Цезаре, Октавиане Августе и др.).

Переходим к историческим памятникам периода феодальной раздробленности, непосредственно не связанным с летописными сводами и сохранившимся независимо от них. Это прежде всего произведения, посвященные военным событиям, походам, историческим фактам, связанным с обороной Руси.

Среди этих произведений выделяется по своему исключительному значению для истории русской культуры «Слово о полку Игореве», написанное в конце XII в. Это не просто воинская повесть, это замечательное художественное произведение, посвященное большой патриотической теме — теме защиты родины. Исторические вопросы поднимаются в «Слове» в тесной связи с проблемами современности.

Остановимся на исторических идеях произведения. Непосредственным сюжетом для «Слова о полку Игореве» послужил поход ряда князей Черниговского княжества под предводительством новгород-северского князя Игоря Святославича в 1185 г. против половцев. Поход был неудачным. Игорь Святославич и его воины потерпели поражение. Сам Игорь был взят в плен, откуда ему затем удалось бежать. Рассказ об этом походе и поражении — о событиях весьма печальных для Руси — автор «Слова о полку Игореве» использовал для призыва к князьям объединиться в целях обороны Русской земли.

«Слово о полку Игореве» нельзя назвать произведением чисто исторического характера. Оно посвящено прежде всего актуальным вопросам современности. Но отдельные исторические темы в этом произведении поднимаются. При этом исторические идеи автора тесно связаны с теми общими политическими задачами, которые он выдвигает.

В «Слове о полку Игореве» автор предполагал наряду с описанием похода Игоря Святославича и его оценкой дать и исторические очерки. Как он мыслит эти очерки — из текста памятника не совсем ясно. Он говорит: «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря...» («Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря...»)¹. Таким образом, перед нами известный исторический аспект: автор хочет кинуть взгляд в прошлое Руси в период «от старого Владимира до нынешнего Игоря». О том, кого имеет он в виду под «старым Владимиром», можно лишь догадываться. Одни историки утверждают, что это

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 791.

² Там же, стр. 932.

³ Там же, стр. 821.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 10, 54. См. также Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М.—Л., 1955; Слово о полку Игореве. Сб. статей и исследований. М.—Л., 1950.

Владимир Святославич (X в.), другие (что, по-моему, правильнее) считают, что «старый Владимир» — это Владимир Мономах. Но так или иначе — важно наличие в «Слове» исторических представлений.

Как же надо понимать процитированный текст из «Слова о полку Игореве»? Как попытку дать некий целостный обзор прошлого родины до того события, которое послужило темой «Слова»? Может быть, у автора и была такая, оставшаяся неосуществленной мысль. Но может быть, он имел в виду другое: не связный исторический очерк, а оценку отдельных явлений настоящего путем обращения к прошлому. И действительно, такого рода экскурсы в прошлое, отдельные исторические очерки в «Слове» все время даются.

Но как бы мы ни понимали разбираемое место из «Слова о полку Игореве», совершенно ясно, что для автора историческое прошлое ценно постольку, поскольку оно объясняет настоящее. Автор не просто рассказывает о прошлом, он дает оценку настоящему с точки зрения опыта прошлого и, наоборот, исторические события прошлого оценивает под углом зрения настоящего.

В этом и заключается историчность «Слова о полку Игореве», поэтому мы и можем говорить о нем как о памятнике исторической мысли, хотя это в то же время — памятник злободневной публицистики и яркое художественное произведение на темы современности.

Но автор «Слова о полку Игореве» не только выдвигает историческую тематику, не только обращается к ярким страницам истории своей страны, чтобы объяснить явления настоящего, но подчеркивает важность особого стиля исторического повествования. Само изложение событий, по его мысли, должно быть историческим. Он говорит следующее: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославича!» («Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоря, Игоря Святославича!»)¹. Излагать события, связанные с походом Игоря Святославича, надо «по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню» («следуя былям сего времени, а не по замышлению Бояна»), т. е. повествование должно основываться на былях — на исторических фактах, а не на поэтическом вымысле, мастером которого был Боян — поэт «растекавшийся мыслию по древу» («то растекошется мыслию по древу»). Особая манера преподносить исторические были в художественной форме характеризует автора «Слова» как историка.

¹ Слово о полку Игореве, стр. 9, 53.

Поскольку автор «Слова о полку Игореве» выступает не просто как современник описываемых событий, а и как историк, у него имеются свои представления о периодах исторического прошлого. Эти периоды он выделяет, исходя из тех воззрений, которые характерны для класса феодалов. Его внимание устремлено, прежде всего, на политическую историю, которая воплощается в деятельности отдельных князей. Он пишет так: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля, были полци Олговы, Ольга Святославличя» («Были века Трояна, минули годы Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича»)¹. Всего в «Слове», таким образом, намечаются три периода истории Руси: века Трояна, годы Ярославовы и, наконец, то время, когда совершал свои походы Олег Святославич черниговский (конец XI в.).

Это своеобразная попытка выделить наиболее яркие моменты, являющиеся, с точки зрения автора, переломными в истории Русской земли. На это указывал еще Б. Д. Греков.

Что касается Трояна, то по поводу этого имени в литературе имеется целый ряд толкований. Согласно одному из них (по-моему, весьма вероятному), Троян — это древнеязыческое божество, в представлении автора олицетворяющее целую эпоху. «Века Трояна», годы Трояна, — это дохристианский, языческий период в истории Русской земли. Выделяя в качестве важной исторической грани принятие христианства, автор выражает идеи своего класса. Далее, когда автор говорит, что «минули годы Ярославовы», он имеет в виду время Ярослава Мудрого. Это — время относительного единства Древней Руси, когда существовало раннефеодальное государство с центром в Киеве. И, наконец, отмечая, что «были походы Олеговы, Олега Святославича», автор «Слова» называет имя черниговского князя, типичного и яркого представителя княжеской среды периода феодальной раздробленности. Олег был инициатором ряда княжеских усобиц, распрей. Когда автор говорит о походах Олега, противопоставляя его время «годам Ярослава», то в личности Олега он олицетворяет время феодальной раздробленности, точно так же, как в личности Ярослава воплощал период существования единого Древнерусского государства. В данном случае историческое и политическое мировоззрение автора «Слова» тесным образом связаны с самими приемами исторического изложения. Автор — представитель своего класса — рассматривает исторические периоды как, прежде всего, периоды развития государства и воплощает их характерные черты в политике отдельных, наиболее типичных для своего времени, князей. Это не просто

¹ Слово о полку Игореве, стр. 15, 59.

художественный прием, это — проявление исторического мышления. Автор мыслит историческими образами, образами князей, которые выступают в его изображении как активные деятели исторического процесса.

Когда автор «Слова» говорит о феодальных усобицах, то довольно отчетливо он высказывает мысль о том, что в основе этих усобиц лежит борьба за земельные владения. «Усобица князем на поганя погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». («Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату: «Это мое и то мое же»), т. е. укрепились феодальная земельная собственность, основные интересы князей сосредоточились на их земельных владениях. «И начаша князи про малое «се великое» молвити» («И стали князья про малое «это великое» говорить»). Поэтому усилились войны за землю. Это, по мысли автора «Слова», — зло и его надо преодолеть. В результате борьбы за «малое», которое князья объявили «великим», «погании со всех стран приходяху с победами на землю Рускую» («поганые со всех стран приходили с победами на землю Русскую»), т. е. междоусобицы облегчали набеги кочевников¹.

В художественных образах рисует «Слово» политическую карту Руси. Автор повествует об отдельных князьях, наделяя их теми чертами, которые характерны для внутренней и внешней политики, проводимой в различных княжествах. В личности и деятельности разных князей воплощается значение того или иного княжества в общеполитической системе Руси того времени. Через художественные образы «Слова» можно увидеть реальную историческую действительность.

«Слово» дает характеристику Ярослава Осмомысла Галицкого — крупного князя конца XII в. В облике князя отражается общее значение Галицкого княжества, его положение среди других русских земель, его международная роль и основные линии внутренней политики. Это — своеобразный прием олицетворения в личности отдельных князей своего рода политических систем того времени.

Автор обращается к галицкому князю со словами: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы Угорыскыи своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота...» («Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер горы венгерские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота...») ². Основная мысль, которую можно уловить в этом

поэтическом образе, заключается в том, что Галицкое княжество служит заслоном против агрессии венгерских феодалов.

Слова «Суды рядя до Дуная», которые находим далее в тексте, означают, что власть Галицкого княжества распространяется вплоть до Дуная, что население территории, границей которой является течение Дуная, подчиняется галицкому князю. Автор говорит еще про Ярослава Осмомысла: «Отворяешь Киеву ворота». Галицкие князья стремились к политическому объединению ряда русских земель и, в частности, к овладению Киевом, который еще продолжал сохранять значение бывшей столицы Древнерусского государства. Опять проводится интересная политическая мысль о том, что галицкие князья хотят подчинить Киев своей власти, а следовательно, являются претендентами на политическое господство над Русью.

Другой князь, характеристику которого дает автор «Слова», — это Всеволод «Большое Гнездо» владимиросудальский. Автор обращается к нему со следующими словами: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издаля отня злата стола поблюсти?» («Великий князь Всеволод! Неужели и мысленно тебе не прилететь издаля отчий золотой стол поблюсти?») ¹. «Отчий золотой стол», который должен «блюсти» Всеволод, — это Киевское княжение, которое нужно было защищать от половецких набегов. Слово «отчий» означает, что предки владимиросудальского князя владели киевским столом, в частности, им владел отец Всеволода Юрий Долгорукий. Таким образом, в «Слове» имеется ясное представление о том, что объединителями русских земель выступают не только галицко-волынские князья, но и князья владимиросудальские. Дальше мы находим гиперболическое выражение: «Ты бо можешы Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти» («Ты, ведь, можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать!»). Это не просто красочная литературная аллегория: князь обладает настолько большой силой, что может сделать все, что хочет. Не случайно в качестве мерила мужества, силы этого князя приводятся, что он может «Волгу веслами расплескать». Здесь имеются в виду реальные исторические факты, именно походы судальских князей против Волжской Болгарии в целях овладения волжским торговым путем, только эти факты воплощены в художественной картине. Другая картина (Дон, из которого шлемами вычерпана вода) — характеризует иное направление военных походов — против половцев.

¹ Слово о полку Игореве, стр. 17, 61.

² Там же, стр. 22, 66.

¹ Слово о полку Игореве, стр. 21, 65.

Несмотря на наличие феодальной раздробленности, о которой все время говорится в «Слове о полку Игореве», автор сознает единство Руси. Хотя существует целый ряд княжеств, где имеют свои князья, хотя между последними идут усобицы, земельные споры, войны, не перестала существовать единая Русская земля. Характерно, что «Слово», описывая поход против половцев князей одного княжества (Игорь Святославич, его брат, племянник — это все князья черниговские), расценивает этот поход как поход всей Русской земли. Тот припев, который повторяется неоднократно на протяжении всей поэмы, — «О Руская земле! Уже за шеломянем еси!» («О Русская земля! Уже ты за холмом!»)¹, — олицетворяет выступление Русской земли в целом против ее врагов.

Представление о единстве Руси — это та идея, которая возникла еще в более раннее время, в период образования древнерусской народности, и которая не умирает в период феодальной раздробленности, обогащаясь новым содержанием. В этой связи интересен один момент, который особенно выделяет «Слово о полку Игореве» из числа других произведений эпохи. Почему мы так высоко ставим «Слово о полку Игореве» не только как высоко художественное произведение, но и как памятник большой политической мысли? Потому, что представление о Русской земле связывается у автора с представлением о земле, возделанной трудом крестьянина-земледельца. Хотя сам автор является по своему мировоззрению представителем феодального класса, он не только понимает, но и глубоко чувствует, что мирному труду мешают как княжеские усобицы, так и нашествия врагов. Отсюда его осуждение политической раздробленности, феодальных распрей, которые не дают нормально развиваться его родине.

Очень важно с этой точки зрения более внимательно проанализировать отдельные высказывания автора «Слова о полку Игореве». В «Слове» есть такие слова: «Тогда, при Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука», или: «Тогда, при Олеге Гориславиче (т. е. в период феодальной раздробленности, ибо фигура князя Олега Святославича, или Гориславича, — это, как было указано, образ, в котором собраны черты, типичные для феодальной раздробленности) засевалось и проростало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука...»². Слова «Дажьбожа внука» означают бога солнца, плодородия. Фраза «Погибало достояние Дажьбожа внука» — значит: гибли плоды земледельческого труда, или в более широком смысле —

гибли все достояния культуры, материальной и духовной. Говоря о княжеских усобицах, осуждая их, автор пользуется терминами, взятыми из области трудового процесса крестьянина-земледельца. Русская земля, вместо того, чтобы наслаждаться плодами мирной трудовой деятельности, «проростала усобицами». Обращение к такого рода метафорам и олицетворениям — интересный художественный прием, который усиливает звучание большой политической мысли.

При описании сражения русских с половцами «Слово» дает такой образ: «Черна земля под копыты костью была посеяна, а кровию поляна...» («Черная земля под копытами костью была засеяна, а кровью полита...»)¹. В этих словах бросается в глаза, с одной стороны, опять-таки осуждение феодальных усобиц, способствующих половецким нападениям, во время которых льется кровь, гибнут люди, их кости гниют в черной земле. С другой стороны, сама манера изложения (земля «костью была засеяна») представляет собой образное олицетворение земледельческого процесса.

Конечно, на основании всего этого было бы неправильно представлять себе автора «Слова» идеологом крестьянства. Вряд ли можно согласиться с Д. С. Лихачевым, который, отметив указанные черты «Слова», пишет, что его автор «в своих политических воззрениях... не был ни «приворным», ни защитником местных тенденций, ни дружинником. Он занимал свою независимую, патриотическую позицию, по духу своему близкую широкому слою трудового населения Руси»².

Думаю, что такую формулировку нельзя признать достаточно отчетливой. Автор «Слова» является представителем класса феодалов, передовой части княжеских дружинников. Конечно, он стоял значительно выше своих современников и объективно его осуждение феодальных усобиц отвечало и интересам крестьянства. Основной чертой «Слова о полку Игореве» является его глубокий патриотизм. Но это — произведение феодальной литературы.

Помимо «Слова о полку Игореве», в период феодальной раздробленности появился и ряд других исторических произведений. Не буду останавливаться на всех. Укажу на наиболее яркие памятники исторической мысли.

Во второй половине XIII в. было составлено «Житие» князя Александра Невского. Оно было написано, как предполагают, кем-то из современников князя из числа его дружинников. Автор «Жития» был, вероятно, выходцем из той же среды, что и автор «Слова о полку Игореве». Я, конечно, не

¹ Слово о полку Игореве, стр. 13, 57.

² Там же, стр. 16, 60.

¹ Слово о полку Игореве, стр. 16, 60.

² Там же, стр. 290.

сравниваю их по литературному таланту, говорю лишь об общности социальной среды. Затем, думают исследователи, «Житие» переделал какой-то церковный писатель. Поэтому дошедший до нас позднейший текст рассматриваемого исторического произведения отличается сложными чертами. Мы находим в нем сочетание элементов чисто светской, воинской повести с чертами церковного жития. Это переплетение двух моментов накладывает определенный отпечаток на памятник.

С одной стороны, когда дается характеристика Александра Невского как исторического деятеля, в «Житии» наблюдается литературный шаблон, употребляются трафаретные сравнения с библейскими персонажами. Ростом Александр Невский выше всех людей, голос у него как труба, лицом он похож на библейского Иосифа, мудр, как царь Соломон, и т. д. Здесь нет ничего реального. В то же время в «Житии» имеются яркие исторические картины: описания военных сражений, например сражения на Неве, битвы на Чудском озере. В таких случаях в памятниках приводятся конкретные данные о расположении войск, о действиях сподвижников Александра Невского и т. д.¹

Таким образом, «Житие», с одной стороны, выступает как памятник исторический, с другой стороны, на нем чувствуется налет церковной риторики.

Вторая черта «Жития» как исторического труда — это стремление дать целостное жизнеописание Александра Невского, отразив основные моменты его биографии. Для того чтобы сделать это, нужно было произвести определенный отбор фактов с тем, чтобы получилась запоминаемая картина и внимание читателя было заострено на наиболее важных событиях. Автор делает это довольно удачно. Он подбирает материал из жизни Александра Невского с точки зрения международного значения его деятельности. Он дает описания битв на Чудском озере, на Неве, поездок Невского в Золотую Орду, т. е., с одной стороны, описания борьбы против ливонских рыцарей и шведских захватчиков, а с другой стороны, картины русско-ордынских отношений.

В «Житии» возмечивается Александр Невский, как князь и как воин. Проводится идея необходимости сильной княжеской власти для защиты родины от захватчиков. Эта идея типична для целого ряда произведений, появившихся на том этапе, когда только еще складывались условия для будущего объединения русских земель.

Вступлением к «Житию» князя Александра Невского, воз-

можно, служил один памятник, который сохранился и в самостоятельном виде и вместе с «Житием» — это так называемое «Слово о погибели Русской земли».

Я потом вернусь к вопросу об отношении «Слова о погибели Русской земли» к «Житию» князя Александра Невского, а сейчас остановлюсь на самом этом памятнике, очень кратком по своему объему.

В «Слове» описываются неизмеримые пространства и богатства Русской земли. Это своего рода песня во славу Руси. Красочно, в яркой художественной форме, в то же время чрезвычайно лаконично говорится о ее полях, городах, селлах, садах, домах и пр.

Далее подчеркивается политическая сила Руси, богатой грозными князьями, честными боярами, многими вельможами, т. е. прокламируется политическая мощь господствующего класса.

Автор стремится, наконец, показать международное значение Руси. Он подчеркивает видное положение Русской земли среди других народов. Он говорит, что половцы именем Владимира Мономаха страшили в колыбели своих детей. Тем самым в художественном образе грозного князя показано, что Русь брала верх в борьбе с половцами.

Русь была страшна для западных, в том числе венгерских, захватчиков. Эту мысль иллюстрирует новый художественный образ: венгерские феодалы, боясь русских князей, должны были укреплять железными воротами каменные «города» или горы (Карпаты).

Литва не выходила из своих болот. Ливонские немцы радовались, что они живут далеко за морем, отделяющим их от Русской земли, которая, следовательно, представляется им сильной и могущественной.

Византийский император посылал дары киевскому князю.

Все это говорится в прошедшем времени — все это было раньше. Теперь не то. Теперь наступила «болезнь крестиянам». Что это за «болезнь»? Некоторые историки думают, что под этими словами надо подразумевать княжеские усобицы, другие считают, что имеется в виду татаро-монгольское нашествие, а также, возможно, натиск немецких рыцарей с запада. Может быть и то и другое, и третье, ибо все это явления, между собой связанные.

Если «Слово о погибели Русской земли» представляло собой введение к «Житию» князя Александра Невского, то это последнее историческое произведение выступало не просто как биография одного политического деятеля. Княжеская биография давалась на широком фоне международного положения всей Русской земли. Жизнеописание исторического дея-

¹ В. И. Малышев. Житие Александра Невского по рукописи XVI в. (Тр. отд. древнерусской литературы Ин-та литературы, вып. V. М.—Л., 1947, стр. 185—193).

теля в связи с внешнеполитическими взаимоотношениями Русской земли в целом — это особый тип исторического произведения, не случайно появившегося в момент чрезвычайно напряженного международного положения Руси.

Попытаемся сопоставить идеи «Слова о погибели Русской земли» и «Слова о полку Игореве» главным образом с точки зрения исторических представлений их авторов.

Во-первых, обоих авторов историческое прошлое интересует не само по себе, а в сопоставлении с настоящим. Авторы говорят примерно следующее: вот как было раньше, вот как стало теперь. В «Слове о полку Игореве» годы Ярослава — время единства Русской земли — противопоставляются времени Олега Святославича — периоду феодальной раздробленности. В «Слове о погибели Русской земли» время силы Руси (княжение Мономаха) противопоставляется настоящему ее положению — времени, когда русских людей поразила «болезнь». С точки зрения глубины сопоставления прошлого и настоящего родины можно говорить о политической целеустремленности исторического повествования.

Вторая идея, которая объединяет оба рассматриваемых памятника, — это сознание единства Руси и ее международного значения. Это единство олицетворяется в личностях отдельных князей, — прием, характерный для обоих произведений, точно так же, как для мировоззрения обоих авторов характерно представление о князьях как ведущих деятелях истории. Автор «Слова о полку Игореве», касаясь попыток объединения русских земель, рисует образы князей галицкого, владими́ро-суздальского и др. Автор «Слова о погибели Русской земли» в личности князя Владимира Мономаха воплощает время единства Древней Руси.

Значительное влияние на развитие исторической мысли оказала борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием и игом. Эта борьба осмысливалась в ряде исторических повестей (о битве на реке Калке, о нашествии на Русь войск Батые и т. д.). Большой интерес представляет Повесть о разорении Рязани Батыем (дошедшая до нас в составе рязанского летописного цикла, возникшего при церкви Николая в городе Зарайске). В ней использовано песенное народное творчество. Лиризмом проникнут плач о гибели рязанских «бояр, и воевод», и «всего воинства», «удальцов и резвцов», «узорочия резанскаго»: «Лежаша на земли пуге, на траве ковыле, снегом и ледом померзюша, ни ким брегома. От зверей телеса их снедаема, и от множества птиц разстерзаема. Вси бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную»¹.

¹ Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 15—16, 119—142.

Перейдем теперь к тем историческим памятникам, которые появляются в период объединения русских земель вокруг Москвы — в XIV—XV вв. Типичными для этого времени историческими произведениями были также воинские повести. Основной их тематикой является борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Это не случайно, ибо в процессе этой борьбы складывалось Русское централизованное государство.

Наиболее крупным событием в борьбе за свержение татаро-монгольского ига была Куликовская битва 1380 г. И как раз этому событию и посвящен целый ряд специальных воинских повестей, среди которых выделяется так называемая «Задонщина».

«Задонщина», как и «Слово о полку Игореве», — художественная поэма. Ее тема — это победа русских войск над полчищами Мамайя на Дону. Написана была «Задонщина» одним из представителей рязанского духовенства — попом Софонией в конце XIV — начале XV в. Очень характерно, что автором произведения, связанного с событием общерусского значения, был выходец из Рязанского княжества, которое вело борьбу с Москвой, сопротивляясь проводимой московскими князьями политике объединения Руси. Это доказывает, что передовые слои населения Рязанского княжества, напротив, поддерживали политику объединения русских земель, возглавленную Москвой.

Одним из основных литературных и идейных источников «Задонщины» явилось «Слово о полку Игореве». Этот факт интересен с двух точек зрения.

Во-первых, в конце XIV в. и в XV в. — в период, который является временем политического и культурного подъема Руси, когда формировалась великорусская народность, складывалось централизованное государство, подготавливалось освобождение от татарского ига, в целях идейной пропаганды использовались лучшие памятники культурного наследия прошлого. Обращение к исторической традиции, причем к наиболее выдающимся достижениям исторического прошлого, исследователи расценивают как явление, характеризующее рост самосознания образующейся великорусской народности.

Во-вторых, следует сопоставить «Слово о полку Игореве» и «Задонщину» с точки зрения самой тематики. «Слово о полку Игореве» описывает поражение русского народа от половцев. «Задонщина» воспевает победу Руси над татаро-монгольскими полчищами. Но обе битвы, — и на реке Каяле в 1185 г. (отождествляемая с битвой на Калке в 1223 г.), и на Куликовом поле в 1380 г., — с точки зрения автора «Задонщины», представляют собой звенья единой цепи борьбы с захватчи-

ками, вторгнувшись в нашу страну с Востока, из Азии. Это — два момента в сопротивлении их натиску, из которых первый принес Руси поражение, второй закончился ее победой. Автор использовал идейную основу «Слова о полку Игореве» для доказательства этого положения. Он расценивает разгром войск Мамаю в 1380 г. как историческое возмездие за тот ущерб, который русские потерпели в 1185 г. (переноса это событие на 1223 г.).

Рассматривая события 1380 г. в общем плане борьбы с завоевателями, шедшими на Русь из Азии, «Задонщина» не ограничивается конкретным описанием Куликовской битвы, а дает ее оценку под углом зрения этой вековой борьбы. Эта идея выступает в достаточной мере ясно уже из начальных строк поэмы:

«Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом с князем Владимиром Андреевичем (двоюродный брат Дмитрия Донского — князь серпуховской — Л. Ч.) и своими воеводами были на пиру...». В это время к ним пришла весть о нашествии Мамаю: «Ведомо нам, братие милыи, што де у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залесскую землю»¹. Здесь различаются земли Русская и Залесская. Залесская земля — это Владимиро-Суздальская Русь. Но она является частью большой Русской земли, которая сложилась еще в период существования Древнерусского государства. И поход Мамаю расценивается как один из походов захватчиков на Русскую землю, которые совершались неоднократно в течение ряда веков.

Далее в тексте памятника помещен следующий призыв: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная», т. е. пойдем в ту часть земли, которая когда-то принадлежала Иафету, сыну Ноя. «Задонщина» использует библейскую легенду о том, что у Ноя было несколько сыновей, от которых пошли народы мира; от Иафета произошли славяне. Поход Мамаю возбуждает у автора воспоминания о прошлом Руси, о начальных моментах истории славян в ее взаимоотношении с историей других народов.

«Взйдем на горы Киевокия и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской...», — снова обращение к исторической традиции. Вот где зародилась Русь, вот где возникло Древнерусское государство, хочет сказать автор: на горах Киевских, на берегу Днепра. В тот момент, когда татаро-монгольские орды совершили нападение на Залесскую землю, автор мысленно связывает ее судьбы с судьбами всей

земли Русской, которая зародилась еще в давние времена на горах Киевских и имеет славную историю. Когда мы поднимемся на горы Киевские, то увидим всю Русь, а не только Залесскую землю, являющуюся частью Руси, — вот как мыслит автор давно зародившиеся исторические связи. Залесская Русь произошла от единой Руси, возникшей еще в период Древнерусского государства. Основой великорусской народности является та древнерусская народность, которая сложилась в IX—X вв. Пусть Киев сейчас оторван от Владимира-на-Клязьме, но они представляют собой единое и неразрывное целое.

«...и посмотрим по всей земли Руской и отоля на восточную страну жребий Симов, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые, татаровя, бусормановя»¹, — продолжает автор свой исторический обзор. Поднявшись на горы Киевские, мы познакомимся не только с началом русской истории, мы узнаем, как эта история соприкасалась с историей народов, происшедших от Сима (а от него произошли народы Азии). Так исторически со времен Киевской Руси, хочет сказать автор, сталкиваются русский народ и кочевники.

Раскрыв общие исторические предпосылки борьбы Руси с захватчиками, приходившими из Азии, автор «Задонщины» переходит к более узкой теме — к теме борьбы с монголо-татарским игом. В данном случае его идея такова: горечь поражения, которую когда-то испытали русские на реке Каяле (Калке), искупается радостью победы на Куликовом поле. «Те бо на реке Каяле одолеша род Афетов. И отоля Руская земля седить невесела... Преже восписах жалость земли Руские...». Потом же «возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий, и воздадим поганому Мамаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичу похвалу...»². После поражения на реке Каяле (Калке) Русская земля переживала горе, но победа на Куликовом поле принесла вместо горя радость, за что князь Дмитрий Иванович достоин похвалы. Пусть теперь печалются те, кто пришел на Русь из «Симова жребия».

В «Задонщине» проводится мысль о том, что как раньше Киев был центром Древней Руси, так в настоящее время, в тот момент, когда пишет автор, таким политическим центром является Москва. Она получила то же самое политическое значение, каким когда-то обладал древний Киев. Дмитрий Донской обращается к серпуховскому князю и говорит ему: «И пойдем, брате князь Владимир Андреевич», во свою Зале-

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 33.

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 33.

² Там же, стр. 34. См. также статью В. П. Адриановой-Перетц.

скую землю к славному граду Москве...». Центром Залесской земли является «славный град Москва». Москва — это центр политического объединения страны.

Борьба на Куликовом поле, по мысли автора, представляет собой общерусское дело. Хотя в XIV в. еще существуют отдельные феодальные княжества, но в победе над Мамаем заинтересованы все русские земли. В самом конце «Задонщины» приводится подсчет тех воинов, которые пали на поле сражения. Князю Дмитрию Ивановичу докладывают: «Государь князь великий Дмитрий Иванович, нету, государь, у нас 40 бояринов больших московских, 12 князей белозерских...»¹ и т. д. (перечисляются князья, бояре, посадники новгородские, коломенские, серпуховские, переяславские, костромские, владимирские, суздальские, муромские, рязанские, ростовские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, паны литовские, польские). Этот подсчет интересен, поскольку он включает и те земли (Новгородская, Рязанская), население которых не принимало участия в Куликовской битве. Важно, что по идейному замыслу автора на Куликовом поле должны были сражаться воины всей Русской земли.

В «Задонщине» в большей мере, чем в «Слове о полку Игореве», чувствуется религиозная идеология, отпечаток того церковного мировоззрения, которое характерно для древнерусских книжников. Когда в «Задонщине» говорится об итогах битвы на Куликовом поле, то подчеркивается, что русские воины сложили головы «за святые церкви, за землю за Рускую и за веру крестьянскую». Представление о Русской земле связывается с понятием «христианской веры».

Историческое значение процесса объединения русских земель вокруг Москвы нашло отражение и в общерусских летописных сводах.

Центром общерусского летописания вначале был Владимир, но после татаро-монгольского нашествия он в значительной мере утратил свое значение политического центра Руси, хотя формально его еще сохранял. Начиная с XIV в. и особенно в XV в., когда основой и инициатором политического объединения Руси становится Москва, она делается и центром общерусского летописания. Летописные записи велись, по видимому, в Москве с начала XIV в. Общерусские летописные своды появляются здесь с конца XIV в.

На свод конца XIV в. имеется ссылка в сгоревшей Троицкой летописи начала XV в., текст которой (на основе ряда источников) попытался реконструировать М. Д. Приселков. Под 1392 г. в Троицкой летописи содержатся обвинения новго-

родских бояр в неповиновении московским князьям: «...беша бо человеци суровы, непокориви, упрямы, непоставни... Кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич (Невский.— Л. Ч.) не унорвил им?» (Были они люди суровые, непокорные, упрямые, не желающие подчиняться... Кого из князей они не прогневали или кто из князей им угодил, если даже великий князь Александр Ярославич Невский не пришелся им по нраву?). В подтверждение правильности своих обвинений автор ссылается на московский летописец: «...и аще хочещи распытовати (если хочешь в этом убедиться), разгни книгу, Летописец великий Русский, а прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго (Василия Дмитриевича.— Л. Ч.)»¹.

Таким образом, приведенная выдержка указывает не только на существование московского летописного свода конца XIV в., но и характеризует его политическую направленность (идеологическое обоснование подчинения Новгорода великокняжеской власти).

В первой половине XIV в. в Москве был создан еще ряд летописных сводов. Московские летописцы рассматривают историю Руси XIV—XV вв. в тесной связи с историей Древнерусского государства. Поэтому в основу московского летописания легла «Повесть временных лет». Ссылка на «начального летописца киевского», на «великого Селивестра Выдобыжскаго» (т. е. на Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря, редактора «Повести временных лет») имеется в так называемой Симеоновской летописи, в составе которой сохранилось московское летописание².

Важной гранью в развитии исторической мысли является середина XV в.— время обостренной политической и идейной борьбы в связи с процессом складывания единого Русского государства.

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 439.

² ПСРЛ, т. XVIII, стр. 159. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 293—305.

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 41. См. также стр. 143—165.

Лекция четвертая

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА РУСИ В ПЕРИОД ЛИКВИДАЦИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ И В РУССКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ (вторая половина XV—XVI в.)

Вторая половина XV в.—это последний этап периода феодальной раздробленности. В это время уже складываются предпосылки для возникновения Русского централизованного государства, ускоренного потребностями обороны от внешних захватчиков (прежде всего от татаро-монгольских завоевателей) и происходившего (в противоположность ряду стран Западной Европы) в условиях господства феодального способа производства.

Время с конца XV в. по XVII в.—это период образования и укрепления Русского централизованного государства, причем в пределах этого периода выделяются два этапа.

Хронологическими рамками первого этапа являются конец XV—середина XVI вв. Тогда в основном уже было закончено объединение русских земель, уже сложилось Русское централизованное государство, было свергнуто татаро-монгольское иго (в 1480 г.), Россия вступила в борьбу с соседними государствами: Великим княжеством Литовским за возвращение отторгнутых русских, украинских и белорусских земель и с Ливонским Орденом за прибалтийские земли, за выход к Балтийскому морю.

Второй этап—вторая половина XVI в., время укрепления централизованной феодальной монархии, которому содействовали реформы середины XVI в. и особенно опричнина, учрежденная в 60-х гг. XVI в. Характерной чертой данного этапа является развитие крепостнических отношений и законодательное оформление системы крепостного права. Во второй половине XVI в. происходит расширение Русского центри-

зованного государства как многонационального, в его состав входит ряд нерусских народов, прежде всего народы Поволжья (в результате присоединения Казанского и Астраханского ханств), затем народы Сибири. Событием большого международного значения была Ливонская война, продолжавшаяся свыше четверти столетия.

К концу XVI в. рост крепостничества (в условиях укрепления централизованного государства на феодальной базе и серьезных осложнений международного характера, в обстановке длительной войны, разорвавшей страну) привел к крайнему обострению классовых противоречий. Уже намечались предпосылки массового антифеодального движения, вылившегося в начале XVII в. в крестьянскую войну под предводительством И. И. Болотникова.

На каждом из указанных этапов социально-экономические и политические процессы находили соответствующее отражение в идеологии и, в частности, в историографии. Развитие исторической мысли было тесно связано с общественным развитием. Поэтому своеобразие исторических произведений на том или ином этапе (и по содержанию, и по форме) в конечном итоге определялось особенностями общественно-политических условий.

В середине и во второй половине XV в. в летописных памятниках находит отражение та политическая борьба, которая велась в связи с процессом объединения русских земель и образованием централизованного государства. В тех землях, правители которых сопротивлялись объединительной политике московских князей, создаются летописные своды, идеологически обосновывавшие право этих земель на независимость. Характерными чертами летописных сводов, возникавших в ряде феодальных центров в то время, являлось стремление выйти за рамки местной изолированности и претензии на общерусское значение. Летописные своды, составлявшиеся, например, в Новгороде или Твери, стараются охватить историю русского народа (более или менее полно) с древнейших времен и на этой общеисторической основе показать ведущую роль своего княжества, своей земли в судьбах всей Руси. В этих целях в качестве источника летописных сводов привлекается иногда «Повесть временных лет», чаще и в большей степени московское летописание¹. Таким образом, особенность историографии данного времени заключалась в том, что обоснование сепаратистских тенденций местных феодалов путем обращения к прошлому производилось в результате преодоления областнических тенденций и перехода к тому типу историче-

¹ См. Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 308—330.

ских произведений (летописные своды общерусского характера), которые характерны для периода ликвидации феодальной раздробленности.

В середине XV в. ряд летописных сводов возник в Новгороде. Инициатива их составления принадлежала архиепископской кафедре. Их идейная направленность отвечала политической линии стоявших у власти церковных и светских феодалов. В этих сводах нарочито подчеркивалась исконная «вольность» Новгорода. Защищая эту вольность новгородских «мужей», летописцы ссылаются на «старину». «Чтобы еси, господине и сыну, князь великий,—обращался, судя по летописному рассказу, новгородский архиепископ к московскому князю в 1397 г.,—...от Новагорода от своих мужии, от волных нелюбье бы отложил (т. е. прекратил бы вражду), а принял бы еси в старину (установил отношения, сложившиеся исстари)»¹. Действия московских князей, направленные к тому, чтобы включить территорию Великого Новгорода в состав единого государства, в новгородских летописных сводах расцениваются как «насилье» («не можем... сего насилья терпети»). Пользуясь терминами феодального права, летописцы рассматривают новгородские «пригороды» и «волости» (т. е. города и административные подразделения в пределах новгородской территории) как «отчину и дедину» (т. е. от отцов и дедов перешедшее наследственное владение) «Святей Софеи» и «Великого Новагорода». Как уже говорилось выше, Софийский собор — резиденция новгородского архиепископа,—являлся символом независимости Новгородской феодальной республики. «Или паки изнайдем свою отчину (или вернем свою вотчину) к святеи Софеи и к великому Новугороду, паки ли свои головы положим (или сложим свои головы) за святую Софею и за своего господина за великий Новгород»²,—в таких выражениях летописцы передают политическую линию новгородского боярства, выдававшего свои интересы за интересы всех новгородцев.

В связи с обострением классовых противоречий в Новгороде накануне его присоединения к Московскому княжеству, в новгородском летописании все более проявляется тенденция к умиротворению социальных антагонизмов, к прекращению волнений. Эта тенденция отражала растерянность господствующего класса, его боязнь массового народного движения. Так, рассказав о крупном городском восстании, имевшем место в 1418 г. («от возмущения того великого вострясеся весь

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов, стр. 390.

² Там же, стр. 391.

град...»), летописец изображает миротворцем архиепископа, вышедшего с крестом к народу. «Богобоязнии» люди якобы говорили ему: «иди, господине, да уставит господь твоим благословением усобную рать»¹ (господь по твоему благословию прекратит междоусобную войну). Описывая события 1445 г. (хлебная дороговизна, голод), летописец скорбит об отсутствии в Новгороде «правого суда», следствием чего были проклятия («клятва»), посылаемые «всами людьми» «на старейшины наша и на град наш»².

При описании московско-новгородской войны 1471 г. летописец с осуждением говорит о сторонниках включения Новгорода в состав единого Русского государства: «...и бысть в Новогороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприязнена...»³.

Нашли в новгородском летописании отражение и настроения сторонников сближения с Москвой.

Интересно, что в состав новгородского летописания XV в. были включены родословные русских князей, список русских митрополитов, список князей, княживших в Новгороде, новгородских посадников, тысяцких, епископов, архиепископов и архимандритов, наконец, перечень русских городов; — «имена всем градом рускым»⁴. Кроме того, в Новгородские летописные своды вошли памятники церковного и гражданского права: «Русская правда», церковные уставы князей Владимира Святославича, Ярослава Владимировича и Всеволода Мстиславича, текст (перевод с болгарского) «Закона Судного людем» и т. д.⁵.

Все это свидетельствует о желании новгородских бояр — защитников политической старины — мотивировать свою программу историческими ссылками документального характера. Стремление опереться на документы — это та черта историографии, которая особенно отчетливо проявляется в рассматриваемое время.

«Военные действия против Новгорода (имеются в виду действия Ивана III в 70-х гг. XV в.—Л. Ч.), а затем и борьба в Новгороде с остатками боярско-литовской партии внесли ненадолго черты озлобления и полемичности в произведения обеих партий,—пишет Д. С. Лихачев.—Эта борьба по мелочам, по текущим вопросам была лишена той широкой историко-философской аргументации, которой обладала литература

¹ Новгородская летопись старшего и младшего изводов, стр. 410.

² Там же, стр. 425.

³ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вторая половина, Л., 1925, стр. 447.

⁴ Новгородская летопись старшего и младшего изводов, стр. 465—477.

⁵ См. там же, стр. 477—509.

предшествующего периода»¹. Это утверждение требует, мне кажется, известного пояснения. Полемичность (открытая или скрытая) и связанная с этим известная эмоциональность изложения вообще присущи летописцам. Для летописных сводов, как произведений исторической мысли, типично то, что историко-философская аргументация всегда связана со злобой дня, с вопросами текущей политики. Наконец, борьба вокруг новгородско-московских отношений на последнем этапе независимости Новгорода — это не «борьба по мелочам». Но Д. С. Лихачев прав в том, что в последнее тридцатилетие XV в. острота политической ситуации настоящего заслонила в глазах летописцев историческое прошлое и наложила отпечаток особой страстности на повествование. При этом у летописцев, защищавших реакционную программу сепаратистски настроенного новгородского боярства, осужденную всем ходом исторического развития, эта страстность часто переходит в желчность, вследствие чего теряется сила аргументации.

В середине XV в. по инициативе тверского князя Бориса Александровича был составлен летописный свод в Твери, где летописание зародилось еще с конца XIII в. Этот свод восстает на основе двух летописных памятников: так называемого Тверского сборника (список XVII в.) и Рогожского летописца конца XV — начала XVI вв. (названного так по книгохранилищу Рогожского старообрядческого кладбища, где он был найден): В тексте Тверского сборника сохранилось предисловие к «Летописцу княжения Тверского»², которое рисует политические задачи летописного свода середины XV в. Они заключаются в том, чтобы показать, что тверские князья искони были «самодержцами», т. е. доказать право Тверского княжества на государственную независимость и на ведущую политическую роль в судьбах Руси. Первоначально термин «самодержавие» в древнерусских памятниках означал не неограниченность власти, а независимость от чужеземного господства. Появление в трудах тверских книжников теории «самодержавия» надо связывать как с падением в 1453 г. Византии, считавшейся мировой империей, так и с постепенным распадом Золотой Орды, ослаблением ее владычества над Русью, подготовленным объединением русских земель и героической борьбой русского народа против татаро-монгольского ига.

Составление тверского летописного свода середины XV в. с его идеологией «самодержавия» было, несомненно, вызвано

тенденцией великих тверских князей присвоить себе плоды той политики объединения русских земель, которая была возглавлена Москвой. Не случайно в центре «Летописца княжения Тверского» личность современника Дмитрия Ивановича Донского — «великого самодержца», князя тверского Михаила Александровича, в борьбе за великокняжеское достоинство прибегавшего не раз к поддержке со стороны литовских феодалов, разорявших Русь. Не случайно летописец взял на себя задачу поддержать «честь премудрого Михаила», сделав его национальным героем. При этом он стремился не к тому только, чтобы имя этого тверского князя не было уничтожено «бурею забвения»; летописец хотел возвеличить личность Михаила Александровича, связав с его политикой разрешение исторического дела восстановления единства и независимости Руси.

Свою задачу летописец свода выполняет прежде всего в генеалогическом плане. Он подчеркивает, что род тверских князей, по его концепции, происходит от киевского князя Владимира Святославича; Михаил Александрович в изображении летописца — «богосаднаго корени такова доброплоднаа отрасли» (приносящая добрые плоды отрасль от корня, посаженного богом). Таким путем достигается историческое обоснование «самодержавной» власти тверских князей. Попытка представить историческую обусловленность тех или иных событий и явлений настоящего как результат преемственности действий ряда разновременных представителей власти, генеалогически между собой связанных, типична для средневековой историографии. Свои генеалогические соображения и изыскания тверской летописец основывает на привлекаемых им письменных источниках, ссылаясь на «первого летописца» (т. е. на «Повесть временных лет») и на другие памятники летописания.

Тем самым в изложении летописного свода не только выступает генеалогическая линия русского «самодержавия» по восходящим степеням от Владимира киевского до Михаила тверского, но и обосновывается роль «богохранимаго Тферскаго града» в разрешении исторических традиций, завещанных Киевской Русью («от Киева же бо начну», — говорит автор летописного свода)¹. Тверь, в трактовке летописца, — это центр борьбы за независимость Руси. Эта идея является опять-таки плодом стремления тверских книжников, выполнявших политический заказ своих князей, присвоить Твери ту инициативу и организующую роль в объединении населения русских земель на борьбу с татаро-монгольским игом, которую взяла на себя Москва и результатом которой была победа

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 319—320.

² ПСРЛ, т. XV, стр. 463. См. также Д. С. Лихачев. Ук. соч., стр. 320—330. В этой книге указаны труды А. Н. Насонова.

¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 463—465.

на Куликовом поле, осуществленная без участия Тверского княжества.

Антимосковские тенденции пронизывают тверской летописный свод. Так, в рассказе о восстании в Твери в 1327 г. против прибывшего туда сборщика податей Шевкала — родственника золотоордынского хана Узбека — подчеркивается, что в подавлении восстания участвовал московский князь Иван Данилович Калита, явившийся с татарскими отрядами на «грады Тверския»¹.

Антимосковские настроения Тверского летописного свода ярко выступают и в рассказе о построении московского кремля в 1363 г. Летописец расценивает это событие как знаменательный факт в истории Руси. Он означал, с его точки зрения, что москвичи, рассчитывая «на свою на великую силу», стали подчинять другие княжества и «посягати злобою» на тех, кто не хотел быть им подвластным².

Д. С. Лихачев указывает: «Тверь соперничает с Москвою в борьбе за главенствующую роль в том общерусском, национальном государстве, необходимость создания которого все больше входила в сознание в самых различных областях Руси»³. В другом месте автор пишет: «Таким образом, тверская летопись заимствует от Московской ее общерусский охват, использует в своей основе московское летописание. Иногда она опережает московское летописание в последовательности проведения точки зрения на великого князя, как на единогодержавного управителя Русской Земли»⁴. Я думаю, что в этой вполне правильной характеристике не подчеркнут один существенный момент: идеологическое обоснование в Тверском летописании теории «самодержавия» было *запоздалой* попыткой, осмысливая исторический процесс объединения русских земель вокруг Москвы, поставить во главе этого процесса Тверь.

В середине и во второй половине XV в. летописные своды с претензией на общерусское значение были составлены также в Пскове, Ростове, Смоленске. Таким образом, если идея общерусского летописания не умирала в течение всего периода феодальной раздробленности, и даже в моменты наиболее сильного политического раздробления Древнерусского государства мысль о единстве Руси находила отражение в отдельных летописных памятниках, то тем более показательно появление в ряде феодальных центров в период завершения

объединения русских земель произведений летописного характера, которые с позиций правящих верхов освещали процесс ликвидации раздробленности и создания единого государства. В новгородских летописных сводах доказывалась «изначальная» «вольность» новгородских «мужей», в тверском летописании — исконное «самодержавие» тверских князей.

Ведущая роль в развитии исторической мысли принадлежала московскому летописанию, которое сосредоточивается при великокняжеском дворе. В Москве перерабатывались новгородские летописные своды в направлении, отвечавшем идеологическим запросам московской великокняжеской власти. Следы такой переработки видны, например, в Софийской первой летописи, носящей название «Летописец Русьския земли».

Московское летописание, проводящее мысль о преемственности власти московских князей от князей киевских, связывается идейно с летописанием XI—XII вв. В той же Софийской летописи имеются отметки против ряда известий: «ищи в Киевском», «а писано в Киевском», указывающие на пользование Ипатьевской летописью.

Наиболее примечательным памятником второй половины XV в. является созданный в Москве в 1479—1480 гг. общерусский летописный свод. Его текст (в переработке) напечатан М. Н. Тихомировым в 25 томе «Полного собрания русских летописей» по списку XVI в. До издания Тихомирова данный свод был известен по более позднему списку XVIII в.

Представляет интерес дата появления летописного свода: 1479—1480 гг. Она не случайна. Памятник возник в то время, когда шел интенсивный процесс преодоления политической раздробленности, значительная часть русских земель была уже объединена вокруг Москвы. Интересно обратить внимание на события, непосредственно предшествующие составлению свода. Это — события, связанные с ликвидацией независимости Новгородской феодальной республики и присоединением Новгорода к Москве в 1478 г. Сопротивление новгородского боярства объединительной политике московских великих князей было, пожалуй, наиболее активным во всей той борьбе, которую вели бояре ряда феодальных центров против государственной централизации. С точки зрения международных отношений время появления общерусского свода — это канун свержения татаро-монгольского ига (1480 г.).

То обстоятельство, что создание рассматриваемого летописного свода близко к двум указанным датам, дает основание думать, что он имел важное политическое назначение. В связи с заслуживающими внимания явлениями настоящего пробуждался повышенный интерес к историческому прошлому.

Летописный свод 1479—1480 гг. имеет официальный харак-

¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 466.

² ПСРЛ, т. XV, изд. 2, первая половина, стр. 84.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 321.

⁴ Там же, стр. 329.

тер, в своих позднейших частях он построен в значительной мере на правительственных документах. Нельзя, правда, сказать, что использование авторами летописных памятников официальной документации является абсолютно новой чертой историографии. И в более раннее время при работе над летописными сводами привлекались материалы княжеских архивов. Например, в качестве одного из источников «Повести временных лет» послужили договоры киевских князей с Византией. Но в период образования Русского централизованного государства официальный характер летописных сводов проявился особенно отчетливо и ярко. Уже не отдельные документы правительственных архивов, а целые их группы ложатся в основу летописного повествования. Важнейшей источниковедческой базой, на которой строится изложение летописи, становится правительственная документация. Это было связано с перевозом в Москву и с концентрацией здесь архивов из ранее самостоятельных центров впоследствии ликвидированных княжеств и феодальных республик, с расширением дипломатических связей России. Самый стиль летописных текстов часто приближается к стилю деловых приказных документов.

В дальнейшем месте, где сосредоточивается летописное дело, становится Посольский приказ, оформившийся как постоянное ведомство уже в XVI в.

Посольский приказ — это центральное учреждение, в котором были сосредоточены функции внешней политики и дипломатических сношений Русского государства. Но архив Посольского приказа не был узко ведомственным хранилищем только документов, касающихся дипломатических связей, он представлял собой государственный архив в широком смысле этого слова. Там были сконцентрированы основные документы наиболее крупного политического значения.

Связь летописного дела с Посольским приказом можно проследить двумя путями:

Во-первых, сохранились описи архива Посольского приказа. Значительная часть этого архива в начале XVII в. сгорела, многие документы, очевидно, были разграблены польско-шведскими интервентами. Но по описям можно в известной мере восстановить утраченные архивные материалы. Одна из этих описей (так называемого царского архива, основное ядро которого совпадает с архивом Посольского архива) относится ко второй половине XVI в., затем имеется несколько описей за XVII столетие. Сопоставляя эти описи и летописные своды, можно видеть, что в последних упоминаются те же события и с теми же фактическими данными, что и в документах, которые хранились в Посольском приказе. Язык летописного изло-

жения деловой, напоминающий манеру приказного делопроизводства. Очевидно, летописцы, которые работали по заданию правительства, были допущены к пользованию материалами Посольского приказа.

Другой путь выяснения источников летописных сводов — это сличение их текстов с сохранившимися документами, которое также убеждает в том, что в основе летописного повествования часто лежит официальная документация. В качестве примера можно привести описание похода войска Ивана III на Новгород в 1478 г. Этому событию, которое явилось одним из решающих в процессе ликвидации политической раздробленности, автор летописного свода 1479—1480 гг. придавал особенно большое значение. В то же время сохранились официальные документы, связанные с подготовкой похода. Их сопоставление с летописным описанием показывает большую точность последнего (что может быть объяснено обращением к данным правительственного архива) и текстовую близость к документальному материалу.

Московская великокняжеская власть делала из летописных сводов практическое употребление, использовала их в политических целях. Так, когда Иван III в 1471 г. выступил в поход на Новгород, то, по рассказу летописца, он взял с собой одного из дьяков, Степана Бородатого. Летописец поясняет, зачем московский великий князь это сделал. Оказывается, Степан Бородатый являлся большим знатоком летописей. Он умел «говорити по летописцем русским», т. е. он знал летописные своды и умел приводить из них, когда это требовалось, нужные данные. Отправляясь со Степаном Бородатым в Новгород, Иван III имел в виду, что когда к нему явятся представители новгородского боярства для переговоров, он велит этому дьяку «говорити против их (новгородцев) измены давные, кое изменяли великим князем в давняя времена отцем его, и дедом, и прадедом»¹, т. е. заставит его рассказать, прибегая к материалу летописей, о тех изменах, которые чинили новгородские бояре московскому правительству в прошлом.

Следовательно, из летописных сводов черпались аргументы, используемые при предъявлении политических претензий; летописный материал звучал часто как обвинительный акт со стороны московских князей своим противникам. Именно поэтому и было необходимо, чтобы в основе летописных сводов лежали официальные документы, и ссылки, которые делались на летописцы, были бы должным образом мотивированы.

Важную роль приобретали летописные памятники и в изло-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 192.

жении внешнеполитической программы Русского государства, защищавшейся русскими дипломатами. Поэтому не случайно, что именно архив Посольского приказа явился тем фондом, из которого извлекались источники для исторического повествования. Будучи хранилищем материалов дипломатического характера, Посольский приказ вырос в архив важнейшего государственного значения. Русские послы, отправлявшиеся в XVI—XVII вв. за границу, не только хорошо владели документацией, касающейся внешнеполитических отношений, но были знатоками и летописных сводов.

Связь между дипломатическим делом и летописанием наметилась давно. Уже в ранних памятниках летописного характера воспроизводились, например, речи послов. Но когда создано было Русское централизованное государство, когда оформилась его единая дипломатическая система, тогда приобрели особенно выдающееся международное значение и летописные своды — не только как произведения историографии, но и как труды, отражающие внешнеполитическую линию правительства.

Перехожу к вопросу о тех исторических и политических идеях и представлениях, которые нашли отражение в московском летописании конца XV в. и, особенно, в общерусском своде 1479—1480 гг.

Задача этого произведения заключалась в обосновании политики московской великокняжеской власти, направленной к государственной централизации. Ведущая историческая идея памятника — это идея объединения русских земель в одно политическое целое. Эта идея выступает в виде представлений, характерных для мировоззрения господствующего класса. Она выливается в теорию о том, что Русская земля — это «вотчина» московского великого князя. Мысль о единстве Руси выражается в терминах феодального права: верховным собственником всей Русской земли, ее «вотчинником», является великий князь московский.

В качестве одного из наиболее ярких мест летописного свода 1479—1480 гг., развивающих эту мысль, может быть приведено описание походов московских войск на Новгород и переговоров Ивана III с новгородским правительством. Обращаясь к новгородским боярам через послов, Иван III говорит им: «Отчина есте моя, людие новгородстии, изначала от дед и прадед наших... мы владеем вами, и жалуем вас, и бороним от всех, а и казнити волны же есмы...»¹. Вы — наша «вотчина», наши подданные, мы являемся вашими господами-владельцами, мы жалуем вас, обороняем от врагов, но мы

¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 285. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 354—362.

же можем вас казнить, — вот формула взаимоотношений великих московских князей с новгородцами. Это целая политическая концепция: к Новгородской земле, как части единой Русской земли, применяются понятия, характеризующие положение феодальной вотчины, к населению Новгорода — представление о подвластности зависимых «людей» их «владельцу», который вправе «жаловать» и «казнить». Эта историческая концепция противопоставлялась теории, защищавшейся новгородскими летописцами, об исконной «вольности» новгородцев.

Московский летописец стремится провести взгляд, что Русская земля — это «вотчина» не только московских великих князей, но и древних князей киевских. В этом утверждении намечается как бы прямая линия исторического развития государства на Руси. Конечно, утверждения летописца далеки от исторической действительности, ибо централизованное государство не явилось непосредственным и естественным следствием развития Киевской Руси, между Древнерусским государством X—XI вв. и Русским государством XV—XVI вв. лежал период политической раздробленности. Но мы сейчас говорим не о реальном историческом процессе, а о том, как рисовали этот процесс представители господствующего класса в XV в.

Летописные своды конца XV в. отражают классовую идеологию феодалов. Яснее всего эта идеология выступает в отношении летописцев к трудовым народным массам. Примером может служить описание в летописном своде 1479—1480 гг. феодальной войны второй четверти XV в. между московским великим князем Василием Васильевичем и рядом удельных князей и бояр, которые были противниками государственной централизации. Во главе враждебной московской великокняжеской власти удельно-княжеской и боярской коалиции вначале стоял князь Юрий Дмитриевич Галицкий, дядя Василия II. Согласно летописному рассказу, к нему в Галич в 1425 г. приехал из Москвы митрополит Фотий. Юрий «собрав всю очину свою, и сrete его...» (т. е. для встречи митрополита Юрий якобы собрал все население своего княжества). Это, конечно, гипербола, но, очевидно, галицкий князь вышел навстречу московскому митрополиту с большим количеством народа, не только «с детми своими, и бояры, и с лучшими людьми своими», но «и чернь всю собрав из градов своих и волостей и ис сел и деревень...» (т. е. собрав чернь из городов и деревень). Летописец противопоставляет, с одной стороны, — «лучших людей», с другой стороны, — «чернь», — низшие слои населения (крестьян, городскую бедноту). Затем мы читаем в летописном своде: «И бысть их (черни) многое мно-

жество, и постави их по горе от града со приезда митрополита, кажа ему многих людей своих» (князь поставил народ на горе, с той стороны, с которой ожидался приезд митрополита). Идея летописного свода такова — князь хотел показать, какая у него сила, какое количество народа его поддерживает. Как же к этой демонстрации отнесся митрополит? Последний, якобы, «возрев на он (народ), иже по горе стоящ...» («посмотрев на народ, стоящий на горе»), «и рече князю Юрию: «Сыну, не видах столько народа во овчих шерстьех» («и сказал князю: сын мой, я никогда не видел столько народа в овечьей шерсти»). Далее летописец разъясняет смысл этого ответа: все собравшиеся были в сермягах и это вызвало насмешку митрополита. Юрий Дмитриевич хотел удивить последнего тем, что у него такое большое войско, а митрополит над ним насмеялся («в глум сих вмени себе»), потому что, по его мнению, люди в овечьей шерсти не могли явиться надежной военной опорой¹. Подчеркивая пренебрежительное отношение феодала-митрополита к народным массам, летописец выражает мысль (которую всегда проводили историки феодального лагеря), что историю творят представители правящих верхов, «лучшие люди», а не народ. Таким образом, в этом рассказе ярко проявляется классовая сущность идеологии летописца, отражающего настроение господствующего класса, его отношение к народу.

Будучи историческим трудом, проникнутым феодальной идеологией и служащим орудием политической борьбы, летописный свод 1479—1480 гг. представляет яркое публицистическое произведение. Эта публицистичность проявляется в самой манере изложения: спокойное историческое повествование в ряде случаев прерывается страстными обличительными выпадами по адресу противников централизации. Так, когда речь идет о взаимоотношениях Москвы с Новгородом, летописец не просто описывает поход войск Ивана III на Новгород, не просто рассказывает о переговорах, которые вели послы великого московского князя с новгородским правительством, а пользуется резкими эпитетами для того, чтобы заклеймить новгородских бояр, дает им клички — «злые смерды» (слово «смерд» — крестьянин получает оскорбительный смысл), «убийцы», «шильники» и т. д.² Такого рода эпитеты все время вклиниваются в летописное изложение и придают ему характер злободневности, остроты, полемичности.

В этом же направлении автор свода перерабатывает предшествующие памятники летописания. Так, например, в рас-

сказе об изгнании новгородцами князя в 1171 г., автор прибавляет к летописной записи, служившей его источником, слова: «...таков бо бе обычай окаянных смердов изменников»¹. Такого рода тенденциозные дополнения и исправления летописных текстов при их обработке в составе новых сводов характеризуют работу московских историков конца XV в. и XVI в. Злободневность и политическая направленность их трудов побуждает их привносить в прошлое мысли, порожденные настоящим, и даже фактический материал прошлого препарировать под углом зрения настоящего.

Летописная форма исторических трудов уже перестает удовлетворять и авторов, и заказчиков, и читателей. Хотя она еще сохраняется (и даже надолго), уже появляются новые приемы композиции исторического материала. В летописные своды при наличии хронологической сетки вводятся заголовки, выделяющие целые куски текста в самостоятельные статьи. Тем самым внимание читателя фиксируется на определенной теме.

Новым видом исторических произведений в рассматриваемый период являются хронографы². Буквально «хронограф» в переводе с греческого языка на русский значит то же самое, что летопись. «Хронос» — время, «графо» — пишу. Хронографы, созданные в России, отличались от обычных летописцев тем, что в них русская история излагалась в тесной связи с материалом, касающимся мировой истории. Хронограф — это летописец, в котором освещение событий дается с точки зрения их всемирно-исторического значения.

Греческие хронографы были известны на Руси еще в период Древнерусского государства. Когда я рассматривал «Повесть временных лет», то подчеркивал, что она ставит своей задачей показать историю русского народа на фоне всемирно-исторического процесса, в том понимании его смысла, которое было характерно для средневековых книжников.

Но всемирно-исторический аспект летописного повествования приобретает особое значение в период образования Русского централизованного государства, когда возникают хронографы русской редакции. Внешняя политика Русского государства с конца XV в. приобретает большой размах. Расширяются его дипломатические связи с Западом и с Востоком. Русское правительство обменивается посольствами с рядом европейских и азиатских государств. В этой связи задача хронографов показать международное значение России становится особенно актуальной.

¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 246.

² Там же, стр. 285.

¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 87.

² См. Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 331—354.

Завоевание Турцией славянских стран Балканского полуострова и падение в 1453 г. под турецким натиском Византийской империи вызвали в хронографах интерес к России, являвшейся в глазах славянских книжников оплотом православно-славной веры. По мысли этих книжников, Русское государство было подготовлено к своей роли мирового центра православия всей предшествующей всемирной историей, на протяжении которой пали многие «благочестивые» царства, «наша же Росийская земля... растет, и младает и возвышается...». В хронографах звучит мысль (облеченная в религиозную оболочку) о значении Русского централизованного государства как мировой державы, выражается надежда на то, что оно будет «расти, и младаети, и расширяться и до скончания века»¹.

Первая сохранившаяся русская редакция хронографа относится к 1512 г. Высказывается предположение, что в основе этой редакции лежит Хронограф, составленный в начале 40-х гг. XV в. в России выходцем из Сербии Пахомием Логофетом.

Хронограф редакции 1512 г. разделен на 208 глав, главы делятся на отдельные статьи с особыми заголовками, но без нумерации. Вначале в Хронографе приводятся библейские легенды (с сотворения мира) и дается история Израиля, затем излагается история персидских царей, описывается деятельность Александра Македонского, говорится о египетских Пролемях и Антиохийском царстве, о «попленении» и «разорении» Трои². Подробно излагается римская история и история Византии, причем особое внимание уделяется возникновению и распространению христианства. Специально выделяется «Начало царства христианских царей», причем первым христианским царем называется Константин Великий. Между главой, посвященной «Царству... Михаила и Феодоры», и главой «Царство Василиа Македоненина» (IX в.) впервые появляется материал, относящийся к истории Руси³. На всем протяжении дальнейшего изложения статьи по истории Руси приводятся в тесном сочетании с материалом, касающимся Византии и южных славян. Например, в главе 190 (относящейся к XII столетию) сначала идет статья «Царство Греческое», затем статья с заголовком «Великое княжение Русское»⁴. В главе 191 (XIII—XIV вв.) сосредоточен материал под следующими заголовками: «Царство Греческое», «О серпских деспотех», «О Болгарьском царствии»; «Царство Грече-

ское», «Великое княжение Московское при сих царих и в Руси»¹. Материал по истории западноевропейских стран в первой редакции Хронографа отсутствует.

Заканчивается Хронограф главой о взятии Царьграда турецкими войсками в 1453 г.

Заглавия отдельных глав указывают на направление интереса составителя Хронографа. Перед нами — история древних «царств» и «царей», к личности которых и приковано внимание Хронографа. Ведется специальный счет царствованиям. Например: «Царство Ромила, перваго царя Риму...», «Царство Таркиниевое, иже пятый бысть царь по Ромиле в Риме...»². В этом отношении Хронограф представляет типичное произведение средневековой историографии, в котором героями являются цари и правители.

Религиозный аспект повествования, задачи утверждения незыблемости православия также нашли свое отражение уже в самом построении Хронографа. Специальные главы посвящены церковным соборам: например, глава 120 — «О святом вселенском соборе первом»³, в особую главу выделено «Сказание о латынех, како отступиша от православных патриарх»⁴ (речь идет о разделении церквей — православной и католической). Статьи в ряде глав разоблачают различные «ереси» и «еретиков». Весь памятник проникнут церковно-охранительным направлением. Классовый смысл идеологии Хронографа станет ясным, если вспомнить, что в конце XV — начале XVI в. в России классовая борьба часто принимала форму еретических выступлений.

Религиозное мировоззрение составителя Хронографа сказывается в признании им роли чудесного в истории, значения предсказаний и пророчеств, видений и божественных знамений и явлений. Пророки и «лжепророки», мудрецы и жрецы выступают такими же действующими лицами исторического процесса, как и цари, императоры, полководцы. Различные исторические события рассматриваются как следствие божьего «благословения» или «господнего гнева» и «казни». Текст Хронографа заполняют всевозможные «толкования» разнообразных явлений природы и общественной жизни, «откровения» и «свидетельства» прорицателей и «философов», якобы подтвержденные исторической действительностью.

Хронограф пропитан своеобразной философией истории, сводящейся к мысли о превратности всего земного, о том, что

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 439—440.

² Там же, стр. 218.

³ Там же, стр. 340—350.

⁴ Там же, стр. 387—388.

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 388—390.

² Там же, стр. 226—227.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 324.

судьбами людей и народов управляет рок, против которого бессилен человек: «...таковы ти суть твоа игры, итрече, коло житейское!»¹ (таковы твои игры, игрок, колесо житейское). Это изречение конкретизируется в Хронографе путем изображения превратности судеб как отдельных исторических деятелей, так и целых государств. Весь мировой исторический процесс представляется составителю Хронографа как история возвышения и падения ряда «царств».

Такая философия отвлекала от активной борьбы против существующих общественных отношений, призывала к смирению и покаянию.

История в трактовке Хронографа проявляется в действиях людей, которые вызываются человеческими свойствами, добродетелями и пороками. Исходя из этой предпосылки, составитель Хронографа уделяет большое внимание психологическим характеристикам. Они обычно гиперболичны, неумеренны по обилию эпитетов и однотонны: в них или обилие света или, наоборот, тени. Так, говоря «О добродетелех» Александра Македонского, Хронограф пишет: «...неповторяем языком и непоколебим умом, и выше меры дароподатлив ко всем, и долготерпелив на согрешающаа безмерно, и сужаще повсегда праведно, и ко укоряющим его терпелив, и клеветующих на кого ему не послушаше, но едино ухо, им же преклоняшесе клеветущему, перстом загражаше...»² (не поддающийся описанию словесным увещаниям и непоколебимый умом; готовый всех одарить свыше меры; долготерпеливый в отношении великих грешников; всегда чинящий праведный суд; с терпением относящийся к осуждающим его; не слушающий клеветников и перстом, закрывающий от них ухо).

Если Александр — герой добродетели, то император Фока, согласно характеристике составителя Хронографа, — страшный злодей, «мучитель»: «...бьяше бо нравы убийца, сластолюбив, свирепообразен, пианица, скорогневлив, кровопийца, яко тяжкоумный лев плоти снадати погубляемых человек и кров пити сладчайши мьста вменияше»³ (по своему нраву он был убийца, сластолюбец, свирепый образом, пьяница, падкий на гнев, кровопийца, подобно льву наслаждающийся плотью и кровью своих жертв).

Воплощением человеческих страстей являются в трактовке Хронографа образы зверей («зверь горкосердый», «пес бесный», «тяжкоумный лев», «лютый зверь вражда», «сердцеспесивый медведь» и т. д.)⁴.

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 377.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 302, 360.

⁴ Там же, стр. 302.

Мировая история представляется составителю Хронографа местом игры человеческих страстей и ареной ими направляемых человеческих действий. Войны, «побоища» и убийства, восстания и «брани» (междоусобия), преступления и казни, разрушения и «пленения» царств и разорения городов, победы и поражения, злодеяния и подвиги, «ереси» «лжепророков» и мучения праведных христиан — все это сюжеты для занимательного рассказа и материал для религиозного морализирования, для того, чтобы извлечь уроки христианского поведения, ощутить бренность и тщету земного, примириться с существующей действительностью.

При этом Хронограф характеризуется динамичностью рассказа, необычайными контрастами добра и зла, счастья и несчастья, добродетели и порока и психологизмом в изображении человеческих поступков. В истории, как ее понимает автор Хронографа, действуют, с одной стороны, цари — «преступники», «мучители», «прелюбодеи», «сребролюбцы», с другой — «великие» христианские правители.

Несмотря на то, что исторический процесс выражается в цепи бесчисленных и многообразных поступков людей, добродетельных и преступных, — человек, по мысли составителя Хронографа, зависим от потусторонних сил, действие которых проявляется в необычных явлениях природы: например, в «труссе» (землетрясении) и «море». Составитель Хронографа активно включает природу в сферу исторического процесса. Так, говоря о Фоке «мучителе», он рассказывает, что в его царствование скот и землю поразило неплодие, была студеная зима, так что море замерзло, перемерли рыбы и многие бедствия постигли людей. Земля похолодела, наполнившись кровью от убийств, совершенных мучителем, и испустила безгласные вопли к всеильному богу, жалуюсь на бешеного тигра («Тогда убо скотом и земли неплодствие бысть, и зима тяжка, яко и морю померзнути, и рыбом измрети, и многи беды постиже человеки. И убо стужиси земля, исполняема... ото убийств кровми, и вопля испусти безгласныи ко всеильному богу на тигропардоса беснаго»)¹.

Заботясь о назидательности рассказа, составитель Хронографа украшает свое изложение риторическими вопросами, нравоучительными сентенциями, длинными тирадами и рассуждениями. Стиль произведения отличается велеречивостью и напыщенностью.

В Хронографе использован большой материал источников: византийских, южнославянских, русских. Это — значительная по масштабам историческая компиляция.

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 303.

Если Хронограф редакции 1512 г. представляет историческое произведение нового типа, то и летописные своды этого времени характеризуются чертами, свидетельствующими о новых явлениях в русской историографии. Большой интерес в этом отношении вызывают летописи Воскресенская (названная так потому, что один из ее списков в середине XVII в. был передан патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь) и особенно Никоновская (один из ее списков принадлежал патриарху Никону). Воскресенская летопись, возникшая, вероятно, в конце 30 — начале 40-х гг. XVI в., в основном построена на летописном своде 1479—1480 гг. и некоторых других памятниках летописания. Никоновская летопись составлена в конце 30 — начале 50-х гг. XVI в. и представляет грандиозную историческую компиляцию, источниками которой послужили как более ранние произведения летописного характера, так и всевозможные сказания, «жития», памятники переводной византийской литературы, наконец, материал народного творчества.

В Никоновской летописи история Руси тесно связывается с историей Византии. Специальные статьи посвящены описанию царствований отдельных византийских императоров, а также событиям исторического прошлого Болгарского и Сербского «царств». Таким образом, летопись следует построению Хронографа, в котором прошлое Руси давалось на фоне истории Византии и южнославянских стран. Только в Никоновской летописи, в противоположность Хронографу, история Руси является основной темой и занимает подавляющее место, а материал, относящийся к Византии, Болгарии, Сербии, дан лишь в виде сравнительно кратких очерков.

Хронологическая сетка в Никоновской летописи сохраняется, но внутри этой сетки часто помещаются самостоятельные в литературном отношении (иногда весьма развернутые) повести и сказания под отдельными заголовками (например, «О Кальском побоище», «Батыева рать»¹ и т. д.).

В качестве интересного историографического приема надо отметить стремление составителя Никоновской летописи привести в рассказах о тех или иных событиях показания разных источников, дающих различные варианты описаний этих событий. Эти варианты выделяются специальными ссылками: «От иного летописца»².

Составители Никоновской летописи проделали большую

работу по сведению источников, их согласованию, сокращению, осмыслению.

Многое в манере повествования, принятой в Никоновской летописи, восходит к Хронографу — это стремление выявить мотивы поступков действующих лиц, своеобразный психологизм в трактовке тех побуждений, которые ими двигали, расширение в тексте места, занимаемого нравоучительными сентенциями, попытка разукрасить стиль исторического рассказа, придать ему большую вычурность.

Во второй половине XVI в. в связи с постепенной утратой прежнего значения летописной формы изложения исторического материала появляются исторические произведения нового типа. Сама летописная форма исторического повествования находит иное применение.

Одной из новых разновидностей исторических памятников становятся произведения, посвященные крупным историческим событиям или выдающимся историческим деятелям. Это не летописные своды общего характера, ставящие своей задачей дать историю всей Русской земли или крупного княжества за длительный (часто многовековой) промежуток времени, а исторические произведения специального назначения, описывающие, например, события определенного царствования (или охватывающие какую-то часть этого царствования). Такие произведения сильно отличаются от обычных исторических повестей и по своему объему и по своему замыслу показать описываемое явление в широких исторических рамках, используя большое количество источников. В этих отношениях они приближаются к летописным сводам. Да и известная хронологическая канва в них сохраняется. Но от летописных сводов подобные труды отличаются и тем, что летописная сетка носит уже подсобный характер, и большим единством темы, и большей целеустремленностью изложения, сконцентрированного вокруг определенного события или лица.

В начале 50-х гг. XVI в. был создан «Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича...»¹, сохранившийся в составе Никоновской и отдельно Львовской летописей и охватывающий события за 1534—1553 гг. Форма изложения в этом произведении летописная — материал расположен в последовательности годов. Но это — не свод, посвященный обозрению русской истории на протяжении многих столетий; «Летописец» ставит перед собой специальную цель — осветить деятельность Ивана Грозного, причем за сравнительно узкий отрезок времени. Это не «Повесть временных лет» — произведение на большую историческую тему,

¹ ПСРЛ, т. X, стр. 89.

² Там же, стр. 37. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 474—479, 351—353.

¹ ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 75.

рассказывающее, «откуда есть пошла Русская земля», а придворный летописец Ивана IV. Но он сильно отличается от придворных княжеских летописцев периода феодальной раздробленности, которым присущ узкий характер семейной, фамильной хроники, своим замыслом показать новое царствование как важнейшее явление мировой истории, открывающее новую эру.

Появление данного памятника не случайно. Годы его создания — это как раз то время, когда Иван IV перешел к самостоятельному правлению и когда был проведен ряд крупных реформ. Непосредственным толчком к этим преобразованиям явилось обострение классово-борьбы, наиболее крупным проявлением которой было восстание в Москве в 1547 г. Угроза антифеодальных движений вызвала консолидацию господствующего класса, направившего свои усилия на укрепление централизованного государства. Венчание Ивана IV на царство послужило внешним выражением усиления единодержавия и преодоления пережитков политической раздробленности внутри страны и повышения авторитета России на международной арене. Все эти явления должны были найти идеологическое обоснование в «Летописце начала царства».

В третьей четверти XVI в. появляется и другой памятник, составленный по инициативе Ивана Грозного (и как думают некоторые исследователи, исправленный им собственноручно), — «Царственная книга».

«Летописец начала царства» так же, как и более ранний летописный свод конца XV в., основан главным образом на официальном материале, на источниках документального характера. Круг этих источников весьма широк. Используются посольские дела (материалы, касающиеся дипломатических переговоров, приема и отправки послов), разрядные записи, касающиеся организации военных походов с указанием полков, имен стоящих во главе их воевод и т. д. Привлечены в качестве источника царские грамоты и другие документы.

Официальный документальный материал занимает очень большое место в «Летописце», и это отличает его от более ранних памятников летописания. В то же время для «Летописца» характерны приемы интерпретации исторических явлений, типичные для историографии XVI в. (психологическая мотивировка человеческих поступков, введение в текст вымышленных речей и т. д.).

Основная тенденция «Летописца» Ивана IV заключается в обосновании задачи создания сильного государства, важности укрепления самодержавной власти царя. В типичном для средневековой историографии плане эта тенденция проявляется в возвеличении самого Ивана IV, в прославлении его действий.

Автор «Летописца» обращает большое внимание на вопросы, связанные с расширением Русского централизованного государства на Востоке. Это понятно, если принять во внимание, что в 50-х гг. XVI в. как раз восточная политика представляла основную линию внешней политики России. Балтийская проблема была выдвинута на первый план в международных отношениях несколько позже, в конце 50-х гг. XVI в. «Летописец» содержит много данных для изучения вопроса о росте Русского государства, как многонационального, о включении в его состав ряда народов Поволжья. Большое внимание он уделяет присоединению Казани, рассказывая об этом факте на основе документального материала, используя в своих целях соответствующие правительственные акты.

Присоединение Казани расценивается «Летописцем» как освобождение русского народа («православного христианства») от иноземного засилья («от безсерменского пленения и работы») ¹. Согласно концепции «Летописца», русский народ и другие народы, подвластные Руси, были в свое время захвачены казанскими татарами. Поход Ивана Грозного на Казань в 1552 г. — это, по мысли автора «Летописца», акт их избавления от «пленения», от «работы» на «басурман», на «безбожных казанских татар».

Таким образом, политической идее дается религиозное обоснование. Русские — христиане, татары — магометане, «басурмане». Освобождение от власти казанских татар — это свержение ига «неверных». В рассказе о присоединении Казанского ханства на конкретном материале раскрывается идея о роли в истории божественного промысла. Результаты похода на Казань объясняются помощью божьей. Казань была взята русскими войсками, татары побеждены потому, что бог оказал помощь православному царю. Идея провиденциализма определяет мышление автора «Летописца» и создает философскую основу для его концепции.

Интересен вопрос об отношении «Летописца» к народному движению. Поскольку памятник возник непосредственно после крупного антифеодального выступления в Москве в 1547 г., автор «Летописца» должен был прежде всего оценить это событие. Московское восстание в «Летописце» расценивается как «безумие»: «черные люди... всколебашася яко юроди», «детей боярских многих побиша... безумием своим», а затем «разбегошася по иным градам, видяще свои вину, яко безумием своим сие сотвориша» ².

Царственная книга дает более сложную характеристику

¹ ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 162

² Там же, стр. 154.

этому восстанию, стремясь подчеркнуть, что оно было вызвано злоупотреблениями боярства. Автор Царственной книги пишет так: «А сие глаголаху чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху»¹. Следовательно, Царственная книга хочет сказать, что в это время Глинские были близки к царю, пользуясь царским покровительством их приближенные притесняли «черных людей», что и побудило последних выступить. Следовательно, «Летописец» расценивает это выступление как движение, направленное не против существующего общественного строя, а против определенной боярской фамилии, поведение которой автор, как идеолог централизованной монархии, осуждает. Он хочет сказать, что с концом правления бояр, с приходом к власти царя, народу нет поводов для недовольства.

Царственная книга уделяет много внимания борьбе царя с боярской «крамолой», с оппозицией той части феодальной аристократии, которая стремилась к консервации пережитков феодальной раздробленности.

Этому вопросу посвящено описание боярского «мятежа» во время болезни Ивана Грозного в 1553 г. Заболевание царя было настолько серьезным, что он потерял сознание и не узнавал людей. Ждали его кончины. «...и бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти: х концу приближися»². В это время бояре подняли «мятеж». «И бысть меж бояр брань велия, и крик и шум велик, и слова многие бранные»³. Описание боярской «брани велией» у постели царя дается очень ярко с целым рядом характерных бытовых подробностей.

«Мятеж» возник в связи с тем, что Иван IV потребовал принесения присяги своему сыну царевичу Димитрию. Часть боярства, которая находилась в оппозиции самодержавию, выдвинула в противовес Димитрию кандидатуру Владимира Андреевича Старицкого, одного из последних оставшихся удельных князей. Владимир Андреевич интересовал бояр, конечно, не сам по себе, а постольку, поскольку он, как удельный князь, принадлежал к числу врагов централизованной монархии и с этой точки зрения его возможное воцарение расценивалось как поворот политики в сторону реставрации порядков феодальной раздробленности. Описывая все, что происходило в связи с царским требованием принесения прися-

¹ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 456.

² Там же, стр. 523.

³ Там же, стр. 524. См. также Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 362—370.

ги царевичу, автор Царственной книги осуждает поведение бояр и выступает на стороне сильной царской власти. На конкретном эпизоде, связанном с болезнью царя, он проводит политическую идею о необходимости утверждения единой державы.

Авторы «Летописца начала царства» и Царственной книги так же, как и составители летописного свода 1479—1480 гг., выступают не просто как беспристрастные бытописатели, а как публицисты, давая острые политические оценки действиям боярской олигархии, боярскому самовластию.

Важным явлением в области историографии третьей четверти XVI в. было создание многотомного грандиозного иллюстрированного («лицевого») летописного свода, дававшего картину истории Руси в связи со всемирной историей с древнейших времен до царствования Ивана Грозного включительно. Политическая задача этого памятника историографии состояла в том, чтобы показать, что весь процесс всемирно-исторического развития является своеобразной прелюдией к царствованию Грозного, как к новой эре в истории человечества.

Интересным и своеобразным памятником исторической мысли третьей четверти XVI в. является так называемая «Книга степенная царского родословия»¹. Она была составлена в 60-х гг. XVI в., как думают исследователи, протопопом Афанасием (будущим митрополитом). Инициатором и редактором этого произведения, возможно, выступал митрополит Макарий — один из высших церковных иерархов, близких к Ивану Грозному.

Само название памятника «Книга степенная» означает, что в нем дается изложение событий русской истории по «степеням» или по «граням». «Степень» или «грань» — это раздел текста, который делится на главы. Ряд таких «степеней» составляет своеобразную лестницу, по которой восходит автор, ведя свой рассказ от прошлого к настоящему. Изложение в «Степенной книге» начинается с деятельности христианского князя Владимира (грань 1), а кончается временем Ивана Грозного (грань 17). Каждая глава посвящена определенному князю (правлению какого-либо князя) и деятельности сопровождающего с ним митрополита.

От исторического труда типа «Летописца начала царства» «Степенная книга» отличается тем, что она дает изложение событий за длительный период. В этом отношении памятник приближается к более ранним летописным сводам. Но сама форма повествования в «Степенной книге» совершенно иная (распределение материала не по годам, а по отдельным кня-

¹ ПСРЛ, т. XXI, первая половина, ч. 1, стр. 1.

жениям в виде связанных рассказов). Это — новый тип композиции исторических произведений, отходящий от манеры летописных сводов и приближающийся к биографиям, жизнеописаниям отдельных князей и митрополитов.

«Степенная книга» дает политическую историю России, точнее, — генеалогию и историю отдельных представителей княжеской власти, причем эта история преподносится под углом зрения религиозной идеологии. Подчеркивается и всемерно пропагандируется союз княжеской и царской власти с высшими церковными иерархами. Можно сказать, что «Степенная книга» ставит своей задачей обосновать с религиозных позиций необходимость единодержавия при господствующем положении церкви в системе государства. Не случайно каждая «степень» или «грань» «Книги степенной царского родословия» посвящена деятельности отдельных князей в тесном содружестве с представителями церковной власти. Самый стиль изложения материала в «Степенной книге» имеет церковный оттенок. Это литературная манера церковного «жития».

Таким образом, «Степенную книгу» можно назвать памятником историографии, проводящим в религиозном аспекте политические идеи централизованной монархии, в системе которой уделяется ведущее место церкви.

Из других исторических произведений XVI в. представляет интерес «История о Казанском царстве» или «Казанский летописец». Этот труд был написан почти одновременно со «Степенной книгой» — в 60-х гг. XVI в.

Название «Казанский летописец» не вполне точно определяет характер рассматриваемого памятника. Это не «Летописец» в буквальном смысле слова (памятник летописания). Это — повесть, посвященная историческому обоснованию важного политического события — падения Казанского ханства. По типу она несколько приближается к «Летописцу начала царства» Ивана Грозного — труду, в котором сделана попытка показать значение царствования видного исторического деятеля — Ивана IV. Но «История о Казанском царстве» отличается от «Летописца» Грозного тем, что в ней превалирует литературность изложения исторических событий, в то время как в «Летописце» — документальность их обоснования.

Погодное изложение уже не определяет построения «Истории о Казанском царстве». Распределение материала по годам заменяется связным историческим рассказом. Для оценки характера этого произведения прежде всего интересно познаться с литературным замыслом самого автора. Он называет свою повесть «красной», что означает — красивая, поэтическая. Таким образом, автор ставил своей задачей дать художественное изложение исторического прошлого. Он хотел

изобразить события и факты минувшего в красочной форме. «Красныя убо новыя повести достойно нам послушати, а христороименити людие, яже содеяшася преславная дела в нашей земли во дни наша», — пишет автор, обращаясь к своим читателям, — т. е. следует послушать новую красочную повесть о тех славных делах, которые случились в нашей земле в наши дни.

Автор хочет, чтобы тот, кто прочтет его произведение, перестал скорбеть о бедах, причиненных русскому народу казанскими ханами, поскольку они побеждены: «...прочете, братия наша воины, от скорби своея применятя, а простые же возвеселятца и прославят бога»¹. Таким образом, перед нами не просто художественное произведение и не просто исторический трактат. Перед нами историческая повесть (литературно оформленная), которая преследует цель морального поучения: читающие эту повесть должны извлечь из нее определенные уроки. Это — литературное произведение об исторических событиях, которое должно не только дать материал для занимательного чтения, но и подсказать читателю важные выводы, — о силе Руси, о ее славе, а тем самым поднять дух русских «воинов».

Переходя к историческим идеям «Истории о Казанском царстве», следует отметить, что наиболее существенной для ее содержания является идея единства Руси, которая в связи с поднятой в «Истории» темой приобретает особое значение. Автор как будто бы ставит перед собой сравнительно ограниченную задачу — написать историю Казанского ханства вплоть до его присоединения к России. Но он делает это для того, чтобы провести мысль, что Казанская земля представляет собой часть Руси. «Бысть убо от начала Руския земли, якоже поведают Русь и варвари, все то Руская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань...»² (т. е. с самого начала Руси, как нам рассказывают русские и нерусские люди, та территория, на которой находится Казань, входила в состав Русской земли). Следовательно, Казань не была завоевана при Грозном, а была возвращена как исконная русская территория — такова первая мысль, которая пронизывает «Историю о Казанском царстве». Это — политическая идея, распространенная среди господствующего класса того времени, но в «Истории о Казанском царстве» она находит своеобразное обоснование на материале, касающемся взаимоотношения русского и нерусских народов.

Вторая идея «Истории о Казанском царстве», тесно свя-

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 1—2.

² ПСРЛ, т. XIX, стр. 2; Казанская история, М.—Л., 1954.

занная с первой,— это представление о том, что все народы, которые жили когда-то на территории Казанского ханства до завоевания Руси монголо-татарскими захватчиками, были подвластны русским князьям. Так автор и говорит: народы, обитавшие «по обою странам великия реки Волги вниз и до Болгарских рубежов и до Камы реки... дани дающе Рускому царству до Батяя царя»¹ (т. е. до того, как произошло нашествие на Русь Батяя, население областей в пределах Поволжья и Прикамья находилось в подчинении у русских князей).

Последняя идея «Истории о Казанском царстве», которая тесно связана с первыми двумя и является как бы их завершением, заключается в том, что присоединение Казани — это акт, исторически подготовленный. Все прошлое Казани в изложении автора «Истории» подводит к решающему моменту — ее взятию русскими войсками при Иване IV. Поэтому автор, написавший «Историю о Казанском царстве», особое внимание уделил вопросу о его падении и включении народов Поволжья в состав Русского государства.

Таким образом, «История о Казанском царстве» представляет собой произведение, своеобразное по форме («красная повесть»), посвященное большой теме, связанной с ростом многонационального Русского государства. Взгляды автора — это взгляды передового слоя класса феодалов.

Из лагеря консервативного боярства в конце XVI в. вышло произведение, представляющее интерес с точки зрения отражения в области исторических идей и представлений той политической борьбы, которая шла в лагере феодалов в связи с процессом создания централизованного государства. Это — произведение князя А. М. Курбского.

Курбский — представитель той части боярской аристократии, которая во второй половине XVI в. вступила на путь прямой измены Русскому государству. Как известно, Курбский во время Ливонской войны в 1564 г. бежал из России и остаток своей жизни прожил в пределах Речи Посполитой, заняв враждебную линию поведения по отношению к Русскому государству.

Ему принадлежит ряд сочинений, из которых в качестве труда исторического характера выделяется «История о великом князе московском, еже слышахом у достоверных, и еже видехом очима нашими, сие сокращенне вмещаючи, елико возмогах, написах прилежнаго ради стужания от многих»² (т. е. то, что автор слышал от лиц, заслуживающих доверия, и то, что сам видел своими глазами, все это он сокращенно,

насколько сумел, описал, идя навстречу упорным просьбам многих лиц).

Показательно само развернутое название «Истории». Оно в известной мере определяет ее характер. Курбский хотел писать, с одной стороны, о том, что ему было известно самому, о тех событиях, очевидцем которых он являлся; с другой стороны, его источником служили показания других людей. Побуждаемый рядом лиц, он кратко описал то, что видел сам, и то, что слышал от других. Следовательно, сочинение Курбского можно определить как исторический труд, с одной стороны, и как мемуары — с другой.

Рассматриваемое произведение имеет определенную политическую направленность, давая тенденциозную характеристику Грозного. Идеология «Истории о великом князе московском» Курбского — это идеология боярства, которое отрицательно относилось к реформам Грозного, особенно к опричнине. Написал Курбский свою «Историю» в то время, когда он был в Литве, — как думают, в 1576—1578 гг. Это те годы Ливонской войны, когда военное и международное положение России было очень тяжелым. Поэтому появление за границей произведения, явно враждебного Ивану IV, было использовано противниками Русского государства — прежде всего польским и литовским панством.

В своей «Истории» Курбский излагает определенную политическую программу. Существует мнение, что Курбский якобы стремился вернуться к феодальной раздробленности, расчленению России на ряд независимых княжеств. Никаких оснований для такого взгляда нет. Программа Курбского была не столь примитивной. Но Курбский был действительно врагом централизованной монархии, противником единой державы. Поэтому он настаивал на том, что царь обязан делить свою власть с боярами, которые должны быть его советниками. «Воистинну по премудрому Соломану глаголющему: царь рече, добрыми советники, яко град претвердыми столпы утвержден»¹ (т. е. согласно библейским текстам, приписываемым царю Соломону, добрые советники так же укрепляют царя, как твердые столпы — город). Мысль о необходимости значительного участия боярской аристократии в государственной жизни характерна для политической идеологии Курбского. В то же время он говорит о том, что царь должен «искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников» (из числа бояр), но и у «всенародных человек»², т. е. признает, очевидно, полезность созыва земских соборов.

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 2—3.

² Русская Историческая библиотека (далее РИБ), т. 31, стр. 161.

¹ РИБ, т. 31, стр. 172.

² Там же, стр. 214—215.

«История» Курбского содержит персональные обвинения, адресованные Ивану Грозному. Но эти обвинения направлены и против тех общественных слоев, интересы которых он отражал в своей политике. Курбский выступает против назначений на посты в силу только служебной пригодности, а не родовой принадлежности. В этом отношении характерно следующее высказывание Курбского. Он говорит, что царь, назначая приказных людей, избирает их «не от шляхетского роду, ни от благородна» (здесь Курбский пользуется терминологией, с которой он познакомился в Литве), т. е. не из боярских родов, не из аристократии. Царь назначает «писарей» (дьяков) «от поповичов или от простаго всеяродства», т. е. из числа простых людей¹. Курбский имеет в виду ущемление интересов боярства со стороны дворянства, посадского населения, духовенства. Далее он следующим образом объясняет политику царя: «...ненавидячи творит вельмож своих», т. е. Грозный поступает так, потому что ненавидит своих вельмож, крупных бояр. Следовательно, Курбский ведет борьбу за сохранение местничества, обеспечивавшего продвижение по служебной лестнице прежде всего крупной феодальной аристократии.

Курбский направляет острие своей критики и против осифлянского духовенства (той части церковников, которые проводили в жизнь взгляды Иосифа Волоцкого). Осифляне стояли за расширение монастырского землевладения, они были сторонниками того, чтобы церковные учреждения владели недвижимым имуществом и использовали крепостной крестьянский труд. Другая часть духовенства — «нестяжатели» (часто выходцы из боярской среды) были противниками крупного монастырского землевладения, так как вотчины монастырей росли в значительной степени за счет земель разорявшихся бояр. Политическая программа осифлян заключалась в отстаивании господствующей роли церкви, которую должен признать царь. Эта идея нашла отражение и в «Степенной книге». Курбский выступает против осифлян с позиций нестяжателей.

Я говорил уже, что Курбский определял задачу своего сочинения, как произведения отчасти исторического, отчасти мемуарного характера. Но можно сказать, что его «История» является не столько историческим повествованием и не столько личными воспоминаниями о прошлом, сколько историческим памфлетом, направленным против Грозного и тех общественных слоев, на которые он опирался (дворянство, духовенство, посад).

Многое в «Истории» является не плодом обработки пока-

заний очевидцев, и не результатом собственных наблюдений автора, а исходит от политической тенденции.

Сам Курбский определяет цель написания своей «Истории» желанием предать действия царя суду современников и потомков. Он видит в историческом произведении задачу обличительного порядка. Историк должен не просто описывать прошлое, а обличать его деятелей. Он решил выступить со своей «Историей» для того, чтобы дела его современников не были преданы забвению и получили должную оценку. Дела, говорит Курбский, бывают злые и добрые. Добрые дела описываются для того, чтобы потомки им следовали и подражали, о злых, о пагубных делах следует писать с тем, чтобы люди последующих поколений остерегались их повторять. Таким образом, и добрые и злые дела предков должны служить примером потомкам: «...славныя и нарочитыя исправления великих мужей от мудрых человек историями описашася, да ревнують им грядущие роды; а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради пописани, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы...»¹. Таким образом, Курбский ставит перед историком задачу морального поучения.

Как же Курбский объясняет исторические события в свете поставленной перед собой цели поучать людей историческими примерами?

Обычным для средневековых книжников было объяснение исторического процесса действием божественного промысла. Это типичная средневековая трактовка, характерная для того религиозного мировоззрения, которое господствовало в феодальном обществе. В любом летописном своде или каком-либо другом памятнике историографии того времени идея провиденциализма присутствует явно или незримо, определяя подход авторов к рассмотрению настоящего и прошлого.

Идея провиденциализма свойственна и мировоззрению Курбского. И он, как представитель своего класса, своего времени, тоже находится под влиянием религиозной идеологии; мысль о воздействии божественного промысла, как важном факторе исторического процесса, все время присутствует в его труде.

Но в то же время Курбский в ряде случаев объясняет причины того или иного события естественными свойствами человека, его природными склонностями. Одна из главных задач его «Истории» — показать происхождение, как он выражается, презлости, лютоści Грозного², источник его жестоких дел. Злость — это, по Курбскому, природное свойство Грозного.

¹ РИБ, т. 31, стр. 221.

¹ РИБ, т. 31, стр. 274.

² Там же, стр. 165.

Это — объяснение, уже несколько отступающее от той религиозной точки зрения, которая целиком пронизывает целый ряд исторических произведений XVI в. Природные склонности, естественные свойства человека — вот что, по мысли Курбского, существенно для понимания поступков отдельных исторических деятелей. В Грозном была заложена от природы жестокость. Он был зачат и рожден «в законопреступлению и во сладострастию», ибо его отец Василий III постриг в монашество первую свою законную жену и женился на другой. От этого второго брака родился Грозный. Жестокость, свойственная Грозному, послужила причиной всех его реформ — введения опричнины и т. д. Жестокость — это качество не только самого Грозного, эта «презлость» характерна и для его предков. Это — свойство, передающееся из поколения в поколение в роде московских князей.

Курбский подчеркивает также значение, которое имеет в истории влияние одних людей на других. Это воздействие является фактором, который объясняет то или иное историческое событие. Когда Курбский говорит о действиях Грозного и его предков — представителей фамилии московских князей, то указывает на вред, который приносили «жены-иноземки». Московские князья брали в жены иностранок. Они оказывали вредное влияние на мужей, определяя их действия, а эти действия приводили к нежелательным историческим последствиям.

Теория «естества» была поставлена на службу консервативной концепции Курбского, использована им во враждебных России целях в тех произведениях, которые он писал за границей.

Таким образом, развитие исторической мысли в XVI в. происходило в борьбе передовых течений с реакционными.

Лекция пятая

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РУССКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

Большое влияние на развитие исторической мысли оказали крупные события начала XVII в. — массовое антифеодальное движение, которое вылилось в грандиозную по размаху крестьянскую войну под руководством И. И. Болотникова, и героическая борьба русского народа с иностранной интервенцией, приведшая к победе народного ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского и изгнанию из страны польско-литовских и шведских захватчиков. Все эти явления должны были найти отражение в памятниках литературы и исторических трудах. И действительно, появляется ряд повестей и сказаний, посвященных указанной тематике. Некоторые из таких произведений были созданы в период крестьянской войны и народной борьбы с польско-шведской интервенцией, большинство же их возникло уже по окончании этих событий.

Некоторые памятники исторической мысли представляют особенный интерес. К их числу относится «Сказание» («История в память предидущим родом...», т. е. «История в назидание потомкам») ¹ Авраамия Палицына, который был келарем Троице-Сергиева монастыря (т. е. в его ведении находилось все монастырское хозяйство). Свою «Историю» Палицын начал писать во время интервенции и закончил к 1620 г. Центром внимания Авраамия Палицына является оборона Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских оккупантов. Этот монастырь, бывший крупной крепостью, сыграл большую роль в

---

¹ Сказание Авраамия Палицына. Подг. текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955, стр. 101.

защите Москвы от иноземных захватчиков. Освещая свою основную тему, Авраамий Палицын в то же время посвящает ряд глав своего произведения и общей оценке событий «Смутного времени» (как называли современники годы крестьянской войны и иностранной интервенции), характеристике отдельных правителей конца XVI — начала XVII в., их политики и т. д.

Другое произведение — это так называемый «Временник» Ивана Тимофеева, который был в основном закончен почти в то же самое время, что и «Сказание» Авраамия Палицына, — в 1619 г. Иван Тимофеев — дьяк одного из московских приказов — был послан в царствование Василия Шуйского в Новгород на службу, по окончании которой не мог выехать обратно ввиду начала интервенции шведских феодалов, захвативших город, и пробыл там в течение всей шведской оккупации. В своем «Временнике» значительное внимание Тимофеев уделил новгородским событиям.

Как и Авраамий Палицын, Тимофеев поднимает в своем труде общие вопросы, связанные с оценкой как крестьянской войны, так и интервенции.

Из исторической литературы 20-х гг. XVII в. заслуживают внимания произведения еще двух авторов — князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского и князя Ивана Андреевича Хворостинина.

И. М. Катырев-Ростовский — это один из представителей старого московского боярства, родственник патриарха Филарета и, следовательно, человек близкий к династии Романовых. Законченный им в 1626 г. труд («Повесть книги сея от прежних лет...») посвящен событиям с царствования Ивана Грозного и до вступления на престол Михаила Федоровича, которые в момент написания «Повести» представляли уже историческое прошлое.

И. А. Хворостинину принадлежит произведение под названием «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России» (Повесть о прошедших днях, и царях и патриархах московских, правивших в России). Хворостинин скомпрометировал себя близостью к первому самозванцу и написанная им по окончании «Смуты» «Повесть» была создана в значительной мере с целью реабилитации.

Не останавливаясь на характеристике каждого из этих произведений в отдельности, отметим те общие черты, которые, при всей специфике разных памятников, характерны для них в целом и указывают на новые явления в феодальной историографии этого времени.

Повести представляют собой, с одной стороны, труды исторического характера, с другой стороны, публицистические

трактаты, наконец, они могут рассматриваться и как памятники мемуарной литературы, так как авторы их являются современниками и свидетелями многих событий, которые они описывают. В этом отношении характерно, например, то, что говорит Иван Тимофеев: «...и поносно бо есть писателю, не ясно ведуще, сущая вещи описывать, извет полагая постиженьми, и бывшая деяньми неиспытне воображати...», т. е. «...и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами сочиняя ложь, и без исследования воображать то, что делалось...»¹. Таким образом, сам автор подчеркивает, что писатель должен быть очевидцем или знатоком тех событий, которые он передает, так как неудобно рассказывать о том, что самому недостаточно известно.

Но авторы сказаний о событиях начала XVII в. выступают не только как очевидцы, но и как историки. Имеются основания думать, например, что Авраамий Палицын при работе над своим «Сказанием» получил доступ в правительственный архив и пользовался в качестве источника материалами Посольского приказа. И другие писатели начала XVII в. прибегали при написании своих трудов к различным источникам: и к устным рассказам очевидцев, и к письменным свидетельствам.

Надо особенно подчеркнуть, что повести о событиях начала XVII в., являясь памятниками историографии, в то же время преследуют нравоучительные цели. По мысли их авторов, читатель должен извлечь определенные уроки из опыта прошлого, сделать выводы для себя. История как наука еще не отделилась от публицистики и художественной литературы.

Какие исторические идеи положены в основу объяснения событий «Смуты»? Большинство авторов — Авраамий Палицын, Иван Тимофеев, Катырев-Ростовский, Хворостинин и другие — это представители господствующего класса, отражающие взгляды и интересы его различных слоев. При всех расхождениях по отдельным вопросам они являются выразителями идеологии феодалов. Рассматривая события начала XVII в., они оценивают их как «Смуту», анархию, нарушение искони сложившихся порядков и подходят к фактам из истории «Смутного времени», прежде всего, как к проявлению кризиса власти, потрясению основ политического строя, упадку самодержавия. Эта идея пронизывает исторические концепции, изложенные в ряде произведений, посвященных крестьянской войне и польско-шведской интервенции. Такое понимание исторических явлений было характерно для феодальной историо-

¹ Временник Ивана Тимофеева. Подг. к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951, стр. 167 и 345—346.

графии, которая обращала внимание, прежде всего, на историю политическую и крепкую власть считала гарантией незыблемости общественного строя, крепостнических отношений.

«Смуте» как кризису власти феодальные историографы дают объяснение в свете религиозного мировоззрения. «Смута» с их точки зрения является наказанием божьим за грехи. Идея провиденциализма, вмешательства божественного промысла в дела людей, мысль о божественном возмездии за людские грехи — все это определяет исторические концепции, изложенные в ряде произведений времени «Смуты». Особенно религиозное мировоззрение чувствуется в «Сказании» Палицына, являвшегося выразителем идеологии церковных феодалов.

Поднимая вопрос о причинах «Смуты», Палицын хочет рассказать о том, «как грех ради наших попусти господь бог наш праведное свое наказание от конец до конец всея Россия...» (как за грехи наши господь бог наш послал справедливое свое наказание на всю Россию). Автор говорит и в чем выразилось, с его точки зрения, это наказание: «Весь словенский язык возмутися и вся места по России огнем и мечем поядены быша...» (Вся Россия, весь русский народ возмутись. Вся Россия была охвачена огнем и мечем)¹. Рабы поднялись против своих господ, «холопы ругающиеся господам своим»² (т. е. надругались над своими господами). Изменились привычные представления о господстве и подчинении в феодальном обществе. Рабы захотели стать господами («...раби убо господине хотяще быти...»)³. «И устроися Россия вся в двоемыслие.» «И тако во всей России изыде с мечем друг на друга...» (Во всей России установилось двоемыслие. По всей стране люди выступили друг против друга с оружием в руках)⁴. В такой трактовке «Смутного времени» ярко проявилась классовая сущность мировоззрения писателей. Восстание крестьян — вот с точки зрения представителей господствующего класса то бедствие, которое охватило всю Россию, разделившуюся на две враждующие стороны: «господь» и «рабов». Нашествие иноземных захватчиков было дальнейшим продолжением и следствием внутренней «Смуты».

Итак, с позиций господствующего класса, в свете религиозного понимания общественных явлений Палицын проводит идею «божьего попущения», выразившегося в том, что нарушились устои феодального общества, в котором каждому отведено богом подобающее место.

¹ Сказание Авраамия Палицына, стр. 101.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 116.

В первой редакции начальных глав «Сказания» Палицына (автором которых, может быть, является и не Палицын) выдвигается мысль о «безумном молчании», которое и явилось грехом, вызвавшим божественное возмездие: «всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели...»¹. Под этой демагогической формулой со ссылкой на «весь мир» имеется в виду попустительство самовластью Бориса (убийству царевича Дмитрия, ссылке Романовых).

Говоря о политике Бориса Годунова, Палицын указывает на то, что он, преследуя ряд боярских фамилий, поощрял доносчиков холопов на господ. «Рабом же на господий толико попусти клеветати, яко ни зрети не смеюще на холопей своих; и многим рабом имения господьская отдаи, и велики дары доводцом от него бываху»² (он настолько попустительствовал рабам в их клеветах на господ, что последние не смели смотреть на своих холопов; и многим рабам отдавал господские имения, и великие дары от него бывали доносчикам). Политика Годунова и молчание лиц, его окружающих, которые не мешали действиям царя, и привели к «Смуте», охватившей все общество.

Таким образом, Палицын, выражая идеологию господствующего класса в целом, считает гарантией неприкосновенности феодальных отношений тесный союз царской власти и всех слоев феодалов, из которых каждый занимает положенное ему место на социальной лестнице. Если действия царя и тех или иных представителей класса феодалов будут расшатывать эту лестницу, то все здание феодального общества может пошатнуться, зашатается самый его фундамент — крепостнический строй. Другими словами, отсутствие раздоров внутри господствующего класса, обеспечиваемое царем, — залог общественного спокойствия.

В то же время поднимается вопрос о всеобщей ответственности за грехи царей. Эта мысль звучит и во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева. Рассказывая о делах Бориса Годунова, он упоминает о людях, «покрывшихся бессловесным молчанием» («бессловесным молчанием спокрывшеся»)³. В другом месте он ставит вопрос: «За какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля...» («От кних разлися грех земля наша, не бессловесного ли ради молчания...»). Идея «безумного», «бессловесного» «всего мира» молчания родилась в феодальной литературе в усло-

¹ Сказание Авраамия Палицына, стр. 253.

² Там же, стр. 104.

³ Временник Ивана Тимофеева, стр. 35, 200.

виях больших внутренних потрясений, когда обострились классовые противоречия и когда соседние феодалы угрожали национальной независимости страны. Мысль о греховности молчания проводилась идеологами господствующего класса с целью воздействия на представителей феодального общества, которые должны быть связаны взаимной ответственностью и тогда они будут гарантированы от социальных потрясений и внешнеполитических осложнений.

Следует остановиться на вопросе о самом типе исторических произведений начала XVII в. Важной чертой, их характеризующей, является единство темы. Старые летописные своды таким единством не отличались. Они ставили большую задачу — дать свод всех событий за большой отрезок времени, часто начиная с древнейших веков и кончая современной составителю действительностью. Теперь все чаще появляются исторические труды, целью которых является осветить какую-то одну тему.

Тематическому единству подчиняется и характер изложения материала. Это изложение далеко не всегда строится в хронологической последовательности события. Оно подчиняется задаче — раскрыть как можно глубже и полнее тему. Поэтому Тимофеев, например, пишет: «Ныне же не вся по ряду, яже тогда обоуду о мне и самом царствии бывшая изречена...» («Ныне не все по порядку как обо мне, так и о самом царстве (Грозного.— Л. Ч.) было рассказано, но по потребности описываемого времени...»¹).

При единстве темы ряд повестей начала XVII в. пронизывает единая идея — идея Русской земли, России. Образ России, потопленной интервентами в крови, нарисован Иваном Тимофеевым². Россию, спаянную общей бедой, принесенной иноземными захватчиками, видит Авраамий Палицын, описывающий осаду Троице-Сергиева монастыря польскими войсками³. Отсюда — патриотизм, пронизывающий большинство повестей XVII в.

В повестях начала XVII в. чувствуется возрастание интереса к исторической личности, в них появляются развернутые характеристики отдельных исторических деятелей. В этом отношении очень интересно произведение Катыерева-Ростовского. Особый раздел его «Повести» носит название — «Написание вкратце о царях Московских о образех их, и о возрасте, и о нравех»⁴. (Краткое описание московских царей, их внешне-

сти, возраста, нравов и т. д.). Таким образом, в центре внимания автора находятся прежде всего представители власти — цари, что типично для феодальной историографии. При этом автор стремится изобразить их внешний облик и раскрыть их характер. Это, конечно, очень интересная черта исторического повествования, которая свидетельствует о стремлении историка, в целом остающегося во власти богословских представлений, вскрыть причины тех или иных явлений, исходя из действий лиц, а причины людских поступков путем анализа человеческих качеств. Наблюдая столкновение классов, историк — идеолог господствующего класса объясняет общественные движения деятельностью отдельных лиц, причем обремененных властью. Их добродетели и пороки, их сила и слабость — это фактор, от которого зависит течение событий. Подобная интерпретация истории сочетается с представлением о воздействии на исторические события божественного промысла, вознаграждающего и наказывающего людей за их поступки.

Я приведу отдельные характеристики исторических деятелей, принадлежащие Катыереву-Ростовскому. Вот что он пишет об Иване Грозном: «Царь Иван, образом нелепым (некрасивый лицом), очи имея серы, нос протягновен (длинный), покляп (согнутый); возрастом велик бяше (высокого роста); сухо тело имея (сухощав), плещи имея високи, груди широки, мышцы толсты; муж чюдного разсужения (человек большого разума), в науке книжняго почитания доволен (хорошо познавший книжную премудрость) и многоречив зело (красноречивый), ко ополчению дерзостен (храбрый в военном деле) и за свое отечество стоятель (защитник интересов своего отечества)¹. Это достаточно яркое и жизненное изображение.

Представляет интерес и портрет Василия Шуйского, принадлежащий перу Катыерева-Ростовского: «Царь Василий возрастом мал (небольшого роста), образом же нелепым, очи подслепы име (с подслеповатыми глазами), книжному питанию доволен и в разсужении ума зело смылен (человек довольно начитанный и отличающийся достаточным разумом), но скуп велми и неподатлив (очень скупой и недоброжелательный); к единым же тем тщание имея, которыя во уши его ложное на люди шелтаху, он же веселым лицом сих восприимая и в сладость их послушати желаше (приверженный только к тем, кто ему нашептывал ложные наветы на других людей, — таких он воспринимал с веселым лицом, с удовольствием хотел их выслушивать), и к волхованию прилежая» (был склонен к колдовству)².

¹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 15, 177.

² Там же, стр. 87, 257—258.

³ Сказание Авраамия Палицына, стр. 129—130.

⁴ РИБ, т. 13. СПб., 1909, стр. 707.

¹ РИБ, т. 13, стр. 707.

² Там же, стр. 710.

Во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева также имеются страницы, посвященные характеристике исторических деятелей. Стремление автора запечатлеть образы живых людей своего времени отличает историографию XVII в. от более раннего времени.

Характеристики, которые мы находим в летописях, в большинстве своем трафаретны. Летописец обычно делит людей на добрых и злых, хороших и плохих. Их портреты однотипны и односторонни. Образы исторических деятелей, зарисованные в повестях XVII в., показывают, что их авторы приближаются к пониманию противоречивости и сложности человеческих характеров¹. Примером может служить положительная в общем оценка Катыревым-Ростовским Ивана Грозного. Но он отмечает и отрицательные, с его точки зрения, качества Грозного, подчеркивая двойственность натуры царя и противоречивость его деятельности: «...множество народу от мала и до велики при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени... и иная многая содеях над рабы своими... Той же царь Иван многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше» (он погубил в своем царстве множество народа от мала до велика, пленил многие свои города... и многое другое учинил над своими рабами... тот же царь Иван сотворил и многое благое, он очень любил свое воинство и безотказно давал из своей казны все, что ему требовалось)².

Высказывания об Иване Грозном Тимофеева также лишены односторонности. Дав яркую оценку его положительным качествам, Тимофеев пишет: «Время бо лет его всяко бысть; иже во юности же паче премножае во гневе презельныя его... ярости, зане к ярости удобь подвижен бе, купно по естеству и за гнев...» («Течение его жизни не было ровным; в юности он находился более чем часто в гневе и чрезмерной ярости; ...он был удобоподвижен к злобе как по природе, так вместе и из-за гнева»)³. Тимофеев в данном случае проводит точку зрения о значении природных свойств человека (наследственных и личных) в развитии исторических событий.

Таков же подход Тимофеева к личности Бориса Годунова: «И яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благодетней его к миру не угаити... Егда злотворная единачо изречена бы, добрая от инех сказуема, нами же умолкнута,— яже неправдование обнаружилось бы списателево...» («Но если

было сказано о злобе Бориса,— указывает автор,— то должно не скрывать и добрых дел его... Потому что, если бы одно злое о нем было рассказано, а другими сказано о нем доброе, а мы бы (об этом — Л. Ч.) умолчали,— то явно обнаружилась бы неправда писателя...»¹.

Таким образом, Тимофеев отмечает противоречивость черт характера Ивана Грозного, Бориса Годунова и других царей. Конечно, он выступает с позиций феодальной историографии, которая искала причины исторических событий в воздействии доброй или злой воли исторических деятелей, за которое их ждет награда или возмездие бога. Однако, несмотря на этот примитивный психологизм в объяснении исторических явлений, подход авторов начала XVII в. к вопросу о роли деятельности отдельных лиц в историческом процессе отличается большей разносторонностью и сложностью по сравнению с историографией более раннего времени.

Авторы повестей начала XVII в. не только пытаются дать описание внешности и характеров исторических деятелей, но и обсуждают эти характеры, высказывают свои взгляды на значение деятельности тех или иных лиц: одних осуждают, других выдвигают в качестве героев, подчеркивают их положительное значение в исторических событиях.

Когда авторы повестей о «Смуте» высказываются о поведении исторического лица, то они часто не только дают ему свои собственные оценки, но и приводят о нем мнения других представителей феодального общества, подвергая эти мнения также разбору и оценке. Так, в некоторых исторических произведениях приводятся различные толки, имевшие место в связи с воцарением Василия Шуйского².

Очень интересной чертой повестей о «Смуте» является то, что авторы — носители феодальной идеологии — вынуждены признать значение действий простых людей, самого народа в защите страны от интервентов. Авраамий Палицын пишет, что Троице-Сергиев монастырь был спасен от врагов «не крепкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не множайшими, но малейшими». Интересен рассказ Палицына о том, как воевода Давид Жеребцов отказывался от помощи крестьян («простецов»), но во время боя с интервентами избежал поражения лишь благодаря этим «простецам»³.

Яркими красками в «Сказании» (особенно в первой его редакции) описывается народное бедствие во время голода начала XVII в. и изображается политика помещиков, закабалявших крестьян.

¹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 63, 230.

² См. указанную статью Д. С. Лихачева.

³ Сказание Авраамия Палицына, стр. 180, 192.

¹ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVIII в. Тр. отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы, вып. VIII, М.—Л., 1951, стр. 218—234.

² РИБ, т. 13, стр. 707—708.

³ Временник Ивана Тимофеева, стр. 11, 173.

До нас дошли и сказания о событиях классовой борьбы начала XVII в., отличающиеся демократической направленностью. Одно из таких сказаний сохранилось в составе Псковской первой летописи. В нем с осуждением говорится о действиях «больших людей» (т. е. феодалов и верхушки купечества), которые притесняли бедноту, преследовали тех, кто «в правде против их говорили...» (выступали против них, защищая правду) и стояли за «бедных сирот»¹. «Большие люди» рисуются изменниками, желавшими предать Псков шведским феодалам («...хотяще Псков отдати и кровь неповинную пролити») ². Стрельцы, казаки, «мелкие люди и поселяне» (т. е. горожане и крестьяне) были против сдачи города. «Мы де не хотим Немец, и за то помрем»³, — приводит их речи автор.

Новое в подходе к историческим явлениям в русской феодальной историографии начала XVII в. было связано со сложностью общественно-политической обстановки этого времени. Обострение классовых противоречий, мощное антифеодальное движение, которое впервые захватило всю территорию Русского государства и вовлекло громадные массы трудового крестьянства и посадских низов, нашествие иноземных захватчиков, широкое народно-освободительное движение, направленное на защиту страны, — все это порождало у писателей интерес к окружающему и заставляло их подходить к явлениям прошлого и настоящего с мерилom гораздо более сложным, чем это делали авторы более раннего времени.

Многие черты историографии XVII в. (интерес к человеческой личности, ее роли в истории) свидетельствуют об отражении в исторических представлениях явлений, связанных с процессом формирования русской нации.

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова и борьба русского народа с иностранной интервенцией являются важной вехой в истории русского народа. С 20—30-х гг. XVII в., когда крепостническими методами было восстановлено хозяйство страны, разрушенное интервенцией, наблюдаются заметные сдвиги в экономике России, находящие соответствующее отражение и в области надстройки.

В. И. Ленин указывал, что примерно с XVII в. начинается новый период русской истории⁴. В недрах феодально-крепостнической системы идет процесс складывания всероссийского рынка и формирования буржуазных связей. В то же время в связи с усилением крепостничества нарастает классовая

борьба. Новую форму классовой борьбы представляют крестьянские войны, охватывающие всю страну, а также антифеодальные движения в городах. В политической жизни России этого времени также замечаются новые явления: с середины XVII в. происходит формирование абсолютизма. С XVII в. можно уже говорить о начале формирования русской нации. Все эти явления, характеризующие начало «нового периода русской истории», находят отражение в идеологии и культуре, в частности, в области исторических знаний и представлений.

Расширяется и углубляется интерес к прошлому, знание которого является источником роста национального самосознания. Исторические труды получают распространение среди более широких слоев населения (в различных кругах феодалов, среди духовенства, горожан). Наряду с историческими концепциями, проводимыми в произведениях, отвечающих задачам и представлениям господствующего класса феодалов, появляются исторические труды с антифеодальной, демократической направленностью (вышедшие из среды казачества, городской плебейской массы и т. д.). В народных исторических песнях находят отзвуки антикрепостнические настроения крестьянства.

Сложный и противоречивый характер общественного развития (зарождение буржуазных связей в условиях роста крепостничества, обострение классовых противоречий, формирование абсолютизма) оказывает влияние на тематику произведений феодальной историографии. Поднимается вопрос об условиях крепости и причинах гибели государств, о взаимоотношении власти и народа, об идеальных правителях.

Роль народных масс, ярко сказавшаяся как в антифеодальных движениях, так и в освободительной борьбе, заставляет историков феодального лагеря ставить вопрос о «голосе» народа в царском избрании, о вреде «безумного всего мира молчания», дающего царям возможность творить преступления и т. д. Все эти новые идеи облекаются при этом в форму привычных религиозных представлений (глас народа — глас божий и т. д.).

Несмотря на господство в историографии XVII в. религиозной богословской философии, проявляется больший интерес к роли человеческой личности в истории, к значению человеческой воли и разума как факторов исторического процесса. Исчезает прежняя однолинейность в изображении людских характеров. Внимание к отдельному человеку во всей совокупности его внутренних и внешних качеств, как действующей силе истории, означало хотя и неосознанную попытку феодальной историографии противопоставить действиям народных масс, активно выступивших на арене истории, идею о роли

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 322—323.

² Там же, стр. 326.

³ Там же, стр. 324.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137.

личности, особенно занимающей руководящее положение в государстве.

Новые явления в общественно-политической жизни России породили желание сопоставить свой исторический опыт с опытом прошлого других стран и народов. Отсюда — повышение интереса ко всемирной истории. Этому же способствовало и усиление международного значения России.

Расширяется источниковедческий фундамент исторических трудов. В них используется значительное количество исторических источников. Наряду с памятниками письменности авторы исторических произведений прибегают и к устному материалу, к опросу очевидцев событий и т. д. Значительно повышается роль документов правительственных архивов в качестве материала, на котором строится историческое повествование.

Более разнообразными становятся и самые типы исторических произведений. Наряду с такими трудами обобщающего характера, как «Новый летописец», появляются работы полумемуарного характера, повести, посвященные отдельным историческим событиям, биографии.

Рассмотрим наиболее крупные памятники историографии XVII в. (времени после изгнания интервентов).

Расширение сношений России с западноевропейскими странами и повышение в связи с этим интереса ко всемирной истории вызвало в XVII в. появление новых редакций Хронографа. В 1617 г., т. е. по окончании иноземной интервенции в России, возникла вторая редакция Хронографа. Одним из ее источников была «Хроника» польского историка XVI в. Мартина Бельского, из которой заимствован материал, относящийся к деятельности польских королей и другие сведения по всеобщей истории. По сравнению с Хронографом редакции 1512 г. новыми во второй редакции памятника являются исторические статьи, посвященные событиям второй половины XV и начала XVII в.; некоторые из них написаны по летописям, а раздел, касающийся крестьянской войны и борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией, представляет самостоятельное историческое произведение.

С точки зрения общей церковно-политической направленности Хронографа (борьба с «ересями» и защита православия) интерес представляет имеющийся в Хронографе второй редакции рассказ о новгородских еретиках конца XV и начала XVI вв., написанный в обличительном тоне.

Характеристики отдельных исторических деятелей в Хронографе второй редакции значительно сложнее, чем в редакции 1512 г. Автор указывает на противоречивость и разносторонность человеческих характеров, на их развитие и измене-

ние. Так, в Хронографе 1617 г. отмечаются два периода в деятельности Ивана Грозного, связанные якобы с переменами, происшедшими в его натуре. В годы до учреждения опричнины Грозный выступает как герой, наделенный всеми положительными чертами: «царская бо храбрость и мужество его — земли светлость, и народом, живущим на ней — великая радость». Но затем, — пишет автор, — «и не вем како превратися многомудренный его ум на нрав яр, и нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего, во истину бо сбытвся еже в притчах реченное: яко парение похоти пременяет ум незлобив»¹ (и не ведают, как его многомудрый ум превратился в яростный нрав и он начал уничтожать многих своих родственников и правящих вельмож, поистине сбылось сказанное в притче: действие похоти изменяет незлобивый ум).

Точно так же и Борис Годунов в изображении автора Хронографа редакции 1617 г. является человеком с противоречивыми качествами. Природа наградила его целым рядом добрых свойств и задатков, «аще бы не терние завистныя злобы цвет добродетели того помрачи, то мог бы убо всяко древним уподобитися царем, иже во всячественем благочестии цветущим»² (если бы терний завистливой злобы не омрачил цвет его добродетели, то он мог бы уподобиться древним царям, процветающим в полном благочестии).

Таким образом, исторические деятели представляются автору Хронографа 1617 г. людьми, одержимыми борьбой различных страстей. Победа доброго начала, заложенного в человеке, над злым приводит к положительным действиям; если побеждает злое начало, то человек творит злые дела. Отсюда психологический подход (соединенный с религиозной философией) к историческим явлениям. Злые задатки и страсти олицетворяются в виде «духов», «бесов», побуждающих людей совершать дурные поступки. Монах Григорий Отрепьев достиг чина диакона, «и потом предста ему темномудрый дух и вложи в сердце его... развратное помышление, во еже убо назватися ему царскою отраслю, царевичем Дмитрием Ивановичем Углецким»³ (т. е. дух, носитель темных мыслей, предстал перед Григорием Отрепьевым и внушил ему развратный помысел — назваться человеком царского рода, царевичем Дмитрием Ивановичем Углецким).

Характер и направление тех или иных исторических собы-

¹ А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 183.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 190. См. также ст. Д. С. Лихачева о проблеме характера.

тий, по Хронографу, в значительной мере определяется силой взаимного воздействия людей друг на друга. Так, автор Хронографа говорит, что в 1610 г. «крамолники» и «мятежники» хотели «возмутить» народ против царя Василия Шуйского. Но «многие от народа» стали защищать Шуйского. В результате «никто же от народа» не пристал к «мятежникам». Когда же «мятежники» пришли к царю, то он встретил их достойной отповедью и они все были «посрамлены»¹. Таким образом, столкновения классов и социальных сил Хронограф изображает как столкновение людских побуждений, злых и добрых, безумных и разумных.

Но если автор Хронографа 1617 г. исходит в своем понимании исторического процесса как результата действий людей, определяемых борьбой страстей, из изречения «яко во всех земнородных ум человек погрешителен есть и от добраго нрава злыми совратен...»² (как и у всех земных существ, у человека ум поддается греху и человек может быть совращен от добраго нрава злыми людьми), то при описании народных антифеодальных движений он отрешается от этого афоризма. Ряды восставших крестьян представляются автору Хронографа сборищем «плотоядных зверей»; «злодыхательное их зевание» возбуждает его настоящую злобу³.

Народное движение против иностранных интервентов Хронограф изображает в религиозном плане как борьбу православия с католицизмом («многонародного христианства» с «неверными латинами») ⁴.

Для изучения вопроса о том, каков был в России XVII в. уровень знаний по истории других стран, важные имеющиеся в Хронографе редакции 1617 г. статьи, посвященные географическим открытиям. Так, в памятнике содержится развернутый рассказ «О островах диких людей, коих немецкие люди называют новый свет, или четвертая часть вселенная»⁵, в котором говорится о путешествии Христофора Колумба. Затем помещен рассказ об открытиях Америго Веспуччи и дается описание Америки.

Работа над Хронографом не прекращалась на протяжении всего XVII в. Вторая редакция Хронографа в различных списках дополнялась более поздними историческими известиями. Вскоре после второй редакции Хронографа возникла третья редакция этого исторического труда, которая в свою очередь

подвергалась неоднократным дополнениям и переделкам. В третьей редакции Хронографа большое внимание уделено историко-географическому описанию Европы, Азии, Африки, Америки, заимствованному из переводных «Космографий».

Как уже неоднократно говорилось, к XVII в. летописные своды как основной вид исторических произведений отмирают. Однако известное воздействие на исторические труды летописная форма изложения еще оказывает.

Ко второй четверти XVII в. относится так называемый «Новый летописец» или «Книга глаголемая Новый летописец». Это — произведение обобщающего типа, которое ставит себе задачу дать оценку событий «Смутного времени». «Новый летописец» сохранился в очень большом количестве списков, следовательно, текст его многократно переписывался. Это указывает на интерес к историческим произведениям представителей разных слоев населения. Весьма правдоподобно предположение, что «Новый летописец» служил не только книгой для чтения, но своего рода учебником русской истории. В это время уже появилась потребность в произведениях, которые давали бы доступный общеобразовательный материал, преподаваемый с официально признанных идеологических позиций.

«Новый летописец» был закончен в 1630 г., через большой промежуток времени после окончания «Смуты». Написан этот памятник был, как можно думать, по прямому указанию патриарха Филарета, отца царя Михаила, фактического главы государства. Следовательно, «Новый летописец» является произведением официального характера.

Для «Нового летописца» как памятника официальной историографии характерна тесная связь исторических идей с современными автору политическими идеями. К прошлому он подходит с точки зрения задач современной ему политической действительности.

Автор «Нового летописца» (очевидно, кто-то из приближенных Филарета) является последовательным сторонником самодержавия. «Новый летописец» проникнут идеей о необходимости его укрепления.

Эта идея была особенно злободневной и актуальной для господствующего класса и правящей династии после подавления крестьянской войны, когда феодалы стремились к усилению государственного аппарата. В XVII в. в стране уже намечались экономические предпосылки создания абсолютистской монархии. Наиболее четко эти предпосылки выявились несколько позднее. Преобразования, связанные с установлением абсолютистской монархии, относятся к концу XVII — началу XVIII в. Но в исторических произведениях тенденция к абсолютизму звучит уже в первой половине XVII в.

¹ А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 198—199.

² Там же, стр. 201.

³ Там же, стр. 196.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ Там же, стр. 175.

Автор «Нового летописца», говоря о самодержавии, делает ударение на трех основных моментах в обоснование своей политической теории.

Первый момент — это божественная санкция царской власти. Царская власть утверждается богом, права династии на престол освящаются божественным промыслом. И то, что власть принадлежит данной династии, — предопределено провидением. Так, автор «Нового летописца» подчеркивает: «Бог не токмо царство, но и власть, кому хочет, тому дает»¹. Подобный тезис, не впервые выдвигаемый в феодальной историографии, звучал особенно остро после того, как несколько десятилетий назад, в начале XVII в., претендентами на царский престол выступали самозванцы. Задачей «Нового летописца» было укрепить политические и идеологические позиции династии Романовых. Ссылка на божественное предопределение, предназначавшее престол этой фамилии, служила данной задаче.

Второй момент, характерный для теории самодержавия, развиваемой в «Новом летописце», — это идея наследственности царской династии. Божественным предопределением выдвигается на престол определенная царская линия, в пределах которой власть переходит по наследству.

Оба эти положения восходят еще к идеям феодальной историографии предшествующего времени, но сейчас они формулируются более развернуто. Третий момент, обосновывающий теорию самодержавия, был развит в итоге классовой борьбы и народно-освободительного движения начала XVII в. — это идея о всенародном признании избранной богом царской династии. Бог передает власть определенной фамилии, но это божественное предопределение находит свое выражение в голосе народа. Народ открытым высказыванием своей воли выявляет волю бога. Такое положение феодальной историографии было связано с новыми политическими идеями, возникшими в результате того, что в начале XVII в. ярко проявилась роль народных масс. Класс феодалов, желая держать в подчинении широкие народные массы, в лице своих идеологов намеренно проводит мысль, что царская власть опирается на народ, утверждается волею народа, выдвигается голосом народа, который есть голос божий.

Таковы три принципиальных момента, положенные в основу теории самодержавия, которые мы находим в «Новом летописце».

С точки зрения этих положений своей политической теории автор и стремится осветить события конца XVI — начала

XVII в. С указанных позиций он подходит к оценке «Смутного времени».

«Смута», с точки зрения автора «Нового летописца», явилась большим злом, ибо нарушились основы феодального строя: господа были «поругаемы и убиваемы» от своих раб и крестьян¹. Это было божье наказание за грехи людей. С прекращением царской династии, утвержденной богом, и совершились все те злые дела, которые, по мысли автора, имели место в «Смутное время».

Автор поднимает вопрос и о персональной ответственности за «Смуту». Заслуживает внимания, что, с одной стороны, он подходит к историческим явлениям с точки зрения провиденциализма, с другой стороны, проявляет интерес к человеческой личности, ищет виновника, на которого можно было бы возложить ответственность за события начала XVII в. Кто же виноват? Автор «Нового летописца» более четко и последовательно, чем многие его предшественники, утверждает, что основная вина за «Смуту» падает на Бориса Годунова.

В «Новом летописце» названы два преступления Бориса Годунова. Первое — это убийство царевича Димитрия в Угличе в 1591 г. Автор «Нового летописца» утверждает, что царевич погиб от рук подосланных Борисом Годуновым убийц. Тем самым династия Грозного прекратилась, ибо Димитрий был последним его сыном.

Другое преступление Бориса заключалось, согласно «Новому летописцу», в том, что он сослал Романовых. Это обвинение Бориса приобретает определенный политический смысл в свете теории о божественном предопределении царской власти. Романовы были связаны родством с царской фамилией. Федор (Филарет) Никитич Романов, отец Михаила Романова, был племянником жены Ивана Грозного — Анастасии Романовны. Поэтому, с точки зрения автора «Нового летописца», они являлись законными претендентами на престол, и Борис Годунов, подвергнув их опале, поднял, следовательно, руку на представителей богом избранной царской фамилии. Автор приводит слова, якобы сказанные Борисом Годуновым: «...аще изведу царский корень (если я уничтожу царский род), и буду сам властелин в Руси»² — и дает оценку этому высказыванию с точки зрения своей общей исторической концепции. Он пишет, что Борис не ведал того, что «бог власть кому хочет, тому даст»³, т. е. шел вразрез с божьим предначертанием.

¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

² Там же, стр. 40.

³ Там же.

¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 129.

Окружающие попустительствовали его грехам. В этом состояла вина всей «земли».

В чем же проявилось божье возмездие за грехи Русской земли? Автор «Нового летописца» отвечает на этот вопрос опять-таки в соответствии со своими общими политическими взглядами, отражавшими идеологию господствующего класса феодалов. В результате уничтожения законной царской династии, появились самозванцы. Претендовать на царский престол начали представители социальных низов. «Боярский человек» и «пашенный мужик» стали выдавать себя за «праведный корень», т. е. за представителей благородного царского рода. «Рабы» поднялись на своих «господ». Выступили крестьяне и холопы. Крестьянская война — это и есть проявление божьего гнева.

Автор обвиняет Бориса Годунова в том, что он, ведя борьбу с боярством, награждал холопов за доносы на своих господ. Это была, с точки зрения автора «Нового летописца», неправильная политика. И от этой политики пролилась «неповинная кровь», потому что в результате выступления крестьян бояре «пострадали» от своих рабов.

Последним проявлением божьего гнева было нашествие иноземных захватчиков — польско-литовская интервенция. Она, по мысли автора «Нового летописца», явилась непосредственным следствием восстания крестьян.

Если к Годунову автор «Нового летописца» относится отрицательно, считая его виновником «Смуты», то к Василию Шуйскому он относится двойственно. Шуйский, как и Годунов, — представитель господствующего класса, венчаный на царство. Он — коронованный царь. А автор «Нового летописца» был сторонником законной царской власти. Но в то же время он проводит на протяжении всего своего произведения точку зрения, что бог предназначал царский престол фамилии Романовых. Автор подчеркивает, что избрание Шуйского не было всенародным делом, а следовательно, не являлось и проявлением божьей воли. Апеллируя якобы к народу, автор стремится подчеркнуть, что законная власть опирается на народную волю, которая выражает волю бога.

Роль народных масс в начале XVII в. проявилась с такой силой, что без упоминания о них уже не могли обойтись историки из лагеря феодалов, обосновывая свои исторические концепции. При этом ссылаясь на народ, конечно, использовались в интересах господствующего класса.

В этой связи автор «Нового летописца» выступает с отрицательной оценкой акта, сопровождавшего воцарение Василия Шуйского. Шуйский дал боярам запись с перечислением условий, на которых он становился царем. Эта «ограничительная»

запись, с точки зрения «Нового летописца», явление небывалое в русской жизни. И автор не одобряет подобный акт царя-самодержца, ибо его поступок противоречит сущности самодержавия. Подобных действий, говорит автор, «искони век в Московском государстве не повелось»¹. Действия Шуйского в «Новом летописце» расцениваются как нарушение привычного политического порядка.

Интересно остановиться на вопросе о том, какие периоды намечает автор «Нового летописца» в истории «Смуты». Таких периодов на основе его описания можно выделить три.

Первый период — время династической борьбы, борьбы за власть. В это время Борис Годунов постепенно устраняет своих соперников и забирает власть в свои руки.

Второй период — это время, когда в возмездие за грехи Бориса Годунова и за попустительство этим грехам со стороны Русской «земли» началось движение крестьян и холопов, когда выступили «боярский человек» и «пашенный мужик».

Наконец, третий период — это время победы господствующего класса, с одной стороны, над крестьянским движением, а с другой — над польско-литовскими интервентами. Это обстоятельство автора «Нового летописца» интересует, прежде всего, как победа самодержавия и православия. Поэтому, когда он описывает последний период «Смуты», то обращает свое основное внимание не на деятельность действительных героев народно-освободительной борьбы — народных масс — и предводителей этой борьбы — К. Минина и Д. Пожарского. В центре его повествования — личность патриарха Филарета, несмотря на то, что он был сильно скомпрометирован своею связью с интервентами.

Завершение «Смуты» автор «Нового летописца» оценивает с точки зрения своей теории самодержавия и поэтому кончает свой рассказ о «Смутном времени» избранием на престол Михаила Федоровича. Этот акт означал утверждение на престоле представителя угасшей династии Грозного, которой богом было предопределено править в Русском государстве. В «Новом летописце» уделено большое внимание избранию Михаила, как делу якобы всенародному. Автор подчеркивает, что идея избрания царем Михаила Федоровича была единодушно поддержана всеми собравшимися людьми. Это утверждение не соответствует действительности, так как Михаил был избран на Земском соборе, где были лишь представители боярства, дворянства, верхушки посадских людей. Но такова политическая тенденция автора.

¹ ПСРЛ, т. XIV, стр. 69.

Представляет интерес вопрос о тех исторических источниках, которые легли в основу «Нового летописца». При его составлении была продолжена та традиция, которая утвердилась уже с конца XV в. после образования Русского централизованного государства, когда официальные летописные своды обычно стали составляться на основании материала правительственных архивов. Сравнение текстов «Нового летописца» с теми документами, которые сохранились среди архивного наследия Посольского приказа, или с описями тех материалов Посольского приказа, которые сейчас уже утрачены, показывает, что в распоряжение автора «Нового летописца» было предоставлено большое количество официальных документов и на их фундаменте было построено изложение исторических событий, подчиненное тенденциозной схеме феодальной историографии.

Во второй половине XVII в. правительство решило централизовать составление официальных исторических трудов. Это намерение было связано с общей централизаторской политикой Русского государства. В 1657 г. был организован особый Записной приказ, который должен был заняться подготовкой исторического труда специального назначения. Это обстоятельство показывает, какое большое политическое значение придавало русское правительство выработке официальной исторической концепции, обосновывавшей политику укрепления самодержавия.

Перед «Записным приказом» была поставлена задача продолжения «Степенной книги», составленной еще при Иване Грозном. Текст «Степенной книги» XVI в. было решено дополнить изложением событий более позднего времени. «Степенная книга» была посвящена генеалогии русских царей, такой же характер должно было иметь и ее продолжение.

Во главе Записного приказа был поставлен специальный дьяк, в ведении которого находился ряд подьячих и писцов. Таким образом, был создан специальный аппарат для создания нового произведения.

Намечался широкий подбор исторических источников для новой «Степенной книги». Очевидно, значение источниковедческой базы для выработки историографической схемы осознавалось достаточно ясно. Задуманный исторический труд должен был быть возведен на большом источниковедческом фундаменте. Предполагалось, что документы будут извлечены из архивов целого ряда московских приказов (в том числе Посольского, Разрядного, Патриаршего). Таким образом, в основу нового труда ложилась официальная документация. Кроме того, нужный материал рассчитывали получить из монастырских хранилищ (например, из собрания Чудова монастыря).

Наряду с письменными источниками предполагали воспользоваться показаниями очевидцев прошлых событий. Лица, руководившие созданием новой «Степенной книги», должны были обращаться к современникам крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в.

«Записной приказ» просуществовал недолго — всего два года, до 1659 г., а затем был ликвидирован по неизвестным причинам.

Большой труд, посвященный генеалогии русских царей, не был осуществлен. Новая «Степенная книга» не была написана, но все-таки определенные результаты деятельности этого приказа, по-видимому, имела. До нас дошли некоторые рукописи, в которых текст «Степенной книги» соединен с текстом «Нового летописца». Следовательно, можно думать, что поскольку не удалось дополнить «Степенную книгу» новым материалом, организаторы этого дела пошли по более легкому пути: продолжили «Степенную книгу» текстом «Нового летописца», ввели связующие разделы, и, таким образом, получился труд, отличающийся известным единством идеи и композиции. Это сводный труд по истории самодержавия в России.

Несколько позднее идея создания новой «Степенной книги», хотя и не в столь широком масштабе, как это мыслилось вначале, была разрешена не специальным учреждением — приказом, а лицом, получившим, как можно предполагать, персональное поручение от правительства, дьяком Федором Акимовичем Грибоедовым.

Грибоедов был сначала подьячим, а затем дьяком приказа Казанского дворца — центрального учреждения, которому было подведомственно население территории бывшего Казанского ханства; впоследствии же он стал дьяком Разрядного приказа (ведавшего военными делами). Известен Грибоедов также тем, что принимал участие в составлении Соборного Уложения. Он входил в состав комиссии под руководством князя Н. И. Одоевского, которой было поручено выработать первоначальный проект Уложения, получивший затем утверждение на Земском соборе 1648—1649 гг. Наконец, Грибоедов выполнял и ряд дипломатических поручений. Словом, это было лицо, которое принимало непосредственное участие в политической жизни Русского государства середины и второй половины XVII в. Поручение написать исторический труд было дано Грибоедову, конечно, не случайно, а потому, что он являлся лицом, близким к правительству.

Грибоедов написал произведение под названием: «История, сиречь повесть или сказание вкратце о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчаных царей и великих князей, иже в Рустей земле богоугодно державствуют».

щих»¹, начиная с Владимира Святославича (X в.) и кончая Алексеем Михайловичем. В этом заглавии отражается идея «Нового летописца» о божественном происхождении царской власти. Это — труд, посвященный представителям царствующей династии, это — история самодержавия, произведение, воспроизводящее родословную русских царей, их генеалогию, и по своим идеям отвечавшее интересам правительства Романовых.

О том, что «История» была написана по заказу правительства, говорит награждение царем Грибоедова за его книгу.

В основу своей «Истории» Грибоедов положил «Степенную книгу». И все построение «Истории» отвечает композиции «Степенной книги» с ее стремлением представить генеалогию царского рода с интересом, прежде всего, к становлению самодержавия, к укреплению власти русских царей. Первые главы книги Грибоедова в основном повторяют те данные, которые содержатся в «Степенной книге».

Но «Степенная книга» доводила изложение событий до времени Грозного, а Грибоедов должен был описать и события конца XVI и XVII вв. Очевидно, одной «Степенной книги» в качестве источника для него было недостаточено. Другими источниками «Истории» явились сказания, посвященные «Смутному времени» (Авраамия Палицына и других). Грибоедов привлек для своего труда и документальные материалы, некоторые грамоты времени «Смуты», «Утвержденную грамоту» об избрании на престол Михаила Федоровича и другие. На основе этих источников Грибоедов дал генеалогию рода Романовых.

Его задача заключалась в том, чтобы доказать, что эта фамилия тесно связана с фамилией Грозного и Романовы являются законными наследниками престола Грозного. Что касается генеалогии самого Грозного, то его родословную Грибоедов возводил вслед за своими источниками к римскому императору Августу. Таким путем он стремился возвеличить династию Романовых, укрепить ее международный авторитет.

Во второй половине XVII в. исторические труды создавались, как и раньше, в Посольском приказе, а также при патриаршем дворе.

В 1658 г. при дворе патриарха Никона была начата переработка «Нового летописца». Вновь отредактированный и дополненный текст этого памятника получил название «Летопись о многих мятежах». Прежде всего, характерно изменение самого заглавия памятника («Летопись о многих мятежах»

¹ Федора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русских. Сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. СПб., 1896, стр. 1.

вместо «Новый летописец»). Последнее название звучит политически более остро. То время, которое описано «Новым летописцем», — это, с точки зрения господствующего класса, время «многих мятежей», период, когда происходили антифеодальные выступления, движения социальных низов, направленные против крепостнического строя. События времени «Смуты» излагаются в «Летописи о многих мятежах» в основном по тексту «Нового летописца» с небольшими переделками. Но в конце «Летописи о многих мятежах» имеется большое количество дополнительных данных, которые относятся ко времени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Общая идеологическая направленность «Летописи о многих мятежах» — религиозно-церковная. Автор сосредоточивает свое внимание главным образом на церковных вопросах, и поскольку это произведение вышло из кругов, близких к патриарху Никону, останавливается преимущественно на тех мероприятиях по исправлению текста церковных книг, которые имели место при Никоне.

В конце XVII в., в 1686 г., был составлен новый летописный свод в Посольском приказе, который в это время возглавлялся В. В. Голицыным, крупным политическим деятелем, фаворитом царевны Софьи. Не случайно, что этот памятник относится именно к 1686 г. Очевидно, он был составлен по инициативе, а вернее всего, по прямому указанию Голицына. Дело в том, что в 1686 г. был заключен «вечный мир» России с Польшей. Это был важный момент в истории внешней политики Русского государства и прежде всего в русско-польских отношениях. Польша должна была отказаться от Левобережной Украины с 55 городами. В этой связи перед составителями указанного летописного свода, очевидно, и была поставлена задача прославить успехи внешней политики Русского государства. Кроме того, Голицын, по-видимому, выдвигал перед теми лицами, кому было поручено составление летописца, специальную задачу — подчеркнуть свои собственные заслуги в достижении Русским государством этих успехов.

Что касается первой части свода, то она не представляет собой чего-либо значительно нового. В ее основе лежат более ранние памятники русского летописания. Новый материал относится главным образом к событиям XVII в. Это — материал преимущественно документального характера. Из документов в первую очередь в качестве исторических источников использованы дипломатические памятники. И главное внимание в своде 1686 г. уделено вопросам внешней политики. Этот внешнеполитический аспект столь же характерен для данного памятника русской историографии, как для «Истории» Грибоедова интерес к вопросам, связанным с укреплением само-

державия. В своде 1686 г. довольно подробно описываются обстоятельства заключения Андрусовского перемирия 1667 г. и приводятся официальные документы, относящиеся к этому событию. Автор стремился подчеркнуть, что Андрусовское перемирие явилось заключительным актом определенного этапа русско-польской войны за Украину. Столь же внимательно относится автор и к договору 1686 г.

Воссоединение Украины с Россией было злостным вопросом политики Русского государства. Этим определяется интерес к украинской проблеме и объясняется появление специальных исторических трудов на указанную тему.

В этой связи надо остановиться еще на одном труде, который, с одной стороны, завершает развитие историографии XVII в., и, с другой стороны, открывает переход к новым историческим произведениям XVIII в. Это «Синопис или Краткое собрание от разных летописцев...», изданный по инициативе и под редакцией Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерской лавры. В буквальном переводе на русский язык слово «Синопис» означает обзор, обозрение. Первое издание «Синописиса» вышло в 1674 г. «Синописис» получил широкое распространение и выдержал ряд изданий. Он приобрел то же значение, которое во второй четверти XVII в. в известной мере принадлежало «Новому летописцу», — значение учебной книги по русской истории. Поскольку «Синописис» издан типографским способом, а «Новый летописец» был памятником рукописным, — естественно, что «Синописис» расходился в большем количестве экземпляров и получил большую известность. По «Синописису» учился М. В. Ломоносов.

Иннокентий Гизель, с именем которого связано создание «Синописиса», был сторонником воссоединения Украины с Россией и содействовал ему. Он переписывался с царем Алексеем Михайловичем, выполняя его поручения. Так ему было поручено вести переговоры от имени русского правительства с гетманом П. Дорошенко о возможности воссоединения с Россией Правобережной Украины. В «Синописисе» проводится историческая концепция, согласно которой Левобережная и Правобережная Украина являются владением русских государей, что «самодержавие» московских царей идет от «самодержавия» князей киевских и что Москва наследовала свою роль столицы Русского государства от древнего Киева¹. Эта концепция отразилась в самой заглавии памятника: «Синописис или Краткое собрание от разных летописцев о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого

¹ См. И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы, вып. X. М.—Л., 1954, стр. 212—214.

града Киева, и о житии святого благоверного Великого князя Киевского и всея России первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивая державы его Российской даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца». Таким образом, руководствуясь типичной для феодальной историографии концепцией об исконности самодержавия в России и его преемственности от времен Киевской Руси до «Московского царства», «Синописис» доказывает мысль об исторической обусловленности воссоединения России и обеих частей Украины («обоих боков Днепра»).

Этой руководящей идее подчиняется и подбор исторического материала в «Синописисе», и его построение. Изложение в нем начинается с библейской легенды о происхождении народов, в свете которой ставится вопрос о начале славяно-российского народа. В третьем издании памятника помещен рассказ о грамоте, написанной на пергамене, которую якобы дал славянам Александр Македонский и по которой славяне получили «вольность и землю». Автор «Синописиса» производит славяно-российский народ от Мосоха, шестого сына Иафета (сына библейского персонажа Ноя), от имени которого происходит якобы и название Москва.

Имя «россы» («россеяны») славяне получили, по «Синописису», вследствие их широкого расселения («россеяния») по разным местам. В процессе расселения, сохраняя свое кровное единство, отраженное и в общем названии, отдельные ветви славянороссов стали якобы называться и специальными именами. Возникли наименования запорожцы (от Запорожья), казаки (от древнего вождя Козака), москва — народ (от Мосоха) и т. д. Но единство «славяно-российского» народа не прервалось.

В «Синописисе», несомненно, чувствуется попытка показать роль славянства во всемирной истории, причем достигается это часто введением в текст целого ряда баснословных подробностей.

«Синописис» дает подробное описание истории Киевской Руси, особенно времени княжения Владимира Святославича, который, согласно концепции этого труда, был первым самодержцем «всея России». Его преемник Владимир Мономах был якобы венчан царским венцом. Изложение истории Киевской Руси доводится до разорения Киева войсками Батыя в XIII в. Изложение это проникнуто церковной идеологией, понятной, поскольку составитель «Синописиса» Гизель являлся представителем церковных феодальных верхов. Не случайно много внимания уделяется истории Киево-Печерской лавры, в которой Гизель занимал руководящее положение.

В третье издание «Синописиса» после рассказа о нашествии татаро-монгольских войск на Киев включено описание Куликовской битвы, являвшейся решающим событием в борьбе против монголо-татарского ига. Поскольку третье издание «Синописиса» подготавливалось в годы русско-турецкой войны 1677—1678 гг., героический пример народного выступления против татаро-монгольских войск в 1380 г. должен был служить примером борьбы с турецкими военными силами. Автор «Синописиса» проводит параллель между прошлым и настоящим в плане церковной идеологии. Он предлагает «ревновать» «...древних ветязей храброму против нечестиваго Мамаю мужеству» с тем, чтобы самим «дерзновенно» «подвизаться на врагов креста святого»¹.

Автор «Синописиса» считает большим политическим событием перенесение столицы Руси в Москву. Но он не касается истории Северо-Восточной Руси, так как это не входит в его задачу. Не ставит он своей целью и специальное изложение истории украинских земель, например, Галицко-Волынского княжества, ибо это не связано с непосредственным замыслом его труда — показать, что Киев представляет собой «искони вечную скиптроносных прародителей его (царя Алексея Михайловича) отчину»².

Совершенно отсутствуют в «Синописисе» данные об освободительной борьбе украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого. Это свидетельствует о том, что руководствуясь своей схемой истории «самодержавия», отвечавшей политическим интересам господствующего класса, автор «Синописиса» игнорировал роль народных освободительных движений.

В первом издании «Синописис» заканчивался возвращением Киева в состав Русского государства в 1654 г., затем к первоначальному тексту было присоединено описание Чигиринских походов.

В качестве источников автор «Синописиса» пользовался польскими хрониками, в которых очень много баснословного материала и который требует строгой критики. В «Синописисе» уже имеются элементы исторической критики, хотя они весьма примитивны и стоят на уровне обычных приемов средневековых авторов. Использованы в «Синописисе» и летописные русские источники, но очень односторонне.

В XVII в. развивается местная историография. Появляются труды, посвященные истории отдельных областей.

В конце XVII в. возник летописный свод в Новгороде, со-

¹ «Синописис», изд. 3, 1680, стр. 123—124.

² Там же, стр. 194. Об этом в статье И. И. Еремина

ставленный по инициативе митрополита Иоакима. По-видимому, отрывки из этого свода, относящиеся к древней Новгородской истории, были известны В. Н. Татищеву (историку XVIII в.), который неправильно приписал их авторству Иоакима — новгородского епископа XI в.

На протяжении XVII в. был создан ряд памятников летописания в Сибири.

Своеобразным характером отличаются повести о взятии Азова в 1637 г. и его обороне от турецких войск в 1642 г. Повести эти возникли в среде донских казаков. В них использованы материалы устного народного творчества и документы канцелярии Войска Донского (царские грамоты и казачьи отписки в Москву).

Борьба с Турцией за Азов получает в этих повестях религиозное обоснование как борьба христианства с магометанством (бусурманством). Турецкие завоевания христианских стран Востока в XV в. автор интерпретирует как «гонение» на «истинную христианскую веру» в Иерусалиме, Константинополе, по берегам Эгейского («Белого»), Черного, Азовского («Синего») морей¹.

Поход на Азов в 1637 г. рассматривается как проявление «ревности» «вольного казачества всего великого Донского Войска» в ответ на те «пакости», которые чинили «Российскому государству Московския державы и нашим (казачьим) юртам» (городкам) турецкие войска². Решение о походе было принято в казачьем «кругу» и осуществлено совместно с запорожскими казаками. С чувством большого патриотизма говорится в одной из повестей, что поход на Азов был открытым выступлением казачества во славу родины: «Пойдем мы, атаманы и казаки, под тот град Азов среди дни, а не нощию украдом, своею славою великою, не устыдим лица своего от бесстыдных бусурман»³.

Большим патриотизмом проникнута повесть об обороне казаками Азова в 1642 г. В ней подчеркивается сила и могущество Русского государства. «А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд бусурманских, персидских и еллинских, аки в небе солнце»⁴.

Повести присуща антифеодалная направленность. В ней указано, что по своему происхождению казаки являются беглыми крестьянами и холопами, избавившимися на Дону от

¹ См. Воинские повести древней Руси, стр. 47.

² Там же, стр. 48—49.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 68. См. там же ст. А. Н. Робинсона.

феодалной кабалы: «Отбегаем мы ис того государства Московскаго из работы вечныя, ис холопства невольнаго, от бояр и от дворян государевых...» Ясно выступает в Повести негодование казаков на крепостников-помещиков в следующих словах: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящаго»¹.

Как исторические произведения повести об Азове отличаются большой документальностью. События в них излагаются подробно, по месяцам и дням, со ссылкой на документы. По именам и с приведением исторических деталей названы все участники событий. При изображении взятия и обороны Азова хорошо воспроизведены топографические данные. Приводится численность военных сил. Самая манера исторического повествования напоминает стиль документов казачьей канцелярии.

В то же время для повестей об Азове характерно стремление к литературной стилизации и тем самым отступление от историчности. Это проявляется в картинности изображения боевых сцен, которые рисуются традиционными для русских книжников приемами. Для придания большей торжественности повествованию в повести вводятся картины «чудес» и «видений». Художественными образцами для повестей об Азове служили произведения древнерусской и переводной литературы. Большое отражение в Повестях нашел казачий фольклор. Особенно ярки обращения к «славному тихому Дону», «кормильцу нашему Дону Ивановичу».

Интересным приемом исторического повествования является придание особой заостренной публицистичности и программности тем «речам», с которыми выступали в ходе переговоров об Азове русские и турецкие представители и текст которых в ряде случаев представляет собой своеобразный исторический комментарий автора к описываемым событиям, развернутый в литературной форме.

В XVII в. в связи с формированием в России предпосылок абсолютистской монархии и повышением в феодальной историографии интереса к вопросам, касающимся роли государства в историческом процессе, появляются переводные трактаты на политические темы. Так, в начале XVII в. в России было известно сочинение под заглавием «Описание вин или причин которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца»². В этом трактате, как уже видно из самого его названия, поднимается вопрос о причинах гибели

государств и о том, как удержать их от разрушения. Вопрос этот автор решает, приводя ряд высказываний философов и политиков древности, а также ссылаясь на примеры из истории государств Израиля, Греции, Рима. Наиболее правильной автору представляется мысль Ксенофонта, который указывает, что «хотя не делаетца ничто на свете без воли и без суда божия, совершение того суду божия исполняетца за грехами и злобами человеческими, которые делают люди, разлучаясь з богом...», т. е. хотя ничто на свете не делается без божьей воли и суда, но этот божий суд совершается вследствие грехов и злобы людей, которые творят злые дела, разлучаясь с богом. Гнев божий распространяется на людей за грехи начальников. Там, где «злоба человеческая размножаетца и расширяетца», где утрачивается «единомыслие» «начальников с подданными», там «переменяютца и погибают царства»¹.

Таким образом, автор в своем объяснении причин, вызывающих падение государств, сочетает религиозную средневековую философию (исторические явления и события — результат воли божьей) и теорию о роли в исторической жизни людских свойств, достоинств и пороков. Классовый смысл политической доктрины о необходимости «единомыслия» между властями и подданными заключается в стремлении представить государство и тех, кто стоит во главе его, выразителями интересов народа, в желании смягчить классовые противоречия. В трактате нарисован образ идеального правителя, носителя тех «добродетелей», которые «славное и честное государство делают»².

В XVII в. известны и другие переводные сочинения.

¹ М. А. Салмина. Ук. соч., стр. 342—343.

² Там же, стр. 350.

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 68. См. также стр. 166—243.

² М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века. Тр. Отдела древнерусской литературы Института русской литературы, вып. X. М.—Л., 1954, стр. 342.

Лекция шестая

ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Экономическое развитие России в первой четверти XVIII в. продолжалось в том направлении, которое наметилось уже в XVII столетии. Наряду с укреплением феодально-крепостнической системы происходил дальнейший процесс формирования всероссийского рынка, росло мануфактурное производство, создавалась крупная промышленность.

Первая четверть XVIII в. была временем серьезных преобразований, которые коснулись разных сторон жизни России (социально-экономической, политической, культурной). Преобразования эти были подготовлены предшествующим развитием и в свою очередь способствовали дальнейшему росту производительных сил, подъему экономики, повышению военной мощи страны.

Преобразования правительства Петра I были направлены на преодоление хозяйственной, политической и культурной отсталости России и в этом заключается их прогрессивное значение. Но проводились они в рамках феодального строя, в интересах дворянства (с учетом потребностей зарождавшейся буржуазии) и в конечном итоге были связаны с усилением крепостничества.

Реформы первой четверти XVIII в. содействовали образованию абсолютистской монархии, предпосылки которой зародились значительно ранее. При Петре I был создан административный бюрократический аппарат. Новыми бюрократическими органами управления являлись Сенат, коллегии. Была реорганизована система местных учреждений. Большое значение для усиления военной мощи страны имело создание регулярной армии и военно-морского флота.

Значительные успехи были достигнуты в области внешней

политики. Крупным событием в борьбе за доступ к южным морям было взятие Азова. С получением открытого выхода к Балтийскому морю, с возвращением ряда земель по Балтийскому побережью, тесно связанных еще с Древней Русью, была осуществлена задача, стоявшая перед Русским государством на протяжении столетий. Возросло международное значение России. Увеличились ее экономические, политические и культурные связи со странами Западной Европы.

Наконец, к первой четверти XVIII в. относится ряд новых явлений в области культуры и просвещения. Были созданы специальные учебные заведения, учреждена Академия наук, которая в дальнейшем сыграла большую роль в качестве научного центра. Стала издаваться газета. Посылалась экспедиция для обследования страны.

Однако отсталость России от передовых стран Западной Европы была преодолена неполностью, ликвидировать ее в рамках феодально-крепостнического строя было невозможно.

Преобразования, проводившиеся правительством Петра I, вызвали усиление эксплуатации трудовых народных масс, положение крепостного крестьянства ухудшилось. В связи с этим обострялись классовые противоречия. В первой четверти XVIII в. происходили массовые антифеодальные выступления. Широким размахом отличалось народное движение на Дону под предводительством К. А. Булавина. Крупное восстание вспыхнуло в Астрахани. Новым явлением в истории классовой борьбы были движения рабочих людей на мануфактурах.

В XVIII в. продолжался процесс формирования русской нации. Становилась более заметной общность ее территории и экономической жизни. Складывался русский национальный язык. Создавалась национальная культура.

Общие процессы социально-экономического, политического и культурного развития страны определяли направление развития исторической мысли. По своей классовой природе основные исторические труды, появившиеся в первой четверти XVIII в., являются памятниками дворянской историографии. Эти труды политически заострены, их тематика выдвигалась самой действительностью, определялась разворачивавшимися в то время событиями. Две основные темы ставились в дворянской историографии изучаемого периода: это вопросы о значении государства и роли самодержавного монарха в жизни страны и о задачах и характере внешней политики и международном положении России. Оба вопроса рассматривались как в обобщающих трудах по русской истории, так и в произведениях специального характера.

Показателем интереса к историческим трудам, преследующим общеобразовательные цели, может служить двукратное переиздание при Петре «Синописа».

Сам Петр I очень интересовался отечественной историей и принимал меры к ее разработке.

В 1708 г. специальное предписание написать русскую историю, начиная с XVI в. (с царствования Василия III) и до петровского времени, получил Федор Поликарпов. Он происходил из «простых людей», учился, а затем преподавал в Славяно-греко-латинской Академии, работал «справщиком» на Печатном дворе, наконец, был назначен начальником Печатного двора. Боярин И. А. Мусин-Пушкин, передавший Поликарпову распоряжение Петра о работе над сочинением по русской истории, инструктировал его следующим образом: «...понеже,— писал Мусин-Пушкин,— его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем перее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно»¹.

Из этих слов Мусина-Пушкина виден интерес Петра к истории, причем прежде всего к русской истории (как он считает, еще мало изученной). Предметом рассмотрения Поликарпова, по мысли Петра, должна явиться история Русского государства с XVI в., когда уже закончился период политической раздробленности. Таким образом, центром внимания становились не древнейшие судьбы восточного славянства, Киевская Русь и время существования уделов, а сравнительно новые времена, когда происходила политическая централизация России. Это понятно, если учитывать, что историческое прошлое интересовало как Петра, так и сторонников его преобразований из числа дворянства и купечества также и с точки зрения идеологического обоснования политики абсолютистского государства.

Наконец, очень важно в приведенном письме Мусина-Пушкина Поликарпову указание на то, что создание труда по русской истории требует большой предварительной работы источниковедческого порядка (выборка материала из летописцев и его сличение, т. е. критическая проверка разноречивых свидетельств).

Работа Поликарпова, законченная, по-видимому, в 1715 г. и представленная Петру, не удовлетворила последнего. Обращаясь к Поликарпову в начале 1716 г., Мусин-Пушкин пере-

¹ П. Пекарский. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 317.

дал ему отрицательное мнение царя о его труде: «История твоя российская... не очень благоугодна была»¹.

Исторические работы первоначально мыслились еще в привычной форме летописцев. Так, судя по скудным данным, относящимся к 1709 г., над таким летописцем работал Г. Г. Скорняков-Писарев.

В 1715 г. секретарь русского посольства в Швеции А. И. Манкиев, задержанный там в начале Северной войны вместе с русским посланником А. Я. Хилковым, закончил большой труд «Ядро российской истории». По словам автора, он работал над этим произведением по поручению Петра I («...имел на сей труд повеление, а особливо, чтоб описать славные его царского величества дела, и над неприятелями побед его великолепие») ². Академик Г. Ф. Миллер, издавший в конце XVIII в. «Ядро российской истории», неправильно приписал авторство этого труда А. Я. Хилкову.

«Ядро российской истории» уже далеко отошло от сочинений типа летописцев, а также отличается по своему построению от «Степенной книги» и «Синописа». «Ядро» делится на семь книг, каждая книга состоит из ряда глав. Это деление отражает взгляд Манкиева на периодизацию истории России, характерный для представителей дворянской историографии. Выделение больших разделов, соответствующих законченным периодам исторического развития в понимании авторов,— это новое явление в русской историографии.

Книга первая посвящена происхождению русского народа, первым русским князьям и призванию варягов. Манкиев начинает свой рассказ (в соответствии со старой церковной традицией) с библейских преданий о первом человеке Адаме, о всемирном потопе, о Ное и его сыновьях, которые явились родоначальниками позднейших народов. Славянские народы автор выводит от Мосоха или Месеха, шестого сына Яфета, внука Ноя. В то же время в эту церковную традицию вливается новая мысль, идущая вразрез с обычными религиозными представлениями и выдвигающая роль человека в историческом процессе. Указывая, что историки многих народов стремятся начать их историю «от притворных богов», Манкиев подчеркивает, что «наши русские, славяне и прочие народы сарматские не летают по поднебесию для произведения предков своих» и «не от богов, но от человека явно начало свое производят». Русский народ, как и прочие славяне, «начало свое

¹ П. Пекарский. Ук. соч., стр. 317, О русской историографии первой четверти XVIII в., см. соответствующий том «Очерков истории СССР. Период феодализма». М., 1954.

² Ядро российской истории... М., 1784, стр. 4.

ведет непрерывным порядком от Мосоха человека...»¹. В этой мысли, несомненно, имеются элементы рационализма, хотя она выступает в оболочке представлений, еще привычных для феодальной средневековой историографии: вопрос о происхождении народов решается путем установления их «патриарха» и «начальника».

Далее в первой книге ставится вопрос о происхождении названий «славяне», «россы». Автор применяет при этом метод анализа и сопоставления корней, общих для ряда близких по значению слов. Он идет по пути, уже намеченному книжниками XVII в., объясняя возникновение имен отдельных народов тем, что они воспроизводят имена лиц, которые в качестве «патриархов» дали начало этим народам, или же представляют собой прозвища, отражающие характерные черты народного характера. Имя «россианы» производится от потомка Мосоха — князя Руса, термин «славяне» — «от той великой славы», которую они «себе воинскою храбростию и мужеством заслужили...»². Новым по сравнению с историографией XVII в. в рассуждениях Манкиева является критический разбор утверждений тех «историописателей», которые сопоставляли корни слов «славяне» и *slavus* (что означает в переводе с латинского языка раб: «си есть невольник») ³, отождествляя эти слова и по смыслу. Опровергая подобное сопоставление, Манкиев исходит прежде всего из осмысления таких имен славянских вождей, как Святослав, Венцеслав, Мстислав, Болеслав и т. д., подчеркивая, что «из вождев славенского народа многие, и почитай все, ...от славы имена имели, а не от невольничества, как некоторым приснилось...». Второй довод автора сводится к признанию большей древности славянского языка по сравнению с «испорченным римским» (итальянским)⁴. При всей субъективности такой аргументации она была шагом вперед в русской историографии по пути развития критических приемов изучения источников.

Для понимания исторической концепции Манкиева интерес представляет его взгляд на происхождение Русского государства. Первоначальный политический строй восточных славян он мыслит в форме правления в Киевской Руси владетельных удельных князей (Кия, Щека, Хорива и их потомков, которые «всяк на своем уделе долгое время порядочно и великолепно владычествовали») и в виде демократических порядков на севере, в Новгородской земле (где «россияне... образ граждан-

ства имели демократической, и жили всяк по своей воле», «многие веки жили общиною и правили своими землями и уезды») ¹. Несовершенство демократического строя, согласно концепции Манкиева, привело к раздорам («несоюзству») среди новгородских «граждан» и заставило их обратиться к варяжским князьям (Рюрику, Синеусу и Трувору) с призывом взять на себя правление на Руси («в Русь владеть над собою звали») ². В «Ядре российской истории» используется, таким образом, летописная легенда о призвании варягов и проводится официально признанная точка зрения, согласно которой явившиеся на Русь варяжские князья были потомками Пруса, двоюродного брата римского кесаря Августа. Тем самым династия русских царей в целях ее возвеличения через Рюрика генеалогически связывалась с династией римских императоров.

Вокняжение Рюрика, ставшего после смерти двух его братьев единовластным правителем в Новгородской земле, согласно исторической концепции, проводимой Манкиевым, было началом самодержавия. С этого времени установился якобы твердый порядок престолонаследия по прямой линии. Под власть князей, правивших после Рюрика, попал и Киев и другие города и земли. Потомки Рюрика (вплоть до царя Федора, сына Грозного) были законными самодержцами на Руси («безперерывным порядком крови наследственной на престоле всероссийском и главном самодержавственном...»)³.

Итак, политический смысл и классовая сущность концепции о происхождении Русского государства, которая развивается в «Ядре российской истории», заключаются в утверждении давности абсолютизма в России и того, что его установление (победа самодержавия над демократическими порядками) было историческим прогрессом, ибо самодержавие есть якобы наиболее совершенная форма государственного устройства.

Изложение дальнейшей «русской истории» представляет собой по существу изложение истории самодержавия в России. В основе лежит схема «Степенной книги», труда Грибоедова и «Синописа», но членение исторического процесса производится не только по правлениям отдельных князей. Выделяются большие этапы в истории самодержавия — абсолютизма, анализу которых посвящены отдельные книги. Эти этапы следующие: 1) от установления «самодержавства» Рюрика до княжения владимиристо-суздальских князей Андрея

¹ Ядро российской истории..., стр. 8—9.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 13—14.

¹ Ядро российской истории..., стр. 20—21.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 27.

Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо (книга вторая); 2) от татаро-монгольского нашествия до свержения ига Золотой Орды при Иване III (книга третья); 3) от княжения Ивана III до смерти царя Федора Ивановича (книга четвертая).

Характер такого членения материала и выделения решающих рубежей совершенно ясен. Годы княжения Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо берутся в качестве исторической грани потому, что, по утверждению Манкиева, тогда «престол всероссийский» был перенесен из Киева во Владимир на Клязьме, «а Киевская монархия перестала» (прекратила свое существование)¹. Годы татаро-монгольского владычества — это время упадка «монархии» на Руси, и только по «сшибении (т. е. свержении) ига татарского» «монархия Руская» была «возвращена» (т. е. восстановлена), а Иван III «стал монарх совершенный (т. е. полновластный) русский»². Наконец, со смертью царя Федора Ивановича «пресеклося» «наследство монархов российских» — потомков Рюрика («от великаго князя Рюрика крови происшедших») ³. Так обосновывается типично великодержавная схема исторического развития.

С точки зрения судеб самодержавия подходит Манкиев и к событиям конца XVI и начала XVII вв., рассмотренных в двух книгах (пятой и шестой). Для него это время характеризуется сменой «царствований» (Бориса Годунова, его сына Федора, первого Самозванца, Василия Шуйского) и «междоцарствий» (т. е. периодов, когда на русском престоле не было царей). Избрание на царство Михаила Федоровича Романова, племянника царя Федора Ивановича, по Манкиеву, является восстановлением русской монархии на началах законной передачи престола от государей «из крови Рюриковой»⁴ государям, с Рюриковичами родственно связанным (по женской линии).

В последней (седьмой) книге «Ядра российской истории» рассматриваются царствования Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра I (в пределах до 1712 г., причем очень бегло).

Давая историю самодержавия в России, автор с классово враждебных позиций подходит к народным движениям. Так, городские восстания в Москве в 1648 и 1662 гг. расцениваются как «бунты» «черни»⁵; «Бунтовщиком» называет он Степана

¹ Ядро российской истории..., стр. 101, 103.

² Там же, стр. 164, 168—169.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ Там же, стр. 361.

Тимофеевича Разина. При этом автор дает представление о масштабах его движения: он «под свою власть побрал» все «низовые» города и уезды по Волге «даже по самую Резань» «и к Москве итти был намерен»¹.

Стрелецкое восстание 1682 г. Манкиев называет «великим смятением» и расценивает его как акт, подготовленный царевой Софьей и направленный против ее противников из числа бояр. Манкиев указывает и на разгром стрельцами Холопьего приказа и уничтожение хранившихся там крепостных документов. Этот акт он объясняет тем, что стрельцы хотели «подхлебнуть» (т. е. дать подачку) боярским холопам, боясь их выступления в поддержку своих (пограбленных стрельцами) господ². Таким образом, автор затушевывает социальные противоречия между боярами и холопами.

Хотя подавляющее место в «Ядре российской истории» занимает политическая история, в этом произведении встречаются и некоторые (правда, очень немногочисленные) извлечения, касающиеся экономических вопросов (например, о торговле с Англией в XVI в.).

На всем протяжении книги Манкиева замечается интерес к вопросам всемирной истории. Так, говоря о происхождении русского народа, автор приводит предания, касающиеся происхождения египтян, греков, римлян, англичан, французов, венгров и т. д. В процессе изложения русской истории Манкиев считает нужным дать представление о византийском законодательстве, и особенно о законах Юстиниана («...дать ведать о уложении, которого ныне все европейские народы употребляют и им правятся...») ³. В главе, посвященной княжению Ивана III, рассказывается об открытии Америки. Интересны те сведения о Кромвеле, которые даются в главе о царствовании Алексея Михайловича. Относясь очень отрицательно к английской революции и весьма недоброжелательно к Кромвелю, Манкиев с удовольствием рассказывает, как в Москву не были допущены английские послы, причем царь велел им сказать: «Когда де вы своему королю по изменнически дерзнули голову отсечь, чего инде нигде на свете не слыхано, я с вами никакого сообщения иметь не хочу»⁴.

Наряду с русскими источниками (летописями, хронографами, «Степенной книгой», «Синописом» и т. д.), автор использовал и материалы иностранные. Он ссылается на античных авторов (Геродота, Ксенофонта, Птолея, Плиния

¹ Ядро российской истории..., стр. 362.

² Там же, стр. 370.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 360.

и др.), на польских хронистов (Длугоша, Стрыйковского, Кромера, Бельского и пр.), на писателей немецких, шведских, итальянских и т. д.

К своим источникам Манкиев подходит критически, хотя эта критика еще элементарна. Свидетельства Герберштейна (посла австрийского императора, бывшего в России в XVI в.) Манкиев сопоставляет с данными русских летописцев. Он критикует посланника шведского короля Карла IX Петрея-де-Ерлезунда («безумного политика, попа шведского Петреуса») за его враждебные и не соответствующие истине выпады против русского народа («во всех своих книгах народ русский без чистой совести и срама ругает...») ¹.

Итак, «Ядро российской истории» — это памятник историографии, с одной стороны, еще в значительной мере отражающий старые представления, свойственные средневековым историческим трудам, с другой стороны, характеризующийся некоторыми новыми приемами в подходе к источникам и в объяснении исторических явлений.

Считая важной задачей создание обобщающего труда по истории Русского государства, Петр I одну из предпосылок для разрешения этой задачи видел в собирании и опубликовании исторических источников и стремился придать этому делу организованный характер. В этом отношении интересны указы начала двадцатых годов XVIII в., в которых губернаторам и вице-губернаторам предписывалось искать по епархиям (церковно-административным округам), монастырям, соборам и т. д. «куриозные» (т. е. любопытные, представляющие научный интерес) исторические памятники, как рукописные (написанные на пергаменте — «на хартиях» и на бумаге), так и печатные. В числе этих памятников указы называют «гражданские летописцы», степенные книги, хронографы, жалованные грамоты. Все эти рукописи и печатные материалы должны были поступать в Москву в Синод, для снятия с них копий и хранения в Синодальной библиотеке ².

Таким образом, с образованием в России абсолютистской монархии была связана попытка некоторой централизации работ по поискам и собиранию исторических памятников, служащих основой для написания истории России, — дела, которому придавали политическое значение.

Петр интересовался и русскими рукописями в заграничных собраниях. Он заказал, например, копию с так называемой Радзивилловской или Кенигсбергской лицевой (иллюстриро-

ванной) летописи, составленной в XV в. в России, а затем сложными путями попавшей в Кенигсберг.

Помимо трудов общего исторического характера, в первой четверти XVIII в. появился ряд книг, посвященных специально царствованию Петра I.

Одной из важных задач историографии первой четверти XVIII в., выдвинутой в ходе Северной войны, было обоснование исторических прав России на побережье Балтийского моря. Эта задача была поставлена в труде («Рассуждении») вице-канцлера П. П. Шафирова, напечатанном в 1717 г. и представляющем собой, с одной стороны, трактат по международным отношениям, с другой — произведение исторического характера. Дата опубликования «Рассуждения» показательна: оно появилось накануне переговоров России со Швецией на Аландских островах об условиях мирного договора и содержало программу международных отношений и обоснование норм международного права, которых, как стремится доказать автор, придерживалось русское правительство. Переведенная на немецкий язык книга Шафирова получила известность в Западной Европе.

В «Рассуждении» поставлены три вопроса, которые четко сформулированы в заглавии: 1) о причинах Северной войны («...какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел...»); 2) о виновниках длительного ведения войны («...и кто из сих обоих потентатов, во время сей пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной с толь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен...»); 3) о том, в какой мере соблюдаются обоими противниками правила войны («...и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена») ¹. Рассмотрению этих трех поставленных в заголовке вопросов автор посвящает соответствующие разделы своей книги.

Книга начинается с посвящения («дедикации») наследнику Петру Петровичу, представляющего апологию Петра I, «яко первого именем, тако и первого в славных и великих делах монарха российского в свете» ². Шафиров подчеркивает, что ни «в нынешних нашей памяти веках», ни «в гисториях прежних веков» нельзя найти правителя, сделавшего столь много для своей страны и в такой степени прославившего свой на-

¹ Ядро российской истории..., стр. 298

² См. П. Пекарский. Ук. соч., стр. 318.

¹ Рассуждение, какие законные причины... (заголовок)

² Там же («Дедикация»), стр. 1.

род¹. Блестящие результаты деятельности Петра, по мнению Шафирова, объясняются его личными качествами и трудолюбием («...от бога дарованным талантом, охотою, высоким разумом и неусыпными трудами и старанием...») ². Далее Шафиров говорит об успехах, достигнутых Россией при Петре в военном деле, в создании регулярной армии и флота, в строительстве крепостей, портов, проведении каналов, в развитии промышленности, торговли, распространении просвещения, рассказывает о реформах государственного аппарата. Особенно показательным считает Шафиров то, что, вопреки латинской поговорке — «под звоном оружия права гражданские молчат», — реформы производились во время войны. Заслугу Петра Шафиров видит в том, что он многих своих подданных привел «в такое состояние», что они могут равняться с представителями других европейских народов в различных областях государственной, военной, культурной деятельности ³. Таким образом, оценка значения царствования Петра, данная Шафировым, свидетельствует, что в его понимании исторического развития России определяющая роль отводится царю-преобразователю, в силу своих личных качеств якобы сумевшему поднять на небывалую высоту страну и воспитавшему своих подданных. Прославление абсолютизма сочетается у Шафирова с неумеренной идеализацией личности Петра как монарха, с оценкой его деятельности как решающего фактора в исторических судьбах России. При всем субъективизме подобной трактовки, она была, конечно, шагом вперед на пути постепенного отказа от объяснения исторических явлений с позиций провиденциализма.

Историческая концепция, проводимая в «Рассуждении» Шафирова, сводится к утверждению, что вступление России в Северную войну было с ее стороны актом, вызванным враждебной политикой Швеции, захватившей русские территории. Петру «яко отцу отечества своего» пришлось «против короны Шведской войну начать», с тем, чтобы «неправедно от Российской короны... отторгнутые свои наследные провинции... отобрать» ⁴ (вернуть исконные, незаконно отобранные земли). Для доказательства этой мысли в «Рассуждении» дается исторический обзор русско-шведских отношений со ссылками на соответствующие документы (международные трактаты и т. д.), а также на летописные известия. Выяснив эти «древние причины... к начинанию против Швеции войны», Шафи-

ров, однако, подчеркивает, что Петр не вступал в войну «без новых от короны Шведской данных ему причин» ¹. Далее в «Рассуждении» следует описание русско-шведских отношений за 1697—1700 гг. (с отправки за границу из России «великого посольства» и до начала Северной войны). Автор говорит о враждебной политике Швеции в отношении России в эти годы и приходит к выводу, что шведы сами «огнь древних обид, под пепелом давнего времени и забвения кроющийся, ...воздуть восхотели» ².

Таким образом первый вопрос — о причинах Северной войны, — поставленный в «Рассуждении», решается в том смысле, что она вызвана неприязненными действиями Швеции и вследствие этого является законным актом со стороны России. Каждый «потентат (государь) должен право свое и государства... силою и оружием оборонять, и насилие насилием, усмотря к тому удобное время, отвращать...» ³.

Рассматривая дипломатическую и военную историю Северной войны, автор дает ответ и на второй выдвинутый им вопрос: на кого падает ответственность за длительный характер военных действий. В «Рассуждении» доказывается, что виновником является Карл XII, отвергавший предлагаемые ему русским правительством «мирные пропозиции» ⁴.

В третьем разделе книги собраны доказательства в пользу того, что Россия вела войну «по обычаю всех политических (т. е. соблюдающих нормы международного права) христианских народов» ⁵, Швеция же допускала правонарушения и жестокости (приводятся соответствующие примеры).

В заключении книги, написанном, как предполагают, Петром I, говорится о том, что ряд европейских государств, боясь роста военной мощи России («никого так не боятся как нас») ⁶, всячески стремился и стремится этому росту помешать, и «содержать» русский народ «в прежнем неискusstве, особливо же в воинских и морских делах» ⁷. Эта враждебная политика требует от России доведения Северной войны до «добраго и безопасного конца» ⁸. Надо не просто добиваться мира, но стремиться к миру почетному.

Изложенная в «Рассуждении» Шафирова внешнеполитическая программа, отвечавшая интересам дворянского государ-

¹ Рассуждение... («Дедикация»), стр. 4.

² Там же, стр. 2.

³ Там же, стр. 11 и сл.

⁴ Там же, стр. 1.

¹ Рассуждение..., стр. 23.

² Там же.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 77.

⁷ Там же, стр. 74.

⁸ Там же, стр. 77.

ства, имела и объективно прогрессивное значение, ибо овладение Балтийским побережьем было необходимо для экономического и культурного развития России, являлось важным условием формирования русской нации. Но в «Рассуждении» имеется явная идеализация внешней политики России и культ самого Петра I.

Самый тип «Рассуждения» (трактат по международным отношениям и международному праву) с историческим обоснованием и документацией выдвигаемых вопросов (к «Рассуждению» приложены тексты русско-шведских договоров и других дипломатических документов XVI—XVII вв.) представляет собой новое явление в области исторической, правовой и политической мысли.

Петр I был заинтересован в написании истории Северной войны. Об этом свидетельствуют его записи, относящиеся к разному времени. Так, в 1722 г. он сделал заметку: «...вписать в историю, что в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских, обоих путей регламентов и духовных; також — строение фортец, гаванов, флотов корабельнаго и галернаго, и мануфактур всяких, и строения в Питербурхе, и на Котлине, и в прочих местах»¹. Здесь интересно широкое понимание задач истории России времени Северной войны, в которой должны были найти отражение вопросы и гражданские (земские) и военные, показано строительство как военных объектов, так и промышленных предприятий, освещены преобразования как государственные, так и церковные. Следовательно, предполагалось дать всестороннее изображение жизни страны в военное время.

При ближайшем участии самого Петра I была написана история Северной войны, один из вариантов которой напечатан в 1770—1772 гг. М. М. Щербатовым под заглавием «Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира». В «Очерках истории исторической науки в СССР» указано, что «первая часть «Журнала» была отредактирована Петром I (до 1715 г.), вторая же часть осталась не просмотренной им», и что «название работе дал М. Щербатов»². Это не совсем верно. Щербатов в предисловии к опубликованному им «Журналу» указывает: 1) что его полное заглавие дано в копии, переписанной по распоряжению Екатерины I и 2) что «поправки государевой руки» имелись и во второй части рукописи³.

«Журнал» представляет собой в основном хронику военных действий. Стиль изложения деловой. Имеется много цифрового материала. Приводятся данные о вооруженных силах и о потерях с обеих сторон (русской и шведской): число убитых, раненых, плененных. Даются подробные описания сражений.

Содержатся сведения о дипломатических отношениях и переговорах. Отмечаются (правда, в незначительном количестве) и мероприятия, касающиеся внутренней политики: «...государь, будучи в Москве, трудился во управлении гражданских дел...» и т. д.⁴

Иногда в текст «Журнала» вносятся документы, непосредственно относящиеся к описываемым событиям, например, «реляции» (донесения) о военных действиях. В то же время в ряде случаев имеется стремление наряду с точным воспроизведением событий к их осмыслению, к тому, чтобы дать их историческую оценку и сделать из них практические выводы. Так, отметив победу шведов над русскими под Нарвой в 1700 г. («и тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно»), «Журнал» видит причины этого в явном качественном превосходстве шведского войска («...какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?»). Со стороны русского войска «все то дело» (т. е. сражение под Нарвой) «яко младенческое игранье было, а искусства ниже вида» (т. е. не было даже видимости военного искусства). Поражение русских под Нарвой рассматривается в «Журнале» как несчастье и в то же время как великое счастье, ибо оно заставило их, откинув лень, трудолюбиво заняться изучением военного дела («...неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила...»). Результатом этого явилась Полтавская победа (шведов «под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максиму низ к верху обратило»)².

Большое значение в развитии Северной войны придается в «Журнале» победе русских над шведами при Лесной, где «первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила»³.

Значение Полтавской победы «Журнал» видит в том, что эта «виктория», «которой подобной мало слыхано, была одержана «с легким трудом и малою кровию»⁴.

Выяснение причин и следствий тех или иных исторических событий и явлений, попытка разобраться в их характере, опре-

¹ П. Пекарский. Ук. соч., стр. 321—322.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, стр. 175.

³ Журнал или поденная записка..., ч. I. СПб., 1770, Предисловие, стр. 4.

¹ Журнал..., стр. 253.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 215.

делить их влияние на дальнейший ход истории — все это новые черты, отличающие историографию XVIII в. от более ранней.

В «Журнале», как и в ряде других исторических памятников первой половины XVIII в., особо подчеркивается роль самого Петра. Так, в описании Полтавского сражения говорится, что он «за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит»¹.

Как видно из «Предуведомления» М. М. Щербатова, к «Журналу», по указанию Петра I, были приложены в виде дополнения некоторые документы (помимо включенных в самый текст). Щербатов, со своей стороны, публикуя «Журнал», значительно увеличил число документальных приложений к нему².

Наряду с «Журналом» как документальной хроникой Северной войны, в 1713 г. был составлен специальный альбом по военной истории, который получил название: «Книга Марсова или военных дел от войск царского величества российских, во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества Свейского». Марс — бог войны. «Марсова книга» — это книга, содержащая планы, карты, схемы баталий (битв), акций (военных действий во время Северной войны), осады русскими войсками шведских городов и укреплений (фортификаций) с соответствующим пояснительным текстом. Иллюстративный материал в Марсовой книге расположен в хронологическом порядке применительно к важнейшим военным событиям. Например: «Калишская баталия» (1706 г.), «Акция под Добрым» (1708 г.) и т. д. В качестве документального текста приведены «юрналы» или «поденные росписи» (дневники) военных действий, реляции (донесения) о них т. д.

Царствование Петра I послужило темой ряда исторических работ, принадлежащих перу его ближайших сотрудников.

Известному идеологу абсолютизма, вице-президенту Синода Феофану Прокоповичу принадлежит труд: «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочке включительно». «История» делится на четыре книги. В книге первой излагаются события от рождения Петра I до начала Северной войны; в книге второй описываются первые годы войны (до основания в 1703 г. Петербурга); третья книга доводит изложение материала до 1708 г.; книга четвертая посвящена действиям войск Карла XII на Украине и закан-

чивается победой русских войск под Полтавой. В таком членении материала нашел выражение взгляд на основные, решающие этапы Северной войны.

Построение Петербурга — это, согласно концепции автора, результат побед России, приведших к возвращению берегов Невы («сие бо и плод есть описанных доселе викторий») ¹. Воздвигнутый там, где находились острова, поросшие густым лесом (а между лесами везде была «мокрота и грязь»), где приютилось «промеж хврастием» (между зарослями кустарника) несколько хижин рыбаков, «новосозданный Санкт-Петербург» скоро стал населенным городом ². Автор придает его основанию большое значение и уделяет этому факту особое внимание.

Важным моментом в истории Северной войны, по мнению Феофана Прокоповича, является «марш» Карла XII в конце 1707 г. и в 1708 г. из Польши в пределы Русского государства. Этот момент также выделяется им как существенная историческая грань.

И, наконец, Полтавская победа — это «славная виктория», «которая и иных многих скоро по ней бывших викторий матерь нарещися может» (т. е. может назваться матерью многих, скоро за ней следовавших иных побед). Под Полтавой, пишет Феофан Прокопович, «сеялось» то, что Россия затем без труда «пожала» в Ливонии, Карелии и других местах. Под Полтавой «сильное Российское воинство» необычайно быстро «вконец разорило» шведское войско, имевшее славу непобедимого и всех устрашавшее. В дальнейшем «сердца неприятельския», изумленные вестями о Полтавской победе («сей бо виктории слухом пораженныя»), уже не могли сопротивляться «и в прочих акциях (и в других сражениях) воинству российскому...» ³.

Согласно концепции Феофана Прокоповича, Полтавская победа была одним из «дивных плодов», выросших из тех семян, которыми явились начальные победы русских войск над шведскими, одержанные вскоре после поражения под Нарвой 1700 г. («великие Петра I военного счастья начатки»). Победы же эти были выиграны благодаря тому, что Петр I создал регулярное войско («обученное бо правильно...» и «...подвиги утвержденное») ⁴.

Заслуга тех успехов, которыми отмечена Северная война,

¹ История императора Петра Великого, сочиненная Феофаном Прокоповичем, изд. 2. М., 1788, стр. 82.

² Там же, стр. 84, 89.

³ Там же, стр. 253.

⁴ Там же, стр. 82.

¹ Журнал., ч. 1, стр. 215.

² «Журнал», ч. 2. отд. 1, СПб., 1772, стр. 192, 193.

принадлежит, по мнению Феофана Прокоповича, Петру I. Подчеркивая его роль в истории (по существу так же, как Шафиров, хотя словесно не в столь неумеренных выражениях) и выступая одновременно апологетом абсолютизма, Феофан Прокопович поднимает вопрос о взаимоотношении государства, монарха и народа. Феодальная историография XVII в. решала этот вопрос в плане религиозно-церковном: государство воплощается в личности царя, воля которого является выражением воли божьей; признание народом царя и подчинение народа царю — это признание и подчинение избраннику божьему, ибо глас народа — глас божий. Историография XVIII в. в своем обосновании абсолютизма уже не довольствуется одними религиозными догмами.

Передавая речь Петра I перед Полтавской битвой, Феофан Прокопович подчеркивает, что он призывал «российское воинство» выступить не «за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский...»¹. Таким образом, идеологическая трактовка классовых основ абсолютизма становится более сложной и тонкой. Идеологи господствующего класса выдвигают теорию ответственности монарха за порученное ему государство и за народ. Проводится также идея государственной «пользы», к которой должны быть направлены труды монарха и под которой объективно понималась защита интересов дворянского государства. «Образ самодержца своего есть вельми полезный...»², — пишет Феофан Прокопович.

Подчеркивается мысль о том, что государь должен быть примером для своих подданных. «Не усумневаюсь, что имеет у вас силу повеление мое (т. е. не сомневаюсь, что мое приказание для вас обязательно), однак хочу, да смотрите на приклад мой» (однако я хочу, чтобы вы следовали моему примеру)³, — так передает Феофан Прокопович слова Петра I. Таким образом, для укрепления существующего строя, основанного на классовом антагонизме, оказывается уже недостаточно простого призыва к подчинению властям. Как мотив, обязывающий к повиновению, выдвигаются «приклады (примеры)... монархов»⁴.

В условиях формирования русской нации в историографии XVIII в. особенное значение приобретают понятия «ревности Отечества», «славы России» и т. д., которые раскрываются в речах Петра I в переложении Феофана Прокоповича. Эти

понятия имели положительное значение как показатель роста национального самосознания, проявившегося в сражении под Полтавой и т. д.

Классовая направленность идеологии Феофана Прокоповича сказалась особенно ярко в его характеристике антифеодальных выступлений народных масс: «Так меры в ярости не знает простолюдное свирепство, когда видит вся по воле своей!»¹. Украинский народ Феофан Прокопович характеризует как «народ мятежный и к бунтам преклонный»². Запорожцы, по его словам, это — «непостоянная и своевольная чернь»³ и т. д.

В «Истории» Феофана Прокоповича использованы «Рассуждение» Шафирова, материалы «Журнала или подневной записки» Петра I и другие источники. Изложение отличается документальностью. В тексте приводится много цифровых сведений, даются выдержки из актов того времени. В то же время автор стремится к занимательности рассказа, к литературности повествования. Достижению этой цели способствует, например, изложение речей действующих лиц. В рассказе о стрелецком восстании 1682 г. воспроизводятся возгласы, якобы принадлежащие стрельцам. «И прибежше к палатам царским, кричати начали: «дайте нам изменников и царских губителей!»⁴. При описании военных действий излагаются речи Петра I и Карла XII, обращенные к войскам. Кратко передается содержание речи Петра I перед Полтавской битвой.

В «Истории» имеются характеристики отдельных исторических лиц (положительные и отрицательные). Так, автор дает развернутую и ярко написанную характеристику гетмана Мазепы, как коварного и хитрого человека.

Исторические идеи и представления нашли отражение и в некоторых выступлениях («словах») Феофана Прокоповича, посвященных памятным историческим событиям и лицам.

«Слово в день князя Александра Невского» (1718 г.) построено в плане сравнения деятельности Александра Невского и Петра I. Автор образно рисует внешнеполитическое положение и внутреннее состояние Руси в XIII в.; подвергшейся татаро-монгольскому нашествию, шведской агрессии, раздираемой княжескими междоусобиями. «От единыя страны насильствие Татарское, от другой нападение Свейское, яко ветры жестокия, а внутрь отечества, от мимошедших междоусобий и несогласий повреждение силы аки великая

¹ Феофан Прокопович. Ук. соч., стр. 250.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 113.

¹ Феофан Прокопович. История императора Петра Великого, стр. 9.

² Там же, стр. 188.

³ Там же, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 8.

скважня»¹. Феофан Прокопович слагает целый панегирик Александру Невскому, который бодрствовал, как кормчий, и даже «в таком волнении», в котором находился вверенный ему корабль (Русь), сумел его сохранить. Особенно прославляет автор Александра за победу над шведами на реке Неве. Далее в «Слове» проводится мысль, что продолжателем дела Александра Невского явился Петр I, при котором Россия укрепила на берегах Балтийского моря. Итак, в этом «Слове» путем идеализированного воспроизведения образов государственных деятелей прошлого и настоящего проводится идея о том, что во внешней политике России XVIII в. нашли разрешение задачи, поставленные еще в XIII столетии.

Исторические темы поднимаются и в других «Словах» Феофана Прокоповича. Так, в «Слове похвальном о баталии Подтавской» (1717 г.) автор коротко касается вопроса об истории русско-шведских отношений. Вопрос о причинах войны со Швецией ставится в «Слове», произнесенном Феофаном Прокоповичем по случаю заключения Ништадтского мира (1722 г.) и т. д.

Ряд исторических экскурсов имеется в политическом трактате Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», в котором он обосновывает право государя назначать себе наследника. Феофан Прокопович различает несколько форм политического устройства: 1) демократию (или «народодержавство»), при которой «главныя всего отечества дела управляются согласием всех жителей»; 2) аристократию или правление «сословия... избранных мужей»; 3) монархию или «самодержавство». Монархии делятся им на «не наследные», т. е. такие, в которых по смерти монарха народ выбирает нового «по согласию своему», и «наследные», в которых «по отце сын, или по брате брат, иногда же по отце и дочь царствует»². Автор приводит примеры из истории и современности, характеризующие все эти формы государства. В объяснении вопроса о происхождении государства Феофан Прокопович сочетает старую религиозную точку зрения о «божьем усмотрении» с теорией добровольной передачи народом власти правительству: «дом монархий не... насильствием своим похищенное, но всенародною волею отданное себе скипетро держит, сам бо народ добротным своим повиновением являет на тое преклоненную волю свою»³. Теория о договоре народа с монархом использовалась для обоснования абсолютизма.

Перу крупного русского дипломата и одного из ближайших

сотрудников Петра I — Б. И. Куракина принадлежит «Гистория», охватывающая события 1682—1694 гг. Это — часть большого задуманного, но не завершённого автором труда («увража») по «Гистории Славянороссийской империи» с начала «славяно-российского народа» и до царствования Петра I включительно. Сохранился план этого труда, в основу которого должны были лечь как письменные источники, так и личные воспоминания автора.

В известном нам тексте, написанном в 1723—1727 гг. и посвященном событиям начала царствования Петра, основное внимание уделено борьбе за власть различных придворных группировок. Фигура самого Петра I в «Гистории» занимает уже не столь большое место. В «Гистории» имеются острые, язвительные характеристики ряда представителей боярства и дворянства. Так, например, про Лопухиных, родственников первой жены Петра I, говорится: «О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и незнающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики-б оной знали»¹. Про князя Ф. Ю. Ромодановского Куракин пишет: «Сей князь был характеру партикулярнаго; собою видом, как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верной так был, что никто другой»². Лефорт «был человек забавной и роскошной или назвать дебошан французской»³.

Интерес к человеческим «характерам» пронизывает всю «Гисторию» Куракина. «Характеры» исторических лиц во многом определяют, по мнению автора, происходящие события.

Эти «характеры», как считает Куракин, активно проявляются в «интригах», к которым прибегают различные исторические деятели. Так, «интригами» отдельных бояр объясняет автор выступление стрельцов в 1682 г. Во время правления царевны Софьи Алексеевны производили «интриги» «министры» как ее двора, так и двора Петра Алексеевича⁴. Боярин Тихон Стрешнев был «интригант дворовой»⁵ и т. д.

Влияние на ход истории, по Куракину, оказывает взаимодействие таких факторов, как «интрига» и «счастье». Е. Ф. Лопухиной, рассказывает Куракин, выпал счастливый жребий и она стала женой царя, но вследствие посредственности своего ума и несходства своего характера с характером Петра,

¹ Архив князя Ф. А. Куракина, кн. I. СПб., 1890, стр. 56.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 63.

¹ Феофана Прокоповича... Слова и речи..., ч. II, СПб., 1761, стр. 12.

² ПСЗ, Собрание I-е, т. VII, стр. 623—624, № 4870.

³ Там же, стр. 624, № 4870.

«все свое счастье потеряла и весь свой род сгубила...»¹. Счастьем объясняется «магнифициенция (великолепие) жителя» Александра Меншикова². «Фавор» (счастье, покровительство) определяет, по Куракину, служебные выдвижения, занимаемые людьми в государстве положения («градусы») ³ и т. д.

Политика, по Куракину, есть та же «интрига». Так, автор говорит об «интригах» Софьи, отмечая при этом, что она была «великого ума и великой политик», считая, что ее правление было временем, когда «торжествовала... довольность народная»⁴.

Наряду с «интригами» отдельных лиц, Куракин говорит и о борьбе «партий», подразумевая под этим термином круг единомышленников. За персональными несогласиями Куракин усматривает борьбу боярской аристократии с рядовым дворянством. Представители самого «низкого и убогого шляхетства» настраивали Петра «с молодых лет противу великих фамилий»⁵.

Итак, на смену провиденциализму, типичному для средневековой историографии, приходит новое историческое мировоззрение, переносящее центр внимания в объяснении исторических событий с божьего повеления на действия («интриги») отдельных людей и их групп, связанных между собой общими целями. Арена истории представляется как поле борьбы человеческих «характеров», причем успех этой борьбы часто зависит от счастья, случая, «фавора». Исторический процесс, рассматриваемый ранее как проявление божественных предначертаний, теперь начинает трактоваться как цепь событий, вызванных целым рядом человеческими деяниями, естественные последствия которых нарушаются вмешательством случайных факторов. Это изменение подхода к объяснению исторических явлений означало движение исторической мысли от провиденциализма к прагматизму (от греческого слова *πραγμα* — деяние). Субъективистски-идеалистическая трактовка исторического процесса как смены событий, вызываемой столкновениями «характеров», проявляющимися в цепи «интриг» и осложняемыми воздействием случайности, была характерна для дворянской историографии на том ее этапе, когда религиозной догмы было уже явно недостаточно для обоснования идеологических позиций господствующего класса. В сложной

¹ Архив князя Ф. А. Куракина, стр. 56.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 74—75.

⁴ Там же, стр. 50, 53.

⁵ Там же, стр. 64.

обстановке социально-экономического развития, в котором переплетались черты устойчивого крепостнического строя с зарождающимися элементами новых буржуазных отношений, в обстановке нарастающего столкновения между общественными классами, объяснение истории как результата «интриг» отдельных лиц и партий объективно обосновывало определяющую роль дворянства, хотевшего стоять во главе исторического процесса.

В первой половине XVIII в. в России было переведено сравнительно большое количество иностранных работ по всеобщей истории. Среди этих переводов надо отметить «Введение в историю Европейскую» Самуила Пуфендорфа, сторонника теории «естественного права» (т. е. права, возникающего на основе человеческого разума, отвечающего потребностям человеческой природы), которую он использовал для защиты абсолютистских порядков. Были опубликованы также переводы сочинения католического писателя, папского кардинала, библиотекаря Ватикана, Цесаря Барония — «Анналы» в сокращении иезуита Петра Скарги (вышедшего в России под заглавием «Деяния церковная и гражданская») и книги протестантского епископа Вильгельма Стратемана — *Theatrum historicum* (изданной под названием «Феатрон или позор исторический»). Издавались в переводах сочинения древних авторов (Юлия Цезаря, Иосифа Флавия и др.). Бросается в глаза особенное внимание переводчиков к сочинениям на темы политические и военные.

Все эти переводы важны для нас не только потому, что они являются показателем возрастающего интереса к вопросам мировой истории, связанного с ростом международного значения России, но и потому, что в предисловиях к ним дается определение задач истории. С такими предисловиями выступал переводчик и церковный публицист, рязанский и муромский епископ Гавриил Бужинский и др. Попытка осмыслить в плане феодальной идеологии с позиций господствующего класса задачи истории, уяснить себе ее воспитательную роль, ее значение для практической деятельности, указывает на то, что история становилась самостоятельной отраслью знания, что исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы, публицистики и т. д.

Задачу истории писатели первой четверти XVIII в. видят в изображении прошлого с тем, чтобы сохранить его в памяти людей, которые могли бы воспользоваться в своей деятельности назидательными примерами своих предков. Ссылаясь на Цицерона, автор предисловия к книге Пуфендорфа, Гавриил Бужинский пишет: «История... есть свидетель времен, свет

истины, жития память и жизни учительница, возвестительница древности...»¹.

В поисках того назидательного материала, который можно извлечь при изучении истории, авторы первой половины XVIII в. находят еще под очень сильным воздействием религиозной точки зрения. Она сводится к мысли о том, что исторический процесс дает примеры непрочности как отдельных человеческих судеб, так и судеб целых царств, зависящих от воли провидения. Людские пороки получают возмездие, добродетели вознаграждаются. От грехов и добрых дел людей зависит и будущее тех государств, в которых они живут и которыми управляют. Тот же Гавриил Бужинский пишет, что на исторических примерах можно познать «благих добродетели и злых... пороки, жития человеческого различия прменения, и вещей в мире превращения, мира сего непостоянство и царств скорая падения»². Видя превратность и недолговечность всего происходившего в прошлом, человек должен научиться презирать мирские блага: «...чти историю, и от нея познав суету мира сего, обучайся презирати его»³. История дает уроки смирения. Надо примириться с существующим, не противиться ему — такова церковная мораль, вытекающая из опыта истории. Исторический процесс — это «комедия мира сего», выступающая «аки на позорищи» (т. е. как на представлении) и показывающая, какие «пагубы» терпели «господствующие и гордящиеся». Исторический «феатрон» (арена событий мировой истории), иллюстрирующая каждому отдельному человеку превратность его собственной судьбы («...увидит всяк в сем театре всея жизни своея состояние»), должна, по мысли церковных книжников, привести людей к выводу, что единственно правильный житейский путь — это путь, направленный к «вечному веселию», «им же даждь превышний владыко нам шествовати»⁴. Такова реакционная церковная философия истории. Эта философия определяет и политические выводы из истории, направленные к оправданию режима насилия и эксплуатации.

История учит властителей тому, как надо держать в подчинении своих подданных («...како мятежных укротити, непокоривых крамолников смирити и искоренити...») ⁵.

Но в предисловиях к переводным историческим сочинениям, наряду с консервативной религиозной струей, имеются и новые

мысли, касающиеся задач изучения истории и связанные с элементами рационалистического понимания прошлого.

Проводится идея о том, что история должна быть не просто собранием занимательных рассказов и небылиц («...фабул, басней и забобонов»), что надо изучать «всякого общества деяния», «всякого государства начала», т. е. рассматривать события, характеризующие историю государства или общества (что для авторов XVIII в. одно и то же). Правда, эти события еще рассматриваются во внешней временной последовательности, как цепь человеческих деяний. Идея органического развития отсутствует.

Интересна мысль о том, что следует изучение истории доводить до современности («даже до своих... времен») ¹. Рационалистическое понимание истории сказывается в представлении о ней как о смене времени «темного варварства и непросвещенного невежества...» новым периодом, когда «весь мир европейский» «светом учения просветился» ².

Изучение истории признается общественно полезным делом: «в Истории... обрящещи откуду себе и обществу пользу сотвориши» ³. При этом «польза обществу» понимается как польза, которую может принести знание истории задачам укрепления абсолютистского государства.

Очень важно, что обосновывается необходимость исторического подхода в любых науках, в том числе и естественных, в области которых «никто же успеет, аще историю о животных и землях, о естествах их и употреблении не познает» ⁴.

В русских предисловиях к переводным историческим сочинениям говорится о пользе создания сводных пособий по всемирной истории типа обзора, нужного не знающим предмета как пособие («наставление»), знающим — как справочник («оглавление»), лицам, не имеющим книг, — как своеобразный компендиум («вивлиофика»), а для имеющих таковые — как указатель, помогающий в них разобратся.

Наконец, интересно критическое отношение переводчиков к публикуемым трудам. Так, Гавриил Бужинский, оценивая книгу Барония, поборника католицизма, отмечает наличие в ней недостоверных и даже «подметных» (т. е. подложных) материалов, указывает на тенденциозную идеологическую направленность «Деяний» Барония, забывшего «звание историческое» и ставшего на путь фальсификаций.

Дальнейшее развитие исторической критики связано с именем В. Н. Татищева.

¹ Введение в Гисторию Европейскую. Пер. с латинского. СПб., 1718, стр. 7.

² Там же, стр. 5.

³ Деяния церковная и гражданская, стр. 2.

⁴ Феатрон или позор исторический, стр. 2 об.

⁵ Деяния церковная и гражданская, стр. 3.

¹ Введение в Гисторию европейскую., стр. 4.

² Там же.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Феатрон или позор исторический, стр. 2.

Лекция седьмая

ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Социально-экономическое развитие России во второй четверти XVIII в. отличалось теми же противоречивыми чертами, которые наметились уже в более раннее время. В стране господствовали феодально-крепостнические отношения. Увеличивалась площадь помещичьего землевладения и росло число крепостных крестьян. Положение крестьянства ухудшалось. Возрастали его барщинные и оброчные повинности. Расширилось применение принудительного труда на мануфактурах. Крепостное право принимало все более жестокие формы. Усиление крепостничества вызывало протест крестьян и рабочих людей на мануфактурах, выливающийся в антифеодальные движения.

В то же время росли капиталистические элементы в промышленности. Распространялись мелкие крестьянские промыслы, хотя правительство, идя навстречу интересам владельцев мануфактур, боявшихся конкуренции, вело с ними борьбу. Из мелких крестьянских промыслов впоследствии возникла капиталистическая мануфактура. С развитием промышленности и увеличением товарности сельского хозяйства был связан рост внутреннего рынка. Но сословные ограничения, система откупов и монополий в области промышленности и торговли тормозили развитие внутреннего рынка.

Несмотря на укрепление положения господствующего класса в результате преобразований первой четверти XVIII в., противоречия среди его различных слоев вызвали во второй четверти столетия борьбу за власть. Отдельные группы дворян устраивали заговоры и, используя гвардейские полки, совершали дворцовые перевороты, возводя своих кандидатов на престол. Эта борьба внутри господствующего класса, вылив-

шаяся в форму дворцовых переворотов, приводила к смене лиц, стоявших у власти, не меняя существа крепостнических отношений и феодально-абсолютистского политического строя. Однако в условиях этой борьбы происходил отход от некоторых прогрессивных мероприятий правительства Петра I, способствовавших преодолению экономической и культурной отсталости России.

В 30—40-х гг. XVIII в. дворцовая внутриклассовая борьба осложнилась борьбой национальной, поскольку с воцарением в 1730 г. Анны Иоанновны вместе с ее фаворитом Бироном к власти пришли немецкие дворяне, выходцы из Курляндии и из других областей Прибалтики. Они захватили наиболее крупные должности в органах управления и в армии, руководство промышленными предприятиями, грабили государственные средства, эксплуатировали население. Режим «бионовщины» держался посредством крайнего деспотизма и террора. Засилие немецких временщиков вызывало движение протеста среди русского дворянства, проявившееся как в политической жизни, так и в идеологии.

Ко второй четверти XVIII в. относится ряд новых явлений в области науки и культуры. В это время были организованы новые географические экспедиции и сделаны крупные географические открытия. В истории русской науки большую роль сыграла Академия наук, где в 40—60-х гг. XVIII в. работал замечательный русский ученый М. В. Ломоносов. В деятельности Академии наук принимали участие и такие выдающиеся иностранные ученые, как Даниил Бернулли и Леонард Эйлер. Знаменитый французский картограф д'Анвиль был привлечен к рассмотрению «Атласа Российского» 1745 г. В русских картографических работах принимал участие французский географ Делиль.

В то же время в Академию проникали из среды иностранцев (по преимуществу немцев) и лица, весьма далекие от науки. Занимая иногда руководящее административное положение, они мешали развитию русской культуры.

Характерной чертой русской историографии второй четверти XVIII в. является ее связь с практическими потребностями и мероприятиями дворянского государства. Так, в работах выдающегося историка В. И. Татищева исторические вопросы поднимаются в связи с административно-хозяйственными задачами. Дворянскую историографию на данном этапе характеризует интерес к вопросам экономической политики. Выдвигая предложения относительно развития ремесла, мануфактур, торговли в условиях сохранения крепостничества, Татищев обосновывает эти предложения историческими примерами. В трудах обер-секретаря Сената И. К. Кириллова

исторический материал также подчинялся административно-хозяйственным потребностям дворянской империи.

Для трудов дворянских историков характерно, что они были тесно связаны с работами по географии и статистике России, имевшими прикладное значение и подчинявшимися в ряде случаев задачам правительственной экономической политики. Новым типом работ справочного характера делаются исторические и географические лексиконы (словари), получающие распространение главным образом во второй половине XVIII в.

Основной проблемой дворянской историографии остается по-прежнему история государства. Особо острым становится вопрос о возникновении государства на Руси и о роли в его создании пришлых варягов. В связи с обострением русско-шведских отношений в первой четверти XVIII в. и борьбой русского дворянства против режима бироновщины вопрос этот получает политический характер. «Норманская теория» происхождения русского государства тенденциозно использовалась иностранными авторами для доказательства неспособности русского народа к самостоятельному общественно-политическому развитию. Борьба русских ученых с «норманской теорией» в силу этого приобретала патриотическое значение.

В то же время взаимообращение русских ученых с иностранными имело и положительное значение для развития науки.

Во второй четверти XVIII в. история (особенно в трудах Татищева) выделяется в особую научную отрасль. Начинается собирание источников для исторического исследования. В научный оборот, помимо летописей, вводятся такие памятники, как «Русская правда», «Судебник 1550 г.», «Книга Большого Чертежа» и т. д. Подготавливаются комментированные издания источников. Известные достижения имеются в области их критики. Выделяются отдельные специальные исторические дисциплины.

На смену религиозно-церковной точке зрения на исторические явления приходит их рационалистическое объяснение.

Крупнейшим представителем дворянской историографии второй четверти XVIII в. был Василий Никитич Татищев (1686—1750)¹.

В. Н. Татищев происходил из старинной, но захудалой дворянской фамилии. Поступив 18 лет на военную службу, он стал непосредственным участником Северной войны, сражался в бою под Полтавой в 1709 г., участвовал в Прутском походе. В годы Северной войны Татищев побывал также в

Польше, Пруссии, на Аландском конгрессе, выполняя дипломатические и другие поручения Петра I. Можно думать, что во время этих поездок Татищев пополнял свое образование, изучал языки (по его словам, он знал языки польский и немецкий) и знакомился с западноевропейской литературой. Он приобрел также книги (судя по надписям на некоторых экземплярах, ему принадлежащих, указывающих на различные города) для своей библиотеки, которая, неоднократно пополняясь, впоследствии выросла в значительное и ценное для того времени собрание. Уже в те годы Татищев проявлял интерес к историческим памятникам.

В 1719 г. Татищев получил от Петра I предложение о составлении географического описания России с соответствующими картами («обстоятельной российской географии с ландкартами»)¹. Выполнение этой задачи было связано с практическими мероприятиями по межеванию земель («землемерие»), причем Татищев представил Петру I специальный проект, касающийся производства межевания².

Географическое описание России требовало исторических сведений. Это побудило Татищева заняться историей. Сам он указывает, что именно к этому времени относятся его подготовительные работы по разработке русской истории³.

В 1720 г. Татищев был послан в Сибирь для управления горными заводами. Тем самым он был лишен возможности выполнить поручение Петра I по написанию географии России. Как говорит Татищев, это поручение осталось «без действия»⁴. Но теперь Татищев мог ознакомиться с географией, этнографией, историей Урала и Сибири. К началу 20-х гг. XVIII в. относятся некоторые его записки, касающиеся водных путей сообщения в Сибири, организации Ирбитской ярмарки и т. д. В Сибири Татищев приобрел некоторые летописи. Там же он встречался с находившимися в плену шведами, занимавшимися вопросами истории, этнографии и географии (Ф. Страленбергом, Г. Бреннером).

С 1724 по 1726 г. Татищев находился в Швеции, где ему было поручено изучение горного и монетного дела, призыв мастеров для горнозаводских работ в Россию, наблюдение за русскими людьми, обучавшимися на шведских металлургических заводах и пр. В Швеции Татищев хорошо освоил технику, применявшуюся в различных отраслях промышленности.

¹ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве (Приложение № 4 к IV тому «Записок Академии наук». СПб., 1864, стр. 11).

² Там же, стр. 8—10.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 11.

¹ См. П. К. Алефиренко. Экономические взгляды В. Н. Татищева («Вопросы истории», № 12, 1948, стр. 89—96). Ее же. Социально-политические воззрения В. Н. Татищева («Вопросы истории», № 10, 1951, стр. 103—114).

Здесь же он расширял свои знания в области истории и географии, общаясь со шведскими учеными, занимавшимися русско-шведскими отношениями (известными ему еще по Сибири Ф. Страленбергом и Г. Бреннером, а также Г. Ю. Биорнером и др.), знакомясь с местными древностями, работая в библиотеках и архивах.

По возвращении в Петербург Татищев, поступив на службу в Монетную контору, в то же время вел работу над задуманным им обобщающим трудом — «Историей Российской».

В 1730 г. Татищев принял активное участие в той политической борьбе, которая развернулась в среде господствующего класса в связи с воцарением Анны Иоанновны. Татищев выступил против программы «верховников» (членов высшего правительственного учреждения России — Верховного Тайного Совета, стремившихся обеспечить через этот орган власти господство в государстве нескольких аристократических фамилий) в защиту интересов широких кругов «шляхетства» (дворянства). В политическом проекте, составленном Татищевым и известном под названием «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном»¹, давалось историческое обоснование необходимости самодержавия в России и предлагались формы участия дворянства в государственном управлении.

В 1733 г. Татищев начал работу над литературным произведением «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ»², которую он продолжал и позднее. В этом труде изложены основы философского и политического мировоззрения автора. К 1733—1734 гг., по-видимому, относится и «Духовная»³ Татищева, написанная в виде наставления сыну и также характеризующая его общественно-политические взгляды.

В 1734 г. Татищев был направлен в Екатеринбург (ныне Свердловск) для управления уральскими горными заводами, а затем переведен в Оренбургский край, населенный башкирами, в качестве начальника Оренбургской экспедиции. По-видимому, удаление Татищева из Петербурга, а затем и устранение его от заведования горным делом было вызвано недовольством его деятельностью со стороны Бирона и ставленника последнего — Шемберга, возглавлявшего горнозаводское управление в России.

В эти годы Татищев продолжал свои географические и

исторические исследования. В 1734 г. он разослал по городам Сибири и Казанской губернии местным властям вопросник (касающийся сведений по географии, этнографии и истории) из 92 пунктов, рассчитывая таким образом собрать материал для составления «Общего географического описания всея Сибири». К 1736 г. он закончил план и написал первые главы этого труда¹. В 1737 г. Татищев разработал и представил в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии Российской», содержащее 198 вопросов, относящихся к истории, географии и этнографии России, ответы на которые предполагалось получить через губернскую высшую администрацию. Специально в этой анкете были предусмотрены сведения о народах Поволжья, Приуралья, Сибири².

В эти же годы Татищев работал над комментариями к найденным им текстам «Русской правды» и «Судебника» 1550 г. (с дополнительными к нему указами) и над «Историей Российской».

В 1739 г. Татищев привез первоначальный текст своей «Истории Российской» в Петербург, где показывал ее ряду лиц. Труд этот встретил недоброжелательное отношение ревнителей церковной старины, усмотревших в пронизывающей его рационалистической струе подрыв основ православия, а также в чиновных академических кругах, где автора пренебрежительно упрекали в недостатке эрудиции. Очевидно, тормозили печатание трудов Татищева враждебно настроенные к нему иностранцы, пользовавшиеся влиянием в Академии.

В 1739 г. против Татищева было возбуждено судебное дело по обвинению его в служебных злоупотреблениях. Если для этого и имелись известные основания, то все же главной причиной преследования Татищева явилась, как думают некоторые исследователи, его близость к кабинет-министру А. П. Волынскому, возглавлявшему круг дворян, недовольных антинациональной политикой Бирона и его приспешников.

Несмотря на трудные условия, в которых находился в это время Татищев, он не оставлял своих научных занятий. В 1739—1740 гг. он написал труд по географии «Россия или, как ныне зовут, Россия», в котором дана как историческая, так и современная автору (физическая, экономическая и политическая) география³. В начале 1740 г. Татищев представил в Академию наук подготовленные им к печати «Древние законы» («Русскую правду» и «Судебник» 1550 г. с дополни-

¹ Утро. Литературный сб. М., 1859, стр. 369—379.

² Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. I. М., 1887, отд. I, стр. 1—159.

³ Духовная Василия Никитича Татищева. Казань, 1885.

¹ См. В. Н. Татищев. Избр. труды по географии России. М., 1950, стр. 36—72.

² См. там же, стр. 77—95.

³ Там же, стр. 107—135.

тельными указами), но опубликован этот труд был уже после его смерти.

С падением Бирона общественное положение Татищева улучшилось. В период с 1741 по 1745 г. он занимал должность астраханского губернатора, а последние годы жизни провел в подмосковном имении Болдино, продолжая трудиться над «Историей Российской», которая увидела свет только в 60—80-х годах XVIII в.

К 40-м гг. XVIII в. относится ряд экономических и географических трудов Татищева (часто включающих и историческую тематику). В 1742 г. Татищев написал «Краткие экономические до деревни следующие записки»¹, в которых говорится о том, как должно вестись помещичье хозяйство и как следует организовать управление помещичьими имениями.

Торгово-промышленному развитию посвящены специальные записки, составленные Татищевым для императрицы Елизаветы Петровны: «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта», «На память о делах астраханских», «Предложение о размножении фабрик». В этих записках ставится вопрос о распространении в Астраханском крае шелковой, хлопчатобумажной промышленности, ремесла, о повышении доходности рыбных и соляных промыслов, о колонизации края, о торговле с Востоком и т. д.²

В 1748 г. Татищев изложил итоги своего многолетнего опыта в области хозяйственной деятельности и взгляды на задачи экономической политики в записке «Например представление о купечестве и ремеслах», в которой он высказывается о формах содействия государства развитию промышленности и торговли в России³. Почти одновременно с названной запиской Татищев написал в связи с проведением в 1742—1745 гг. второй ревизии «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (1747)⁴. В обоих этих трудах имеются исторические обзоры.

Из работ Татищева этого времени по географии представляют интерес «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (1744)⁵, дающее крат-

кие географические сведения о России, очерк «О географии вообще и о русской» (1744)¹. В 1745 г. Татищев направил в Академию наук составленный им «Российский исторический, географический и политический лексикон» (в пределах от буквы А до буквы К). Занимался Татищев и комментированием важного источника географических сведений XVII в.— «Книги Большого Чертежа».

Рассмотрев жизненный путь Татищева, можно сказать, что это путь просвещенного русского дворянина, идейно сформировавшегося в период преобразований первой четверти XVIII в. и в своей административно-хозяйственной деятельности осуществлявшего задачи, связанные с преобразованиями. Его работа как ученого характеризуется большой разносторонностью, охватывая области географии, статистики, истории, археологии (подготовки к изданию исторических памятников), источниковедения. Тесно связанные с практикой и часто непосредственно из нее вытекающие, труды Татищева иногда вырастают до философских обобщений, на основе которых в свете рационалистического мировоззрения доказывается прогрессивная роль в истории абсолютизма, как распространителя наук и просвещения. Идеолог дворянства, в своих «Кратких экономических до деревни следующих записках» изложивший ряд практических правил ведения помещичьего хозяйства, выработавший меры воздействия на крепостных крестьян (от «жестокости наказания» до «нравоучения жизни», т. е. советов морального порядка), Татищев с тех же философских рационалистических позиций теоретически и исторически обосновывал необходимость крепостничества как результата договорных отношений крестьян и помещиков. Обобщивший в своей «Духовной» в виде наставлений сыну свой жизненный опыт дворянина, действовавшего много лет на военной и гражданской службе, Татищев в исторических и философских работах проводит мысль о том, что человечество на своем историческом пути проходит этапы, соответствующие «станам» или возрастам отдельного человека. Следовательно, опыт истории столь же важен для общества и государства, как итоги жизни отдельных людей полезны их потомкам. Так в научных трудах Татищева своеобразно сочетаются и приходят во взаимодействие практические навыки помещика-хозяина и администратора с теоретическими предпосылками и выводами философски образованного дворянского ученого.

Общие основы философского мировоззрения Татищева нашли отражение в его труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», в котором дается и рационалисти-

¹ В. Н. Татищев. Избр. труды по географии России, стр. 210—219.

¹ Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. 12. М., 1852, смесь, стр. 12—32.

² См. П. К. Алефиренко. Экономические записки В. Н. Татищева («Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 397—410).

³ См. П. К. Алефиренко. Экономические записки В. Н. Татищева («Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 400—402, 410—426). См. также Н. Л. Рубинштейн. Неизвестная записка В. Н. Татищева «Представление о купечестве и ремеслах в России» (Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 8, М., 1948, стр. 39—47).

⁴ Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 716—758.

⁵ В. Н. Татищев. Избр. труды по географии России, стр. 143—194.

ческая философия истории. В этом произведении проводится мысль, что наука является средством познания человека, его духовных и физических свойств («Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать») ¹. Изучение наук, по Татищеву, содействует тому, что ум, как качество, полученное от природы и присущее не только человеку, но и животному, становится разумом («разум имянуем ум, чрез употребление и поощрение его качеств исправленный, которое от науки приписуется») ². Отсюда — необходимость совершенствования человеческого ума, важность познаний, которые приобретаются в течение всей жизни человека по-разному в различные периоды его духовного развития. Татищев намечает четыре «стана» (возраста) в жизни человека: младенчество, юношество, мужество, старость ³. По тому же образцу представляет он себе и развитие человечества в целом, деля его на четыре периода, границами которых являются изобретение письма, «пришествие и учение Христово», введение книгопечатания ⁴.

Идеалистически рассматривая развитие науки как фактор, определяющий исторический процесс, автор приводит примеры из истории деятельности людей «великого ума», пострадавших за свои научные убеждения от представителей римской католической церкви. Так, он называет, например, Коперника, подвергнутого гонениям «за то, что написал: земля около солнца, а месяц около земли ходит» ⁵. В то же время Татищев пытается примирить науку и церковь. Он возражает против утверждения о вреде науки для религии.

Подчеркивая, что наука нужна государству, Татищев останавливается на примерах, касающихся политики ряда европейских монархов прошлого, заботившихся о ее распространении. При этом с классовых позиций идеолога дворянства и теоретика абсолютизма Татищев доказывает, что с успехами просвещения прекратятся народные движения («бунты», — как он их квалифицирует). В связи с этим автор враждебно отзываясь об антифеодальных восстаниях и их предводителях: «...никогда никаких бунт, — говорит он, — от благоразумных людей начинания не имел, но... от коварных плутов... начинается» ⁶. В качестве примера Татищев ссылается на выступления И. И. Болотникова, С. Т. Разина и др.

¹ Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. I, отд. I. М., 1887, стр. 2).

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 49.

⁶ Там же, стр. 65.

Для монархических взглядов Татищева характерно представление, что успехи просвещения объясняются активной ролью абсолютистской монархии в его распространении и что, напротив, революционные потрясения не являются фактором, определяющим развитие науки. Татищев отмечает, правда, что английская «вольность» в известной мере способствовала распространению науки точно так же, как религиозный деспотизм Римской курии (папешское тиранство) создавал условия для их «утеснения», но не это он считает главным. Франция является государством «самовластным», однако там науки «от часу умножаются и цветут», что вызвано «любомудрием государей и прилежностью подданных». В то же время некоторые другие страны (Италия, Испания, Германия, Польша), несмотря на наличие там «вольности», отстают в области культуры («в углу училищ сидят») ¹. Таким образом, совместные усилия «государей» и «подданных» должны, по Татищеву, обеспечить культурный рост страны — представление типичное для дворянской историографии с ее апологией абсолютной монархии.

По Татищеву, наука нужна не только государству, но и отдельным сословиям. В частности, он, исходя из интересов помещиков, высказывается за обучение крестьян (прежде всего дворни): «...я рад и крестьян иметь умных и ученых» ².

Высказав соображения о роли просвещения в истории, Татищев предлагает классификацию наук, выделяя среди них: 1) науки *нужные*, т. е. практически необходимые («речение» или искусство разговорной речи; «экономия», т. е. искусство хозяйственного учета; «врачество» или медицина; «законоучение» или знание законов; логика, богословие); 2) *полезные* (грамматика; «риторика» или красноречие; иностранные языки; математика; физика; химия; астрономия; ботаника; история; география и др.); 3) *щегольские* («стихотворство» или поэзия; музыка; «танцование»; фехтование; искусство верховой езды; живопись); 4) *любопытные и тщетные*, т. е. бесполезные («астрономия», т. е. астрология или предсказания по звездам; «хиромантия», т. е. определение человеческой судьбы по линиям рук и т. д.); 5) *вредные* («некромантия» или предсказание при помощи мертвецов и т. д.) ³.

Особое внимание в рассматриваемом произведении Татищев уделяет вопросам «политики» («или мудрости гражданской»), т. е. теории и практике государственного устройства. Это и понятно, если учесть, что для дворянских историков

¹ Разговор..., стр. 123.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 76—84.

и теоретиков абсолютизма именно эта проблема являлась главной.

При определении основ общественно-политического строя, автор исходит из представления о «естественном законе», заложенном в самой природе человека. Татищев противопоставляет «естественный закон», как общий для всех народов, закону, «преданному от бога» и изложенному в «священном писании», и законам «человеческим самоизвольным» (церковным и гражданским, различающимся в зависимости от вероисповеданий и особенностей общественной жизни разных народов)¹.

Идея «естественного закона» как предпосылки устройства любого общества и государства (эти понятия у Татищева совпадают) характерна для рационалистического мировоззрения, свойственного дворянской историографии и социологии XVIII в.

Выделяя в соответствии с общепринятыми в то время в его среде правовыми представлениями три формы государственного строя (монархию, аристократию и демократию), Татищев указывает, что все эти формы подчиняются «естественному закону», определяющему отношения между «властью» и «подданными» («должность внутреннюю») и взаимоотношения с другими народами.

«Должность внутреннюю» Татищев рассматривает по аналогии с устройством отдельного человека, уподобляя «правительство» душе, а «подвластных» телу. Правитель должен думать о всеобщей пользе, пресекать все, что приносит человеку и обществу вред, и предоставлять правосудие обиженным. Подданные, подобно «чадам и рабам», обязаны быть верными и покорными властям, беспрекословно исполнять их повеления и в то же время помогать им советом и делом. Так теория «естественного закона» используется для обоснования классовой структуры общества, отвечающей якобы потребностям, самой природой вложенным в человека. Если церковные средневековые книжники говорили о повиновении властям как исполнении заповеди божьей, то дворянские социологи-рационалисты выводят необходимость повиновения из природы самого человека, причем прямолинейную и грубую формулу о подчинении дополняют идеей о взаимном сотрудничестве правительства и народа.

Вопрос о «естественном законе» Татищев рассматривает в связи с вопросом о том, что такое человеческая «воля» и какое проявление она находит в общественной жизни. Указывая, что «воля» свойственна природе людей («воля по естеству человеку... нужна и полезна...») и что «человек, лишен-

ный «воли», есть невольник», Татищев в то же время выдвигает другой тезис — о необходимости в собственных же интересах ограничивать свою «волю» («воле человека положена узда неволи для его же пользы»). Татищев говорит о трех видах стеснения «воли»: «по природе», «по своей воле» и «по принуждению». «Неволя по природе» происходит от недостатка собственного разума, вызывающего потребность в подчинении. Как дети должны повиноваться родителям, так народы — монархам. Таким образом, «власть монаршеская» — это «неволя по природе». «Неволя... по своей воле» основана на добровольном договоре. Такой договор является источником крепостничества («неволи холопа или слуги»). Наконец, третья форма «лишения воли» — это насилие¹. Следовательно, происхождение монархии и крепостничества Татищев видит в стеснении «воли» людей, вполне оправданном их природой или разумом, подсказывающим полезность этого. Таково идеологическое обоснование феодальной монархии и системы крепостного права в дворянской историографии. Выросшая на основе русской крепостнической действительности концепция Татищева подкрепляется рядом теоретических положений, развитых им в результате знакомства с идеями западноевропейских мыслителей-идеалистов (Лейбница, Вольфа и др.).

Те же идеи, что и в «Разговоре», получили развитие в политическом проекте Татищева 1730 г., противопоставленном им программе верховников. В этом проекте ставится вопрос о том, что по «естественному закону», в случае пресечения династии, только «общенародное соизволение» может решить, необходимо ли изменение формы государственного устройства. В то же время автор доказывает, что в России нет никакой нужды отступать от исторически сложившегося строя самодержавия: «к пременению правительства никакой нужды, ни пользы нет, разве великий вред»². Эту мысль Татищев обосновывает путем исторического обзора эволюции политических отношений в России. Политическая история страны ему представляется как история борьбы самодержавия с аристократией, причем периоды усиления аристократии — это периоды упадка России. Уже скифы «имели самовластных государей». Время от Рюрика до киевского князя Мстислава Владимировича (вторая четверть XII в.) является периодом «совершенного единовластительства», определившего внутреннюю мощь и международное значение Киевской Руси. Переход к политической раздробленности автор объясняет тем, что князья стали делить власть между сыновьями, те перестали им повиноваться,

¹ Разговор..., стр. 140—141.

² Утро. Литературный сб., М., 1859, стр. 369—371.

«звели аристократию», Русь обессилела и попала под власть татаро-монголов.

Иван III «истребил» аристократию, «восстановил» монархию, свергнул монгольское иго, государство при нем приобрело «прежнюю свою честь и безопасность».

Когда во время избрания Василия Шуйского бояре «власть у государя отняв, себе похитили», опять наступило «крайнее государства разорение». Избрание на престол Михаила Романа было «всенародное», но с царя была взята особая запись, ограничивавшая его власть, «через что он не мог ничего учинить, но рад был покою». «Самовластие» Алексея Михайловича «воспрепятствовал» патриарх Никон. Лишь при Петре Великом был восстановлен абсолютизм, что принесло «честь, славу и пользу» государству.

Таким образом, по Татищеву, исторический опыт доказывает полезность самодержавия для России и вред, приносимый аристократическим правлением. Поэтому он считает политически вредным выступление верховников, но настаивает на необходимости широкого участия дворянства в управлении страной.

Историческая концепция, данная Татищевым,— это схема истории самодержавия, представляемого в образах отдельных монархов.

Среди исторических работ Татищева можно выделить четыре группы: 1) труды обобщающего характера; 2) комментарии к текстам исторических памятников; 3) исторические обзоры в экономических записках; 4) исследования по исторической географии.

Крупнейшим обобщающим трудом по русской истории является «История Российская с самых древнейших времен», опубликованная (причем очень несовершенно и неполно) уже после смерти автора. Это — новый тип исторического произведения, во многом отличающийся как от летописных сводов, так и от книг Грибоедова, Манкиева и др. Автор ставит своей задачей не только собрать исторические данные, систематизировать имеющийся в его распоряжении летописный и документальный материал, но и по-новому (конечно, с позиций своего класса, в свете мировоззрения своего времени) дать объяснение исторического процесса, подвергнув при этом критическому разбору источники.

«Истории Российской» предшествует напечатанное в первом томе введение или «Предъизвещение», в котором автор высказывает свои взгляды на задачи и методы исторического исследования, на характер источниковедческих критических изысканий и т. д. Уже наличие подобного введения с постановкой исторической проблематики и характеристикой источни-

коведческой методики отличает труд Татищева от более ранних произведений русской историографии.

Определяя предмет истории, Татищев указывает на происхождение слова «история» от греческого термина, означающего «деяние». Однако, по мнению Татищева, такое словопроизводство не дает оснований сводить задачи истории к изучению лишь собственно человеческих «деяний» (т. е. действий, поступков). В понятие «деяние» входит также и «приключение» (т. е. событие). В связи с этим Татищев поднимает вопрос и о причинности, считая «причиной» всякого «приключения» (события) «внешнее действие» (внешнее воздействие), происходящее от бога или человека. Таким образом, по Татищеву, история должна изучать как действия людей и события, так и их причины, которые следует искать в воле человека или в божьем промысле. Перед нами прагматическое объяснение исторического процесса как цепи явлений, внешне воздействующих друг на друга. Рационалистическое понимание причинности как фактора, определяющегося человеческой волей, сочетается с известной данью, отданной старой средневековой теории провиденциализма.

Заканчивая «Предъизвещение», Татищев еще раз излагает (в соответствии с мыслями, высказанными уже в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ») свое понимание всемирно-исторического процесса как истории «приключений» и «деяний», которые происходят «от ума или глупости». При этом под «умом» автор подразумевает природное свойство, превращающееся в «разум» в результате просвещения, под «глупостью» — «недостаток или оскудение ума». Как и в «Разговоре», Татищев намечает три явления во всемирной истории, важные для «просвещения ума»: изобретение письма, пришествие Христа, введение книгопечатания¹.

С точки зрения первоочередной тематики исследования Татищев различает историю «сакру» или «святую» («священное писание»); «церковную»; «гражданскую» или «политику»; «наук и ученых». Для мировоззрения Татищева, видевшего основу исторического процесса в успехах просвещения, в завоеваниях человеческого разума, показательно выделение в специальную отрасль исторического знания истории науки.

Практическую целеустремленность научных изысканий Татищева характеризует его попытка обосновать прикладное назначение («пользу») истории. Он останавливается подробно на этом вопросе, доказывая, что знание истории сообщает опыт, помогающий практической деятельности в разных областях. «...никаков человек,— пишет Татищев,— ни один стан

¹ История Российская.., кн. I, ч. 1, стр. XXVII.

(ни одно сословие), промысл, наука, ниже кое либо правительствo, меньше человек единственный, без знания оной (т. е. истории) совершен, мудр и полезен быть не может»¹. И далее Татищев указывает на то, что может почерпнуть из опыта истории богослов, юрист, государственный деятель, дипломат, полководец.

В «Предъизвещении» Татищева поднимается вопрос о взаимоотношении истории отечественной и всеобщей. Тезис, выдвигаемый автором, сводится к тому, что прежде всего нужно знать историю своего народа, своей страны, однако понять отечественную историю нельзя без знакомства с историческим прошлым других народов. «...и всякому народу и области,— читаем в «Предъизвещении»,— знание своей собственной истории и географии весьма нужнее, нежели посторонних; однако ж должно и то за верно почитать, что без знания иностранных своя не будет ясна и достаточна»².

Это положение Татищева было направлено как против авторов (по преимуществу иностранных), отрицавших, что исторический путь русского народа заслуживает внимания, так и против писателей (из числа консервативно настроенной реакционной части дворян — поклонников архаической старины), стремившихся к изоляции от Западной Европы.

Останавливаясь на отраслях исторического знания с точки зрения их тематики, Татищев говорит также и о различных возможных типах исторических произведений, зависящих от разных задач, которые ставят историки, и определяющих разный отбор самого материала, включаемого в исторический рассказ. Татищев говорит, что возможны, с одной стороны, исторические произведения, ставящие своей целью рассмотрение событий, относящихся к разным странам («генеральные» или «универсальные»), а с другой — труды, посвященные отдельным народам и странам или даже отдельным событиям или лицам («партикулярные» или «специальные»). «Генеральные и универсальные почитай едино есть,— говорит Татищев,— и суще те, которыя о всех областях и качествах, где что приключилось в одно время сносят; другие берут о неких; другие хотя токмо о единой области, да со всеми обстоятельствами; третий о едином пределе или человеке, последние же о едином приключении»³.

Говорит Татищев и о разных типах исторических произведений с точки зрения хронологического охвата. Можно начинать историю от сотворения мира, но можно брать в качестве

исходного пункта какой-либо важный момент прошлого, выделяя, например, историю «древнюю», «среднюю» и «новую».

Наконец, тип исторического произведения зависит и от порядка изложения материала, например, по годам («хронограф или летопись»), по правлениям государей («архонтология или о государех сказание») и т. д.¹.

Подобная классификация исторических трудов по их задачам, характеру отбора материала и способу изложения — это новое явление в русской историографии.

Очень интересны рассуждения о тех качествах, которые необходимы историку, и о той подготовке, которой он должен обладать. Татищев приводит две точки зрения по этому вопросу. Одни считают, что для того, чтобы писать историю, достаточно прилежно читать материалы, иметь хорошую память и владеть хорошим стилем. Другие указывают, что историку нужно быть философски образованным человеком. Татищев заявляет, что в известной степени необходимо и то, и другое. Приступая к своему труду, историк, конечно, должен приобрести необходимый минимум исторических сведений, прочитать нужное число книг (русских и иностранных). Но этого мало. Необходимо еще осмыслить собранные факты. Свою мысль Татищев выражает в образной форме: «...как человек домовитый к строению дому множество потребных припасов соберет и в твердом хранилище содержит, дабы, когда что потребно, мог взять и употребить, но к тому потребно *смысл*, чтоб прежде начатия определение о распорядке строения и употребления по местам пристойным припасов положить, а без того строение его будет или нетвердо, нехорошо, непокойно; тако к писанию истории весьма нужно свободный *смысл*, к чему *наука логика* много пользует...»². Таким образом, Татищев сравнивает историка с домовитым хозяином, который, приступая к постройке дома (исторического произведения), должен не только собрать для этого пригодные припасы (исторический материал), сохраняя их до поры до времени в «хранилище» (своей памяти) с тем, чтобы воспользоваться ими когда нужно, но обязан еще осмысленно, разумно использовать этот материал, иначе выстроенное здание будет непрочным. В утверждении, что историк должен быть не только собирателем фактов, но и их истолкователем, сказался присущий Татищеву рационализм.

Татищев пытался осмыслить и проблемы источниковедения, выявить основы исторической критики, выдвинуть критерии оценки достоверности исторических источников. И в данном

¹ История Российская..., кн. I, ч. 1, М., 1768, стр. III.

² Там же, стр. V.

³ Там же, стр. VII—VIII.

¹ История Российская..., кн. I, ч. 1, стр. VIII.

² Там же, стр. VIII.

случае он прибегает к образной форме изложения, сравнивая историка со строителем здания. Как строитель должен уметь «разобрать припасы годные от негодных, гнилые от здоровых», так и «писателю истории нужно с прилежанием рассмотреть, чтоб басен за истинну... не принять...»¹.

Разбирая приемы отбора и критики источников, Татищев указывает, что прежде всего историку следует использовать показания участников событий, затем рассказы современников и, наконец, записи, составленные на основании данных, полученных от участников или современников событий. Источники отечественного происхождения Татищев считает заслуживающими доверия в большей степени, чем записки иностранцев, которые не всегда владели русским языком. Но в то же время Татищев говорит о необходимости критического подхода и к русским источникам, авторы которых могли быть одержимы «страстью самолюбия или самохвальства»².

В рассуждениях Татищева много здравых и верных наблюдений, хотя выдвигаемые им критерии источниковедческого анализа исходят прежде всего из его общего представления об историческом процессе, в котором действуют «...министры или знатные правители, генералы и проч.»³, сведения которых, отраженные в источниках, и кажутся ему наиболее достоверными.

В «Предъизвещении» Татищев перечисляет и те источники, которые он привлек к исследованию. Круг их весьма широк, причем фактически автор использовал гораздо больший материал. Называет Татищев летописи, «Книгу Степенную царского родословия», «Синописис», различные сказания и повести, документальный архивный материал (почерпнутый из архивов Казани, Астрахани, Сибири и т. д.). В «Предъизвещении» имеются и критические замечания по отдельным памятникам. Относительно «Степенной книги» автор говорит, что она представляет собой «сущую архонтологию», т. е. биографии царей. Хронограф «в летах... много неисправен» (т. е. содержит неправильные даты). В «Синописисе» имеется «много басен и недоказательных включений»⁴. Интересны высказывания Татищева о списках летописей, хронографов и т. д., в ряде случаев восходящих к общей первооснове («начало во всех согласное») ⁵. В источниковедческой части «Предъизвещения» имеется и ряд ошибочных определений, затем вошедших в

¹ История Российская..., кн. I, ч. 1, стр. IX.

² Там же, стр. X.

³ Там же, стр. IX.

⁴ Там же, стр. XI.

⁵ Там же, стр. XIII.

историческую литературу: признание попа Иоанна Глазатого автором Казанского летописца, отнесение Степенной книги ко времени митрополита Киприана (XIV в.) и т. д.

В связи с вопросами источниковедения следует подчеркнуть, что Татищев указал на важность изучения вспомогательных исторических дисциплин. Среди них он называет «хронологию или летоисчисление» (т. е. знание систем летоисчисления), «географию» и «генеалогию или родословие государей»¹. Интерес к последней дисциплине характерен именно для дворянской историографии.

Материал «Истории Российской» разбит на 4 книги или 5 частей. Такое его распределение отличается от деления «Истории» на четыре части, предложенного Татищевым в «Предъизвещении» и отражающем его взгляды на периодизацию русской истории, критерием для чего служит развитие абсолютизма. По «Предъизвещению» первая часть (по печатному изданию книга 1, части 1—2) охватывает материал до 860 г., т. е. до летописного рассказа о призвании Рюрика с братьями; часть вторая (по печатному изданию книги 2 и 3) посвящена времени от вокняжения Рюрика до татаро-монгольского нашествия (1237 г.), третья часть (по печатному изданию книга 4) доводит изложение до времени Ивана III; часть четвертую (по печатному изданию книга 5) автор хотел посвятить времени от княжения Ивана III до восшествия на престол Михаила Федоровича, но фактически довел ее лишь до 1577 г. Дальнейший авторский материал сохранился лишь в отрывках.

Периодизация Татищева исходит из схемы истории самодержавия в России, намеченной в его политическом проекте 1730 г.

Первая книга «Истории Российской» (в двух частях) по своему построению и по содержанию отличается от последующих. Она состоит из ряда глав, посвященных исследованию отдельных проблем древнейшей истории восточного славянства. Следующие книги по своему характеру приближаются к типу сводной летописи (построенной на основе известий, взятых из разных летописных списков); в них в хронологической последовательности дается изложение политической истории Руси.

Рассмотрим вначале содержание первого тома. Он начинается с вопроса «о древности письма» у славян. Приведя известия различных древних авторов, Татищев пытается их истолковать в том смысле, что «славяне задолго до Христа

¹ История Российская..., кн. I, ч. 1, стр. VII.

и славянорусы собственно до Владимира письмо имели...»¹. Интерес к древней славянской письменности связан с общими представлениями Татищева о том, что изобретение письма является одним из важнейших факторов исторического процесса. Другим фактором, определяющим развитие просвещения, Татищев считает роль христианства. Вопросу о распространении христианства на Руси и посвящены следующие главы, основанные на данных как русских, так и иностранных памятников. Татищев подвергает при этом критике сведения источников, иногда прибегая к довольно произвольным приемам. Так, он считает, что летописное известие о двух лицах (Аскольде и Дире) в действительности должно относиться к одному «мужу» — Осколду Тирару.

Далее в первой книге «Истории Российской» идет разбор древних русских летописей. Наиболее ранним памятником летописного типа Татищев считал один приобретенный им текст, автором которого якобы был новгородский епископ X в. Иоаким. В действительности так называемая Иоакимовская летопись, наполненная всевозможными баснословными сообщениями, представляет собой, по-видимому, памятник конца XVII в., составленный по указанию новгородского архиепископа этого времени, по имени также Иоаким. Разбирая летопись Нестора («Повесть временных лет») и его продолжателей, Татищев делает ряд интересных критических замечаний. Так, он считает, что до Нестора были на Руси и другие историки. Он выдвигает вопрос (хотя и не решает его) о необходимости отделить текст, принадлежащий Нестору, от текстов последующих работавших над «Повестью временных лет» редакторов («некоторые неразумные дерзнули и в средину его летописи нечто внести, а иное разтерjali...») ² и т. д.

Затем Татищев переходит к описанию рукописей («манускриптов»), использованных в его «Истории Российской», причем заканчивает это описание призывом ко всякому «трудолюбивому» исследователю, которому удастся сделать новые находки, сообщить в Академию наук, «дабы при другом издании могли пополнить или переправить...» ³. Так выдвигается задача дальнейшего собирания рукописей, которые должны послужить источниковедческим фундаментом последующих научных трудов.

Много внимания уделяет Татищев вопросу о происхождении различных древних народов Восточной Европы. Пытаясь

разобраться в обилии названий народов, сохранных источниками (греческими, римскими и др.), Татищев приводит этому несколько объяснений. Иногда «иноязычные» писатели, «невнятно выслушав» название, «неправильно (его) писали». Иногда «соседи дают областям и народам имена сами, о которых другие или те самые народы не знают». Иностранные писатели в ряде случаев не могли передать названия чужих народов из-за отсутствия в собственном языке соответствующих букв. Народы меняли имена при переселениях¹. Все эти и другие объяснения Татищева по вопросу о разнообразии племенных и этнических наименований, несмотря на их известную наивность, свидетельствуют о его критическом подходе к выдвинутой проблеме.

Переходя к конкретной истории древнейших народов (скифов, сарматов, гетов, готов и др.), Татищев приводит материал Геродота (V в. до н. э.), Страбона (I в. н. э.), Плиния Старшего (I в. н. э.), Птолемея (II в.) Константина Багрянородного (X в.) и др., используя при этом труды немецкого историка Байера.

Специально касается Татищев вопроса о происхождении славян и о призвании варягов. Он доказывает древность славян, которые еще до того, как получили свое имя от «славы», уже зарекомендовали себя славными делами². «Из всех славенских областей,— пишет Татищев,— русские государи наиболее всех распространением и умножением языка славенского славу свою показали», «...славян во всей России до Рюрика было много...». Имя Русь или Рось в греческих источниках «задолго и до Рюрика знаемо было...»³. С пришествием Рюрика с варягами «род и язык словенской был уничтожен», и только княгиня Ольга, происходившая из рода славянских князей, «народ славенской возвысила и язык во употребление общее привела...»⁴.

Итак, признавая норманское происхождение княжеской династии у восточных славян, Татищев в то же время считал, что она утвердилась тогда, когда славяне уже прошли известный путь общественного развития.

Особый интерес представляет в первой книге глава «О древнем правительстве русском и других в пример»⁵. Здесь ставится ряд теоретических вопросов об обществе и государстве, которые решаются Татищевым так же, как в

¹ См. История Российская..., кн. I. ч. I, стр. 73—76.

² Там же, стр. 434.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 497.

⁵ Там же, стр. 527.

¹ См. История Российская..., кн. I. ч. I, стр. 29.

² Там же, стр. 54—55.

³ Там же, стр. 64.

книге «Разговор о пользе науки и училищ», на основе понятия «естественного закона». Представление о началах общежития и власти выводится Татищевым из естественной потребности человека в семье: «...первое в роде человеческом сообщество учинилось, когда муж и жена свободные для общей их пользы согласятся в сочетание или в совокупление такое, которого главный урок умножить род свой»¹. На семейной основе возникает «правительство отеческое» и «сообщество родовое»². С размножением человечества появляется третья форма общежития, основанная на договоре, — «сообщество домовное», в котором господам принадлежит власть над холопами. Перечисленные формы общественной организации Татищев называет «единодомовными» или «хозяйскими»³. Он подчеркивает, что эти организации не могли долго существовать самостоятельно. Вследствие злых качеств человеческой природы родились преступления. Появилась нужда в защите от них. В то же время возросли хозяйственные потребности людей, которые удовлетворялись путем известного общественного разделения труда. Люди «разных промыслов и ремесел... совокупилась, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать, и своим промыслом других довольствоваться» мог⁴. Так возникли города. Этим городам потребовалось общее правление — «гражданство» (или «полития»). Оно создавалось в результате их соглашения между собой («неколько таких городков союз учиня в едино общество согласились») ⁵. Так теория «естественного закона» и свободного договора привлекается в дворянской историографии в классовых целях для исторического обоснования возникновения крепостничества и самодержавия.

Далее Татищев останавливается на формах государства, доказывает преимущество для России абсолютизма по сравнению с другими типами государственного устройства. Довольно много внимания уделяется титулам различных правителей: греческий «базилевс» («василеус»), римский «рекс» (rex), латинский «дукс» (dux), немецкий «фюрст» (fürst), славянские «царь» и «князь» и т. д.

Последующие книги «Истории Российской» содержат, как уже было указано, изложение исторических событий в соответствии с данными летописи и представляют меньший интерес для характеристики Татищева как историка. Ценные на-

¹ История Российская..., кн. I, ч. 1, стр. 528.

² Там же, стр. 529.

³ Там же, стр. 531.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 532.

блюдения имеются в примечаниях к этим книгам (географического, этнографического, терминологического характера).

Татищев (как уже было указано выше) подготовил к изданию под названием «Законы древние русские» «Русскую правду» (краткой редакции), извлеченную из списка XV в. Новгородской летописи, и «Судебник» Ивана IV с дополнительными указами.

Кропотливое изучение рукописей Татищева, проведенное А. И. Андреевым, убеждает, что он работал над примечаниями к «Русской правде» и «Судебнику» 1550 г. около 15 лет¹. Издан этот труд Татищева был через много лет после его смерти.

В «Предъизвещении» к своему труду Татищев указывает на давность происхождения русского права («сей закон за неколько сот лет до Ярослава учинен») ². В комментариях к «Русской правде» интересно сопоставление ее статей со статьями договоров Руси с Византией X в. и с летописными известиями. Комментарии к «Русской правде» довольно краткие, к «Судебнику» — более пространные. Некоторые пояснения слов звучат весьма наивно: например, слово «боярин» рассматривается как сарматское, его значение якобы — умная голова и мудрый человек³. Довольно распространен у Татищева прием модернизации — объяснение древних терминов современными ему понятиями: например, наместники — генерал-губернаторы, дворецкий — гофмейстер, «жалованья» и «кормления» — губернаторства и воеводства.

Помимо пояснений к терминам, Татищев высказывается и по поводу некоторых законов, выявляя свое к ним отношение. Так, в связи со статьей «Судебника» 1550 г. о крестьянском отказе он выступает с рассуждениями в защиту крепостничества. Данная статья «Судебника», пишет он, «с нашею формою правления монаршеского не согласует и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно»; при этом Татищев ссылается на крестьянские движения во времена Бориса Годунова и Василия Шуйского⁴.

Остановимся на исторических очерках, имеющих в записках Татищева экономического характера.

В своей записке «Например представление о купечестве и ремеслах» Татищев дает исторический обзор мероприятий в области развития торговли и промышленности, проводимых

¹ См. А. И. Андреев. Примечания В. Н. Татищева к «Древним русским законам». Исторические зап., № 36. М., 1951, стр. 252—262.

² Продолжение Древней Российской Вивлиофики, ч. 1. СПб., 1786, стр. 1.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 175.

русскими правителями с X по XVIII столетие. «Мы по истории довольно видим,— пишет он,— как весьма давно государи о ползе купечества русского прилежали»¹. Татищев предлагает и периодизацию экономической политики русского государства.

Первый период — это время до монгольского нашествия на Русь. К этому времени относятся договоры киевских князей с Византией (X в.), которые не только «до войны, мира и союзов касались» (т. е. торговые). Татищев ссылается также на «договор купеческой» Владимира Святославича (X в.) с волжскими болгарами, говорит о строительстве городов владими́ро-суздальскими князьями и т. д.

В результате татаро-монгольского нашествия «монархия руская и все государство» были приведены «в крайнее падение». Не пошатнулось лишь экономическое положение Новгорода, который, напротив, «в великую силу пришел и всея Руси купечество (т. е. торговлю) в руках своих имел»².

Следующий период в экономическом развитии Руси — это время с конца XV по начало XVII в. Подробно описывает Татищев деятельность Ивана III, Ивана IV Грозного и Бориса Годунова, направленную к распространению ремесел и созданию благоприятных условий для торговли (введение книгопечатания, чеканка монеты, выделка огнестрельного оружия, торговые договоры с Англией и Голландией, посылка русских людей за границу для обучения и призыв в Россию «ремесленков из разных мест»).

Благоприятные экономические последствия деятельности русского правительства были разрушены событиями начала XVII в., которые Татищев расценивает как «безумную разпрю знатных шляхетских родов (аристократии) и междоусобную войну»³.

Новым хозяйственным расцветом Россия обязана деятельности Алексея Михайловича, который «преострым умом и охотою ко экономии вечную по себе славу оставил». Татищев указывает на возникновение при Алексее Михайловиче «медных», «железных», «оружейных» заводов, «холщевых и шелковых фабрик», на «кораблеплавание». В интересах подъема экономики было заключение договоров с Англией и Голландией, издание Новоторгового устава 1667 г. и других указов. «весьма полезных купечеству», устройство «особливого» для купцов «правительства», т. е. создание специальных приказов, ведавших делами торговых людей, вызов в Россию иностранных ремесленников, распространение просвещения и т. д.

Хотя результаты экономической политики Алексея Михайловича были временно подорваны действиями «некоторых знатных правителей», продолжением этой политики явились мероприятия Петра I: создание специальных коллегий по делам промышленности и торговли, Главного Магистрата, учреждение Академии наук, устройство ряда школ и т. д.

После смерти Петра I, в результате действий «злостных и ненасытных лакомством правителей», его «уставы и учреждения» были «отринуты или переменены» (т. е. уничтожены или изменены). И лишь со вступлением на престол Елизаветы Петровны было решено «возобновить» «все законы, уставы и учреждения родителя ея»¹. В своей записке Татищев предлагает ряд новых мероприятий, которые должны, с его точки зрения, благоприятно отразиться на росте ремесла и торговли².

Так, идеолог дворянского государства и крепостничества в условиях экономического развития первой половины XVIII в. выступает сторонником торгово-промышленного подъема в стране.

Исторический очерк имеется и в записке Татищева «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной», где он останавливается на истории податного обложения и межвания земель в России.

Особого внимания заслуживают работы Татищева по географии. Татищев подчеркивает тесную связь между историей и географией: «гистория или деесказания и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствования к знанию нам подать не могут». География и картография помогают объяснению исторического прошлого, раскрывая природные условия, в которых совершались исторические события, устанавливая отношение современных поселений народов к их прежним местам жительства, выясняя старые и новые наименования и местоположения городов и пр.³.

Татищев различает географию математическую (исчисление широт и долгот), физическую (изучение природных условий) и политическую, задачи которой он мыслит довольно широко («политическое в географии описание представляет селения великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем либо того предела обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния...»⁴, т. е.

¹ Исторический архив, т. VII, стр. 411.

² Там же, т. VIII, стр. 412—414.

³ Там же, стр. 414.

¹ Исторический архив, т. VII, стр. 414—415.

² Там же, стр. 415—426.

³ См. В. Н. Татищев. Избр. труды по географии России, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 211. См. также вступительную статью А. И. Андреева.

описание поселений, форм государственного и церковного устройства, занятий жителей, черт их быта и пр.).

В трудах «Россия или как ныне зовут Россия» и «Введение к историческому и географическому описанию Великодержавской империи» Татищев останавливается на вопросах исторической географии Руси. Он придерживается при этом той же периодизации, которая положена в основу его «Истории Российской», выделяя пять периодов: 1) до Рюрика; 2) «от начала монархии, Рюриком основанной, до нашествия татарского»; 3) время от 1238 по 1478 г., когда Иван III «в совершенство татарскую власть опроверг и монархию утвердил»; 4) время с 1478 по 1613 г., когда с восшествием на престол Михаила Федоровича «монархия паки в первое состояние и покой приведена»; 5) последующие годы.

При изучении исторической географии России автор пользуется как русскими источниками (например, «Книгой Большого Чертежа»), так и иностранными хрониками (например, трудами Адама Бременского, Гелмолда и пр.).

Для взглядов Татищева характерно, что он возникновение Великодержавии («Великой Руси») и Малороссии («Малой Руси») неправоммерно относил еще к очень древним временам.

Специально Татищев изучал вопросы исторической географии Сибири.

Отдельные исторические и географические наблюдения Татищева изложены в соответствующих статьях, помещенных в его «Лексиконе».

Кроме работ Татищева как выдающегося явления второй четверти XVIII в. следует остановиться на труде обер-секретаря Сената И. К. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий» (1727). Это — статистическое описание 12 губерний России с данными об административных учреждениях, военных силах, промышленных заведений, ярмарках, школах и т. д. Это произведение нельзя назвать в полном смысле слова историческим трудом. Оно скорее сам служит материалом для исторического исследования. Однако в труде Кириллова, построенном на основании данных Сенатского архива, имеется целый ряд исторических справок, например о городах или о народах России. Специальный исторический очерк (с выдержками из летописей, Степенной книги и т. д.) посвящен присоединению Сибирского царства.

Ко второй четверти и середине XVIII в. относятся труды некоторых немецких ученых, работавших в Академии наук, которые требуют более специального разбора.

Лекция восьмая

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ И СЕРЕДИНЫ XVIII в. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК. ТРУДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА

В результате трудов В. Н. Татищева русская историческая наука достигла значительных успехов. В то же время в Академии наук, которая должна была явиться научным центром, не были созданы благоприятные условия для работы в области изучения исторического прошлого русского народа. Руководящую роль в Академии играли карьеристы и дельцы (немцы по происхождению) И. Д. Шумахер, И. К. Тауберт и др., мешавшие развитию науки. Не было исторического журнала на русском языке. Академические «Комментарии»¹ выпускались (с 1728 г.) на латинском языке. С 1732 г. стал издаваться исторический журнал на немецком языке — «Sammlung Russischer Geschichte» («Сборник по русской истории»). Приостановленное в 1737 г., это издание возобновилось в 1758 г. Лишь с 1755 г. начал выходить и русский журнал, в котором печатались статьи по истории: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

В Академии наук в области истории работали по преимуществу иностранцы: Г. З. Байер, И. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт и др. Национальное достоинство русских было оскорблено тем, что они фактически оказались отстраненными от участия в работах Академии по изучению русской истории и что это дело было поручено лишь немецким ученым, не всегда владевшим русским языком и по-настоящему не знавшим Россию. Печатание исследований по русской

¹ Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae.

истории было затруднено. Достаточно вспомнить, что труды Татищева были опубликованы через много лет после его смерти. В «Предъизвещении» к своей «Истории» Татищев с грустью вспоминал, как недоброжелательно была встречена его книга в академических кругах, когда он привез ее в 1739 г. из Сибири в Петербург, как его упрекали в недостаточной учености, на что он с достоинством указывал своим оппонентам, что если они «более науками преисполнены, то б сами за сие весьма нужное отечеству взялись и лучше сочинили...»¹. Ряд утверждений немецких историков относительно прошлого русского народа вызывал законные возражения русских исследователей. Особенно острая полемика велась по вопросу о возникновении Русского государства. Вопрос этот приобретал национальное значение и политическую остроту, так как норманская теория происхождения Руси использовалась немецким дворянством в целях умаления достоинства русских, уже на заре своей истории якобы оказавшихся не в состоянии пойти по пути общественно-политического развития без содействий призванных со стороны варягов. Подобная постановка вопроса, ненаучность которой ясна сейчас советским историкам, изучающим прежде всего внутренние закономерности истории общества, в то время вызывала страстную полемику. Она началась еще с выступления Татищева против Г. З. Байера, ее продолжил М. В. Ломоносов, поднявший свой голос против высказываний Г. Ф. Миллера.

Однако все это, как мне кажется, не дает еще права для того вывода, который сделан в «Очерках истории исторической науки в СССР»: «...деятельность иностранных академиков принесла не столько пользы, сколько вреда для русской историографии, направляя ее по ложному пути некритического подражания иноземной исторической литературе»². Тезис этот в известной степени является реакцией на утверждения Н. Л. Рубинштейна, явно недооценивавшего уровень развития русской историографии в XVIII в. и связывавшего ее достижения с западноевропейским влиянием в первую очередь. Н. Л. Рубинштейн, несомненно, ошибался. Русская историческая наука XVIII в. уже имела значительные давние традиции. Она развивалась в связи с практическими потребностями социально-экономического развития, в связи с задачами, выдвигаемыми дворянским государством, в ней нашел отражение процесс формирования русской нации. В трудах Татищева, позднее Ломоносова, были сделаны важные исторические обобщения. Ошибочные, а в ряде случаев тенденциозные

утверждения немецких историков, несомненно, наносили ущерб русской науке. Но в то же время немецкие ученые, работавшие в России, достигли и некоторых положительных результатов, особенно в области вспомогательных дисциплин, исторической географии, археологии, источниковедения.

В нашей исторической литературе получила различную оценку со стороны разных авторов деятельность в России Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738 гг.), приглашенного в Академию наук из Германии. Его роль в развитии русской науки высоко оценивает Н. Л. Рубинштейн. «Прекрасное знание (Байером) византийских и скандинавских источников бросило новый свет на ряд вопросов древнерусской истории, с которыми он впервые познакомил русского читателя». «Среди тщательных исследований Байера» Рубинштейн считает необходимым «выделить постановку варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов, а также первые разработки исторической географии Киевской Руси»¹.

М. Н. Тихомиров справедливо возражает против подобного отзыва, в частности против правомерности отождествления взглядов Байера по норманскому вопросу с взглядами Татищева. Однако вряд ли можно согласиться и с той характеристикой Байера, которая принадлежит самому М. Н. Тихомирову. Последний считает, что Байер был «бездарным и мало развитым воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам, вне того узкого смрадного «академического» угла, где наука выступает не гордой богиней, а черной кухаркой «за все»².

Третью точку зрения относительно работ Байера высказывает В. К. Яцунский, который, подчеркивая беспочвенность его утверждений в области норманского вопроса и в этом смысле не расходясь с Тихомировым, в то же время признает, что его историко-географические исследования «сыграли полезную роль в истории нашей науки», что ими пользовался Татищев³.

Думаю, что с В. К. Яцунским можно согласиться. Байер был серьезным, имевшим солидную подготовку ориенталистом (арабистом) и филологом, интересовавшимся классическими и восточными древностями. Во время его пребывания в Петербурге он публиковал (на латинском языке) отдельными изданиями и в виде статей в академических «Комментариях» труды

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. Госполитиздат, 1941, стр. 96—97.

² М. Н. Тихомиров. Русская историография XVIII века. Вопросы истории, № 2, 1948, стр. 95.

³ В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 219.

¹ История Российская... кн. I, ч. 1, стр. XIV.

² Очерки исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, стр. 190.

по языкознанию, литературе, нумизматике, эпиграфике древнего мира, восточного и частично западного средневековья¹.

Работы Байера, относящиеся к истории России, имели довольно узкий историко-географический уклон, были посвящены древнейшим векам и основаны преимущественно на данных античных и средневековых греческих и латинских писателей, на скандинавских источниках и т. д. Это — этюды по истории Скифии и скифов², Грекобактрийского царства³, киммерийцев⁴, гипербореев (народы, упоминаемые Геродотом)⁵, анализ данных, приводимых о различных народах Константином Багрянородным (X в.)⁶, изыскания в области русско-византийских отношений⁷ и т. д.

Работы эти основаны на лингвистическом, эпиграфическом, нумизматическом материале, методика изучения которого стоит на должном для того времени уровне. Ими пользовался Татищев, включивший, например, в свою «Историю Российскую» в русском переводе статью Байера: «Из Константина Порфирогенита о Руси и близких к ней пределах и народах»⁸. С некоторыми наблюдениями Байера соглашался М. В. Ломоносов⁹. В академических «Комментариях» прекрасно воспроизведены греческие и восточные тексты, над которыми работал Байер.

Специальные статьи Байера посвящены обоснованию норманской теории возникновения русского государства: «О варягах»¹⁰, «О происхождении Руси»¹¹, «География Руси и соседних областей по данным северных писателей»¹². В этих рабо-

тах доказывается скандинавское происхождение Руси. При этом аргументация автора весьма натянутая и неубедительная. Например, он стремится ряд славянских имен вывести из корней слов скандинавского языка. Татищев, поместивший в «Истории Российской» статьи Байера «О варягах» и «Из книг северных писателей», возражал против ряда его выводов. Татищев подчеркивал, что убедительность работ Байера в значительной мере подрывалась вследствие незнания им русского языка («ему рускаго языка, следственно и руской истории недоставало»)¹. Отмечал Татищев и нарочитую тенденциозность исследований Байера, усматривая в них намеренное ущемление достоинства русского народа («он же со избытком к умножению прусских, а к уничтожению русских древних владений пристрастным себя показал...»)².

С гораздо большей активностью и страстностью выступил с опровержением основ норманской теории происхождения Руси М. В. Ломоносов. Он подверг сокрушительной критике работы Байера и особенно Миллера.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) не был профессиональным историком, но его работы в области изучения прошлого своей родины и других народов явились новым словом в науке. Для Ломоносова занятия историей были делом, связанным с выработкой национального самосознания, с борьбой за экономическую, политическую и культурную независимость России. Выходец из народа, он органически воспринял и пронес через всю свою жизнь чувство большого патриотизма, которым пронизаны и его исторические труды. Ломоносов-ученый не был лишь отвлеченным теоретиком-мыслителем. В своих теоретических трудах он все время руководствовался практическими задачами, связанными с потребностями экономического и культурного развития страны.

Нет надобности воспроизводить здесь хорошо всем известный жизненный путь Ломоносова — сына рыбака помора, благодаря гениальным способностям, упорному труду и настойчивости ставшего ученым, труды и открытия которого в разных областях науки получили всемирную известность. Но для понимания мировоззрения и оценки роли Ломоносова в развитии наук и прежде всего гуманитарных (вопрос, который стоит перед нами) необходимо рассматривать его деятельность в условиях крепостнической действительности XVIII в. Она наложила свой отпечаток на идеологию Ломоносова, оказала влияние на те практические предложения, с которыми он выступал. По происхождению выходец из государственных

¹ П. Пекарский. История Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 194—196.

² De origine et priscis sedibus scytharum (О происхождении и древних поселениях скифов) (Commentarii, vol. I, 387—399); De Scythiae situ, qualis fuit sub aetate Herodoti (О местоположении Скифии во времена Геродота) (Commentarii, vol. I, 420—424); Chronologia Scythica vetus (Древняя Скифская хронология) (Commentarii, vol. III, 295—350) и др.

³ Historia regni Graecorum Bactriani, 1738.

⁴ De cimmericis (Commentarii, vol. II, 419—433).

⁵ De Hyperborejs (Commentarii, vol. XI, 330—348).

⁶ Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. 948. Ex Constantino Porphyrogeneta (География Руси и соседних областей в 948 г. по Константину Багрянородному) (Commentarii, vol. IX, 367—422).

⁷ De russionum prima expeditione constantinopolitana (О первом походе руссов на Константинополь) (Commentarii, vol. VI, 365—391).

⁸ История Российская., кн. I, ч. I, стр. 177.

⁹ См. М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 21, 27.

¹⁰ De varagis (Commentarii, vol. IV, 331—369).

¹¹ Origines russicae (Commentarii, vol. VIII, 388—436).

¹² Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. 948. Ex Scriptoribus septentrionalibus (Commentarii, vol. X, 371—419).

¹ История Российская., кн. I, ч. 2, стр. 260.

² Там же, стр. 261.

крестьян, он мыслил экономическое развитие России, рост производительных сил в рамках крепостного строя, считая необходимым лишь проведение ряда мероприятий по улучшению положения крестьянства. Высказывая ряд важных и новых мыслей о значении деятельности народа, он являлся тем не менее сторонником просвещенного абсолютизма, обосновывал руководящую роль абсолютной монархии в жизни страны. Сумев дойти до материализма (хотя и метафизического) в области понимания явлений природы, он в объяснении общественного развития оставался на идеалистических позициях.

Такова ограниченность и противоречивость идеологии великого русского ученого, обусловленная той феодально-крепостнической системой, при которой он жил и действовал. В области исторических идей и представлений Ломоносов также не смог освободиться от традиций дворянской историографии, хотя ряд высказанных им мыслей и наблюдений выходил за рамки этой историографии, пролагая новые пути. Ломоносов явился носителем передовой для своего времени историографии, которая объективно выражала пути буржуазного развития, в своеобразных условиях крепостнической России. В работах Ломоносова проявляются демократические тенденции.

Связь исторических взглядов Татищева и Ломоносова видна из того, что в 1749 г. последний по просьбе Татищева написал посвящение (великому князю Петру Федоровичу) к первой части его «Истории Российской». В этом посвящении Ломоносов излагает мысль о том, что занятие историей является патриотическим делом. К нему побуждает «искренняя... любовь и горячее усердие к отечеству». В то же время в соответствии с взглядами Татищева на первый план выдвигается задача изучения «дел бывших в России владетелей, а особливо самодержавных...», т. е. абсолютистских монархов. История народа тесно сливается с историей правителей, делом которых народ обязан своей славой. Ломоносов отмечает, что из-за отсутствия «достоверного описания деяний российских», «похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии»¹. Таким образом, о «похвале государей» говорится в первую очередь, о «славном имени российского народа» — во вторую, потому что, с точки зрения Ломоносова, причиной могущества народа являются заслуги просвещенных монархов.

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 15.

В том же году Ломоносов выступил с замечаниями на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российской», предназначавшуюся для оглашения в качестве речи на публичном собрании Академии наук. Миллер доказывал норманское происхождение Руси. В решительных возражениях Ломоносова против этой точки зрения представляет интерес прежде всего его разбор источниковедческих основ диссертации Миллера. Неправильным считает Ломоносов самый принцип отбора источников, игнорирование показаний русских авторов и преимущественное внимание к иностранным («обещается он иностранных авторов тут производить, где своих к тому недоволюно; однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко и с поношением опровергает»). Незнание русских источников приводило Миллера к неправильному представлению о их скудости. В связи с этим Ломоносов высказывает свои соображения о задачах критического анализа древних памятников письменности. Надо уметь отделить в них правду от баснословия («...в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно»).

Далее Ломоносов отмечает субъективный подход Миллера к иностранным источникам, использование лишь того материала, который отвечал его предвзятой точке зрения: «...где они (т. е. иностранные авторы) противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных»¹.

Подвергает Ломоносов сомнению и выводы Миллера (идушего вслед за Байером), основанные на созвучии корней ряда слов, например, производство имен древнерусских князей от скандинавских (Ольга — Аллогия, Владимир — Валдмар, Всеволод — Визвальдур и т. д.). Ломоносов называет подобные сопоставления «перевертками»², происходящими от «неразумения российского языка»³.

Возражая Миллеру по существу, Ломоносов считает неправильными его утверждения о позднем появлении славян в местах их последующего пребывания, о том, что русь — это новое название, наконец, противопоставление руси славянам. Ломоносов доказывает, что название «россияне» происходит от «роксалан» (славян) и что роксаланы вместе с готами (тоже, по Ломоносову, славянами) перешли с берегов Черного моря к побережью моря Балтийского, получив там назва-

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 19, 20.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 20.

ние «варяги». Таким образом, варяги-русь, по Ломоносову, говорили на славянском языке.

Интересна система доказательств, приводимых Ломоносовым, ибо они характеризуют его источниковедческие приемы. В первую очередь он оперирует материалами письменных источников. Привлекая топонимические данные, он доказывает наличие славянских названий деревень, городов, рек, целых земель там, где (как он считает) когда-то жили варяги-русь. Далее Ломоносов утверждает, что еще в его время курляндцы, обитающие на территории, занятой ранее варягами-русью, и являющиеся их потомками, говорят «языком, от славенского происходящим». Указание Нестора-летописца также свидетельствует, что «славенский и русский язык едино есть». Если бы варяги-русь отличались по языку от славян и были скандинавами, очевидно, в русский язык должны были бы проникнуть какие-то шведские слова, чего в действительности не случилось. В то же время, например, татарский язык оказал влияние на русский, хотя татары и не жили в русских городах, а лишь посылали туда баскаков. Принимая предположение о скандинавском происхождении варягов-руси, следует ожидать, пишет Ломоносов, что в России должны сохраниться деревни и даже города, население которых говорило бы на одном из скандинавских языков. Отсутствие подобных населенных пунктов опровергает, по Ломоносову, вывод о скандинавском происхождении варягов-руси¹.

Полемика Ломоносова с Миллером интересна во многих отношениях. Она свидетельствует о хорошем знании Ломоносовым источников, древних и средневековых, русских и иностранных, а также о своеобразном и в ряде случаев вполне критическом подходе к ним. По существу вопроса Ломоносов стоял на правильных позициях, доказывая значительную давность появления славян на территории Восточной Европы и зарождения у них государственности независимо от норманского завоевания. В то же время его отождествление варягов и готов со славянами лишено научного основания.

В полемике Ломоносова с Миллером чувствуется большая любовь к родине, к ее прошлому, забота о ее славе и чести. Он не может помириться с не соответствующими действительности утверждениями Миллера, ибо (как он выражается) почти на каждой странице миллеровской диссертации «русских бьют, грабят *благополучно*, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют...» и т. д.² Ломоносов

считает, что для «славено-российского народа» будет «предосудительно», «ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут»¹.

В то же время иногда Ломоносов выступает с церковно-охранительных позиций. Так, упрекнув Байера, что он не столько заботится об «исследовании правды», сколько о том, «дабы показать, что он знает много языков и читал много книг», изобразив его в виде «идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы», Ломоносов больше всего возмущается критикой Байером летописной легенды о пребывании на Руси апостола Андрея. В своем «исступлении и палоумстве» Байер, по мнению Ломоносова, подрывает основание, на котором Петр Великий учредил Орден Андрея Первозванного². Подобные обвинения были со стороны Ломоносова, конечно, данью охранительной политике самодержавия.

С начала 50-х гг. XVIII в. Ломоносов начал работать над обобщающим трудом по русской истории. Сохранились два первоначальных наброска плана этого труда, содержащих периодизацию исторического процесса. В первом наброске выделяются пять периодов: 1) от Рюрика до смерти киевского князя Владимира Святославича (начало XI в.); 2) от смерти князя Владимира Святославича до нашествия Батыя; 3) от нашествия Батыя до царствования Ивана Васильевича Грозного; 4) от времени Грозного до времени Петра Великого; 5) от Петра Великого до Елизаветы Петровны. Эпоха до Рюрика осторожно характеризуется как «прежде сомнительные времена»³.

Во втором наброске Ломоносов продвигает периодизацию в глубь русской истории. «Прежде сомнительные времена» превращаются в первый период — «век древний до Рюрика». Зато ближайшее к Ломоносову время из плана исключается и набросок заканчивается смертью царя Федора Алексеевича⁴.

В дальнейшем, работая над историей России, Ломоносов, как видно из некоторых материалов, продолжал уточнять периодизацию, в результате чего снова передвинул некоторые рубежи. В конце концов он пришел (в пределах до XVI в.) к установлению следующих периодов: 1) время до Рюрика; 2) от вокняжения Рюрика до смерти князя Ярослава Мудрого; 3) от смерти князя Ярослава до «Батыева нашествия»;

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 41.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 87.

¹ См. М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 30—36.

² Там же, стр. 21.

4) время татаро-монгольского владычества до вокняжения Ивана III¹.

Эта схема близка к периодизации истории России, разработанной Татищевым, в ее основу положено развитие абсолютизма.

Основным произведением исторического характера, принадлежащим М. В. Ломоносову, является «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Работать над этим трудом Ломоносов начал в 1751 г., написал его в 1754—1758 гг. Напечатана «Древняя Российская история» была уже после смерти Ломоносова, в 1766 г. Текст «Истории» начинается со «вступления», в нем излагаются те руководящие идеи, которым следовал Ломоносов в работе по изучению исторического прошлого своей родины. «Вступление» отличается большим патриотизмом, Автор говорит, что российский народ видел много тяжелого на своем веку («много видел в счастья своем перемены»), страдал от внешних врагов и от внутренних междоусобиц, и тем не менее не только не утратил своей национальной независимости («не токмо не расточился»), «но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул».

В связи с этим Ломоносов высказывает некоторые общие соображения об историческом развитии как смене периодов упадка и расцвета. «Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление...»². Представление о том, что исторический процесс совершается путем конфликтов внутреннего и внешнего характера было передовой для того времени идеей. Автор образно представляет себе этот процесс как течение «великия реки», которая «от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление», но затем снова «соединяясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает», и чем дальше, тем в большей мере вбирая в себя другие реки, «обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы»³. Это — мысль о поступательном движении народа, преодолевающего на своем пути многочисленные препятствия, отступающего и снова идущего вперед — мысль патриотическая и прогрессивная, хотя выраженная еще в идеалистической форме, очень далекая от идеи социальной

закономерности и представления о классовых антагонизмах общественной жизни.

Для Ломоносова характерно далее стремление понять прошлое своего народа в рамках всемирно-исторического процесса, представляющего собой последовательную смену ряда народов, проходящих циклы своего развития от расцвета до падения. «Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому»¹. Это высказывание, конечно, далеко ушло от фаталистической концепции средневековых хронографов, видевших в истории поучительный пример тщетности и суетности как личных человеческих судеб, так и судеб целых обществ и государств. Ломоносова изучение истории, напротив, убеждает в том, что дела «смертных», преходящие «труды» отдельных лиц сообщают бессмертие народу. Всемирно-исторический процесс, по его мнению, свидетельствует о прогрессивном движении человечества, во время которого оставляют свой след в прошлом люди разных поколений и народы разных времен. И историческая наука должна по этим следам воссоздать путь развития от прошлого к настоящему. «Велико есть дело... перенося минувшие деяния в потустово и в глубину вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила». Если «мрамор и металл», в которых воплощаются «дела великих людей, изображенные всенародно», «стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются», то история — это движение, она не знает ограниченных рамок времени и пространства, она дает беспредельные возможности дальнейшего роста. «История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирует»².

Ломоносов поднимает вопрос о том, как из действий людей ряда поколений складывается история человечества. Если люди разных времен выступают отдельно, то история объединяет их деяния в общем всемирно-историческом процессе. Эта трактовка (в своей основе, конечно, идеалистическая) представляет значительный шаг вперед от развитого Татищевым понимания истории как науки, изучающей цепь человеческих «деяний» и «приключений», к мысли о их преемственности и непрерывности.

Ломоносов выдвигает задачу выяснения общих начал и черт своеобразия в развитии отдельных народов. При этом он исходит из идеи повторяемости явлений у народов, разновременно выступающих на всемирно-исторической арене. Ломоносов сравнивает политическую историю России с исто-

¹ См. П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 588.

² М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 169.

³ Там же, стр. 169—170.

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 170.

² Там же, стр. 171.

рией древнего Рима. Если римская история началась с единовластия королей, то история России — с единовластия князей («владение первых королей» римских соответствует «самодержавству первых самовластных великих князей российских»). Период, когда в Риме установилась республика, напоминает Ломоносову время феодальной раздробленности на Руси («гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему»). Наконец, Римская империя («единоначальство кесарей») по Ломоносову аналогична по своему характеру «самодержавству государей московских». Таковы черты сходства истории русской и римской.

Но Ломоносов не только сопоставляет, но и противопоставляет историческое развитие России и античного Рима. Это противопоставление производится с целью доказать, что абсолютизм содействовал росту могущества России. Не так было в Риме. Если «Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок», то Россия, напротив, «разномысленною вольностию... едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством... умножилась, укрепилась, прославилась». Таким образом, «в единоначальном владении залог... блаженства России»¹.

И в данном случае, выводя параллели в истории отдельных народов и указывая особенности их исторической жизни, Ломоносов, выступая с позиций просвещенного абсолютизма, ушел значительно вперед от схемы Татищева с его выделением в развитии народов четырех «станов», подобных возрастам отдельных людей. Сама идея «бессмертия» народа получила яркое звучание лишь в трудах Ломоносова с их демократической направленностью.

Как и Татищев, Ломоносов поднимает вопрос о пользе истории. Он видит ее в правдивости изображения прошлого, которая является условием морального воздействия (силою примера) на людей. Если «вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих», то тем более должна «побуждать к похвальным делам» «правдивая... история»². Представление о значении славных подвигов исторических деятелей прошлого как примера для последующих поколений свидетельствует о большом патриотизме Ломоносова. В то же время на исторических фактах он обосновывает роль просвещенного абсолютизма в развитии человечества. История «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, мла-

дым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное»¹. Здесь Ломоносов в свете рационалистического мировоззрения рисует и сущность государства и характер исторического процесса, подчеркивая также моменты, помогающие их пониманию, как «разум», «польза», «правосудие», «твердость», «мужество» и т. д. Это свидетельствует об ограниченном характере патриотизма Ломоносова, объективно проявлявшемся в рамках признания крепостнической действительности, — признания, выступающего в оболочке очень отвлеченных рационалистических понятий.

«Древняя Российская история» делится на две части: 1) «О России прежде Рурика»; 2) «От начала княжения Рурика до кончины Ярослава первого»². Такое деление книги отражает представление автора о том, что история не должна быть сведена к изучению государства, что надо изучать историю народа, его происхождение и развитие.

Первый вопрос, который ставит Ломоносов, — это вопрос о древнем населении России и о происхождении русского народа. Автор указывает, что, по летописным данным, «старобытчими» жителями России являются славяне и чудь. В этом нет ничего удивительного для русских, так как «ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою без всякого примешения»³. И далее Ломоносов выдвигает интересную мысль о том, что народы как этнические категории формируются в процессе «переселений» и «странствований», «в таком между собою сплетении», что часто нельзя сказать, какому народу отдать преимущество в смысле древности. Словом, не бывает «чистых» народов.

Затем Ломоносов подробно рассматривает данные древних и средневековых писателей (Плиния, Тацита, Птолемея, Проккопия Кесарийского, Иорнанда и др.) о славянах и их роли во всемирной истории. Он стремится доказать древность «славянского племени»⁴. Автор отмечает, что славяне, «ненавидя римского ига и любя свою вольность», сыграли роль в падении Римской империи. В этих утверждениях Ломоносова, подкрепляемых ссылками на источники, было много верного, несмотря на ряд наивных суждений, вроде того, что венеды переселились из Трои. Он проявил и известный критицизм в отношении легендарного материала, подвергнув, например, сомнению наличие грамоты Александра Македонского «славянскому на-

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 170—171.

² Там же, стр. 171.

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 171.

² Там же, стр. 167—168.

³ Там же, стр. 174.

⁴ Там же.

роду», отметив вымышленный характер имен славянских князей Славена и Руся.

Специальные главы «Древней Российской истории» посвящены чуду и варягам. В данном случае Ломоносов высказывает вслед за Байером неверное соображение о том, что чудь (финны, ливы, эсты) — это скифы. Варягами, по мнению Ломоносова, именовались вообще северные народы. Варяговроссы Ломоносов отождествляет с пруссами, говорившими на языке, близком к литовскому, который являлся «отраслью» языка славянского. Эта точка зрения не может быть признана верной, но мысль автора о том, что общественное развитие славян началось задолго до появления на территории Восточной Европы норманнов и что имена «рос» — «русь» славянского происхождения, является правильной. «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели»¹, писал Ломоносов, имея в виду тенденциозные утверждения некоторых иностранных авторов, преувеличивавших отсталость восточных славян. Ценным качеством первого раздела «Древней Российской истории» является то обстоятельство, что ее центральной темой является история русского народа.

Говоря о быте восточных славян до вокняжения Рюрика, Ломоносов указывает, что они жили семьями «рассеянно», редко имели «общих государей» и города. Киевские славяне (поляне) давали дань хазарам, новгородские — варягам. Тем не менее и те и другие «без монархии почитали себя вольными». У полян «самодержавство» началось с вокняжения князей Аскольда и Дира, укрепилось при князе Олеге. У новгородских славян сначала правил старейшина Гостомысл, затем после смерти последнего они призвали на княжение Рюрика с братьями. «Самодержавства российского основатель» Рюрик рассматривается Ломоносовым как «герой», отличающийся «разумом и мужеством». Утверждение «самодержавства», по Ломоносову, вызывало сопротивление сторонников «общенародного прежнего владения». Это — интересная мысль, указывающая на понимание Ломоносовым того обстоятельства, что возникновение государственности происходило в борьбе, участниками которой выступали родовые и племенные старейшины. Факт создания государства у восточных славян Ломоносов расценивает как исторический прогресс. Рюрик с братьями, «утвердясь» среди славян, «шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали»².

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 170.

² См. там же, стр. 214—218.

Вторая часть книги Ломоносова разбита на главы, посвященные отдельным княжениям (Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка, Ярослава). Изложение построено на данных летописи, а также некоторых византийских источников (например, при описании походов Святослава в Болгарию).

История Киевской Руси изложена хорошим языком, просто и доступно, в некоторых случаях имеет характер литературного произведения. Летописные тексты даны в пересказе на современном Ломоносову русском языке.

При рассмотрении внутренней истории древней Руси проводится мысль о том, что киевские князья вели борьбу за единое государство, добиваясь включения ряда славянских и неславянских племен в российское подданство. Эта борьба расценивается как выражение заботы об этих племенах. Так Олег, «радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани»¹. В такой концепции, несомненно, сказались присущая Ломоносову идеализация абсолютизма и стремление подчеркнуть роль просвещенных государственных правителей.

При рассмотрении внешней политики Руси Ломоносов подчеркивает ее международное значение. Так, в главе о крещении Владимира он отмечает, что «окрестные народы» «старались преклонить сего великого государя каждый в свою веру, кроме ея размножения, еще для приобретения с великою Российской державою выгодного союза и крепкой дружбы»².

До нас, к сожалению, не дошли комментарии (цитаты, тексты документов и т. д.), которые Ломоносов предполагал приложить к своему труду.

В 1759 г. Ломоносовым был написан (а в 1760 г. издан) «Краткий Российский летописец» с родословием, посвященный царевичу Павлу Петровичу. Этот летописец состоит из трех частей. В первой части дан краткий очерк (на основе «Древней Российской истории»), посвященный древнему населению на территории России и истории славян до вокняжения Рюрика. Изложение пронизано идеей величия славянского народа³. Во второй части помещены сжатые сведения о русских князьях и царях, кончая Петром Великим. Эта часть написана А. Богдановым и отредактирована Ломоносовым. Последняя часть содержит материал, касающийся брачных связей и генеалогии русских князей и царей вплоть до Петра I и его потомства.

Для понимания исторических взглядов Ломоносова пред-

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 220.

² Там же, стр. 258—259.

³ Там же, стр. 293.

ставляет интерес его рукопись «Идеи для живописных картин из российской истории». Это — сюжеты исторических картин. Они могут быть разбиты на несколько групп: 1) темы из истории государства (единодержавия — абсолютизма) в России; 2) темы национально-освободительной борьбы; 3) темы, касающиеся международного значения России.

Политическая направленность картин первой группы разная, что в известной мере отражает некоторую противоречивость мировоззрения Ломоносова. Идея картины «Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский» подчинена чисто династической задаче — обосновать законность исторической преемственности в занятии престола Грозным и Михаилом Романовым. Эта идея воплощена в образе царя Федора Ивановича (сына Грозного), передающего в присутствии патриарха и бояр царский скипетр Федору Никитичу Романову (впоследствии патриарху Филарету, отцу будущего царя Михаила Федоровича). Борис Годунов при этом «взглядывает завистливыми глазами»¹. Идея этой картины восходит еще к политическим тенденциям, выраженным в публицистических произведениях XVII в.

Идеологически гораздо сложнее содержание картины «Приведение новгородцев под самодержавство», посвященной падению независимости Великого Новгорода в 1478 г. Здесь воплощена мысль о борьбе «вольности» с абсолютизмом. Идея «самодержавства» выражена в образе Ивана III, который, сидя верхом на коне перед Софийским собором в присутствии новгородского архиепископа приказывает принять от новгородцев Ярославовы грамоты — эмблему их независимости. Сброшенный с колокольни вечевой колокол, призывавший когда-то к «самовольным скопищам», лежит низвергнутый. Новгородцы, которых отправляют в Москву, прощаются с близкими. Московские бояре самодовольно усмеваются. Однако великий князь для безопасности окружил себя копейщиками. Особенно интересно, что на картине изображено «народу множество». Народ неодинаково воспринимает события (часть его — с горечью, часть — с радостью)². Содержание этой картины свидетельствует о том, что Ломоносов интересовался вопросом о роли народа в событиях, связанных с объединением Руси и созданием централизованного государства.

Некоторые темы национально-освободительной борьбы посвящены выступлениям Руси против золотоордынского ига. Их трактовка опять-таки неодинакова. В одних картинах на

первом месте выступает народ. Такова картина Куликовской битвы: «С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские...». В картине «Низвержение татарского ига» главное действующее лицо — уже великий князь Иван III. Он, сидя «на великокняжеском стуле», с гневным лицом «повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление» (приказ ордынского хана Ахмата об уплате дани). «Татар, связанных бесчестно, вон выводят». Бояре «изъявляют свою радость и благодарность государю»¹. Народ в этом описании отсутствует.

Роль народа отражена в картинах «Победа Александра Невского над немцами ливонскими»² и «Козма Минич». Последняя картина изображает «купца-старика» на Нижегородской пристани, собирающего деньги и «рукою народ подымающего». «Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению отечества от разорения»³.

Самая идея создания живописных картин на исторические сюжеты показывает, что Ломоносов придавал большое воспитательное значение истории.

Среди исторических тем, интересовавших Ломоносова, важное место принадлежит темам, относящимся ко времени Петра I. В 1757 г. Ломоносов написал примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом», составленной по предложению русского правительства Вольтером. Кроме внесения в текст Вольтера ряда поправок фактического характера, Ломоносов исправляет также его неверные утверждения, касающиеся уровня экономического, политического и культурного развития России. Поправки Ломоносова отличаются большой целеустремленностью и заботой о достоинстве русского народа.

Так, Вольтер указывает, что земля около города Архангельска стала известна в Западной Европе лишь в XVI в. Ломоносов же поправляет этот текст и утверждает, что датчане и другие северные народы торговали по Двине еще в XII в. Характеристику Вольтером Москвы как «нарочитого города» Ломоносов отказывается признать достаточной и с чувством законной гордости пишет: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе»⁴. Ломоносову кажется оскорбительным («бесчестным и поносительным») для русского народа, что Вольтер, описывая Лапландию, самоедов и т. д., обходит молчанием такие «многолюдные, плодоносные и наполненные

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 371.

² См. там же, стр. 370.

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 370.

² Там же, стр. 369.

³ Там же, стр. 371.

⁴ Там же, стр. 91.

городами... провинции», как Ярославская, Тверская, не упоминает Нижний Новгород, Владимир и «великое множество городов около Оки и других рек великих»¹.

Рассматриваемые примечания Ломоносова исполнены заботой и о военной славе России. На утверждение Вольтера, что в первое восемнадцатилетие XVIII в. единственным героем на Севере был шведский король Карл XII, Ломоносов возражает, что «геройские дела», «великие предприятия и труды славны» Петра I стали известны еще до сражения при Лесной и Полтавской победы, а Карл XII своим бегством после Полтавской битвы показал задолго до 1718 г. «больше себя героя в Петре Великом...»².

Совершенно неудовлетворительным разделом труда Вольтера признал Ломоносов текст, касающийся «стрелецких бунтов», и предложил исправить его на основе составленного им самим описания этих событий.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», принадлежащее Ломоносову, сохранилось во французском переводе не дошедшего до нас оригинала. Это рассказ о политической борьбе конца XVII в., облеченный в художественную форму, с пересказом речей действующих лиц и психологическими мотивировками их поступков, с известной драматизацией всего происходившего в то время. Рассказ написан живо и интересно.

В оценке стрелецких движений Ломоносовым замечается известная противоречивость. Так, говоря о выступлении стрельцов в Москве в мае 1682 г., он подчеркивает, что они «руководились только своей прихотью и яростью»³. С другой стороны, Ломоносов отмечает, что во время самых «трагических сцен» стрельцы «соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали»⁴.

Наказание полковников по предписанию правительства расценивается Ломоносовым то как «правосудие», то как «попустительство стрельцам»⁵.

Но в целом выступления стрельцов характеризуются Ломоносовым как действия «солдатчины, всегда готовой к бунту»⁶. Говоря о стрелецких казнях, организованных Петром I, Ломоносов выступает с позиций просвещенного абсолютизма и

пишет, что царь «заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару...»¹.

Характеристика Петра I и его царствования дана Ломоносовым в «Слове похвальном блаженным и вечнодостоинным памяти государю императору Петру Великому», написанном в связи с празднованием дня коронации Елизаветы Петровны в 1755 г. Это — настоящий панегирик (в торжественной форме художественной прозы) Петру. Ломоносов говорит о распространении в России при Петре просвещения, развитии промышленности, торговли, создании регулярной армии и флота. В своих похвалах Петру Ломоносов выступает борцом за самостоятельное экономическое и культурное развитие России, все время проявляет интерес к производительным силам страны, заботится об условиях для их роста, о преодолении отсталости. Раньше, указывает Ломоносов, соседи России с основанием говорили, что это великое сильное государство не может организовать металлургическую промышленность, производство собственного вооружения, «не имея в недрах своих не только драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приуготовлению оружия...». Благодаря деятельности Петра «исчезло сие нареkanie... отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы... Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских, российскими руками»².

Представитель формирующейся русской нации Ломоносов понимает, какое значение для экономического и культурного подъема России, для усиления сношений с окружающими странами, а также для защиты имеет использование окружающих страну морей. Поэтому он считает особым достижением Петра I строительство флота. «Пространная Российская держава на подобие целого света едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распушенные российские флаги. Там великих рек устья и новые пристани едва вмещают судов множество; инде стонут волны под тягостью российского флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются». Ломоносов указывает на роль флота и в распространении торговых связей, и для географических открытий. «Инде достигнув спокойного пристанища плаватель, удаленных стран избытки выгружает, к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым бере-

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 92—93.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 146.

⁵ Там же, стр. 135.

⁶ Там же, стр. 157.

¹ М. В. Ломоносов. Ук. соч., т. 6, стр. 161.

² Сочинения М. В. Ломоносова, с примеч. М. И. Сухомлинова, т. IV. СПб., 1898, стр. 369.

гам поспевают для приращения могущества и славы Российской»¹.

Демократические тенденции в трудах Ломоносова проявляются в его характеристике Петра I. Он стремится подчеркнуть, что Петр не только управлял как государь, но и трудился как рядовой подданный. Следствием непонимания классово направленной политики правительства XVIII в., его крепостнической сущности была та идеализация Петра, которая характерна для Ломоносова. Но для мировоззрения самого Ломоносова важно, что, возвеличивая Петра, он искал в нем такие черты, которые, по мысли автора, должны были приблизить его к людям труда. Петр, пишет Ломоносов, «трудился, размеривая регулярную крепость, как мастер; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, как рядовой солдат». За границей он «сокрыв величество своея особы, между простыми работниками в чужой земли корабельному делу обучаться не погнушался». Везде Петр «собственным примером побуждал к трудам подданных!»².

Несмотря на демократические тенденции в творчестве Ломоносова, его неумеренная идеализация абсолютизма Петра объективно означает и признание крепостничества. Так, введение подушной подати рассматривается Ломоносовым как акт, направленный к уравнению в повинностях трудолюбивых людей и лентяев, к уничтожению бродяжничества, праздности и нищеты. Когда еще «не было число всего российского народа и каждого человека жилище известно, своеволие не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великие реки нередко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и города разорялись. Превратил премудрый герой вред в пользу, леность в прилежание, разорителей в защитников; когда исчислил подданных множество, утвердил каждого на своем жилище, наложил легкую, но известную подать...»³.

Говоря о препятствиях, мешавших «Герою» (т. е. Петру I) в совершении его подвигов, Ломоносов отмечает, что он со всех сторон был окружен «неприятелями». «Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта; изнутри стрельцы, раскольники, козаки, разбойники»⁴. Таким образом, и реакционные стрелецкие мятежи

и антифеодальные движения окрашиваются одним черным цветом.

До конца своей жизни Ломоносов интересовался и занимался историей и заботился о судьбах исторической науки. В проект нового регламента Академии наук (1764 г.) им внесен специальный параграф о должности историографа, который обязан собирать исторические сведения о России и издавать труды по русской истории. Историографу этому должны быть доступны государственные архивы, но надо заботиться, чтобы он был человеком «надежным и верным», русским по национальности, не склонным в своих исторических сочинениях «ко шпынству и посмеянию»¹. В этом параграфе сказана забота Ломоносова о чести и достоинстве русского народа и русской науки.

Последние дни Ломоносова омрачились его конфликтом с А. Л. Шлецером, вызванным Г. Ф. Миллером из Геттингена и назначенным Екатериной II, вопреки протестам Ломоносова, академиком. Ломоносов не доверял Шлецеру и глубоко переживал, что в руках последнего окажутся судьбы русской исторической науки. Он отрицательно отзывался о составленной Шлецером русской грамматики, в которой русские слова искусственно сопоставлялись с немецкими («дева» и «Dieb» — вор; «князь» и Knecht — холоп и т. д.). В поведении Шлецера он видел неуважение к русскому народу. Выступление против Шлецера было последним актом борьбы Ломоносова за создание национальных научных кадров.

Характеристика Ломоносова как историка была бы неполна без упоминания о некоторых его работах в областях, смежных с исторической наукой. Ломоносов много сделал в области изучения географии (физической и экономической) и статистики России. Им была составлена (в 1759 г.) специальная анкета от лица Академии наук в целях собирания сведений из разных городов, губерний и провинций для составления Российского географического атласа. В этой анкете было, в частности, указано: «В городах буде есть летописцы, присылать с них верные копии при географических известиях для истории российской»². Таким образом, Ломоносов никогда не забывал о задачах изучения исторического прошлого России.

В труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» Ломоносов дает исторический обзор

¹ Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, стр. 375.

² Там же, стр. 377—378.

³ Там же, стр. 380.

⁴ Там же, стр. 383.

¹ Материалы для биографии Ломоносова, собранные Билярским. СПб., 1865, стр. 660.

² М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. Госполитиздат, 1950, стр. 544.

экспедиций, географических открытий, совершенных англичанами, испанцами, голландцами, русскими¹.

Представитель формирующейся русской нации Ломоносов проявлял большой интерес к истории русского национального языка и зарекомендовал себя выдающимися трудами в этой области. Любовь к богатому русскому языку отражена в той его характеристике, которую находим в «Российской грамматике» Ломоносова. Ломоносов видит в русском языке «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»². Филологические и исторические исследования Ломоносова протекали в тесной взаимосвязи. В труде «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов связывает проблему истории русского языка с проблемой истории русского народа: «народ российский по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах»³.

В нашей советской литературе деятельность Ломоносова как историка нашла уже освещение. Б. Д. Греков правильно указал, что «главной побудительной причиной», толкавшей Ломоносова на занятия историей, «была деятельная любовь к своей родине. Ломоносов стремился познать Россию, чтобы ее возвеличить, защитить ее от всех возможных на ее честь покушений, не только реальных, но даже и мнимых». «Он работал не на забаву царицы и ее свиты, не по указке двора, а для пользы своей родины, конечно так, как он понимал эту пользу». В своих занятиях историей Ломоносов интересовался не только государством (как дворянские историки), но не забывал «народа русского и тех народов, которые историческими судьбами тесно с ним были связаны еще с глубокой древности»⁴.

М. Т. Белявский также указывает, что Ломоносов считал «основной задачей историка воспитание гражданина и патриота», что в «исторических трудах наиболее остро выступила патриотическая направленность деятельности Ломоносова»⁵. Деятельность Ломоносова связана с просветительством.

С этим следует полностью согласиться. Прав также М. Т. Бе-

¹ М. В. Ломоносов. Поли. собр. соч., т. 6, стр. 417—498.

² Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, стр. 10.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Б. Д. Греков. Ломоносов — историк. «Историк-марксист», кн. II/87. М., 1940, стр. 18, 26, 32.

⁵ М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, стр. 62, 66.

лявский, когда говорит, что центральной идеей всех научных и литературных произведений Ломоносова является требование ликвидации экономической и культурной отсталости России. Ломоносов «непоколебимо верил, что великая страна и ее народ имеют все возможности для того, чтобы осуществить эту задачу и занять достойное место среди других стран и народов»¹.

Но в то же время нет оснований обходить или смягчать противоречивость исторических взглядов Ломоносова, поскольку противоречива была и та эпоха, в которую он жил и действовал. Ведь очень многое в его исторической концепции полностью примыкает к концепции Татищева, а тот был представителем дворянской историографии. «Именно горячую любовь к народу, стремлением оградить его от произвола и бесправия самодержавно-крепостнического строя объясняется, почему он (Ломоносов) признавал настоящим царем, «истинным героем» только того, который употребляет свою власть на благо народа»², — пишет М. Т. Белявский. Но ведь идею народного блага как стимул политики абсолютистской монархии не отрицали, а, наоборот, культивировали и дворянские идеологи абсолютизма. Ломоносов в деятельности своего любимого героя — Петра подчеркивает как положительные и мероприятия чисто крепостнической политики (например, введение подушной подати).

Но если нельзя закрывать глаза на то, что ряд высказываний Ломоносова примыкает к точке зрения дворянских историков, то было бы большой ошибкой, конечно, отдавать Ломоносова дворянской историографии. И это не только в силу того, что субъективно он горячо любил русский народ и хотел ему блага. Противоречивость и непоследовательность мировоззрения Ломоносова заключается в том, что, хотя он и не выступал с критикой крепостничества как системы, объективно его экономические предложения, направленные на развитие производительных сил страны, подъем промышленности, на ликвидацию отсталости, открывали пути буржуазным отношениям. Думаю, что так прямо и надо сказать, ибо иначе неясно, что имеет в виду М. Т. Белявский, говоря об «антифеодальной направленности» взглядов Ломоносова и по существу характеризуя эту направленность, по-моему, совершенно правильно³.

В «Очерках истории исторической науки в СССР» вообще отсутствует характеристика социальных основ его исторических

¹ М. Т. Белявский. Ук. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 51—52.

взглядов. Говоря о Ломоносове как историке, авторы «Очерков» отмечают, что его исторические взгляды были «лучшим достижением русской передовой мысли этого времени», что Ломоносов выступает как «великий ученый-новатор», что он «принадлежал к числу тех великих умов, мысли которых предваряют позднейшие исследования», и его труды «на много лет опережали не только современную ему, но и последующую дворянско-буржуазную историографию»¹. Классовый анализ взглядов Ломоносова здесь все же отсутствует.

И еще одно замечание. Ломоносов бесспорно был великим человеком своего времени. Но для того, чтобы оттенить это величие, вряд ли следует изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными, тупыми и невежественными людьми. Были, конечно, и такие, но были и другие. Это не отмечено, в частности, в тех историографических разделах «Очерков истории СССР периода феодализма», автором которых являюсь я. В борьбе с норманской теорией Ломоносов выступал со всей страстью русского патриота и ученого. И в основном вопросе правда была на его стороне. Но, во-первых, вовсе не все работы немецких историков были посвящены обоснованию норманизма. Утверждение М. Н. Тихомирова, что все труды Байера якобы были проникнуты одной целью: «доказать, что настоящими устроителями Русского государства были пришлые варяги, без которых, по мнению Байера, не было бы и Русского государства»², просто неверно.

Во-вторых, вовсе не все и в утверждениях Ломоносова было в одинаковой мере удачно и верно, и это отмечалось его противниками, уловившими слабость некоторых его аргументов. А слабость эта проявлялась тогда, когда Ломоносов отступал от той «правдивости», которая им самим выдвигалась как девиз исторического исследования.

Со свойственной Ломоносову темпераментностью он в полемике с Миллером и Байером иногда от научной аргументации переходил к высмеиванию их доводов, доведению их до абсурда и тем давал повод к замечаниям вроде следующего: «Верный признак отсутствия правоты, когда хотят защищать свое дело бранью и злословием»³. Пользовался Миллер и теми случаями, когда Ломоносов, опять-таки сходя с платформы научной полемики, апеллировал к силе русской церкви, искал у нее защиты. Так, например, было, когда он взял под защиту от Байера легенду об Андрее Первозванном, а Миллер ему

ответил: «...во всех землях позволено смотреть на эти вещи критически и исследовать, в какой степени они основаны на бесспорной истине».

Сила Ломоносова была в том, что он понимал политическое значение истории, ее роль в воспитании любви к родине, к своему народу. Но он проявлял слабость, когда задачи исторического исследования подчинял потребностям текущей политики царизма и спрашивал, например, «не будут ли из того выводиться какого опасного следствия», что «Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода». И в таких случаях Миллер, опять-таки пользуясь всякой возможностью уколоть своего противника, с иронией подчеркивал: «Он (Ломоносов) хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется?»¹.

Нельзя также не указать, что если «перевертки» Байера и Миллера, которыми они, скажем, доказывали норманское происхождение имен ряда русских князей, были весьма далеки от приемов научной филологии, то ведь и некоторые лингвистические соображения Ломоносова (например, словопроизводство «роксалане» — «россияне» и пр.) также не могут быть признаны научно убедительными.

Научная деятельность Ломоносова явилась важным этапом в развитии русской историографии XVIII в.

Из русских ученых в Академии наук работали, кроме Ломоносова, В. К. Тредьяковский (1703—1769) и С. П. Крашенинников (1711—1755). Тредьяковский, сын священника, впоследствии академик по кафедре красноречия, известен главным образом как поэт и переводчик. Занимался он вопросами русской грамматики и орфографии. Для распространения исторических знаний в России имели значение его переводы с французского языка «Римской истории» Роллена и «Истории о римских императорах» Кривье. Из собственных исторических работ Тредьяковского можно отметить сборник его статей: «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: 1) о первенстве словенского языка пред тевтоническим; 2) о первоначалии россос; 3) о варягах русских славенскаго звания, рода и языка». В этих статьях он доказывает славянское происхождение Руси, отождествляет варягов с поморскими славянами, а Рюрика выводит с острова Рюгена. Значение Тредьяковского в развитии исторической науки весьма незначительно. Совсем другое следует сказать о Крашенинникове.

С. П. Крашенинников, выходец из народа, сын солдата,

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, стр. 170, 193, 199—201, 204.

² Вопросы истории, № 2, 1948, стр. 95.

³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 55.

¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 57, 41, 67.

окончил Славяно-греко-латинскую академию и в 1732 г. был взят для обучения в Петербургскую академию наук. В 1733 г., будучи студентом, он отправился в Камчатскую экспедицию вместе с профессорами Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным. Во время экспедиции Крашенинников много и упорно работал, производя естественно-исторические наблюдения, собирая материалы по географии, этнографии и истории. В 1742 г. Крашенинников вернулся в Петербург. В 1745 г. он был произведен в адъюнкты, а с 1750 г. утвержден профессором натуральной истории и ботаники. В это время Крашенинников уже сформировался как выдающийся передовой русский ученый. Его ценил Ломоносов, вместе с которым Крашенинников выступал во время разбора диссертации Миллера и других работ. Крашенинников разделял взгляды Ломоносова на задачи развития русской науки и создание национальных кадров ученых. В своей «Речи о пользе наук и художеств в государстве» (1750 г.) Крашенинников проводит идею о непрерывном движении вперед науки, о передаче знаний и опыта из поколения в поколение. «Не всякое же дело от того приводится к окончанию, от которого начинается, но один, следуя стопам другого, всегда в нем поступает дале. И ежели бы никто не предпринимал таких дел, которых совершить не надеялся, то б род человеческой лишен был большей части всего своего нынешнего удовольствия». Идеолог просвещенного абсолютизма Крашенинников, подобно Ломоносову, считает образом мудрого монарха Петра I. Заслугу его он видит в заботе о распространении просвещения, в котором нуждается народ: «...и простой народ за недостаток почитает не иметь в науках участия»¹.

Наиболее крупным научным трудом Крашенинникова является «Описание земли Камчатки». Эту работу он закончил в 1753 г. Она была положительно оценена Ломоносовым и в 1755 г. напечатана после изменений, внесенных автором в рукопись в соответствии с требованиями, диктуемыми политикой царизма (смягчено описание восстания ительменов, изменены тексты, касающиеся эксплуатации нерусского населения Камчатки местными властями, и т. д.).

В предисловии к «Описанию земли Камчатки» автор говорит о том, как важно изучать свою страну («знать свое отечество во всех его пределах»). Выступая с позиций просвещенного абсолютизма, он подчеркивает особенно, что знание природных богатств страны, занятий и образа жизни населения и т. д. необходимо «великим людям, которые по высочайшей

власти имеют попечение о благополучном правлении государства и о приращении государственной пользы...»¹.

Таким образом, как и Ломоносов, Крашенинников подчинял задачи науки делу развития производительных сил, преодоления экономической отсталости.

Том первый (части 1 и 2) труда Крашенинникова посвящен географическому описанию Камчатки, исследованию животного и растительного мира, природных богатств, полезных ископаемых. В томе втором (части 3—4) рассматриваются вопросы, связанные с населением Камчатки, причем часть третья посвящена этнографии, а часть четвертая — истории («О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии Российских острогов»)².

Крашенинников описывает русское освоение Камчатки, проникновение туда служилых и торговых людей. Автор выступает сторонником укрепления на Камчатке власти Русского государства и отрицательно расценивает восстания местного населения. Однако он не скрывает отдельных темных сторон колониальной политики царизма (тяжелое обложение налогами, притеснения администрации и т. д.). Говоря о наказаниях, которым подверглись восставшие (многие из них были казнены), Крашенинников «удивляется «бесстрашию, с каким тамошней народ к смерти ходит»³.

Ценны данные Крашенинникова об образе жизни, занятиях, культуре, быте местного населения Камчатки. Говорит Крашенинников и о взаимоотношениях ительменов (камчадалов) и русских казаков, об их взаимном влиянии. «Казачье житье на Камчатке,— пишет он,— не разнится почти от камчадалского, ибо как те, так и другие, питаются кореньем и рыбою, и в тех же трудах упражняются: летом промышляют рыбу и запасают в зиму, осенью копают коренья, дерут кропиву, а зимою вяжут из оной сети»⁴.

Исторические разделы труда Крашенинникова основаны как на документальном материале, так и на устных преданиях («словесных известиях», как он выражается), им собранных.

Труд Крашенинникова — большой вклад в развитие русской науки.

Из немецких историков, работавших в Петербурге в Академии наук во второй четверти и в середине XVIII в., наибольший след оставил своей деятельностью Миллер.

Г. Ф. Миллер (1705—1783) вестфальский уроженец, при-

¹ С. П. Крашенинников. Ук. соч., стр. 87.

² Там же, стр. 473.

³ Там же, стр. 498.

⁴ Там же, стр. 505.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 47.

ехал в Россию в 1725 г. из Лейпцига, где он недолгое время учился. Его научная работа в России началась с редактирования «Санктпетербургских ведомостей» и «Примечаний» к ним, а затем журнала «Sammlung Russischer Geschichte». В последнем издании печаталась «Повесть временных лет», неправильно приписанная Миллером авторству Феодосия Печерского, описание Сибири голландского географа Витзена (XVII в.) и т. д. В 1733 г. Миллер принял участие в экспедиции, ставившей своей задачей обследование Сибири и продолжавшейся десять лет. В Сибири Миллер вел систематическую упорную работу в архивах и собрал большую коллекцию копий архивных документов, составивших до 35 книг большого формата. Эти так называемые «портфели» Миллера представляют большую научную ценность и интересны не только для изучения местной сибирской истории, но и для исследования более общих вопросов истории России. В них имеется, например, обширный материал, освещающий период крестьянской войны и польско-шведской интервенции в России в начале XVII в. Занимался Миллер в Сибири и изучением этнографии.

Вернувшись в Петербург, Миллер вел большую научную и организационную работу. Он редактировал «Sammlung Russischer Geschichte» (издание, возобновившееся с 1758 г.), первый журнал на русском языке — «Ежемесячные сочинения» (с 1755 г.) и другие издания.

Полезным делом была публикация Миллером ряда исторических памятников («Степенной книги», «Судебника» 1550 г. с комментариями Татищева, Писем Петра I к Шереметеву), а также историографических работ («Ядра российской истории» Манкиева, «Истории Российской» В. Н. Татищева и др.). При этом надо отметить, что печатались эти издания в Московском университете.

Наиболее крупным научным трудом Миллера является «История Сибири», которую он довел до 60-х гг. XVII в. Рассматривая этот труд, мне кажется, можно вполне согласиться с С. В. Бахрушиным, который говорит, что «в лице Миллера в русской историографии выступал серьезный ученый типа исследователя-монографиста, необыкновенно четко ограничивавший свои задачи точным восстановлением фактов»¹. Сила Миллера как исследователя заключается прежде всего в источниковедческой стороне его работы: в привлечении большого круга разнообразных памятников, разносторонне освещающих исторические события, в применении к ним приемов внутренней и внешней критики, в стремлении установить достоверность исторических фактов.

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, стр. 20.

В объяснении исторического процесса Миллер еще в значительной мере прибегает к идее божьего возмездия или божьей помощи людям. Так, говоря о восстаниях в Сибири во второй четверти XVII в., автор указывает: «...некоторым сибирским городам угрожала опасность полного разорения или перехода в руки врагов России. Эта опасность была предотвращена только благодаря провидению: русские не могли бы справиться с таким большим числом врагов»¹. Большое значение в качестве фактора исторического процесса Миллер придает личным качествам людей, а также помогающему им в их действиях счастью или удаче. Так, подводя итоги деятельности Ермака Тимофеевича в Сибири и объясняя эту деятельность, Миллер обращает внимание на следующие моменты: природные свойства Ермака, его поступки (в направлении добра или зла), определяемые этими свойствами, вмешательство в его жизнь судьбы (в соответствии с характером и качеством этих поступков), посылающей ему удачи или препятствия на его жизненном пути. Отметив достоинства Ермака, Миллер пишет: «К этому можно еще прибавить, что во всех предприятиях ему постоянно сопутствовало счастье, которое покинуло его только в минуту смерти. Относительно же того, что он использовал в прежнее время дарованные ему природою душевные и телесные свойства для злых дел, нет надобности вновь говорить, так как он искупил свои вины последующими добрыми делами и получил за все от царя величайшие милости и полное прощение. Но все же неизбежное возмездие на все дурное проявилось и здесь, так как... поплатились жизнью вместе со своим предводителем большинство остававшихся еще в живых казаков, которые вместе с Ермаком занимались на Волге разбоями и пролили столько неповиной крови»².

Политическая тенденция труда Миллера заключается в обосновании освоения Сибири методами как завоевания, так и колонизации. Он сам видит задачи своего труда в том, чтобы дать «историю завоевания Сибири и приобретения новых земель» и показать политику правительства в отношении населения этих земель (надо было «украсить и укрепить» вновь основанные города, «заселять завоеванные области», «удерживать в повиновении покоренные народы, неоднократно пытавшиеся снова освободиться», «защищать от нападения врагов то, что уже было приобретено»)³.

Автор проводит идею добровольности присоединения Си-

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 97.

² Г. Ф. Миллер. Ук. соч., т. 1, стр. 263.

³ Г. Ф. Миллер. Ук. соч., т. 2, стр. 11.

бири, отмечая же восстания местных народов, осуждает их и оправдывает применение силы со стороны русских властей.

Оправдывает Миллер и методы эксплуатации местного населения русским правительством, хотя и отмечает случаи излишних, с его точки зрения, жестокостей.

Труд Миллера построен на солидном фундаменте первоисточников: актов, летописей (русских и сибирских), памятников восточной письменности, этнографических данных, археологических материалов и т. д.

Интересны тонкие для того времени приемы внешней и внутренней критики источников. Так, Миллер подробно описывает использованные им грамоты, отличая списки от подлинников, пытаясь по почерку установить древность списка¹. Он отмечает вклеенные листы в летописных сводах и сличает почерк на этих вклейках с графикой основного текста². Большое значение Миллер придает языку документов.

Много внимания уделяет автор установлению достоверности тех фактов, о которых говорят источники. С этой целью он сопоставляет версии отдельных летописных памятников³, сличает летописные записи с устными преданиями, о которых он мог узнать у современных ему народов и т. д. Кропотливую работу проводит Миллер в целях проверки хронологических данных (путем сличения разных источников) и датировки событий⁴.

Миллер сопоставляет данные письменных источников о городах с развалинами этих городов, сохранившимися в его время⁵.

Миллер очень настороженно относится к весьма популярному в его время методу отнесения сведений древних и средневековых авторов к позднейшим народам. «Собрать из древних историков и географов имена народов, рек и стран и сравнивать их с именами вновь открытых народов, рек и стран, о которых у древних не могло быть каких-либо сведений, в мелочах и несущественных обстоятельствах находить сходство между теми и другими, а где совсем нет сходства, то толковать обстоятельства определенно в свою пользу и на основании этого делать сравнения, предположения, заключения и приводить доказательства, которые должны служить основой для истории,— все это, по-моему, не способствует

тому, чтобы получить название осторожного и беспристрастного историка»¹.

В области техники и методики источниковедения работы Миллера — значительный этап в русской историографии.

Ломоносов относился отрицательно к «Сибирской истории» Миллера. Но, мне думается, надо прямо сказать, что если в полемике с Миллером по вопросу о его диссертации столкнулись две научные концепции и эта полемика (в которой правда была на стороне Ломоносова) представляет большой познавательный интерес, то по вопросу о «Сибирской истории» Ломоносов в отдельных случаях стоял на охранительной позиции, отвечавшей политике царизма. И его замечания в этих случаях лишены научной ценности. Он указывает, например, что, говоря о строительстве церквей, Миллер должен употреблять «пристойные термины», «ибо церкви строятся для приношения словословия божия и молитвы», что надо избегать таких выражений, как «*праздность всероссийского престола*», в то время как правильнее сказать «*междоцарствование*»².

Научная добросовестность требует сказать, что крепостническая русская действительность, гнет царизма сковывали гений Ломоносова, мешали проявиться лучшим чертам его национального характера и иногда накладывали казенный отпечаток на его большой, органически им воспринятый из глубин русского народа патриотизм. И в данном случае было бы неверно оправдывать те его возражения и упреки Миллеру, которые, строго говоря, являются показателями слабости Ломоносова, обусловленной всей обстановкой, в которой он действовал. А если Миллер стоял на ложном пути, защищая в своей диссертации норманистские позиции, то в его «Истории Сибири» было много такого (особенно в области источниковедения), что оставило положительный след в русской историографии³. Наибольшие достижения русской исторической науки середины XVIII в. связаны с именем М. В. Ломоносова.

¹ Г. Ф. Миллер. Ук. соч., т. 1, стр. 187.

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83—84.

³ О работах Шхецера, которые частично появились в XIX в., речь пойдет в лекциях по историографии XIX в.

¹ См. Г. Ф. Миллер. Ук. соч., т. 1, стр. 208.

² См. там же, стр. 240.

³ См. там же, стр. 189.

⁴ См. там же, стр. 205.

⁵ См. там же, стр. 170.

Лекция девятая

ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в крепостной России уже наблюдалось несоответствие феодальных производственных отношений развивающимся производительным силам. Вполне отчетливо это несоответствие обнаружилось к концу XVIII в. Шел процесс разложения феодально-крепостнической системы. Применение крепостного труда уже не могло обеспечить прогресса в производстве. Феодально-крепостной строй мешал дальнейшему росту промышленности и городов.

В то же время государственная власть стремилась укрепить крепостнические отношения. Во второй половине XVIII в. власть помещиков над крестьянами приобрела неограниченный характер. Дворяне покупали, продавали, дарили крестьян, переселяли их в другие имения. Помещики получали право ссылать крестьян на каторгу. Крестьянам же под угрозой каторжных работ было запрещено жаловаться на своих владельцев.

Важнейшим явлением рассматриваемого периода, особенно выявившимся с конца XVIII в., было формирование новых общественных классов — капиталистов и наемных рабочих. Наиболее ярко этот процесс проявился в промышленности. С развитием крестьянских промыслов росло расслоение занятых в них крестьян. Большинство мелких товаропроизводителей попадало в зависимость от богатых крестьян-скупщиков, а в ряде случаев становилось рабочими капиталистической мануфактуры на дому. Из среды разбогатевших крестьян выходили крупные представители промышленной буржуазии, владельцы предприятий и больших капиталов, иногда выкупавшиеся из крепостной зависимости.

В деревне также все более нарастали условия для форми-

рования новых классов: сельскохозяйственного пролетариата, лишенного земли и вынужденного продавать свою рабочую силу, и сельской буржуазии, сосредоточившей средства производства в своих руках и жившей эксплуатацией труда обезземеленных крестьян. Разбогатевшие крестьяне покупали и арендовали землю у казны и помещиков, скупали сельскохозяйственные продукты и изделия домашней промышленности у бедняков. Формировался рынок наемной рабочей силы.

Во второй половине XVIII в. нарастали противоречия между дворянством и развивающейся буржуазией. Эти противоречия нашли отражение в выступлениях депутатов в Комиссии, созданной в 1767 г. Екатериной II для составления проекта нового Уложения.

В период разложения феодализма приобрела новые формы и классовая борьба. Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, для которой, так же как и для других крестьянских движений феодального периода, характерны стихийность, разрозненность действий повстанцев, слабость политического сознания и царистские иллюзии, выявила и ряд новых черт. В движении Пугачева в большей мере наблюдались начала военной организации, дисциплины, более четко выступали программные требования ликвидации крепостнической системы. Значительную роль в крестьянской войне играли горнозаводские рабочие, рабочие, занятые на транспорте и т. д.

Со второй половины XVIII в. в центре общественной мысли становится крестьянский вопрос. Формировалась антикрепостническая идеология. Дворянский революционер А. Н. Радищев выступил с призывом к борьбе за уничтожение самодержавно-крепостнического строя. Этот призыв был объективно направлен к разрушению феодализма и победе буржуазного строя. Формировалось материалистическое мировоззрение. Лучшие представители русского дворянства и демократической интеллигенции знакомились с передовой общественной мыслью Запада, с идеями Великой Французской революции.

В русской историографии второй половины XVIII в. нашла отражение борьба в области идеологии. В это время столкнулись исторические концепции, выражавшие взгляды различных групп дворянства, зарождалась буржуазная историография, в некоторых исторических трудах появилась критика крепостного строя.

Носителем идей аристократической части дворянства в области исторической мысли был князь М. М. Щербатов, видный публицист и историк (1733—1790).

Его сочинения, написанные с крепостнически-охранительных позиций, объективно представляли собой реакцию консервативно настроенного дворянства на процесс разложения

феодализма, являлись идейным откликом на обострение классовой борьбы.

Представитель богатой аристократической фамилии Щербатов был широко образованным человеком своего времени. Он знал несколько языков (французский, немецкий, итальянский), собрал большую библиотеку, в которой к концу его жизни насчитывалось до 15 тысяч книг, сам много писал на разнообразнейшие темы. Ему принадлежит ряд трактатов по социально-политическим вопросам, он выступал с литературными произведениями (одами, баснями и т. д.). Наконец, Щербатов известен как издатель исторических памятников и автор трудов по русской истории.

Щербатов являлся защитником крепостного права и дворянских привилегий. В то же время он выступал со своеобразной оппозицией правительству Екатерины II, критикуя нравы и порядки, господствовавшие при ее дворе. Практик, живо интересовавшийся вопросами организации помещичьего хозяйства, публицист, активно откликавшийся на важнейшие события политической жизни и на очередные правительственные мероприятия, Щербатов был начитан в современной ему западноевропейской литературе. Он знал сочинения выдающихся представителей французской просветительской литературы Жан-Жака Руссо и Вольтера, французского философа-материалиста Поля Анри Гольбаха, знаменитых буржуазных теоретиков в области государства и права Шарля Луи Монтескье и Чезаре Беккариа, английского философа и экономиста Юма. Мысли этих писателей Щербатов использует, приспособляя к задачам своей консервативно-охранительной программы, а иногда подвергает их критике.

Уже в ранней своей статье «Записка по крестьянскому вопросу», написанной около 1768 г. в связи с вопросом, поставленным Вольным Экономическим обществом о крестьянской собственности, Щербатов историческими ссылками и другими соображениями обосновывает необходимость сохранения в России крепостного права. Земли, на которых живут крестьяне, принадлежат «дворянам, с основания родов их, дарованием от государей, которые этим вознаградили пролитую на службе их кровь, и было бы несправедливостью лишить дворянство имений, которые предки их приобрели, жертвуя своею жизнью и здоровьем»¹.

В более поздней работе «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или зделать собственность имений» (1785) Щербатов с большим озлобле-

нием указывает на то, что некоторые мнения о крепостном праве, высказывавшиеся депутатами в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, посеяли «заразу в сердца низких людей», отчего «в грубые и неосмысленные души вкоренился» «дух неподданства и разврата». Затем, продолжает Щербатов, произошло «и вящее зло», началась крестьянская война 1773—1775 гг., многие крестьяне присоединились «ко врагу Отечества» (Пугачеву). «Дух бунту» охватил и «всех других крестьян, которые токмо ожидали случая подобныя ж преступления чинить»¹. Напуганный крестьянским восстанием, Щербатов отстаивает крепостнический режим.

Свои взгляды на социальные отношения и политическое устройство России, заключавшиеся в требовании широкого участия крупного дворянства в государственной жизни страны, Щербатов развернул во время работы Комиссии по созданию проекта нового Уложения, созванной Екатериной II. Щербатов подверг резкой критике екатерининский «Большой Наказ». Разбирая положение Екатерины II, взятое у Монтескье, о том, что великие государства требуют самодержавной формы правления, Щербатов указывает, что это еще «есть проблема... принадлежащая решению». Имея в виду екатерининское правительство, Щербатов замечает, что государей, которых «не достоинство, но единое право рождения» возводит на престол, часто управляют «не по установленным законам, но по своим своенравиям», а это приводит к «деспотичеству, что малое разделение с гнусным тиранством имеет». Бросая упрек Екатерине, он пишет: «...человек, не дающий никому отчету в своих делах, легко ввергается в страсти и слушает не тех, кто его противоречым на истинной путь наставляет, но тех, кто безчестной лестью вкрался к нему в любовь»².

Ссылками на историю Щербатов старается обосновать свой тезис о том, что самодержавие нуждается в содействии со стороны дворянства. Он осуждает Ивана Грозного за учреждение опричнины, которую неправильно отождествляет со стрельцким войском. Это войско Иван Грозный «употреблял ко исполнению всех своих суровостей», и поэтому «никто из благородных в оном служить не хотел». В результате, в обществе, по мнению Щербатова, произошел раскол. Образовались «две стороны: сторона благородных, служащих с своих поместей и презирающих стрельцов, и сторона стрельцкая, ненавидящая за сие дворян»³.

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3, отд. V, М., 1861, стр. 98—99.

² М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 21—22.

³ Там же, стр. 20.

¹ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. Соцэкгиз, 1935, стр. 10. См. также вступительную статью П. Г. Любомирова.

Примером государя, уважающего привилегии дворянства и охраняющего его право на участие в государственной жизни, Щербатов считает Петра I. Голос дворянства проявляется через Сенат, который служит хранилищем законов. «Премудрость и великодушие Петра Великого ни в чем столько не видны, как в том, что генеральным своим регламентом позволил Сенату противу его указов предложений делать»¹. Итак монархия, опирающаяся на старинное родовитое дворянство,— вот политический идеал Щербатова.

Депутат от дворянства Ярославского уезда в Комиссии о сочинениях проекта нового Уложения, М. М. Щербатов выступал в этой Комиссии защитником дворянской аристократии. В ответ на «мнение» депутата Я. Козельского, отмечавшего необоснованность кастовой ограниченности дворянства, так как «предки российских дворян» получили достоинство «по своим заслугам, за верность и добродетель, а не чрез знатность рода», Щербатов выдвинул собственные возражения. «Я весьма удивляюсь,— заявил он,— что оной господин депутат подлым началом древния российския фамилии порицает, тогда, когда не токмо одна Россия, но вся вселенная свидетелем противному может быть...». И далее Щербатов сослался на исторические данные о том, что одни дворянские фамилии ведут свое происхождение от Рюрика, другие принадлежат к знатым иностранным родам, выехавшим в Россию из-за границы².

Ряд трактатов Щербатова (написанных в разное время) посвящен специально вопросам теории государства («Разные рассуждения о правлении», «Размышления о законодательстве вообще» и пр.) и правам господствующего сословия дворянства («Размышление о дворянстве», «Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест», т. е. на жалованную грамоту Екатерины II дворянству 1785 г. и пр.).

Вопрос о происхождении государства Щербатов решает, исходя из рационалистических предпосылок. Человеку присущ «дар разума», который должен вести его по «прямому пути», по стезе добродетели. Однако от воспитания и других факторов происходит «повреждение разума человеческого». Это и является, по Щербатову, причиной, почему никакое общество, даже самое малочисленное, не может существовать без правил и законов, которые определяют поведение людей («которые каждого поступок устанавливают»). А для того, чтобы следить за исполнением законов и принуждать к этому членов общества, требуется правительство. Следовательно, необходи-

мость государства объясняется потребностями человеческой природы и велениями разума. Рационалистическая теория используется дворянским историком в интересах своего класса.

Существуют четыре формы правления: деспотическое или самовластное («введенное мучителями»), монархическое (ведущее свое начало от «патриаршего правления», т. е. от власти главы семьи над домочадцами), аристократическое и демократическое (которые возникают в результате недовольства вельмож или всего народа действиями деспотов).

Монархическое правление Щербатов представляет себе по образцу взаимоотношений отца с детьми. Монарх должен править вместе с советниками из людей «мудрейших и более знания имеющих в делах».

Формы государственного устройства отвечают нравам людей и в свою очередь оказывают на них влияние. В монархических государствах люди честолюбивы, в аристократических — горды и тверды, в демократических — «смутнолюбивы и увертливы», в деспотических — подлы и низки¹. Попытка установить соответствие между человеческими нравами и характером государственного строя типична для идеалистической концепции дворянской историографии.

Свою мысль о том, что в каждой форме правления выражается определенная черта человеческого характера, Щербатов иллюстрирует историческими примерами. Так, «пронырства», свойственные, по Щербатову, деятелям «народного правления», воплощены в таких исторических фигурах, как Перикл, Цезарь, Кромвель. Примером слабости духа и низости, свойственных деспотизму, служит деятельность Калигулы или Нерона. Брут, Цинцинат и другие герои античности воплощают в себе черты, присущие «вельможному» (аристократическому) правлению².

Политическим идеалом Щербатова является активное участие в управлении аристократии. Оно проявляется, прежде всего, в сфере законодательной. Щербатов считает, что законодательная деятельность не может быть поручена одному монарху, ибо он всегда будет действовать под влиянием своих чувств («...ни государь один, ни вельможа один, ни приватный человек, пышностию, честолюбием и сладострастием увлекаемый, не затушивши чувства свои, коликими бы просвещениями одарены ни были, не удобны суть к сочинению всенародного законодательства...»)³. В то же время Щербатов резко выступает против широкого привлечения к законодательной

¹ М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 26.

² М. М. Щербатов. Соч., т. 1. СПб., 1896, стр. 87.

¹ См. М. М. Щербатов. Соч., т. 1, стр. 337—346.

² См. там же, стр. 386—387.

³ Там же, стр. 366.

деятельности различных сословий. Он с позиций реакционной части дворянства критикует опыт Комиссии 1767 г., считая, что ее созовы поставил под угрозу права дворянства, которые хотели нарушить представители купечества и защитники интересов крестьянства. «...там некоторые казаки и крестьяне предложениями своими почти и воздух дышущий у дворян и купцов хотели отнять...»¹. Законы, по Щербатову, должны быть сочиняемы «не многими честными (людьми), разумными, исполненными сведения, трудолюбивыми и искусившимися в делах, и, наконец, равными силою и кредитом при дворе людьми...»², т. е. представителями аристократии.

В истории Щербатов ищет примеров такого государственного устройства, при котором бы «вельможи» обладали властью. Подчеркивая, что трудно встретить образец «чистого» правления (т. е. чисто монархического или аристократического и т. д.), Щербатов главной положительной чертой государственного строя считает обеспечение возможности «вельможам» сдерживать «власть царскую и дерзость народа, имеющего участие в правлении». Так было в Афинах, где наряду с «народным правлением» существовали архонты и сенат — ареопаг. Так было в Спарте, где царскую власть ограничивали эфоры. В Персии «хотя власть царская не ограничена была, но сатрапы могуществом и силою своею удерживали его самозвольные поступки»³.

Так теоретические рассуждения Щербатова, идеолога крупного родовитого дворянства, и его практические предложения, касающиеся форм государственного устройства России его времени, подкрепляются историческими экскурсами.

Свой идеал политического устройства Щербатов изобразил в произведении «Путешествие в землю Офирскую г-на С.... шведского дворянина» (1783—1784). В этом произведении, являющемся примером социальной и политической утопии, рисуется страна, примечательная «мудрым учрежденным правлением». Здесь «власть государственная соображается с пользою народною», «ласкательство прогнано от царского двора», «вельможи имеют право со всею приличною смелостию мысли свои монарху представлять...»⁴. Это — тип такого дворянского государства, о котором мечтал Щербатов.

Кроме политических трактатов и утопий и откликов на отдельные реформы, проводимые царизмом, Щербатову принадлежит интересный опыт изучения современной ему России (ее географического положения, экономики, административ-

ного устройства, состава населения и т. д.). Я имею в виду труд Щербатова «Статистика в рассуждении России» (1775—1777). Автор описывает границы Российской империи; дает характеристику отдельных населенных пунктов, городов, крепостей; останавливается на особенностях природных условий, хозяйства, быта ряда губерний, характеризует вероисповедания, которых придерживаются разные народы, наконец, касается государственного строя и административной системы. Работа эта содержит целый ряд исторических сведений относительно прошлого отдельных городов и губерний, происхождения тех или иных учреждений и т. д.

Но Щербатов выступает в своей «Статистике в рассуждении России», как и в других трудах, не просто как государствовед или историк. И в данном случае автор не утрачивает своего качества публициста, остро ставящего злободневные общественно-политические вопросы. Рационалист XVIII в., воспитанный на французской просветительной философии, усматривающий в историческом процессе показатель успехов человеческого разума и развития просвещения, Щербатов все время видит перед своими глазами призрак крестьянского «бунта». Испуганный этим призраком, он, забывая о своей рационалистической философии, восклицает: «Не так легко и не так полезно просветиться народу, как думают; ибо малое просвещение введет токмо в вящшия заблуждения и к духу неподданства...». «Подлый» народ не должен рассуждать, ибо это опасно для дворянского государства. «И ежели народ подлой просветится и будет сравнивать тягости своих налогов с пышностью государя и вельмож, не зная, впрочем, ни нужды государства, ни пользы самой пышности, тогда не будет ли он роптать на налоги, а наконец не произведет ли сие и бунта?»¹.

Осмысливание русского исторического процесса с политических позиций дворянского публициста, защищавшего интересы его аристократического консервативного крыла, представлявшего своеобразную фронду правительству Екатерины II, находим в труде Щербатова «О повреждении нравов в России» (1786—1789).

Автор исходит из мысли о падении в его время моральных устоев и принципов (чувства почтения к родителям, любви между супругами, любви к отечеству, наконец, твердости духа, дающей возможность говорить правду монарху). Такое «истребление всех благих нравов» грозит падением государству. Причиной же указанных явлений Щербатов считает раз-

¹ М. М. Щербатов. Соч., т. 1, стр. 361.

² Там же, стр. 367.

³ Там же, стр. 384.

⁴ Там же, стр. 751.

¹ М. М. Щербатов. Соч., т. 1, стр. 617—618.

витие «сластолюбия»¹. Так, в условиях разложения крепостничества и подъема антифеодалного движения, накануне Великой Французской буржуазной революции, незадолго до появления в России знаменитой книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» с ее критикой самодержавия, русский аристократ, помещик-крепостник Щербатов сокрушается о падении моральных устоев феодального общества.

За объяснением современных явлений он, как всегда, обращается к истории, периоду, предшествующему преобразованиям Петра I. Характеризуя нравы этого времени, он рисует идиллическую картину, напоминающую порядки в утопической Офирской земле. Как государи, так и подданные вели жизнь «весьма простую». Каждый человек жил, не зная нужды, проживая свои доходы и имея все необходимое, «не простирая к лучшему своего желая, ибо лучшего никто и не знал». Воспитание утверждало в людских сердцах «страх закона божия». Большую часть времени у дворян занимало управление своими имениями («правление деревень»). «Твердость в сердцах наших предков» укрепляло «почтение к родам» (т. е. уважение к знатности фамилии). «суды местничества» (местнические счета) «питали их (дворян) гордость». «Самые самовластные государи» следовали «умоначертанию своего народа», считаясь с обычаями, установившимися в аристократической среде. Зато в лице дворян «благородных» цари имели «верных, усердных и твердых слуг»². Такова проекция в прошлое тех общественно-политических порядков, которые хотелось бы видеть Щербатову в настоящем. Крепостническая система рисуется как социальная идиллия, самодержавие как строй, основанный на началах нравственного союза царя, «благородных» дворян и народа.

Положение изменилось после царствования Петра. Дальнейшая история России, по Щербатову, это история «правлений и пороков» одновременно. Оценивая ряд мероприятий Петра I весьма положительно, Щербатов в то же время отмечает появление в русском обществе первой четверти XVIII в. склонности к излишествам в пище, одежде и т. д. Все это воспитывало сластолюбие, стремление к роскоши, корыстолюбие, поощряло лесть и т. д.

Давая общую оценку времени Петра I, Щербатов пишет, что, с одной стороны, «Россия чрез труды и попечения сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах», что в это время была создана регулярная армия, русские «флоты Белое и Балтийское море покрыли», были одержаны победы

в войнах, процветали ремесла, науки и искусства, развивалась торговля, «преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые». С другой стороны, «истинная привязанность к вере стала исчезать», «твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти», корыстолюбие «к разрушению законов и ко вреду граждан» стало проникать в судебные места¹.

В исторических воззрениях Щербатова, в его идеалистической концепции, усматривающей воздействие на общественное развитие человеческих свойств (добродетелей и пороков), своеобразно сочетается старое представление (восходящее еще к дворянской историографии XVII в.) о добре и зле как мотивах поступков людей, с мыслью о роли в истории политического «интриганства», «фавора» и случая, оформившейся в условиях дворцовой борьбы XVIII в., и с идеями рационалистической философии.

Общественные пороки, по мысли Щербатова, еще более укоренились в России при преемниках Петра I.

Щербатов дает острые характеристики правителей того времени. Анна Иоанновна была от «природы нраву грубаго» и этот нрав не был смягчен «ни воспитанием, ни обычаями века». Бирон, по мнению Щербатова, — это «человек, одаренной здравым разумом, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожадущ и непримирительной злодей своим неприятелям»². Довольно живо написан Щербатовым портрет Елизаветы. Женщина «отменной красоты», набожная, добрая, одаренная от природы «довольным разумом», она не получила никакого образования. Будучи «веселого нрава» и «жадно ищущая веселий», она «чувствовала свою красоту» и старалась ее «умножать разными украшениями». Елизавета была настолько ленива, что не подписывала подолгу государственных бумаг. «Роскошна и любострастна», она давала «многую уверенность своим любимцам», однако «всегда над ними власть монаршу сохраняла»³. Петр III рисуется человеком с «добрым сердцем», «если может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов»⁴. Зло и в то же время ярко дан портрет Екатерины II. Свергнувшая своего мужа (Петра III) с престола, она «в награду за столь добродетельное дело корону и скиптр российский получила» вместе с «именованием благочестивых государыни». Екатерина, в оценке

¹ М. М. Щербатов. Соч., т. 2, стр. 150—168.

² Там же, стр. 188—189.

³ Там же, стр. 197.

⁴ Там же, стр. 222.

¹ М. М. Щербатов. Соч., т. 2, СПб., 1898, стр. 134—138.

² Там же, стр. 138—150.

Щербатова, была «великодушна и сострадательна по системе», «трудолюбива ко славолюбию». Мораль ее зиждилась «на основании новых философов», а не «на твердом камени закона божия». Уже в том возрасте, когда «седина» покрывали голову императрицы и «время нерушимыми чертами означило старость на челе ее», еще не уменьшилось ее «любоострастие»¹.

Этими характеристиками-памфлетами Щербатов заслужил славу критика правительства. Но это была критика лиц, режима, но не общественного строя и классовых основ государственной системы. Согласно своему общему представлению о том, что имеется взаимосвязь между общественными нравами и формой государственного устройства, Щербатов высказывает надежду, что «изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престолой свой»² тогда, когда появится монарх, не склонный к деспотизму (в понимании Щербатова). Он сумеет поднять значение феодальной аристократии, надеется Щербатов.

До сих пор мы рассматривали исторические взгляды Щербатова, изложенные в его публицистических и других произведениях. Из чисто исторических работ Щербатова наибольшее значение имеет «История-Российская от древнейших времен». Это обобщающий труд (в 7 томах и 15 частях), доведенный до 1610 г.

В обращении к Екатерине II, предшествующем его труду, и в предисловии к первому тому, Щербатов излагает свои общие исторические взгляды. Он исходит из характерной для дворянской историографии XVIII в. предпосылки о том, что исторический прогресс определяется успехами человеческого разума, развитием просвещения. От этого зависят благополучие и сила государств. Эту мысль автор подтверждает примерами из области античности. Так, «когда греческое оружие устрашало сильнейшую... монархию в свете», в Греции процветали Сократы и Платоны. Когда римский император Август покорил «вселенну», тогда Тит Ливий, Саллюстий, Вергилий и Гораций «славу владычества его умножали». Далее, обращаясь к Екатерине II, Щербатов говорит, что развитие просвещения является условием дальнейшего движения вперед России, которая уже «сравнялася с Римом славою своих военных дел», а «вскоре в науках и в художествах самой Греции не уступит»³. Заботой о распространении «познаний истори-

ческих» в России Щербатов объясняет и написание своей «Истории»¹.

В предисловии к своему труду Щербатов поднимает вопрос о методе исторического исследования, в обосновании его идя за Юмом и цитируя высказывания последнего. Щербатов выдвигает два понятия: «приключение» (т. е. событие) и «причина». Историк должен изложить все события, имевшие место на определенной территории в определенное время, ибо между ними имеется взаимосвязь («коль бы разны и коль различны в прочем сии приключения не были между собою», «не взирая на всю их разность, останется еще некоторой союз»). Но простым описанием события не может ограничиться задача историка. Историк обязан уловить ту связь, которая между ними существует и для этого поставить вопрос о их причинах. «Но обыкновеннейшая связь в повествованиях есть та, которая происходит от *причин и действий*»².

Из всего контекста ясно, что Щербатов понимает выяснение причин событий как установление между ними чисто прагматической связи в виде внешнего воздействия одного на другое. Конкретные вопросы истории он обычно решает путем ссылок на мотивы человеческих поступков, путем указаний на психологические двигатели действиями людей. Но в его теоретических рассуждениях интересны два момента. Это, во-первых, попытка в длинной цепи изучаемых событий рассмотреть каждое звено: «взяв себе в притчину часть сей великой цели, которая сочиняет историю рода человеческого... коснуться до каждого звена оных». И второе, к чему стремится Щербатов, вслед за Юмом,— это указать на исходный пункт и на конечный результат комплекса событий, расположенных во временной последовательности, как на первопричину и отдаленное следствие. «Историк изображает последствие деяний в их естественном порядке, восходит до тайных пружин и до притчин сокровенных и выводит наиотдаленнейшия следствия»³.

Итак, в идеалистической трактовке Щербатовым исторического процесса как последовательно сменяющихся друг друга событий, совершающихся под воздействием людей (тайные пружины поступков которых историк должен выяснить), важна мысль о связанности этих событий в виде «великой цепи» истории человечества⁴.

¹ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I, стр. 3.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ М. М. Щербатов. Соч., т. 2, стр. 225—226, 233.

² Там же, стр. 244.

³ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1901, стр. 2—3.

Последнее, что бросается в глаза в рассуждениях Щербатова, — это то, что он наибольшее внимание историка обращает не на описание событий, а на выяснение их причин (в его изложенном выше понимании причинности), ибо таким путем историк начинает разбираться и в современной действительности и делать выводы в отношении будущего. «Наука причин есть приключаящая наиболее удовольствия разуму: она основана на твердейших и на теснейших из всех сношений; ..она единая чинит нас властелинами приключений и дает нам некоторую власть над будущими временами»¹. Конечно, эта мысль еще далека от идеи научного предвидения. Но в высказывании Щербатова, как и ряда других дворянских историков, обнаруживается представление о связи истории с политикой, о том, что знание истории необходимо для государственного деятеля.

Во «Введении» к своей «Истории», следующем за «Предисловием», Щербатов поднимает вопросы источниковедения. Он говорит о трудностях изучения русской истории и указывает семь причин, вызывающих эти трудности: 1) позднее появление русской письменности; 2) нерадивое отношение наших предков к тому, чтобы оставить записи о своих делах и тем самым сохранить о них память; 3) недостаток летописцев и в ряде случаев их недостоверность; 4) противоречия в рассказах отдельных писателей и тенденциозность их известий («лесть оных»); 5) значительный удельный вес элементов чудесного в описании и объяснении событий древними писателями, что происходит от распространенности суеверий; 6) невежество писателей, делавших ошибки в написании имен собственных, в летоисчислении и т. д.; 7) недостаток архивных материалов, многие из которых погибли во время татаро-монгольского нашествия, польско-шведской интервенции, а также в результате пожаров и т. д.²

В этих рассуждениях Щербатова интересен прежде всего критический подход к источникам. Другое, что бросается в глаза, это рассмотрение их с позиций просвещенного дворянского историка XVIII в., для которого исторический процесс заключается в успехах человеческого разума, в распространении просвещения. Отсюда известный антиисторизм в оценке памятников прошлого, стремление объяснить их недостатки невежеством древних и средневековых писателей, их суевериями и т. д.

Щербатов указывает, что, производя выбор источников, он

¹ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I, стр. 27.

² Там же, стр. 29.

отдавал предпочтение русским летописцам перед иностранными. Мотивирует автор это тем, что русские в большинстве случаев писали как очевидцы и современники событий («...естественно есть, что сии яко пред очами их бывшая дела более могли знать, нежели чужестранные, и тем паче, что оные писатели были почти все современники ими описуемых дел...»¹).

В отношении русских летописей Щербатов также делает критические замечания, указывая, что при многократной переписке в них могли вкратиться ошибки. «Не сумнительно есть, — говорит он, — что таковые летописи, быв часто переписываемы, великой могли вред претерпеть от невежества писателей»². И в данном случае отчетливо проявляется подход к памятникам прошлого с позиций рационализма XVIII в. Щербатов оценивает их прежде всего с точки зрения их соответствия требованиям разума.

Щербатов выдвигает определенные критерии выбора из летописных списков наиболее достоверных. Одним из таких критериев является древность списка, указывающая на его близость к оригиналу. Несколько механически и формально Щербатов указывает на уставное письмо, как внешний признак, в известной мере служащий гарантией доброкачественности списка.

Щербатов использовал в своей «Истории» большое количество памятников летописания. Некоторые из них были им же опубликованы. Это — «Царственная книга», «Царственный летописец», «Летопись о многих мятежах». Но особенно ценно привлечение Щербатовым богатого актового материала, извлеченного из архива Иностранной Коллегии (духовных и договорных княжеских грамот, договоров князей с Великим Новгородом, ханских ярлыков, статейных списков и других источников). Некоторые документы в выдержках, а некоторые полностью напечатаны в виде приложения к соответствующим томам «Истории» Щербатова. Отдельные книги «Истории» целиком заполнены текстами документов.

Щербатов обосновал и некоторые приемы изучения актового материала. Так он пишет о необходимости датировки духовных и договорных княжеских грамот, так как даты во многих грамотах отсутствуют. Щербатов указывает на трудности, стоявшие перед ним при расшифровке дат, имевшихся в ханских ярлыках, ибо для этого требовалось знание восточной хронологии. Интересна также оценка Щербатовым содержания отдельных разновидностей актового материала в связи

¹ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I, стр. 12.

² Там же, стр. 18.

с теми вопросами, которые могут быть на их основе разрешены¹.

С точки зрения введения в научный оборот новых источников и совершенствования методики их обработки «История» Щербатова представляет шаг вперед в развитии исторической науки.

Распределение исторического материала по томам в труде Щербатова отражает ту периодизацию, которой придерживается автор, а в основе этой периодизации лежит развитие самодержавия и изменение его взаимоотношений с аристократией. Том первый доведен до смерти Ярослава Мудрого (XI в.), том второй — до татаро-монгольского завоевания. Третий том охватывает период от установления татаро-монгольского ига на Руси до вокняжения Дмитрия Донского. В четвертом томе рассматривается время с княжения Дмитрия Донского до воцарения Ивана Грозного. Пятый том посвящен царствованию Грозного, шестой и седьмой — событиям «Смутного времени».

Тома делятся на книги, соответствующие более дробным периодам, книги — на главы, посвященные правлениям отдельных князей. В этой структуре многое идет от Степенной книги.

Представитель оппозиции екатерининскому «самовластию» (оппозиции, шедшей справа, со стороны крупной аристократии), Щербатов и в истории ищет примеры ограничения деспотизма «благородным» сословием. Примеры эти автор находит уже на заре русской государственности. Новгородцы, призванные на княжение Рюрика, Синеуса и Трувора, по словам Щербатова, «не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали»².

В трактовке различных периодов политической истории России и в оценке отдельных государственных деятелей проявляется присущая Щербатову как историку тенденция: усмотреть взаимосвязь между личными качествами правителей и характером государственного строя. Это особенно сказалось в оценке царствования Ивана Грозного и в понимании личности самого царя. Автор подчеркивает, что характерной чертой Грозного как правителя является «самовластие, соединенное с робостью и низостью духа». Опыт царствования Грозного, по мнению Щербатова, свидетельствует о том, что «нестеснен-

ная власть, которой самодержцы толь желают, есть мечь, служащий к наказанию посечением их славы»¹.

В то же время вторая половина царствования Ивана Грозного (после падения Избранной Рады, учреждения опричнины) — это время, когда неограниченная страсть царя к самовластию привела к тому, что утратилась близость его с боярами, исчезло взаимопонимание между ними. «Недоверчивость его (царя) на знатнейших бояр отнимала у них способности отчеству услуги показать». «Упало сердце благородных, начала истребляться приличная знатнорожденным гордость, любовь к отечеству затухла; а место их заступили низость, раболепство, старания о своей токмо собственности...»².

Изложение событий в «Истории» Щербатова дается в той последовательности, которая имеется в летописных сводах. Описание главным образом политических взаимоотношений все время сопровождается анализом психологических мотивов поступков действующих лиц и оценкой их с точки зрения соответствия требованиям «просвещенного разума». Наконец, подводя известный баланс действиям своих героев, Щербатов обычно говорит о их влиянии на политические судьбы России. Вот, для примера, характеристика Юрия Долгорукого: он «соединял в себе все качества великого монарха», был «искусной и храброй воин и в сии непросвещенные времена хитрой политик...». «Честолюбивой и захватчивой его нрав во многие смущении и раздоры Россию ввергнул»³.

Несмотря на громоздкость построения, в «Истории» Щербатова имеется ряд мест, выделяющихся легкостью литературной манеры изложения.

Представляют интерес некоторые отдельные произведения Щербатова.

В 1774 г., в период крестьянской войны под руководством Пугачева, вышла небольшая книга Щербатова «Краткая повесть о бывших в России самозванцах». Это произведение отличается яркой классовой направленностью. Автор начинает с утверждения, что нет ни одной страны на свете, которая не была бы «раздираема разными междоусобиями и мятежами, начавши от древних народов». Причины этих «мятежей» он видит в «слабости народной». Хотя просвещение, науки, законы многое изменили в нравах людей, но «внутренность человека» осталась той же самой. Особенно это касается «про-

¹ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. V, ч. III. СПб., 1789, стр. 222—223.

² М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. V, ч. II. СПб., стр. 223.

³ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. II. СПб., 1901, стр. 305.

¹ См. М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1902, стр. 9—15.

² М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I, стр. 271.

стого народа». «Увлекаемый легкомыслием» народ «в злейшая себя нещастия ввергает»¹. Именно этим объясняется появление самозванцев.

Далее автор подробно рассматривает судьбу первого и второго Лжедмитриев и других самозванцев начала XVII в., называвших себя сыновьями Ивана IV, царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и пр. Заканчивается книга описанием «опасного бунта» Степана Разина. И антифеодальные движения и выступления ставленников интервентов берутся при этом за одни скобки.

Эпилог книги повторяет идею ее пролога. Рассказав об «истреблении сего злодея» (Разина), отметив, что после этого «прельщенные и увлеченные в преступления народы вины свои признали, и спокойствие России возвратилось», автор делает вывод: «злоклучения», подобные описанным в книге, опасны, но неизбежны, им «подвержены все царства и державы света»².

Общая идея «Краткой повести» заключается, с одной стороны, в осуждении народных движений (это особенно понятно в обстановке широкой крестьянской войны 1773—1775 гг.), с другой — в мысли о их неизбежности, ибо они являются следствием человеческой природы, хотя и поддающейся воздействию просвещения и законов, но все же сохраняющей слабость, податливость, легкомыслие. Такой психологизм в объяснении движущих сил социальной и политической борьбы в разных странах и на разных этапах исторического развития парализовал в сознании дворянского историка опасность мощного народного движения на этапе разложения крепостничества.

Статья Щербатова «О древних чинах, бывших в России и о должности каждого из них» посвящена рассмотрению придворных «чинов» или званий (бояре, окольничие, думные дворяне и т. д.). Политическое назначение этой статьи — исторически обосновать права «благородного» сословия³.

Большой интерес проявлял Щербатов ко времени и личности Петра I. Им были изданы «Журнал» и «Тетради записные» Петра, работы о Петре Феофана Прокоповича и Дмитрия Феодози и пр. Сам Щербатов написал ряд статей о Петре: «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого дойти до того

состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы», «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» и др.

Характерной чертой всех писаний Щербатова о Петре I является известный критицизм и скептицизм в оценке различных сторон его личности и деятельности при общем признании значительности и положительного характера петровских преобразований. Высказывания Щербатова о Петре по своему содержанию и тону явно отличаются от тех панегирических отзывов, которые принадлежат Татищеву, Феофану Прокоповичу, Ломоносову. Правда, это скептицизм и критицизм русского аристократа, оценивающего деятельность Петра с точки зрения кастовых интересов той наиболее реакционной группы господствующего класса, к которой он принадлежал. В этих высказываниях есть много трезвого, вносящего известную охлаждающую струю в фимиам, расточаемый вокруг имени Петра.

Составил Щербатов и план истории царствования Екатерины II, по которому, правда, трудно судить о его творческом замысле.

Оппонентом и критиком Щербатова явился другой представитель дворянской историографии XVIII в. И. Н. Болтин (1735—1792).

Крупный помещик, владелец имений, расположенных в ряде уездов, Болтин был человеком столь же образованным, как и Щербатов. Так же как и последний, он был знатоком французской просветительной литературы, цитировал в своих трудах произведения Монтескье, Гельвеция, Вольтера. Но несмотря на общность той социальной среды, из которой вышли оба автора, и на то, что классовые основы их мировоззрения были одинаковы, они значительно отличались друг от друга по своим политическим взглядам, историческим представлениям, по своей роли в общественно-политической жизни и пониманию задач исторической науки. Они были представителями двух разных типов дворянства второй половины XVIII в.

Щербатов — это крупный аристократ-публицист, отошедший от активного практического участия в политике, но желчно переживавший свой отход, ставший на позиции фронды в отношении современного ему правительства Екатерины II и ядовито высмеивавший его нравы. От его писаний веет скептицизмом обиженного вельможи, но этот скептицизм переходит в озлобление, когда дело касается крепостнических основ государственного строя, которые он защищает не только отвлеченными доводами, заимствованными из арсенала европейской литературы, хорошо ему известной, но и доморощенными средствами русского барина, боявшегося за свое добро. Бол-

¹ М. М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, стр. 3—5.

² Там же, стр. 227.

³ См. М. М. Щербатов. Соч., т. 2, стр. 1—12.

тин — практик, хорошо знакомый с русской крепостнической действительностью и во время своего пребывания (около 20 лет) на военной службе, и в качестве начальника таможи на Украине, и выполняя служебные поручения при Потемкине в Новороссии и Крыму. Как и Щербатов, защитник крепостного права и самодержавия, Болтин расценивает современный ему государственный строй не в качестве наблюдателя со стороны, а как непосредственный участник административной машины. Эту машину он оценивает с точки зрения ее пригодности для защиты интересов широких масс дворянства, а не его аристократического крыла. И еще одна черта, отличающая Болтина: и историю и современность он воспринимает сквозь призму сопоставления с западноевропейскими порядками. Так, тот налет религиозного вольнодумства, который оставило на нем чтение Вольтера, проявляется не только в критике католицизма, но и в противопоставлении его православной русской церкви.

Как историк, Болтин в противоположность Щербатову не выступал с обобщающим трудом конструктивного характера. След в области историографии он оставил двумя произведениями, посвященными критике работ других своих современников: француза Леклерка, врача по профессии, написавшего книгу «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и нынешняя России», и М. М. Щербатова. Построение критики у Болтина своеобразно. Оно дано в виде последовательно расположенных выписок из трудов Леклерка и Щербатова и примечаний к ним, представляющих развернутые ответы Болтина. Отсюда заглавия работ Болтина: «Примечания на «Историю древняя и нынешняя России» г. Леклерка, сочиненные генерал-майором И. Болтиным» (1788); «Критические примечания генерал-майора Болтина на (первый и второй) том «Истории» князя Щербатова» (1793—1794).

Задача «Критических примечаний» — прежде всего восстановить правильность исторического факта, затем наметить пути установления этого факта и, наконец, дать характеристику и оценку отдельных сторон исторического процесса. Замечания Болтина остры и язвительны по форме и серьезны по существу. Леклерка он считает (и с достаточным основанием) невеждой, не знающим источников, излагающим историю по чужим трудам, дающим извращенное представление об историческом прошлом русского народа. Отрицательно оценивает Болтин (не всегда в одинаковой мере убедительно) ряд выводов и наблюдений Щербатова, считая, что они являются плодом авторского произвола в обращении с источниками, а не их научного анализа.

Болтин излагает свои взгляды на задачи исторической науки, подчеркивая, что достоинство историка составляет «избрание приличных вестей» (т. е. нужных и доброкачественных источников), «точность, беспристрастность в повествованиях, дельность и важность в рассуждениях, ясность и чистота в слого и проч.»¹.

Автор указывает на трудность написания истории, требующего больших профессиональных навыков: «Всякую Историю вновь сделать, а особливо сделать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человеку, сколь бы век его ни был долог, достичь до исполнения намерения такового, при всех дарованиях и способностях, к тому потребных»².

Основным требованием, выдвигаемым перед историком, является, по мнению Болтина, правдивость в изображении фактов прошлого, отказ от таких стимулов в освещении исторического процесса, как стремление показать в благоприятном свете родину, забота о репутации друзей, родственников и т. д. «Сказанное правило, что историк не должен иметь ни родственников, ни друзей, имеет смысл такой, что историк не должен закрывать или превращать истину бытий по пристрастию к своему отечеству, к сродникам, к друзьям своим; но всегда и про всех говорить правду, без всякаго лицепрятия»³. Сам Болтин, конечно, далеко не всегда соблюдал это правило, не был свободен от «пристрастий» характера классового, национального, фамильного, однако девиз, им выдвинутый, несомненно заслуживает внимания как показатель тех требований, до которых доросла дворянская историография второй половины XVIII в.

Точность воспроизведения исторического факта, по Болтину, зависит от уровня источниковедческой методики, а последний определяется не только числом привлеченных памятников, но и умением их использовать в целях исторического построения. «Весьма те ошибаются, — пишет Болтин, — кои думают, что всякий тот, кто, по случаю, мог достать несколько древних летописей и собрать довольно количество исторических припасов, может сделаться историком; многого еще ему неостанет, если кроме сих ничего больше не имеет. Припасы необходимы, но необходимо также и умение располагать оными, которое вкупе с ними не приобретается»⁴.

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1. СПб., 1788, стр. 278.

² И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 16.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2. СПб., 1788, стр. 120—121.

⁴ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 268. См. также Критические примечания на первый том «Истории» Щербатова, стр. 16.

Собственно говоря, здесь Болтин повторяет мысль Татищева, который служит для него образцом историка, критически изучающего источники. Очень высоко ставит Болтин в качестве источниковеда и Миллера, который «имел к тому способность, чтоб из великих кучь дрязгу избирать драгоценнейшие зарытые в них перла»¹.

Наконец, следуя Шлецеру (работавшему в России немецкому историку, занимавшемуся критическим изучением летописных текстов), Болтин говорит о трех этапах в работе источниковеда, предшествующей историческому построению. Во-первых, следует произвести сличение летописных текстов и устранить погрешности, вкравшиеся при многократной их переписке («разсмотреть летописи, сличить их между собою, исправить погрешности, учиненные переписчиками и привести их в тот вид, в каковом оне от сочинителей их были изданы»). Второе, что следует сделать, это — уяснить смысл текста, освобожденного от вкравшихся при переписке ошибок («второй труд — в объяснении исправленных уже летописей, сиречь в истолковании слов, вышедших из употребления, дабы можно было понимать точный смысл ими сказуемого»). Наконец, третье требование к историку состоит в том, чтобы он исторические сведения и наблюдения пополнял данными географического характера («Третий труд — в собрании известий, относительных до Географии; ибо История с Географиею столь тесно связаны, что не зная одной, писать о другой никак не может»).

Помимо использования русских памятников («домашнего источника»), Болтин в целях всесторонней проверки фактов считает необходимым привлечение «известий из чужестранных историков и летописцев, не только соседних нам государств, но и самых отдаленных»².

Таким образом, Болтин пытается поставить на должную высоту проблемы источниковедения, считая, что «приуготовление к Истории не меньше есть важно и трудно, сколь и самое ее сочинение»³.

Разбирая различные неверные или сомнительные утверждения Леклерка или Щербатова, Болтин неоднократно подчеркивает необходимость отбора источников, умения отличить правду от вымысла. «Не всему без разбора, что путешественники рассказывают, должно верить, но тому только, что похоже на правду и что вероятия достойно».

В связи с этим Болтин приводит изречение Вольтера: «en lisant toute histoire, sojons en garde contre toute fable»¹ (изучая историю любого предмета, будем на страже, чтобы не допустить какого-либо домысла). Одну из «способностей» историка Болтин видит в умении «делать разбор веществам (источникам), дабы не отметать и не пропускать нужных и не вводить в состав исторический ненужных, посторонних, непотребных»².

Болтин является противником необоснованных утверждений. Он допускает гипотезы, но лишь такие, которые рождаются в результате сопоставления реальных фактов. «Догадки делать позволительно, но надобно, чтоб оне основаны были на некотором сходстве обстоятельств, на некотором правдоподобии видов»³. Вместо того, чтобы допускать домыслы, историку следует вникнуть в текст источника. Обычно в нем имеется большое число добавлений, сделанных переписчиками «для уяснения подразумеваемого ими мечтательного смысла» и затемнивших смысл «первобытной и существенной». «Краткое и ясное» изложение первоисточника, прошедшего «чрез многие в течение веков руки», делается «обширным, неудобовразумительным и непознаваемым». Требуется «великой труд и внимание» исследователя, «чтоб в толикую запутанность приведенное разобрать и привести в надлежащий порядок»⁴. В то же время, толкуя «темные места летописей», историк должен опасаться уклониться «от подлинного их смысла» и не имеет права писать «чего ни есть с обстоятельствами времени или местоположения несогласного»⁵. Болтин в своих «Примечаниях на книгу Леклерка» много места уделяет переводу статей договоров России с Византией X в., «Русской правды», «Судебника» 1550 г., «Соборного Уложения» 1649 г.

При отборе фактов для исторического труда, говорит Болтин, надо помнить, что история как наука — это не летопись, «не имеет она нужды в таких мелочах, кои в летописях были помещены...»⁶. Историк должен останавливаться лишь на самом главном.

Таковы, вкратце, основы источниковедения, как они выступают в результате суммирования разбросанных в разных местах высказываний Болтина. Несомненно, что автор достаточно внимательно относился к вопросам источниковедения,

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 132.

² И. Н. Болтин. Критические примечания на второй том «Истории» Щербатова, стр. 36.

³ Там же, стр. 244.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 296.

⁶ Там же.

¹ И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том «Истории» Щербатова, стр. 28.

² Там же, стр. 16—17.

³ Там же, стр. 17—18.

понимал значение критического анализа памятников и владел его методикой на уровне своего времени.

При изучении исторических явлений Болтин исходил из предпосылки о том, что общность человеческих нравов определяет близость общественного развития различных народов. «Писавшему историю какого ни есть народа надобно ежечасно помнить что он человек и описывает деяния подобных себе человек»¹. «Пороки и добродетели суть общи всем земно-родным. Во всяком обществе есть люди добродетельные и порочные, благие и злые». Мысль об одинаковом «свойстве человеческого естества»², как определяющем факторе исторического процесса, не новая. Она типична для дворянской историографии XVIII в. Интересно другое: это идеалистическое представление широко используется Болтиным для исторических аналогий, к выявлению которых он был подготовлен вследствие хорошего знания всеобщей истории.

Но в поисках факторов общественного процесса Болтин уже не ограничивается наблюдениями над сущностью человеческой природы, в общих чертах везде одинаковой. Он останавливается на роли в общественной жизни таких условий как климат, воспитание, форма правления и т. д. Он выдвигает мысль о том, что «главное влияние» на людей и общество имеет климат, остальные же причины «суть второстепенные или побочные: оне токмо содействуют, или, приличнее, препятствуют действиям оногo»³. Идея о значении среды, географических условий в общественной жизни получила большое распространение в последующей буржуазной историографии.

В связи со своим представлением о роли климата в истории отдельных человеческих обществ, Болтин выдвигает понятие «национальный характер», который, по его мнению, зависит больше всего от климата. «Хотя от стечения... побочных причин национальный характер иногда и теряется, но если климат остается одинаков, по времени главнейшая причина побеждает побочныя, и первобытный характер, зависевший от ея влияния, паки возставляет»⁴. Перенос внимания с человеческих нравов на естественную среду, на них воздействующую, при всей механистичности понимания этого воздействия (далекого от подлинно научного объяснения) был шагом вперед в попытке осмыслить исторический процесс.

Стремление определить общие линии исторического разви-

тия ряда народов сочетается у Болтина с идеей своеобразия их исторической жизни. Так, он пишет, что судить о России, «применяясь к другим государствам европейским, есть тож что сшить на рослаго человека платье, по мерке снятой с карлы. Государства европейския, во многих чертах, довольно сходны между собою; знаяши о половине Европы, можно судить о другой, применяясь к первой, и ошибки во всеобщих чертах будет не много; но о России судить таким образом невозможно, понеже она ни в чем на них не похожа...»¹.

Наконец, наряду с поисками в историческом прошлом народов факторов, определяющих черты как сходства, так и своеобразия их общественной жизни, Болтин подчеркивает значение в истории счастья, фортуны — понятий, которые в конечном итоге ассоциируются с представлением о божественном промысле. «Щастие во все дела наши мешается... Называй Фортуну как хочешь, слепую, несправедливую, непостоянную, своенравную, и проч.; но необходимо должен признать бытие ея... есть нечто такое, которое вмешивается в наши дела и управляет ими по своей воле, средствами такими, кои ни предвидеть ни отворотить силы наши недостаточны. Одно сие разсуждение довольно сильно, чтоб отразить мнение отрицающих Промысл, и власть случая распространяющих»². Так причудливо в мирозерцании дворянского историка сочетаются идеи человеческого «естества», естественной географической среды и божественного промысла как причин, влияющих на ход исторических событий.

Представление о близости прошлого России к прошлому других стран и одновременно о его своеобразии Болтин использует для обоснования своей концепции исторического развития России. Эта концепция характеризуется патриотической направленностью. Автор стремится опровергнуть утверждение Леклерка, изображающего русский народ примитивным, долгое время лишенным оседлости, разбойничьим. В то же время Болтин защищает историческую схему, отвечающую классовым интересам дворянства, обосновывающую целесообразность крепостничества и самодержавия.

Защищая русский народ от нападок Леклерка, Болтин пишет: «Не должно приписывать единому народу пороков и страстей общих человечества. Прочтите первобытные веки всех царств, всех республик, найдете во всех нравы, поведения и деяния их сходными»³. И далее Болтин подчеркивает, что все народы на определенной стадии их общественного развития

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 7.

² Там же, стр. 498.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 9.

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 152—153.

² И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 543—544.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 1.

участвовали в грабительских войнах. «Первобытные римляне упражнялись в разбойничестве... Сколько раз ломбарды для добычи впадали в Италию, прежде нежели поселились в части оныя? Колико крат франки разоряли и грабили Галлию, пока совершенно ее игу власти своя покорили...?»¹

Далее Болтин, возражая Леклерку по поводу того, что якобы первыми «учителями» русских явились варяги, доказывал, что еще до призвания Рюрика с братьями у восточных славян были развиты земледелие, ремесла, торговля, имелись города, славяне не были кочевыми племенами. Выступление Болтина против норманской теории о том, что славяне вступили на путь исторического прогресса лишь при посредстве варягов, было положительным делом. Леклерк рассказывал о русских «не иначе как о ирокойцах, камчадалах и тому подобных народах»² и борьба с этими утверждениями была борьбой за восстановление правильности исторических фактов. Болтин убедительно опровергает тезис Леклерка о родственности славян гуннам и в то же время неправильно настаивает на их близости к готам.

Взгляды Болтина на общественно-политическую историю русского народа тесно связаны с его отношением к крепостничеству и самодержавию. Крепостной строй для Болтина — это порядок, который можно обосновать, исходя из «естественного разума о вещах». Если «вольной человек» не может быть «без собственности», то крестьянин не может быть без помещика. «Собственность есть принадлежность свободы, так как подчинение есть относительность ко власти, к начальству»³.

Болтин проводит мысль о том, что вольность приносит пользу далеко не каждому народу. Для того чтобы ею пользоваться, необходимы особые личные качества, исторический опыт и другие условия. «Не всякому народу вольность может быть полезна; не всякой умеет ее снести и ею наслаждаться; потребно к сему расположение умов и нравов особое, которое приобретается веками и пособием многих обстоятельств»⁴.

Крепостническая сущность идеологии Болтина особенно ясна из его попыток оправдать крепостные отношения не только доводами естественного права, но и соображениями рационалистической философии. По Болтину, «умоначертания о свободе» — это свойство «народов диких, живущих в совершенной и полной независимости от всякого начала, власти, закона обычая». Европейцам «свойственнее... ограниченная

вольность», а не «их (диких народов) безпредельная»; «...мы (европейцы) их (дикарей) свободы не снесем», а «они нашу доволны не будут»¹.

Защищая крепостнический строй России, Болтин подчеркивает также, что он в большей мере отвечает интересам русского народа, чем современные ему порядки, господствовавшие в других странах. «Земледельцы наши прусской вольности не снесут, германская не сделает состояния их лучшим, с французскою помрут они с голода, а английская низвергнет их в бездну погибели»². «Рабство народа в России», по мнению Болтина, менее тягостно, чем положение крестьян в других странах. «Земледелец в России меньше гораздо несет тягости, нежели во Франции, Англии, Германии, Голландии и других государствах»³.

Оправдывает Болтин и такие явления как рекрутчина. В данном случае он исходит из аналогии между человеческим организмом и политическим строем. «В теле политическом, яко и в теле человеческом, имеются некоторые проходы, чрез которые низвергаются непотребные влажности... Надобно чтоб в каждом обществе гражданском был такой ров, коим бы стекали пороки». Рекрутские наборы Болтин расценивает как «вертеп, в которой из политического тела низводятся излишняя и вредоносная мокроты», т. е. крестьяне, сдаваемые помещиками в рекруты, «понеже в сии редко отдают людей, обществу нужных и полезных, разве по необходимой нужде...»⁴. Здесь крепостнические настроения Болтина выступают во всей неприглядной наготе.

Излагая общественно-политическую историю России, Болтин исходит из предпосылки о том, что славяне «издревле жили под правлением монархическим», но первоначально «власть князей была ограничена «вельможи и народ великую имели силу в определениях о вещах важных»⁵. В «общенародных собраниях всякой гражданин имел право подавать свой голос...»⁶.

В период политической раздробленности Руси усилилась власть удельных князей и боярской аристократии. «Самосудная власть вельмож начало свое возымела от уделов княжих; их примеру следуя бояра и прочие владельцы, равномерную власть во владениях своих себе присвоили»⁷.

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 464—465.

² Там же, стр. 235—236.

³ Там же, стр. 173, 174.

⁴ Там же, стр. 187, 188.

⁵ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 58; т. 2, стр. 472.

⁶ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 474.

⁷ Там же, т. 1, стр. 318.

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 1—2.

² И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 200.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 212.

⁴ Там же, стр. 236.

Важным выводом Болтина было признание наличия в России феодальных порядков. Русское поместье он сопоставляет с французским феодем: «...*fief* было вид платы или награждения за службу, тоже самое, что наше поместье, поместной *оклад*: сии поместья зделались по времени все наследными, вотчинами»¹. Очень ценно определение «феодального права» как «права помещика в деревне своей над его подданными».

Болтин так рисует феодальный политический строй. Землевладельцы, превратившие свои поместья в вотчины, «учинились самодержавными в тех областях, кои вверены были от государя их управлению, начальству, обороне». Они подчинялись королю лишь «на одних словах, а не на деле». Такое «правление» продолжалось в Европе более 500 лет. Во Франции его ликвидировал Людовик XI, «в Ишпании, в Англии в то же почти время уничтожено», в Германии сохранилось и в дальнейшем. Русские удельные князья «полным феодальным правом пользовались, и точно таким каким пользуются ныне германские князья; имели в подданстве своем князей, бояр, дворян; могли иметь друг с другом войну, и с великим князем, хотя и признавали его за главу государства»².

Рассматривая феодализм как явление права, относя его господство ко времени политической раздробленности и наличия на Руси удельной системы, Болтин связывает конец феодализма с реформами Ивана IV. В личности и деятельности последнего он находит много общего с Людовиком XI французским. «...ничего не может быть сходнее сих государей как в характерах, деяниях, так и в обстоятельствах их жизни. Царь Иван Васильевич уничтожил самодержавные княжения и власть их; тож зделал и Лудовик XI-й. Иоанн учинил монархию, присовокупив к государству великия области; Лудовик тож. Иоанн назван первым царем российским, хотя титул сей и дед его восприял не меньшее имел право. Лудовик XI-й первый был король во Франции, которого титуловали *величеством*...»³.

Политическим идеалом Болтина является крепкая самодержавная власть. Поэтому он в противоположность Щербатову — стороннику участия в правительстве аристократии — сочувствует политике Грозного. По мнению «дворянства русского, — указывает Болтин, — власть единого несравненно есть лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих»⁴.

Касаясь вопроса о происхождении крепостного права, Болтин рисует крестьян до конца XVI в. вольными людьми. «Земля была собственностью владельческой; а плоды труда и промыслов собственностью крестьянской. Собственностью того и другого была охраняема законом». Вольные крестьяне «имели владельцев и имели собственность, не имев земли; а помещики владели крестьянами, не имев власти учинить их невольниками; получали с них оброки, не могучи их грабить»¹. Для того, чтобы переход с места на место крестьян не привел к недоимкам государственных податей и к заминке в выполнении работ в помещичьих хозяйствах, был установлен единый срок крестьянского перехода (Юрьев день осенний)². Таким образом Болтин рисует идиллическую картину взаимоотношений крестьян и помещиков: свобода крестьян без права собственности на землю, власть помещиков без права сделать крестьян невольниками.

«Запрещением крестьянам перехода от одного помещика ко другому, — пишет Болтин, — положено начало их рабства»³. О том, как расценивает Болтин рабство (крепостное право) в России, я уже говорил выше.

Болтин поднимает важный для самодержавно-крепостнической России вопрос о завоеваниях территорий. Его концепция сводится к оправданию внешней политики России. Сопоставляя ее с политикой Римской империи, он выдвигает следующий тезис: там было завоевание, Россия производит мирную ассимиляцию народов присоединяемых территорий. Римляне, «покоряя целые царства, не могли никогда привязать жителей оных так к себе», чтобы возложить на них «собственных границ их защиту». Римляне должны были держать покоренные народы «так сказать, под стражею, чтоб не употребили они свободы своя во зло»⁴. Не так обстоит дело, по Болтину, в России. Там новые территории удерживаются при помощи самого местного населения.

Следует сказать несколько слов об отношении Болтина к религии, церкви и духовенству. Он проводит мысль о том, что «для народа просвещенного духовенство просвещенное полезно; для народа же непросвещенного духовенство просвещенное бедственно и губительно». Власть просвещенного духовенства приводит к тирании (подобной господству папства в средние века), а «легче суеверие истребить, нежели из-под тираннического ига власти духовныя свободиться»⁵. Автор

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 478.

² И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 300.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 309—310.

⁴ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 474.

¹ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 212—213.

² Там же, стр. 206—207.

³ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 1, стр. 331.

⁴ И. Н. Болтин. Примечания на Леклерка, т. 2, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 255.

резко критикует католическую римскую церковь и противопоставляет ей церковь православную.

Таковы исторические взгляды Болтина. В них много нового, оригинального. Болтин — человек образованный, начитанный, мыслящий. Это — один из наиболее крупных представителей дворянской историографии второй половины XVIII в. Но это новое не выходит за рамки крепостнической идеологии и защиты самодержавия.

Лекция десятая

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. НАЧАЛО КРИТИКИ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ко второй половине XVIII в. относится зарождение в России буржуазной историографии. Появляются исторические труды, авторами которых выступают представители купечества. Возникают работы по экономической истории (по истории торговли, реже промышленности), проявляется интерес к прошлому отдельных городов. Все шире начинает использоваться в качестве исторического источника документальный материал. Привлекаются для исследования документы из архивов Сената, Коллегий и т. д., частных архивов (купеческих фамилий, крестьянских семей).

Представители передовой исторической мысли были связаны с просветительством, для которого характерна вражда к крепостничеству, вера в силу просвещения, стремление к общему благу.

Многотомный труд по истории царствования Петра I принадлежит выходцу из купеческой среды И. И. Голикову (1735—1801). Сам Голиков говорит про себя, что он «неискусный писатель», «кроме русской грамоты ничему не учившийся»¹. Он был сыном одного «из богатейших и знатнейших курских купцов». Первоначально обучался у приходского дьячка. Знакомство с рукописями архимандрита Михаила, бывшего полковым священником при Петре I, определило интересы Голикова к петровскому времени.

Отец Голикова, судя по рассказам последнего, разорился, «вошел в неоплатные долги» и послал своего сына отрабаты-

---

¹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Собранные из достоверных источников и расположенные по годам, изд. 2, т. 1, М., 1837, стр. 1.

вать их в Москву «к своим кредиторам». Там Голиков прослужил около десяти лет «сперва мальчиком, потом прикащиком помощником, а наконец, и прикащиком»¹. В Москве он много читал, познакомился с «Рассуждением» Шафирова и другими книгами, посвященными царствованию Петра I.

Хозяева посылали Голикова по торговым делам в Оренбург, где он познакомился с начальником Оренбургского края И. И. Неплюевым и экономистом и историком П. И. Рычковым, у которых получил источники по истории времени Петра I.

Затем Голиков переехал в Петербург. Он так описывает свое впечатление от столицы России: «Сей новый великолепный город... единым на него взором открыл мне неизмеримое никаким оком поле дел Петровых. Обширный, регулярно расположенный и великолепный город; адмиралтейство и корабельные верфи; Нева, покрытая иностранными кораблями; Васильевский остров с пакгаузами, вмещающими в себе сокровища изо всех частей света и торговлю оных обогащающими Россию; Санктпетербургская крепость; Академия Наук с обсерваториею; Кронштадт с военным и купеческим флотами; словом каждый шаг по новой Российской столице приводил меня к делам Петра Великого»². Неумеренная идеализация Петра I, его личности, его деятельности, его преобразований — отличительная черта творчества Голикова.

Уйдя от своих хозяев, Голиков начал вести самостоятельные торговые дела и нажил крупный капитал. Представитель молодой русской буржуазии, проявлявший интерес к политической жизни (в 1761 г. избранный от Белгородской провинции в учрежденную Елизаветой Петровной Уложенную Комиссию), Голиков продолжал изучение «деяний» Петра I. Он собрал порядочную библиотеку (до полутора тысяч книг и рукописей) и пользовался помощью разных лиц (И. И. Шувалова, комиссара П. Н. Крекшина и др.), снабжавших его материалами, относящимися к петровскому времени. Он знакомился с документами центральных архивов, работал также в Воронежском архиве.

Осужденный за злоупотребления по винным откупам и приговоренный к ссылке в Сибирь, Голиков был затем помилован в связи с открытием памятника Петру I.

Голиков получил известность как историк за многотомный труд «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России» (12 томов, 1788—1789) и «Дополнения к Деяниям Петра Великого» (18 томов, 1790—1797).

Как историк Голиков отличается и от многогранного по

своим интересам, живо откликавшегося на все запросы практической жизни, любознательного и талантливого дворянина, сторонника абсолютной монархии В. Н. Татищева, и от блестяще образованного аристократа М. М. Щербатова, перенесшего на прошлое России свои ядовитые оценки Екатерины II и ее фаворитов, а положениями просветительской философии защищавшего крепостническую действительность. Непохож Голиков и на язвительного, насмешливого, стоявшего на уровне европейских знаний того времени крепостника И. Н. Болтина, парировавшего беззастенчивую клевету на русский народ Леклерка и высмеивавшего доморощенный (несколько примитивный) подход к источникам Щербатова, поставившего вопрос как о сходстве исторических явлений, наблюдавшихся в разных странах, так и о их своеобразии. Для всех названных историков характерно стремление к объяснению с позиций своего класса и времени исторического процесса. Они оперируют понятиями причинности, взаимной связи явлений прошлого, их обусловленности. Эти понятия чужды Голикову. «Я человек не ученый, следовательно, не знающий никаких критических правил, и не искусен в историческом слоге; ...я совсем не историк, но только собиратель воедино дел Петровых и благодарный повествователь оных». «Слог мой часто будет походить больше на панегирический, нежели исторический»¹.

Действительно, чертами, характеризующими Голикова как историка, является неуклонное собирательство нового архивного материала; изложение его в простой описательно-повествовательной форме, отличающейся известной примитивностью; панегирический тон изложения с неумеренным восхвалением Петра I. Если Голиков говорит сам о себе, что он не историк-прагматик, то он не обладает и теми высокими для своего времени приемами анализа и критики источников, которыми уже владела дворянская историография. Словом, и в обработке «припасов» (источников), необходимых для исторического «здания», и в приемах построения самого «здания» нарождающаяся буржуазная историография в лице Голикова еще отставала от дворянской. Принцип расположения материала в хронологической последовательности, под соответствующими годами, восходит еще к летописной историографии. Для Голикова как писателя не характерны и особое изящество и литературность изложения. Но что отличает новую буржуазную струю в исторической науке — это интерес к документу, который в разных видах (полностью и в выдержках) вклинивается в историческое описание, оживляет его, придавая ему непосредственность

¹ И. И. Голиков. Ук. соч., т. 1, стр. I—II.

² Там же, т. I, стр. III.

¹ И. И. Голиков. Ук. соч., т. 1, стр. VI—VII.

действительности. Характерно также для Голикова как представителя буржуазной историографии стремление к конкретности, полноте, детальности воспроизведения прошлого, желание не опустить как важные моменты государственной жизни, так и характерные черточки частного быта.

В молодой буржуазной историографии проявляются и черты известной национальной гордости, заставившей, например, Голикова написать «Опровержение... нареканий на Петра Великого» со стороны шведского историка Страленберга¹. Но это — не та большая патриотическая гордость за прошлое русского народа, которая чувствуется в произведениях Ломоносова. Все острие полемики Голикова со Страленбергом направлено по линии оценки лишь личности Петра I.

Наконец, иногда Голиков от описаний переходит к «рассуждениям» по вопросам, важным для русского купечества. Так, в одном из томов «Деяний» помещено «рассуждение» о курсе русского рубля².

Философия истории, с которой выступает Голиков, несложна и старомодна. Его точка зрения — это известная реакция, прежде всего, на увлечение части дворянства произведениями западноевропейской философии, являвшееся своего рода модой, от которой, однако, быстро отступали перед лицом расширявшегося массового антифеодального движения. После грозной крестьянской войны под руководством Пугачева, после событий Великой Французской революции русская буржуазия, политически незрелая и экономически слабая, обращается к промыслу божьему в целях религиозного обоснования роли русской нации в общеисторическом процессе и видит в целостности абсолютной монархии гарантию своего дальнейшего развития.

Опыт истории убеждает Голикова в том, что если «творец мира» захочет «прославить» какой-либо народ, то он дарует ему мудрых государей. Если же какие-то народы «сворачиваются со стези добродетели на путь беззакония», то «провидение божие» в наказание их возводит на престол злых и недостойных монархов, а иногда «и совсем разрушает царства...». История показывает, как «малые и почти ничего не значившие народы, возвысившись в великие империи, поглотили, так сказать, многие царства». В то же время монархии, находившиеся на грани падения, восставали «из пепла» и добивались еще большего значения.

Религиозная философия сочетается в труде Голикова с монархической концепцией русского исторического процесса,

восходящей к дворянской историографии. «...нигде толико ясно не открывается провидение божие и всемогущий его промысл, как над Россией». В начале «неправды наши понудили правосудие божие... попустить ей разделиться на многие части и тем самым притти в ослабление, а потом предать в порабощение татарское», т. е. Голиков подводит религиозное объяснение под процесс феодального раздробления Киевской Руси и татаро-монгольское нашествие на Русь. Воздействием провидения объясняет Голиков и «успехи» политического объединения русских земель вокруг Москвы, и пресечение царской династии после смерти Ивана Грозного, и события польско-шведской интервенции. Стержнем истории России (и в этом отношении он находится целиком в путях дворянско-крепостнической схемы) являются судьбы самодержавия. Финалом «Смуты» он считает избрание на престол царя Михаила Романова¹. Петр I «возвел любезное отечество наше до настоящих славы высоты и достойно приобрел титулу основателя величия оногo и нашего благосостояния»².

Эта религиозно-политическая концепция излагается Голиковым в историческом очерке (со времени Бориса Годунова до Петра I), помещенном в первом томе «Дополнений». Монархически-крепостнические тенденции, отразившиеся в труде Голикова и сближающие его взгляды с концепцией дворянской историографии, свидетельствуют об отсутствии у русской буржуазии собственной политической программы.

Характер труда Голикова как панегирика ярко сказался в его характеристике Петра I. Голиков останавливается на описании величественной наружности царя, говорит о его «горячем и пылком» темпераменте, о его изумительной памяти и большой пронизательности, громадных знаниях, восхищается трудолюбием, мужеством Петра, твердостью в достижении поставленных целей, умением подбирать сотрудников.

Политику Петра Голиков изображает как отвечающую интересам народа и совершенно замалчивает ее крепостническую сущность. «Правосудие его было ко всем равное, без наималейшего послабления и лицемерия; богатые и убогие, знатные и низкие, чужестранцы и свои, одинакую ощущали правду»³.

Идеолог купеческой буржуазии, Голиков рисует Петра I рачительным и бережливым хозяином, проводившим строгую экономию как в домашнем быту, так и в государственном

¹ И. И. Голиков. Ук. соч., т. 3. М., 1837, стр. 439.

² И. И. Голиков. Ук. соч., т. 7. М., 1838, стр. 475—538.

¹ И. И. Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого, т. I, М., 1790, стр. 6—11.

² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого... т. X. М., 1839, стр. 211.

³ Там же, стр. 181.

хозяйстве и в то же время добившимся большого экономического подъема страны. Петр с «чрезвычайною бережливостию сохранял... леса ...пекся и ободрял хлебопашество, размножал всякого рода продукты, разводил иностранных пород овец, лошадей и рогатый скот, вводил всякие художества, мастерства, фабрики и заводы» и «всем таковым хозяйственным попечением удержал в государстве превеликие суммы денег, выходящие до того за границы»¹. Доказательством «государственной экономии» служит, по мысли Голикова, то, что Петр, содержа большую армию и ведя длительные войны, имея значительный государственный аппарат и посылая своих представителей в другие страны, выписывая из-за границы нужных людей и необходимые изделия, не «истощил подданных», не вошел в долги и оставил после своей смерти сравнительно значительную сумму денег в государственной казне².

Особенно восхваляет Голиков Петра I за заботу о развитии внутренней и внешней торговли. Петр посылал купеческих детей в иностранные государства, «дабы они научились бухгалтерии и правильному содержанию конторных книг», «доставил купцам своим и товарам российским повсюду доверие», «отворил новые порты и пути в Европу и Азию», заключал международные торговые трактаты, обеспечил твердый курс русской монеты³. Интересами торговли объясняет Голиков перенесение русской столицы на берега Балтийского моря, организацию персидского похода, строительство морских и речных судов, выписку из-за границы машин для фабрик и заводов и т. д.

Петр в изображении Голикова выступает не иначе, как герой («Ирой» с большой буквы). Его преобразования «чудесны». Он добился их благодаря своему разуму и любви к отечеству. «Светильник природного его великого разума, зажженный безпредельной его к отечеству любовью, был единственным указателем стезей по непроходимому пути сему»⁴.

Деятельность Петра рисуется как длительная борьба «Ироя» с темными силами внутри страны и вне ее пределов. Он «исторгнул скиптр» из рук своей сестры Софьи, «побил турок, отнял Азов, сооружил на Черном море сильный флот», отменил патриаршество, уничтожил аристократию. Как второй Тезей, он «сражается с лютыми чудовищами, т. е. с суеверием и предрассудками, отсекает несколько глав гидр сих, и расторгнув узы, наложенные ими на подданных, разсылает многое

¹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого..., т. X, М., 1839, стр. 190—191.

² Там же, стр. 192—193.

³ Там же, стр. 194.

⁴ Там же, стр. 224.

их число для учения в европейские государства»¹. Восхищается Голиков тем, что Петр работал в Голландии в качестве простого плотника, чем «дал он всему свету зрелище, невиданное от века»².

Таким образом, в труде Голикова деятельность Петра рассматривается с позиций сторонника абсолютной монархии и защитника интересов купечества.

Другим представителем нарождающейся буржуазной историографии второй половины XVIII в. был купеческий сын В. В. Крестинин (1729—1795). Он проявлял интерес к местной истории и вместе с купеческим сыном А. И. Фоминым основал в Архангельске «Общество для исторических исследований». Крестинин изучал местные архивные материалы и принимал участие в публикации источников в издаваемой Н. И. Новиковым «Древней Российской Вивлиофике». Из исторических работ перу В. В. Крестинина принадлежат: «Исторические начатки о двинском народе» (1784), «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в севере» (1785), «Начертание истории города Холмогор» (1790), «Краткая история о городе Архангельском» (1792), «Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого» (1795).

В работе «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» Крестинин дает обзор истории Двинского края с древнейших времен до XVIII в. Он делит эту историю на четыре периода («древние», «средние», «новые» и «новые» времена). Начало первого периода «закрывается во мрачных временах язычества неизвестностию», концом его является прекращение «самовластного владения на Двине новгородцев» (по Крестинину — 1464 г.). Второй период — это время с «покорения Двины под самодержавную власть великих государей российских» (т. е. московских князей) по 1692 г. Третий период охватывает время с 1693 г. (когда на Двине побывал Петр I) и по 1762 г. (дата вступления на престол Екатерины II). Четвертый период — царствование Екатерины³. Если первые два периода выделяются по явлениям, связанным с изменениями в жизни населения Двинского края, то третий и четвертый периоды намечаются по событиям, непосредственно из истории Повдвья не вытекающими.

Крестинин ставит своей задачей осветить историю «граж-

¹ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого..., т. X, М., 1839, стр. 226.

² Там же.

³ См. В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе..., стр. 2.

данскую» (внутреннюю) Двинского края, показать участие двинского населения в «защитении отечества», наконец, остановиться на истории «церковной» и «ученой»¹.

Вначале Крестинин на основании изучения лингвистических и топонимических данных приходит к выводу, что древнейшим населением Подвинья была чудь (финские племена). Он говорит о подчинении чуди власти Великого Новгорода и о ее крещении. Далее автор проводит мысль о том, что население Подвинья стремилось свергнуть с себя «ито самовластного многоначалия великоновгородцев» и перейти в подданство к московским великим князьям². Специально останавливается Крестинин на возникновении по Двине монастырей, считая это прогрессивным явлением.

Таким образом, ясно, что идеологи ранней русской буржуазии являлись сторонниками монархии, К православной церкви Крестинин относится двояко: полностью стоя на религиозных позициях, он в то же время считает, что вмешательство церкви в гражданскую жизнь возможно лишь в условиях, когда общество недостаточно просвещено.

Положительным событием для «двинского народа» автор считает его включение в состав единого Русского государства. Правильно подчеркивая прогрессивность этого события, он в то же время идеализирует царизм, который якобы оказал «милость» двинскому народу, предоставив ему право выбирать своих сотских, целовальников и т. д.³

В то же время Крестинин отмечает, что в правление на Двине наместников там «владычествовали... взаимные обиды, лихоимство, клеветы и ябеды»⁴. Это обстоятельство, по его мнению, побудило монастырские власти хлопотать о получении от правительства грамот с освобождением населения их владений от суда наместников. Так произошло «разделение гражданских властей между дворянами и монахами»⁵. Крестинин отказывается дать оценку этому факту, хотя и задает вопрос, совместимо ли участие в гражданском суде с обетами, даваемыми монахами.

Особое внимание уделяется в книге Крестинина внешней торговле России по Двине и Белому морю.

Из приложений к книге интерес представляет «Рассуждение о древнем праве сельских половников в областях Российских»⁶. Крестинин считает, что половничество возникло при

¹ В. В. Крестинин. Ук. соч., стр. 2—3.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ Там же, стр. 56—69.

Рюрике одновременно с дворянством. «Владельцы» деревенских земель получили название «осподари» или дворяне. «Земледельцы или пахари собственности во владении земель не имели». «Обоюдное право половников» — это «право частного владения осподарей над деревнями с общим правом земледельцев, зависимым от осподарей по частным договорам»¹. После падения независимости Великого Новгорода половники были превращены в государственных крестьян.

Сущность половничества, по Крестинину, заключалась в том, что «владельцы земель» и «земледельцы» (половники) заключали «взаимные о хлебопашестве и о сельском домостроительстве договоры между собою»².

Крестинин доказывает далее, что право владеть половниками, принадлежащее дворянам, присвоили также вятские и устюжские купцы. Это — одно из первых в буржуазной историографии обоснование исконности крепостнических отношений в России и попытка показать, как исторически появилось право на использование крестьянского труда купечеством.

Интересно обращение Крестинина к документам монастырских архивов, которые он использует как источники.

В труде «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в севере» Крестинин поднимает очень серьезный вопрос о важности изучения семейных купеческих и крестьянских архивов. Небрежное отношение к фамильным документам приводит к их гибели, что отрицательно отражается на состоянии наших знаний прошлого своего народа. Жители Двинского края не стремятся «хранить в целости для исторических и родословных свидетельств и доказательств старинные свитки и записки, доставшиеся в их руки от своих предков по наследству». «Я знаю разные дома, — пишет автор, — прежде изобильствовавшие, но ныне оскудевшие сими старинными остатками, по причине, что сами хозяева сию наследия своего часть как бесполезную вещь истребляли или другим истреблять попускали». Крестинин подчеркивает, что подобное «небрежение и презрение древностей» наносит ущерб изучению истории и уничтожает память о делах предков, среди которых были «достоинные отечества сыны». Крестинин считает, что как раз среди «частных родов» (т. е. фамилий, члены которых не занимали официального положения), среди купцов, богатых крестьян Двинского края имеются люди, достойные благодарной памяти потомков. Патриот своего края, он на примере зажиточной крестьянской фамилии Вохоновых-Негодяевых, жителей Ровдогорской воло-

¹ В. В. Крестинин. Ук. соч., стр. 58.

² Там же, стр. 62.

сти на Курострове, хочет привлечь внимание читателей к материалам частных фамильных архивов как источнику по истории зарождающейся буржуазии русского Севера.

В архиве Вахониных-Негодяевых сохранились документы XV—XVIII вв. Они интересуют автора с двух точек зрения — с чисто исторической и источниковедческой. В историческом плане он хочет показать недостатки местного быта («домостроительства») на Двине до «введения» Петром «наук и художеств», т. е. проводит мысль о положительной роли петровских преобразований для русского народа. С другой стороны, труд Крестинина ставит своей задачей побудить двинских жителей сохранять имеющиеся у них свитки и записи, так как в дальнейшем они могут послужить источником для описания прошлого края и для увековечения памяти предков¹.

Характеризуя представителей ряда поколений рода Вахониных-Негодяевых, Крестинин дает галерею портретов богатых крестьян, скупающих земельные владения, захватывающих в свои руки власть над местными крестьянскими мирами в качестве земских старост, целовальников и т. д.

Для экономической истории большой интерес представляет составленная Крестининым таблица цен на недвижимое имущество и различные товары и продукты. Наконец, в конце книги приложены тексты документов, служивших Крестинину для написания его труда.

Работа Крестинина «Начертание истории города Холмогор» представляет собой исторический очерк, посвященный прошлому Холмогор с древнейших времен до XVIII в. Книга делится на две части, из которых первая посвящена «древним», вторая «средним временам». Гранью между «древними» и «средними временами» автор считает 1471 г.— дату включения двинских земель в состав единого Русского государства (в книге «Исторические начатки о двинском народе» давалась дата 1464 г.). Первая часть состоит из трех глав, в одной из которых говорится о начале Холмогор «во время язычества», в другой рассматриваются события XI—XIII вв., в третьей — XIV—XV вв. (до 1471 г.). Автор считает древнейшим населением Холмогорского края чудь, т. е. финские племена, которые затем подпали под власть Великого Новгорода. Для доказательства своей мысли он использует данные языка, материал топонимики (т. е. названия населенных пунктов).

Периодизация истории Холмогор после их включения в состав единого Русского государства дана Крестининым под углом зрения изменения административной системы. В главе

¹ См. В. В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб., 1785, стр. 1—5.

четвертой изложен материал, относящийся ко времени с 1471 по 1557 г. (когда была отменена система кормлений и введено земское управление), глава пятая охватывает историю Холмогор «после двинских наместников под управлением двинских земских голов» (1557—1587), глава шестая посвящена времени с 1587 по 1700 г., когда на Двине действовали царские воеводы.

Книга построена в виде летописи событий. В приложении дана таблица сошного письма (руководство для описания земель в целях взимания налогов с «сох» — условных единиц фискального обложения).

В книге имеются интересные мысли, например, о двух путях возникновения городов: одни города ведут начало от крепостей, другие от деревень.

Более законченным и зрелым трудом Крестинина является «Краткая история о городе Архангельском». Труд этот построен в форме вопросов (их 95) и ответов. Вопросы ставятся примерно в такой форме: «Где стоит город Архангельский?», «Какое было на сем месте население прежде города?», «Когда и чьим повелением город Архангельский построен?».

Источниками работы Крестинина служили в пределах до XVIII в. имевшиеся у него «старинные свитки и записки». События XVIII в. описаны им на основе как данных архивов (правительственных и частных), так и заслуживающих дверия «сказаний исправных свидетелей»¹.

Крестинин указывает, что Архангельск возник в связи с развитием торговли России с Англией и Голландией. Сказав о закладке города в 1584 г. по повелению Ивана Грозного, автор описывает городские здания, укрепления, говорит, что первыми жителями здесь были стрельцы; затем Архангельск пополнился переведенцами из других двинских городов.

В соответствии со своим общим взглядом на положительное значение петровских преобразований для экономического развития страны автор подчеркивает низкий уровень экономики города в XVII в. Торги были «скудные», «торговали одними токмо дешевыми мелочами и съестными припасами, кормились от постоев, от извощичества и тому подобных работ»².

Со времени Петра I начинается обучение архангельских «граждан» «азбуке коммерческие науки»³.

Излагая историю Архангельска в XVIII в., Крестинин фиксирует свое внимание на изменениях форм городского

¹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. IV.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 11.

управления и влиянии этих изменений на развитие городской экономики. Он говорит об обременении «архангелогородского гражданства» всевозможными казенными повинностями и службами, о его «оскудении». Касается Крестинин и расслоения в среде купечества. «Первые купцы», по его словам, составили «некоторую стену в посаде, то-есть правление сильных богачей»¹. Автор рисует яркие картины незаконных действий городских старост. Последние запирали в мирской избе под караулом «посредственных граждан», которые «по наружному виду» представляли «совет гражданства» (20—30 человек). Пробыв в заключении несколько недель, эти «граждане» подписывали все те решения, которые выносились властью имущими².

Автор рисует портреты отдельных архангельских богачей. Из его описания выступают колоритные фигуры купцов-мироедов. Сам Крестинин говорит, что он хотел дать не только имена местных заправил, но и привести «историческое о их нравах известие»³. Подчеркивая силу архангельской буржуазии «в коммерции и в коммерческом кредите», говоря об эксплуатации «первыми нашего посада капиталистами» бедноты, Крестинин подходит к этому явлению с точки зрения необходимости существования в обществе слабых и сильных. «Слабые обыкновенно от воли сильных зависят»⁴.

Таким образом, классовая структура общества, его деление на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, по Крестинину, есть неизбежное следствие того, что среди людей имеются обладающие силой и применяющие ее для подчинения своей власти себе подобных.

Признавая неизбежность социального неравенства, Крестинин считает возможным, однако, несколько сгладить его проявление. Для этого нужна добрая воля сильных сего мира. «Воля человеческая, вообще одаренная свободностию, производит или добрые или худые дела»⁵. Надо, чтобы нашлось среди «главных купцов и капиталистов» побольше «мужей добродетельных, соединяющих собственную пользу с общим благом». Тогда воцарится покой и согласие между капиталистами и теми, кого они эксплуатируют, согласно латинской поговорке: «Concordia res parvae crescunt, discordia magna dilabuntur» («От согласия малые вещи возрастают, а от несо-

гласия великие разрушаются») ¹. Сравнивая два северных посада, Тотьму и Архангельск, Крестинин находит, что первый разбогател, «преуспев взаимным согласием гражданства», в то время как в пределах второго это «согласие» отсутствует.

Показательны те характеристики, которые дает Крестинин различным купцам. Он отмечает обычно две стороны их натуры (в соответствии со своей общей теорией желательности сочетать личную пользу с общим благом). Например: «купец, превосходный по своему в умножении богатств искусству, гражданин, предпочитающий при всяком случае собственное добро выше общего блага»; «первостатейный купец, речистый, проворный, богатый, но в гражданских добродетелях убогий человек»; «смыслом, торгами и именем посредствен, любимый человек первыми своего времени богачами... за всегдашнее к ним ласкательство и раболепство»². Итак, в каждом отдельном случае Крестинин отмечает и то, что характерно для описываемого им персонажа с точки зрения стремления к удовлетворению своих собственных интересов, и то, что характеризует его, как человека, действующего на благо общества в целях преодоления естественного закона: сильные подавляют слабых.

Заканчивает свой труд Крестинин весьма своеобразно. Предпоследний (94-й) поставленный им вопрос звучит так: «Какие дела... показали гражданские наши начальники в последовавшее время?». На этот вопрос следует несколько загадочный ответ: «Двоякого вида: ово хвалы, ово хулы достойные». На последний (95-й) вопрос автор отвечает еще более интригующей своей неопределенностью фразой: «История не умолчит о том в свое время», и ссылкой на статью Екатерининского «Наказа»: «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений»³. Очевидно, понимать это надо так: добрая воля направит человеческую (точнее, в данном случае, купеческую) деятельность в сторону смятения общественных конфликтов, Такова политическая позиция не только чуждого революционности, но боящегося всякого обострения социальных противоречий представителя русской буржуазии, стремящегося к усилению ее позиций в рамках самодержавия и крепостнического строя.

В приложении к труду Крестинина дана летопись приме-

¹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 13.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 94—95.

⁵ Там же.

¹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 95—96.

² Там же, стр. 138—139.

³ Там же, стр. 90.

чательных событий в г. Архангельске, помещены списки деятелей городского самоуправления, наконец, опубликованы некоторые архивные документы.

Буржуазная историография в лице Крестинина характеризуется многими новыми своеобразными чертами, отличающими ее от историографии дворянской. Отход от трудов общенационального масштаба и уклон в сторону тематики местного значения, интерес к прошлому отдельных городов, областей, купеческих и богатых крестьянских семей, попытка воссоздать прежде всего внутреннюю («гражданскую») историю, быт, в то время как раньше внимание устремлялось к темам государственной жизни, внешней политики и т. д. — все это весьма показательны для нового (буржуазного) этапа в развитии исторической науки.

Своеобразный местный патриотизм, заставляющий видеть в деятелях областного масштаба людей, заслуживающих того, чтобы их деятельность была запечатлена в памяти современников и потомства, побуждает буржуазных историков включать их в свое повествование, героями которого раньше были преимущественно цари, полководцы, дипломаты и т. д. Если это внешне выглядит как известное сужение исторического кругозора, то по существу здесь нужно видеть углубление задач исторической науки. В самом деле, на историческом полотне в большей мере начинают отражаться внутренние социально-экономические процессы, фигурируют люди, не принимавшие участия в крупных событиях, но деятельность которых важна для понимания этих процессов. Появляются характеристики купцов, выходцев из среды крестьянской буржуазии и т. д.

В то же время патриотизм буржуазных историков, представителей развивающейся буржуазной нации, проявляется в стремлении показать роль своего края в общенациональном процессе. Так, описывая прошлое Подвинья, Крестинин подчеркивает стремление его жителей к переходу под власть московских князей.

С точки зрения источниковедческой базы буржуазной историографии показательны ее стремление к изучению местных архивов. В научный оборот вводятся новые типы документов: крестьянские и купеческие архивы, акты из монастырских архивных фондов и т. д.

С точки зрения тематики исторического исследования важно, что объектом внимания буржуазной историографии делаются такие темы, как история земельных описаний, цены на землю и товары, положение половников, монастырская колонизация. В буржуазной историографии находит отражение (хотя бы в описательной форме, без раскрытия характера и

движущих причин этого явления) начинающийся процесс расчленения города и деревни, формирования крестьянской буржуазии.

В то же время зарождающаяся буржуазная историография многое заимствует от историографии дворянской, используя ее идеи для обоснования своих концепций. Это прежде всего идея о роли просвещенного абсолютизма в общественном развитии. Буржуазная историография делает ударение на значении абсолютизма в распространении торговли, промышленности, в просвещении купечества. В этом плане буржуазная историография сходится с дворянской в оценке роли Петра I и его преобразований, особенно подчеркивая, правда, их одну сторону (экономическую политику). Типичную для дворянской историографии идею общего блага буржуазия ставит на службу своим классовым интересам, сочетая ее с идеей личной (в данном случае купеческой) пользы. Развивавшуюся в трудах дворянских историков мысль о волеизъявлении человеческих действий как факторе исторического процесса буржуазные историки сочетают с идеей, заимствованной отсюда же, о делении общества на людей, от природы сильных или слабых. Отсюда делается вывод о желательности преодоления социальных антагонизмов путем устремления воли сильных (без ущерба для себя) на создание приемлемых форм общежития со слабыми. Выдвигая (вслед за дворянской историографией) историческое обоснование крепостничества, буржуазные историки включают купечество в число сословий, исторически имевших право пользоваться трудом крестьян.

Крупным явлением в русской исторической науке второй половины XVIII в. был труд М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия» (1781—1788).

Выходец из среды разночинцев, М. Д. Чулков (1740—1793) обучался в гимназии при Московском университете, затем работал в качестве секретаря Коммерц-коллегии, наконец, был сенатским секретарем. Литератор и этнограф, издатель сатирических журналов, собиратель песен и сказок, Чулков уделял большое внимание и экономическим вопросам. Вышеуказанный его капитальный труд, в котором он выступает с позиции русского купечества, состоит из 7 томов (21 книга).

В первом томе речь вначале идет о торговле древней Руси (до XVI примерно столетия) по Черному, Каспийскому, Балтийскому и Белому морям, затем о торговле через Архан-

гельск, балтийские порты, в Мурманске и на Кольском полуострове в более позднее время.

Второй том посвящен торговле России с Турцией, Италией, Польшей, Данцигом, Пруссией, Лейпцигом, Персией, Хивой, Бухарой, Индией и пр.

В третьем томе дается обзор торговых связей с Сибирью, Китаем, Монголией, Камчаткой и т. д.

Четвертый том содержит материалы, касающиеся торговли через Петербургский и Кронштадтский порты, пятый — материалы о торговле через Ригу, Ревель, Нарву, Выборг и т. д.

Шестой том посвящен внутренней торговле (оптовой и розничной) в России, путям сообщения, ярмаркам, городам, промышленным предприятиям, ремеслам, монетной системе и т. д.

В седьмом томе помещен «Лексикон купеческий или Генеральный штат всем товарам Российской торговли со изъяснением качеств, к чему способны, куда отпускаются и откуда привозятся, морем или сухим путем, самородные или деланные, сколько чего весом, мерою или щетом в одном году, какая цена была оным и прочая»¹. Здесь же приведены торговые регламенты, договоры, законодательство о торговле, инструкции таможенным управителям, консулам, маклерам и пр.

Как видно из общего обзора работы Чулкова, «коммерцию» он понимает широко, включая в нее не только торговлю, но и промышленность, транспорт, кредит, денежное обращение. Однако в центре внимания автора остаются торговля и купечество.

В предисловии («предуведомлении») к своему труду Чулков обосновывает значение «коммерции» для развития общества и государства. Он приводит ряд изречений, касающихся пользы «коммерции». Например: «Коммерция наполняет государство прилежными и полезными жителями, оживляет науки, художества и ремесла, распространяет кораблеплавание, дальние земли приводит в полезное знакомство и союз, открывает дражайшие сокровища Натуры и делает государство в самом себе сильным, а у соседей знатным»².

Высоко оценивает Чулков и общественную роль купечества. «По общим правилам купечество есть орудие коммерции. Оно составляет благополучие общества не потому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но потому более, что сей класс ободряет земледельство, служит ко обогащению обществу и в политических делах бывает иногда великою

подпорою государствам»¹. В другом месте автор пишет: «Купцы наиболее полезные члены в Обществе, они между областями содержат союзы, разделяют во весь свет дары Натуры, находят работу бедным, достаток богатым, великим славу и великолепие»².

В своих работах Чулков использует старую церковно-религиозную концепцию о роли в истории провидения для доказательства общественной пользы «коммерции». Якобы уже при сотворении мира божество, распространив повсюду стихии, которые абсолютно необходимы каждому человеку (воздух, огонь, воду, землю и пр.), «рассеяло» по разным местам дары природы, удовлетворяющие более тонкие потребности людей. В то же время уже в первого человека божество вложило различные склонности («всех темпераментов... пропорцию») с тем, чтобы его потомки, одолеваемые разными побуждениями, стремились к освоению всего земного шара и в то же время к поддержанию между собой связей. Так родилась «коммерция»³. Уже при сыновьях Адама, пишет Чулков, произошло разделение труда: Каин занимался охотой и земледелием, Авель — скотоводством. История древнейших государств (Финикии, Египта, Карфагена, Рима) доказывает, по Чулкову, до какого могущества можно дойти при помощи «коммерции» и каким бедствиям подвергнуться при невнимании («нерадении») к ней.

С библейских времен начинает Чулков и историю мануфактур («мануфактур»). Интерес представляет предисловие Чулкова к книге третьего тома шестого его труда, где он высказывает мысли о роли мануфактур и фабрик в экономике страны. Разницу между мануфактурами и фабриками Чулков устанавливает исключительно с точки зрения техники производства. «Под словом мануфактуры разумеется такое дело, которое отправляется без огня и без молотов; а фабрика означает такую работу, к которой требуется огонь и молоты, или другие тому подобные инструменты»⁴. Далее Чулков доказывает, что мануфактуры и фабрики являются основой «цветущих и постоянных коммерций» и, наоборот, «коммерция есть сильнейшее средство к споспешествованию мануфактурам и фабрикам»⁵. Это положение автор иллюстрирует примерами, относящимися к различным странам и народам.

¹ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. I, стр. 15.

² Там же, стр. 59.

³ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. II, кн. I, СПб., 1785, предисловие, стр. 3.

⁴ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. I, М., 1786, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 68.

¹ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. I, СПб., 1781, стр. 14.

² Там же, стр. 59.

Идеолог буржуазии Чулков утверждает, что «корысть есть единственным побуждением в коммерции», что «государству необходимо должно иметь богатых купцов»¹. Он требует также от государства полицейских мер для поддержания мануфактур, в частности для обеспечения их рабочей силой. Полиция должна способствовать «сохранению в народе спокойствия, порядка и здоровья...»². Следует добиваться такого положения, при котором работники могли бы «довольствоваться малым жалованьем...»³.

Касаясь налоговой политики, Чулков подчеркивает, что если «несносная подать приводит подданных в унылость и нерадение»⁴, то из этого не вытекает, «чтоб малая подать или сложение всех податей к трудам поощряли»⁵. Следует взимать «посредственную подать». Она «поощряет к трудам подданных»⁶. Эти мысли буржуазной политэкономии подтверждаются примерами, относящимися к разным странам.

Труд Чулкова ценен тем, что в нем использовано большое количество документов (из архивов Сената, Коммерц-коллегии и пр.), а значительная часть их приведена целиком.

Наряду с историками, защищавшими крепостническую систему, ряд представителей буржуазной историографии второй половины XVIII в. уже подошел к критике крепостничества. Среди них видное место принадлежит С. Е. Десницкому (год рождения неизвестен — умер в 1789 г.). Выходец из среды городских мещан, Десницкий получил образование в семинарии Троице-Сергиевой лавры, затем в гимназии при Московском университете, после чего стал студентом университета. Будучи направлен в Англию, Десницкий в течение четырех лет изучал право и другие науки в университете в Глазго. Он познакомился с трудами Адама Смита, Локка, Юма, Беркли, Гоббса и др., на которых ссылается в своих произведениях. Защитив диссертацию и получив ученую степень доктора прав, Десницкий преподавал в Московском университете. Профессор, стоявший на уровне европейского образования своего времени, выдающийся ученый в области юридических наук и социологии, блестящий оратор, избранный членом Российской Академии (занимавшейся вопросами русского языка и словесности), Десницкий касался в своих работах и многих исторических проблем.

¹ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции..., т. VI, кн. I. М., 1786, стр. 73.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 78.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ Там же, стр. 80.

⁶ Там же, стр. 82.

Ему принадлежит ряд докладов («Слов» и «Рассуждений») на собраниях Московского университета, в которых он излагал свои взгляды по различным вопросам теории и истории права. Это — «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции...» (1768); «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным...» (1770); «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются...» (1772); «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими...» (1775); «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах» (1778); «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общительства» (1781).

Свои мысли по поводу государственного устройства Десницкий изложил в проекте, написанном в связи с екатерининской Комиссией о создании Нового уложения: «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768).

Десницкому принадлежат также посвящение и предисловие к переводу книги Томаса Боудена «Наставник земледельческий или краткое Аглинского хлебопашества показание...» (1780) и примечания к переводу труда Блэкстона «Истолкования аглинских законов» (т. I—III, 1780—1782).

Передовой ученый того времени Десницкий отразил в своей идеологии противоречия, свойственные эпохе, когда в условиях феодально-крепостнической системы развивались буржуазные отношения. В его философском мировоззрении имеются элементы материализма в понимании природных явлений. В предисловии к книге Томаса Боудена «Наставник земледельческий» он противопоставляет греческому философу-идеалисту Платону естествоиспытателя Ньютона, перед которым Платон «со всей своей премудростью оказался ребячествующим». Однако материализм Десницкого имеет метафизический характер, а в понимании общественных явлений он в целом еще остается на идеалистических позициях.

Десницкий сознавал отрицательные черты крепостничества. В предисловии к «Наставнику земледельческому» Т. Боудена он рисовал картину буржуазной действительности Англии, где отсутствие крепостного права способствует мобилизации земельной собственности и развитию земледелия. «В Англии никаких препятствий политических земледелию теперь нет,

и обрабатываемая там земля повсеместно отдана в торг так, что всякой желающий может иметь оную беспрепятственно, отчего вся Великобритания сделалась повсеместным почти пахатным полем, и изобилием собственных плодов насыщает не только свой многочисленный в свете народ, но и соседние премногие»¹. Но когда дело доходило до конкретных предложений в отношении России, то эти предложения не шли у Десницкого дальше некоторого смягчения крепостного права, отмена же его представляется автору несвоевременной: «...нет возможности без нарушения спокойствия государства дать оным земледельцам права и преимущества»².

Непоследовательны взгляды Десницкого и на государственный строй. С буржуазных позиций он выступает с критикой такого рода феодальной монархии, в которой значительную политическую роль играет дворянская аристократия: «...феодальное правление в... самой вещи было не что иное как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собою государя, неполномощного». В то же время Десницкий критикует и политические формы буржуазного строя («коммерческого состояния») ³, при котором власть захватывают капиталисты. «Достаток, богатство и изобилие во всем суть средства, которыми сокровиществуящий миллионщик пленить может в послушание себе целый свет». Всесилие «миллионщиков» приводит к тому, что «самое правительство нередко приходит в замешательство и сделавшись в коммерческом состоянии колеблющимся, переменяется иногда в народное, аристократическое или в смешенное изо всех, какое ни есть третье...»⁴.

Десницкий был противником не только «аристократического», но и «народного» правления (республики), внушавшего господствующим классам особые опасения после крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

Политическим идеалом Десницкого являлась монархия, в которой глава государства (государь) правил бы вместе с представительным органом — Сенатом (из 600—800 чело-

¹ Наставник земледельческий или краткое аглинского хлебопашества показание. Издана на аглинском языке Томасом Боуденом... и переведена на российской язык... С. Десницким. М., 1780, предисловие, стр. 4.

² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I, 1952, стр. 319.

³ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в разных состояниях обществ. М., 1781, стр. 19.

⁴ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими. М., 1775, стр. 23.

век). Члены Сената должны выбираться имущими слоями населения — дворянами, купцами, разночинцами, духовенством и т. д. на основе буржуазного принципа имущественного ценза. Если этот проект Десницкого можно рассматривать как шаг на пути превращения России в конституционную монархию, то надо сказать в то же время, что в ряде своих «Слов» и «Рассуждений», в которых воспеваются деятельность Петра I и Екатерины II, Десницкий выступает, как и многие дворянские и буржуазные идеологи, сторонником просвещенного абсолютизма.

Для Десницкого как историка и историка права характерно стремление на основе сравнительного метода изучения выявить общие черты социально-экономического и политического развития ряда народов.

Десницкий выступил с критикой распространенной в его время теории Пуффендорфа о «естественном праве» как основе общественного строя. В противоположность этой теории Десницкий выдвинул мысль о том, что изменения в общественном строе связаны с изменениями понятий о частной собственности, определяемыми эволюцией хозяйственной жизни.

Десницкий различает четыре стадии («состояния») в развитии человечества: 1) период звероловства и простого собирательства готовых произведений природы («состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, самоорождающимися на земле»); 2) период скотоводства («состояние народов, живущих скотоводством или пастушеское»); 3) период земледелия (состояние «хлебопашественное»); 4) период промышленности и торговли (состояние «коммерческое») ¹. Изучая эти четыре стадии хозяйственного быта, говорит Десницкий, можно понять различные стороны исторического процесса: «...по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах» ².

В праве частной собственности Десницкий различает три момента: 1) право распоряжения своею вещью «по произволению»; 2) право требовать «свою вещь от всякого, завладевшего оною несправедливо»; 3) право «отчуждать свою вещь кому кто хочет при жизни и по смерти» ³. Под углом зрения этих трех моментов (важных с точки зрения буржуазного представления о частной собственности) Десницкий и рас-

¹ См. С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени..., стр. 4—5.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 8—9.

смачивает эволюцию права собственности по четырем «состояниям», которые переживало человеческое общество.

На стадии охотничьего хозяйства понятие частной собственности отсутствует. «Различие того, что *твое* и *мое*», в это время «весьма мало вразумительно»¹. Произведения рук человеческих тогда были весьма несложны и рассчитаны на собственные нужды. Поэтому «у таких народов коммерции или мены вещей никакой почти не примечается»².

У пастушеских или скотоводческих народов уже появляется понятие о частной собственности. Однако оно еще не развито. Стада «пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств людьми»³. Предметом частной собственности являются лишь движимые вещи, но не земля. «Пресмыкаясь с места на место», пастушеские народы «не могут пристраститься к одному утвержденному жилищу»⁴.

С переходом к земледелию и с его успехами объектом частной собственности становится земля. В то же время расширяется и право частной собственности на движимое имущество.

Полного развития право частной собственности достигает в буржуазном обществе (в «коммерческом состоянии»), когда росло разделение труда в обществе, развивались промышленность и торговля.

Общая концепция Десницкого представляет значительное достижение исторической, экономической и правовой мысли своего времени. Буржуазный идеолог, он в основу изучения общественно-политического строя положил эволюцию частной собственности, причем подошел к частной собственности не как к чему-то извечно существующему, а как к явлению, меняющемуся в связи с изменениями хозяйственной жизни. Конечно, он был далек при этом от понимания тех производственных отношений, которые определяют характер и формы собственности. Его наблюдения вращаются в плоскости анализа разных «понятий» о собственности. Идеальными для него являются те «понятия», расцвет которых наблюдается в «коммерческом» состоянии и он не мыслит их переходящего характера, их классовой ограниченности. Ограниченность буржуазной идеологии Десницкого заключается и в полном игнорировании тех революционных потрясений, которые связаны с изменением форм собственности и ее перераспределением.

К «четверояким состояниям» народов Десницкий относит и различные формы семьи. На стадии собирательно-охотничьего хозяйства господствуют беспорядочные половые сношения, жены являются рабынями мужей.

В обществе скотоводов существует многоженство. «Первое введение супружества», по словам Десницкого, было вызвано той пользой, которую женщины оказывали в хозяйстве. Но положение женщины по-прежнему было близко к положению рабыни.

С успехами земледелия роль женщины в хозяйстве увеличивалась. Природа, говорит Десницкий, «мужа сотворила приобретателем и искателем вне дому благ, жену хранительницею оных сделала внутреннейю дома»¹. Появляется парный брак. «...в таком сельском состоянии не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза была причиною первоначального порядочного супружества»².

Полного развития брак достигает в «коммерческом состоянии», хотя в то же время с ростом богатства растет и разврат. «В сем состоянии по причине достатка, изобилия и роскоши великое рождается совершенство и развращение народов, почему и супружество при таком случае с совершенством своим нередко иногда и на развратное мужа и жены житие похожим примечается»³.

Как в вопросе об эволюции права частной собственности, так и в вопросе о развитии семьи взгляды Десницкого имели передовой характер. Показывая, что формы брака и семьи менялись на протяжении развития общества и что эта смена определялась развитием хозяйства, формированием понятий о собственности, Десницкий наносил удар господствовавшему в условиях феодально-крепостнической системы церковному учению о семье и браке как богоустановленным институтам. И в данном случае, как и в вопросе об эволюции частной собственности, построения Десницкого носят печать классовой ограниченности, в силу которой идеалом для автора является буржуазная семья. Неверно и представление Десницкого (связанное с идеализацией буржуазного строя) о том, что положение женщины на четырех стадиях общественного развития изменялось от рабства к свободе. В действительности, в первобытном обществе, на стадии матриархата, женщина занимала весьма влиятельное положение.

¹ С. Е. Десницкий. Ук. соч., стр. 11.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 16.

¹ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества..., стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 23—24.

В связи с историей семьи Десницкий касается и вопроса о характере родительской власти над детьми. Он проводит мысль о том, что на ранних ступенях общественной жизни у различных народов власть родителей над детьми была безграничной. Родители имели право убивать и продавать своих детей. У римлян это «варварское обыкновение» продолжалось очень долго, даже тогда, когда они «в цветущее состояние пришли»¹. Причины этого Десницкий видит, во-первых, в том, что римляне были военным народом, думали о завоеваниях и об удержании в подчинении покоренных стран, в силу чего у них было много «старинной суровости и зверских обычаев...»². Другую причину «продолжения римских варварских обычаев и узаконений» Десницкий ищет в «народном» (республиканском) правлении в Риме.

В этом тезисе сказались отрицательное отношение Десницкого к республиканской форме государственного устройства, при которой, по его словам, «весьма трудно можно обойтись без смятений и тревожений». Верховная власть не в силах удержать в повиновении граждан, из которых каждый «принимает равномерное участие» в государственном управлении. «Для подкрепления слабости в правлении и для восстановления спокойствия и тишины в народе» было необходимо предоставить отцу «полномощную власть» над своими детьми³. В буржуазном обществе самовластие родителей исчезает.

Особое внимание уделяет Десницкий происхождению общественной власти и государства. Он считает, что общественное неравенство и система господства и подчинения возникают тремя путями: 1) в силу физического превосходства одних людей над другими; 2) в силу того, что одни люди выделяются среди других своими внутренними качествами (хитростью, проворством, прозорливостью и т. д.); 3) в силу скопления в руках части людей богатств. Последний путь Десницкий считает главным и наиболее типичным. «Итак превосходное богатство есть первой источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими»⁴.

Поэтому происхождение государства Десницкий связывает с возникновением и развитием частной собственности на землю. Уже «у варварских народов» начальники или атаманы «делаются повелителями над своими согражданами и

удерживают свое достоинство и власть над ними». «В возвышенном состоянии народов», с введением собственности на землю зарождались феодальные государства («происходило во всех первоначальных европейских государствах феодальное правление», т. е. «правление аристократическое, состоящее из вельмож») ¹. Феодальное правление было и в России.

Не понимая, конечно, сущности государства как продукта классовых противоречий и его значения как орудия классового господства, Десницкий, однако, в вопросе о происхождении государства сделал многое уже тем, что показал его историю в связи с ростом частной собственности на землю и имущественного неравенства.

Интересны соображения Десницкого о государствах, созданных завоеваниями, с одной стороны, и являющихся результатом внутреннего развития — с другой. Десницкий отмечает непрочность государств, возникших на основе завоеваний. Различие в общественном и политическом строе, нравах народа-завоевателя и народов покоренных делает непрочным владычество первого. Завоевательные походы таких «варварских героев», как Атилла, Чингис-хан, Тамерлан и др., представляли собой не что иное, как «ветреную бурю, которая возстав от востока и с ужасным стремлением прошел до запада, обратно на восток с шумом возвратилась, оставляя за собою только одни следы своего свирепства в государствах, чрез которые проходила»². Столь же непрочными («вскоре за победой исчезающими») были и завоевания Александра Македонского.

В качестве условий прочности государств Десницкий указывает наличие «изрядного законоположения», единства веры и крепких торговых связей («великой взаимной коммерции с своими и соседними народами»). Непонимание классовой сущности государства видно из того, что эти условия, по мнению Десницкого, создают предпосылки «для верного соединения подданных и для их единодушного и единомысленного повиновения своему правлению»³.

Наряду с историей государства Десницкий поднимает вопрос и об истории права и законодательства. Он исходит из буржуазного определения права как свободы делать то, что «дозволяется по закону и «не запрещается оным», а также распоряжаться своей собственностью («употреблять, отчуж-

¹ С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. М., 1788, стр. 47.

² Там же, стр. 47—48.

³ Там же, стр. 48—49.

⁴ Там же, стр. 33.

¹ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени., стр. 19.

² С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

дать и взыскивать свою вещь») «как закон велит»¹. Поэтому история и права и законодательства, по Десницкому, неотделима от развития частной собственности.

В то время, когда люди еще не имели никакого понятия о собственности, они управлялись не законами, но «застарелыми обычаями» (таковы древние афиняне, лакедемоняне, современные Десницкому камчадалы). С появлением собственности в обществе начались «тяжбы, ссоры, смертоубийства», а для их предотвращения стали издаваться законы, регулирующие права граждан, определяющие вопросы, связанные с частной собственностью и наследованием².

Сначала законы были немногочисленны, просты и несовершенны, «не требовали нарочитых людей» для своего истолкования. Затем появилась нужда в таких специалистах (юристах, адвокатах).

Интересно, что Десницкий поднимает специально вопрос об изучении памятников русского права. «Мы не должны в своем почтении к римскому праву, — пишет он, — выходить за предел и предпочитать Юстиниана нашим приснопамятным законодателям царю Алексею Михайловичу, Петру Великому... Екатерине II...»³.

Изучение истории законодательства (классовой направленности которого Десницкий, конечно, понять не мог) неразрывно с процессом формирования и развития частной собственности характеризует передовую буржуазную юридическую мысль.

Для Десницкого характерно также представление о том, что для развития законодательства и права необходим рост просвещения. Поэтому в государствах, живущих завоеваниями, где на первое место выдвигаются «военная слава и военное чиновничество», а науки и искусства находятся «в небрежении», — приходят в забвение «суд и истинна», которые начинают «мечем предписываться»⁴. Это — концепция, типичная для идеологов просвещенного абсолютизма.

Заслуживает внимания попытка Десницкого вывести из понятия о праве собственности представление о святости некоторых предметов. Так, у ряда народов (языческих и христианских) отдельные предметы и лица считались *священными*

(посвященными богам — жертвенники, храмы и т. д.), *святыми* (находящимися под охраной религии — например, в Риме городские стены, ворота, из лиц — родители, трибуны, посланники и т. д.), *принадлежащими к благочестию* (погребальные сооружения). Все эти предметы находились в собственности богов, их «никто не мог иметь во владении или употреблять на собственную пользу»¹. Таким путем правительство удерживало своих подданных от разрушения и использования для собственных нужд публичных зданий и пр. Так было и в России. С развитием просвещения место религиозной санкции заступают «строгость и святость законов», «как несравненно действительнейшие способы к восстановлению порядка, тишины и спокойствия в обществе»².

Таким образом, автор проводит мысль, что религия на ранних стадиях общественного развития играет роль стимула, сдерживающего человеческие инстинкты, направляющего поведение людей по пути «благопристойности»³. Позднее такими стимулами становятся учение, воспитание, пример.

Десницкий считает, что религия имеет как отрицательное, так и положительное значение для общества. Так, римляне, с одной стороны, наделяли своих богов «такими страстями, которые по нынешнему просвещеннейшему рассуждению не делают чести природе и человеческой». С другой стороны, те же римляне «по своему суеверию доходили до таких существ и приписывали оным такие качества, которые восхищали их к удивлению и казались человечеству подобием совершенств божиих»⁴. Поддерживавший религию «ужас смерти» — это «великий яд... человеку во щастии», — говорит Десницкий, — но и «великий... воздержатель» рода человеческого от неправды. Этот яд «постигает и умерщвляет единого», но «хранит чрез то и соблюдает страхом целое общество»⁵.

В высказываниях Десницкого о религии имеются отдельные элементы материализма.

Несмотря на то, что Десницкий не оставил монографий по русской истории и вообще у него нет исследований на специальные исторические темы, его вклад в развитие исторической науки весьма велик. И только по недоразумению его имя отсутствует в трудах по историографии. Принято считать, что Десницкий был теоретиком и историком права. Но его значе-

¹ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах. М., 1778, стр. 14.

² С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, стр. 19.

³ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства..., стр. 10.

⁴ Там же, стр. 8.

¹ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими у разных народов защищаются. М., 1772, стр. 29.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 41.

ние как ученого во много раз шире. В его «Словах» и «Рассуждениях», взятых в целом, мы находим стройную концепцию развития общества, основанную на материале сравнительно-исторических наблюдений и освещающую с разных сторон исторический процесс. Несмотря на общий идеалистический подход к явлениям социальной жизни, для Десницкого характерна попытка положить в основу понимания процесса общественного развития эволюцию хозяйственных отношений.

Элементы критики феодально-крепостнической системы имеются в сочинениях Я. П. Козельского (родился около 1728 г.— год смерти неизвестен). Сын наказного сотника полтавского полка, Козельский учился в гимназии и университете при Академии наук в Петербурге, а затем преподавал в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе, служил в Сенате (секретарем) и в других правительственных учреждениях. Он много писал, причем круг его интересов был очень разнообразен. Ему принадлежат труды по математике и механике, философии, истории. Выступал Козельский также в качестве переводчика.

Вслед за Руссо Козельский видел источник общественного неравенства в возникновении частной собственности на землю, а по вопросу о происхождении государства придерживался договорной теории. Критикуя современный ему феодальный строй, Козельский видел общественный идеал в основанных на новом договоре социальных отношениях, при которых каждый человек получит «гражданскую вольность и собственность имения». Таким образом, этот утопический строй, к которому человечество, по мысли Козельского, должно прийти мирным путем, предусматривал наличие, опять-таки частной собственности. По существу утопия Козельского означала признание буржуазных порядков. Известную дань отдал он и теории просвещенного абсолютизма.

Свои взгляды на задачи истории Козельский высказал в предисловиях и примечаниях к переведенным им трудам иностранных писателей: «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления» аббата Вертота (ч. 1—2, 1764—1765); «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиним из сочинений Роллена Кревиэра и других...» (1765); «История Датская» Гольберга (1765—1766).

Говоря об истории, Козельский противопоставляет ее философии как науку, изучающую конкретные факты и события — науку, абстрагирующуюся от конкретной действительности. История «вместо сухих и скудных философских правил исправляет наш разум и поступки живыми и в натуре происходя-

щими примерами»¹. По образцу дворянской историографии XVIII в. Козельский подходит к истории с точки зрения того практического опыта, который она дает изображением примеров из области прошлого.

На основе изучения истории Козельский воссоздает картину будущего идеального общества (созданного с учетом как положительных, так и отрицательных явлений прошлого), в котором простые люди довольны своим положением, вельможи заботятся о подданных и учат добру государей, а те следят за правосудием. История «низких людей научает быть довольными своим состоянием; вельмож наставляет к трудолюбию, прилежанию к их должности, к исканию пользы и удовольствия их подчиненных, и к поданию своему монарху полезных и спасительных советов; монархам напоминает их должность, учит их правосудию, удерживает от излишеств объявлением печальных примеров, случавшихся за то другим обладателям»². Собственно говоря, этот идеал весьма близок к тому, какой мыслили сторонники просвещенного абсолютизма.

История наглядно свидетельствует о том, что в течение «неизмеримого и почти вечного времени» род человеческий «никогда не знал прямого своего благополучия или не умел искать его постоянным и разумным образом»³. В поисках «благополучия», т. е. соответствующего интересам большинства людей общественного строя, надо добиться победы разума над человеческими страстями и пороками. А главным пороком является неумеренное самолюбие — «тиранн человеческого разума». Из самолюбия («из сей проклятой и страшной ехидны») истекают все другие страсти («мерзские и лютые изчадия»): корыстолюбие, роскошь, несправедливое властолюбие, зависть, ненависть, вражда и т. д.⁴

«Неумеренное человеческое самолюбие» делает неизбежными войны, которые становятся «необходимыми и почти законным упражнением»⁵. История наполняется «военными делами, военными упражнениями и военными хитростями», за которыми люди забывают «о полезных законах, добрых учреждениях, честных обычаях и других добродетелях»⁶. Одни народы покоряют другие, а затем сами становятся объектом завоевания. Так, «славные в военных делах» афиняне, спартанцы

¹ История славных государей и великих генералов., Предисловие, стр. 1.

² Там же.

³ История Датская., ч. 1. Обращение к читателю, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ Там же, стр. 4—5.

и др., хотя «и по самой конец цветущаго их состояния не потеряли ни мало храбрости, ни дисциплины», однако были покорены другими народами¹.

Посвятив много строк обличению войн, Козельский затем рисует такое воображаемое состояние «рода человеческого», при котором будут господствовать «тишина и спокойствие». Он мечтает о том, чтобы «все в подсолнечной обитающие народы пребывали между собою в любви и союзе и пользовались невозбранно один другого земными плодами, и произведениями», а государи и государства «жили между собою в таком согласии, как та благополучная фамилия, в которой отцы любят друг друга, любят своих и других детей, милостиво содержат своих и чужих слугателей...»². На основе печального опыта истории, опыта войн и завоеваний,— вырастает мирная социальная утопия.

Козельский ставит вопрос о том, кому и за какие заслуги история вправе дать название великого человека. Он в соответствии с мыслями, общими для просветителей, отвечает, что такого прозвища не заслуживают завоеватели, его достойны люди, которые мирными делами «приносят обитателям вселенной покой, изобилие и взаимную любовь...»³. Козельский считает, что неправильно называется великим Александр Македонский, который «объявил себя неприятелем всего света» и подобно «ужасной буре» «взволновал и раззорил великое множество таких народов, которые ни малейшего ему озлобления не причинили...», который был и «раззорителем собственной своей нации»⁴.

Козельский лишь оборонительные войны признает правомерными. Подлинно великим человеком Козельский считает Петра I. Он был «герой по принуждению» и воевал «по причине властолюбия своих соседей, а не по охоте». Он не ограничился тем, чтобы укрепить свое государство «наружную крепостию, то есть искусством военным», но постарался придать России «внутреннюю крепость и силу», а именно «утвердил в ней правосудие, снабдил ее полезными законами, завел науки и разные искусства и художества, заставлял подданных своих к трудам и научал их пользоваться плодами своей земли»⁵. Достойной преемницей Петра I, по мнению Козель-

ского, была Екатерина II. Так, Козельский идеализировал отдельных монархов.

Его общее мировоззрение противоречиво. Выступая с критикой феодально-крепостнической системы, он многое воспринял из дворянской историографии. В изучении истории им движет желание обогатиться опытом для построения нового строя,— буржуазного по своей сущности¹.

¹ Характеристика экономической мысли в России во второй половине XVIII в., см. в труде: История русской экономической мысли, т. 1. М., 1955; о Десницком см. С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955.

¹ История Датская..., ч. 1, стр. 4.

² Там же, стр. 7.

³ История славных государей и великих генералов..., Предисловие, стр. 1 об.

⁴ Там же, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 3.

Лекция одиннадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. НАЧАЛО КРИТИКИ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Представителем зарождающейся буржуазной историографии являлся И. А. Третьяков (год рождения неизвестен — умер в 1776 г.). По своему происхождению он, по-видимому, был сыном офицера, хотя распространенная версия считает его выходцем из духовного сословия. Окончив Тверскую духовную семинарию Третьяков поступил в 1761 г. в Московский университет, откуда был отправлен в Англию, в университет в Глазго. После окончания Глазговского университета и защиты диссертации Третьяков получил ученую степень доктора гражданского и церковного права. С 1767 г. он стал преподавать в Московском университете, причем читал лекции на русском, а не на латинском языке. Передовой ученый, в трудах которого уже имелись элементы материалистического мировоззрения, Третьяков испытывал преследования реакционеров от науки.

Подобно Десницкому, Третьяков излагал свои взгляды в публичных выступлениях («Словах» и «Рассуждениях») в Московском университете. Как и Десницкий, будучи правоведом-теоретиком, Третьяков в широком плане поднимал в своих трудах вопросы исторического развития народов, пользуясь сравнительно-историческим методом, включая в свои труды материал и по истории России.

В «Рассуждении о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов» (1772) Третьяков выдвигает мысль, что в основе социально-экономического развития лежит разделение труда, кото-

рое не является извечной категорией, а возникает лишь на определенной ступени жизни человеческого общества. На ранних стадиях истории человечества разделение труда отсутствовало. «В первоначальном гражданстве разделение трудов не могло быть известным. Чрез долгое время люди упражнясь в работе разных дел, едва могли доставать себе пропитание». Для появления разделения труда необходимо было изобилие продуктов в обществе. Без этого не могли развиваться промышленность и сельское хозяйство. «Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей». Без этого «недостаточный ремесленник» не мог «приступить к заведению фабрик и мануфактур». Для занятия земледелием человеку нужно было «запаситься... по крайней мере на год съестными припасами...»¹. С разделением труда появляется «дешевизна и довольство» товаров². Открывается широкое поле для «разных изобретений, произведенных сильным могуществом души человеческой»³. Растут науки и «художества» (промышленность), что способствует «обогащению» государств⁴.

Говоря об исторических причинах, замедляющих общественное разделение труда, Третьяков, кроме натуральных «препятствий» (низкого технико-экономического уровня) называет и «препятствия» политические. На ранних стадиях развития общества («во всяком первоначальном гражданстве») наблюдается слабость правительства, оно не имеет власти для поддержания «художников» и ремесленников. Последние, «не имея от правительства надлежащего защищения и ободрения, делают нерадивыми и неспособными к произведению обильных плодов своими трудами...».

В силу слабости государства оно не могло принять нужных мер для обороны страны. Завоеватели опустошали земли побежденных народов «и самих их вконец разоряли». В качестве примера автор приводит завоевания арабов «и других премногих варварских народов», которые «многочисленными ордами, не будучи другими державами от толика наглости и свирепства воспящаемы, другие земли вконец истребляли».

Препятствовал, по мнению Третьякова, общественному развитию и «народный вкус, происходящий от особых обстоятельств», т. е. вызванный особыми условиями жизни характер

¹ И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов. М., 1772, стр. 11.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 7.

народа. Так, у римлян, например, «художества и другие упражнения» отошли на второй план перед военным делом¹.

Попытка объяснить общественное развитие разделением труда (несмотря на всю механистичность этого объяснения) была новым и смелым подходом к изучению исторического процесса.

В «Слове о римском правлении и о разных онаго переменах» (1769) Третьяков поднимает вопрос о государстве и его формах. Опыт древней и новой истории убеждает автора, что государства испытывали и испытывают потрясения от народных движений. «В древних и нынешних гисториях» отразились «народный повсеместно вопль и роптание, каковые происходили от неудовольствия на правительствующих». «От негодования на правление» часто поднимались «внутренние тревожения, от которых государства больше, нежели от неприятельских нападений разорялись»². Третьяков считает, что нельзя достигнуть такого государственного устройства, которым бы «всяк, с первого до последнего в обществе доволен был»³. Каждая форма государства имеет свои положительные и отрицательные черты. Однако необходимо вскрывать те «причины, какие нечувствительно вкрадываются в правление и бывают произведением всенародного злополучия». Необходимо также делать из этого соответствующие выводы на будущее. Все это, по мнению Третьякова, требует «проницательного дарования и довольного упражнения в гистории и в делах государственных»⁴.

И. А. Третьяков ставит своей задачей на примере римской политической истории показать причины изменения государственных форм. Он называет три такие формы: 1) правление королевское (по существу аристократическое); 2) общенародное; 3) правление кесарей (монархия).

Королевское правление, по Третьякову, характеризовалось наличием трех властей: королевской, сенатской и народной. Воинственность римлян и необходимость для них всегда быть готовыми к самозащите привели к тому, что жители селились преимущественно или в самом Риме или в его окрестностях. Город сделался чрезвычайно многолюдным, а римский народ «по самом малейшем знаке весь внутрь стен в мгновении собраться мог». Это вызывало «между всеми гражданами»

¹ И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства., стр. 12—13.

² И. А. Третьяков. Слово о римском правлении и о разных онаго переменах. М., 1769, стр. 3.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 4.

«великое дружество и обхождение взаимное». Они имели возможность постоянно общаться и предупреждать «всякой род насильства» со стороны правительства «противу какого, хотя единого, гражданина». Поэтому римляне, еще недостаточно сведущие в области «наук и мануфактур», «о вольности ж чрезвычайно скоро взяли понятия...»¹. Так совершался переход от аристократической формы государства к республике. После изгнания царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.), «народ, оставя Рим, удалился на священную гору, и трибуны народные были поставлены»².

Переход в Риме от республики к монархии кесарей Третьяков связывает прежде всего с обширными завоеваниями. «Богатство, со всех сторон в город ввозимое, произвело роскошь...». Узнав «изобретения и науки», «к прохлаждению жизни принадлежащие», римляне «нужды и требования свои умножали». У «народа римского» произошло «пременение нравов», толкавшее их к новым завоеваниям. Стали набираться армии из бедноты, для которой военное дело было единственным пропитанием. Римские владения были разделены на провинции, во главе их стояли губернаторы, имевшие в своем распоряжении крупные военные силы. «Снискав грабежем и исторжением безмерное богатство», они без труда подчинили себе войска и «посягнули на вольность народную». «Конечное... разрушение» «древнего установления» (республики) произвели Юлий Цезарь и Август³.

С утверждением в Риме империи там распространилась еще большая роскошь. Богатые «истощали» свое имущество, «простой народ» перестал работать. «По всем состояниям, с великого до малого» распространилось презрение к труду. Стало ослабевать «римское остроумие в науках». Большая часть населения «возвратилась в первобытное вспять невежество и варварство». Не хватало средств для содержания войск. Отдельные части империи стали отпадать от Рима. «Таким образом, римское правление постепенно приближалось к той аристократической форме, в которой оно с первоначалия во владение королевское являлось»⁴.

Третьяков далек от понимания классовой структуры государства, но важна его мысль, раскрытая на конкретном материале, о связи развития политических форм с изменениями в социальных отношениях.

В «Слове о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768) Третьяков

¹ И. А. Третьяков. Ук. соч., стр. 16—17.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 20—22.

⁴ Там же, стр. 25.

поднимает вопрос (на сравнительно-историческом материале) о развитии науки и просвещения.

Первоначально источником знания был опыт. Произведения человеческих рук были очень несложны и поэтому доступны каждому. Но затем «происходит разделение трудов» и «рождаются искусства». Разделение труда связано с появлением социального неравенства: «по разделении трудов натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как-то: на хозяев и работников»¹. «Работные люди» берут на себя труд, «оставляя хозяевам одно присмотрение за собою и повеление»². Чрезвычайно важна мысль Третьякова о связи разделения труда с социальным делением общества, хотя он еще не дошел до понимания сущности классовых противоречий.

Успехи «искусств» (промышленности) приводят к тому, что увеличивается богатство у ряда людей и это является предпосылкой для развития просвещения.

Первоначально не было специальных школ. Так, в древней Греции обучение было домашнее, учителями являлись отцы семейств. С развитием наук появились ученые, которые стали учить других. «...Не возможно тому стать, чтоб с самого начала люди в обществе были одинакова дарования и равномерного прилежания и склонности ко всему. По сей причине тот, кто чрез отменное дарование и труд несравненно превосходнейшим других в науке оказался, без сомнения мог снискать себе довольно последователей, из которых одни учились у него из любопытства, другие от тщеславия...»³. Развитию просвещения способствовало появление письменности. Обилие философских систем соответствовало числу лиц, их защищавших. Предмет «философии» столько много различен был, сколько и самих сих философов наименования были»⁴.

Римляне мало продвинули вперед науки по сравнению с греками. Находясь в постоянной «войне со всем светом», они не имели «времени прилежать к наукам»⁵. Большая часть римских философов — это, по Третьякову, «несносные схоластики», которые «поднимали обо всем неутомимые споры не в пользу ни себе, ни отечеству...»⁶.

Небольшое число наук в древности, их незначительная

роль в обществе и преподавание лишь на природных языках делали ненужными государственные училища. Потребность в таких училищах явилась в позднейших европейских государствах. Причиной этому были: 1) преподавание «наук и искусств» на разных языках; 2) «велики обширность и совершенство» «нынешних наук и искусств»; 3) «необходимая надобность» их для отечества¹. Эти причины не во всех европейских государствах действовали совокупно.

Автор рассматривает далее борьбу за влияние в школах между духовными феодалами и королевской властью в средневековых странах. Он говорит, что после того, как «западным государством Римским овладели немецкие варварские народы», «остатки римлян соединены были во единой народ с варварским». Образовалось «правление феодалное». Духовные феодалы, усилившись, «зделались соперниками во-первых знатым фамилиям, а потом и самым державным особам». Пользуясь «благородных людей невежеством и суеверием», они учредили свои школы, которые получали привилегии от римского папы. «Такое есть начало университетов нынешних в Европе»². В дальнейшем монахи были изгнаны из школ, которые перешли под покровительство европейских государей³. Это было прогрессом.

В «Слове» Третьякова интересны и его попытки связать развитие наук и просвещения с ростом общественного разделения труда, и его характеристика античного и средневекового феодального обществ, и его стремление показать борьбу светского просвещения против церковной схоластики. Несмотря на отсутствие классового подхода к явлениям общественной жизни и общее идеалистическое представление об историческом процессе, в конкретных наблюдениях и теоретических обобщениях Третьякова было много нового, идущего вразрез с феодальной историографией. Как и Десницкого, Третьякова отличает стремление осветить разные стороны общественного развития, показав их взаимную обусловленность, и раскрыть общие явления в жизни разных народов.

В историографии второй половины XVIII в. видное место занимает русский просветитель Н. И. Новиков (1744—1818). Представитель небогатой дворянской фамилии Новиков учился в гимназии при Московском университете, а затем поступил в Измайловский полк. Он принимал также участие в работах Комиссии по составлению нового Уложения. Выйдя в 1769 г.

¹ И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных издательствах. М., 1768, стр. 11—13.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 21.

¹ И. А. Третьяков. Слово о происшествии... М., 1768, стр. 26.

² И. А. Третьяков. Ук. соч., стр. 27—29.

³ Там же, стр. 31.

в отставку, Новиков занялся публицистической деятельностью. Он стал издавать сатирический журнал «Трутень», в котором содержалась полемика с выпускаемым Екатериной II журналом «Всякая всячина». В «Трутне» подвергались критике крепостническое дворянство, чиновничество, высмеивался придворный быт. Смелая сатира Новикова вызвала недовольство господствующего класса и правительства, и в 1770 г. «Трутень» был закрыт.

В дальнейшем Новиков издавал новые сатирические журналы: «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774). Не выступая против крепостнической системы, Новиков вел борьбу с теми злоупотреблениями крепостным правом, которые допускали помещики, обличал вельмож, судей, приказных, дельцов. Большое патриотическое чувство побуждало Новикова к выступлениям против дворян, презрительно относившихся к русскому народу и слепо подражавших всему иностранному. Он пытался убедить русское общество в необходимости распространения просвещения.

Понимая несправедливость крепостного права, Новиков не мог подняться (и в этом сказались классовая ограниченность его мировоззрения) до борьбы за его уничтожение. Он не был и борцом против самодержавия. Просветитель по своей идеологии, Новиков пытался путем воздействия печатного слова добиться излечения дворянской среды от ее пороков. Но по силе обличительной сатиры Новикову принадлежит почетное место в ряду передовых мыслителей и деятелей России последней четверти XVIII в.

После крестьянской войны под предводительством Пугачева Новиков ищет путей и средств для своей просветительной деятельности в масонстве. Ставши масоном, он пытается воздействовать на общество призывами к нравственному совершенствованию. В это время он издает литературно-философский журнал «Утренний свет».

В 1779 г. Новиков переехал из Петербурга в Москву. Здесь он развернул широкую издательскую деятельность; он выпустил ряд периодических изданий — газету «Московские ведомости» (1779—1789), журналы «Московское ежемесячное издание» (1781), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784). В обстановке общественного подъема 80-х гг. в газету «Московские ведомости» попадали сведения об американской революции, о прениях в английском парламенте в связи с американскими событиями и т. д. В статье о Вашингтоне проводилась мысль о том, что когда «народ и его предводители ведомы суть тем же духом и воспламенены теми же страстями, то... в таком случае целая нация составляет одну глыбу, которая подавляет все своею тяжестью и величиною,

которым ничто сопротивляться не может»¹. В «Московском ежемесячном издании» была напечатана статья «Философ» (перевод, с дополнениями, из Энциклопедии французских просветителей Дидро и Даламбера). В ней содержится мысль, что науки только «вольностью процветают». Но печатались в этих изданиях и материалы консервативно-мистического направления.

Арендовав на десять лет типографию Московского университета, а также пользуясь другими типографиями, Новиков выпускал большое количество книг (из области художественной литературы, истории, философии, экономики, политики, учебные пособия и т. д.). Он организует книжную торговлю, открывает библиотеку-читальню.

Просветительская деятельность Новикова казалась опасной царизму. В 1792 г. он был арестован и заточен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожденный в 1796 г. после вступления на престол Павла, Новиков поселился в своем имении, где и провел последние годы своей жизни.

Для развития исторической науки имеет значение труд Новикова: «Опыт исторического словаря о российских писателях», собранного «из разных печатных книг, сообщенных известий и словесных преданий» (1772). Можно с достаточным основанием считать, что это — первая попытка подобрать материал по русской историографии, ибо среди писателей в «Словаре» фигурируют и историки. Большинство статей коротки и имеют справочный характер. Тем более интересны имеющиеся в «Словаре» оценки отдельных лиц. Важно также приглядеться к принципам отбора имен для включения в «Словарь».

Сам автор подчеркивает патриотические цели своего труда. «Не тщаславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству, к сочинению сея книги меня побудило», — пишет он. Новиков указывает на уважение европейских народов к своей национальной исторической традиции. «...Все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей, а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей». Новиков считает, что необходимо создать труд, из которого можно было бы почерпнуть сведения о русских писателях. «Одна Россия по сие время не имела такой книги, и может быть сие самое было погублению многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения»². На написание подобной книги толкала

¹ «Московские ведомости», № 71, 1783.

² Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря.. Предисловие, стр. 1—2.

Новикова его идеология просветителя, видевшего в успехах литературы, просвещения, разума, передовых идей залог прогрессивного общественного развития, преодоления ужасов крепостничества.

В «Словаре» помещены статьи о древнерусских летописцах (Несторе, Сильвестре Выдубицком), о публицистах XVII в. (например, Авраамии Палицыне), об авторах XVIII в. (Пошковой, Феофане Прокоповиче и пр.). Новиков помещает в свой «Словарь» (идя вслед за Татищевым) и имена лиц, о которых нет достоверных данных (например, Иоакима Корсунянина, якобы древнего новгородского летописца, или священника Иоанна Глазатого, который якобы написал Казанский летописец).

Очень важно, что в «Словаре» нашли место сведения о деятелях XVIII в. — выходцах из народа. Так, довольно подробно описаны изобретения известного механика-самоучки Кулибина. В статье о Крашенинникове Новиков подчеркивает: «Он был из числа тех, кои не знатностию породы, ни благодеянием щастия возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными»¹.

Высоко ценит Н. И. Новиков Ломоносова. В статье о нем Новиков изменяет принятой в «Словаре» манере изложения: краткости, деловитости и известной сухости. Он дает длинную оценку деятельности Ломоносова. «Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения», — пишет Новиков. «Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом»².

Более сдержанно по тону, но достаточно высоко по существу оценивает Новиков научную деятельность Татищева («сей достойный великого почтения муж») ³. Отдает должное Новиков и Миллеру, про которого говорит: «Сей ученый муж за многие и полезные свои труды великой достоин похвалы»⁴.

«Словарь» Новикова — интересный памятник исторической мысли. Но особенную известность Новиков получил своими публикациями источников по русской истории. С 1773 г. он начал выпускать ежемесячные сборники под названием: «Древняя Российская Вивлиофика или собрание разных древних сочинений, яко — то российския посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других

исторических и географических достопамятностей». Затем это издание получило другое, более короткое, название: «Древняя Российская Вивлиофика или собрание древностей российских, до российския истории, географии и генеалогии касающихся».

Начиная это издание, Новиков поместил в первой (январской) книжке за 1773 г. обращение «К читателю». Он указывает, что его задача — возбудить интерес к прошлому России и поднять патриотические чувства. Многие русские люди «с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некоторое начертание нравов их и обычаев, и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою». Новиков подчеркивает, что важно знать историю других стран и народов, но еще важнее, по его мнению, изучить прошлое своей страны и своего народа. «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов, но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными».

Новиков заканчивает свое обращение к читателю призывом: «Не взирай на молодых кошунов, ненавидящих свое отечество, они и самые добродетели предков наших пересмевают и презирают»¹.

Таким образом, издание «Древней Российской Вивлиофики» Новиков расценивал как дело общественное, направленное к поднятию национального самосознания.

Первое издание «Древней Российской Вивлиофики» состоит из десяти частей (1773—1775). Вначале в течение года выпускались две части, в каждой из которых содержался материал в пределах шести месяцев. В 1774 г. были выпущены части третья — шестая, в каждую из которых включен материал за три месяца. В частях седьмой — десятой, выпущенных в 1775 г., уже нет деления материала по месяцам.

В «Древней Российской Вивлиофике» публиковались как тексты документов, так и их более или менее подробные описания. Хронологически документы охватывают очень большой период: с древнейших времен до XVIII в. Печатались духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, ханские ярлыки, дворцовые разряды, чины поставления царей и высших церковных иерархов, дипломатическая переписка с другими странами, описания посольств, синодики и т. д.

В подборе документов из архивных хранилищ большую

¹ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря., стр. 97.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Там же, стр. 141.

¹ Древняя Российская Вивлиофика, ч. I, январь. СПб., 1773. «К читателю».

помощь Новикову оказали Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. И. Бантыш-Каменский (архивный работник).

В 1788—1791 гг. Новиков переиздал свою «Древнюю Российскую Вивлиофику» уже в 20 частях. В предисловии ко второму изданию он писал, что при его подготовке решил привести материал «в возможный хронологический порядок и по крайней мере в каждом томе сложить пиесы, относящиеся к одному предмету». Новиков подчеркивает, что второе издание «Древней Российской Вивлиофики» «будет вмещать в себе почти столько же новых материй, сколько было в десяти частях первого издания, а по сему и может оно почтаться почти новым»¹. Во втором издании полностью напечатаны некоторые памятники (например, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей), описание которых было дано в первом издании.

«Древняя Российская Вивлиофика» представляет очень ценный подбор источников по русской истории. Тексты документов напечатаны достаточно точно, хотя и встречается ряд ошибок и ляпсусов. Дается описание внешних признаков публикуемых текстов, печатей, к ним привешенных и т. д.

С именем Новикова связаны и другие публикации источников. Так им впервые издана «Книга большого чертежа» — ценный источник по географии России XVII в. («Древняя Российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оные расстоянии») (СПб., 1773). Издал Новиков также «Историю о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» и другие рукописи.

Деятельность Новикова — важный этап в развитии исторической науки в России. Плодотворной была та патриотическая струя, которой пронизаны все начинания Новикова. Это — патриотизм русского просветителя, проникнутый любовью к русскому народу и ненавистью к жуткой крепостнической действительности XVIII в. Это — не квасной патриотизм, ищущий в прошлом материала для оправдания современных Новикову крепостнических порядков, а патриотизм, стремящийся подчеркнуть те лучшие завоевания и достижения русского народа в разных областях общественной жизни, науки, культуры, которые могли бы подсказать пути его дальнейшего развития. При всей классовой ограниченности мировоззрения Новикова его поиски в прошлом ответа на злободневные запросы современной ему действительности, поиски,

проникнутые чувством национальной гордости, способствовали развитию передовой общественной мысли.

Важен был приступ к систематическим серийным публикациям архивного материала. Важно было коллективное начало в организации этой работы, ибо Новиков старался привлечь к участию в своей издательской деятельности лиц (очень и очень немногочисленных), как и он, предпринимавших розыски новых документов, как и он, заботившихся о том, чтобы сделать их общим достоянием.

Новиков осознал важность научной традиции, имеющей в области историографии такое же значение, как и в других отраслях науки, значение преемственности в накоплении материала и в наблюдениях над ним. Отсюда его забота об опубликовании исторических трудов прошлого и о создании словаря русских писателей — первого опыта сводного труда по истории исторической науки.

Вершиной передовой исторической мысли было творчество дворянского революционера А. Н. Радищева (1749—1802). Он не был профессионалом-историком, не был и любителем, посвятившим себя собиранию источников и их обработке в целях исследования какой-либо специальной проблемы или общих вопросов исторического прошлого. Он не ввел в научный обиход новых источников, как это сделали Татищев, Щербатов, Миллер, Новиков и другие. Радищев не оставил и специальных самостоятельных исторических работ, не изложил своих взглядов по отдельным историческим проблемам в развернутых обобщающих лекциях, как Третьяков или Десницкий. Он подошел к вопросам истории как революционер, как борец против самодержавия и крепостничества. Для Радищева исторические занятия — это не плод досуга, это не дело простой любознательности, это, наконец, не результат потребности найти примеры для подражания. Это — органическая часть его деятельности как революционного писателя. И осмысление им исторического прошлого было глубоким (несмотря на ограниченность его идеологии, несмотря на общее идеалистическое понимание истории), ибо он лучше многих своих современников понял сущность самодержавия и крепостничества и звал к борьбе с ними. Он лучше многих своих современников овладел и западноевропейской радикальной буржуазной литературой, осмысливающей опыт истории человечества и намечающей пути общественного переустройства.

Исторические мысли и наблюдения содержатся во всех произведениях Радищева, свидетельствуя одновременно и о силе и об известной слабости передовой общественной мысли России его времени, обусловленных характером ее развития.

Прежде всего, важны общие представления Радищева об

¹ Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2-е, ч. 1. М., 1788, Предисловие, стр. VIII—IX.

истории. В своем знаменитом произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев неоднократно обращается к вопросу о сущности и характере исторического процесса. В главе «Подберезье» он высказывает чрезвычайно важную мысль о тесной связи «веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными», приближаясь тем самым к материализму. Эту связь, однако, он представляет чисто метафизически, считая, что причина «всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного» лежит в кругообразном виде земной планеты «и других, к солнечной системе принадлежащих тел», а также в их «коловращении». «Мир нравственный» Радищев уподобляет такому же колесу. Исторический процесс — это в представлении Радищева своеобразное движение по кругу с возвращением к исходному пункту: «...в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении своем имеет начало».

Механистически Радищев уподобляет тот жизненный процесс, который переживает каждое отдельное живое существо, процессу развития человеческого общества: «Животное, прозябаемое, родится, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место». Точно так же «бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются».

В то же время сила Радищева, преодолевающая эту теорию цикличности, заключается в том, что стержнем, ведущей линией исторического процесса является для него борьба передовых и реакционных явлений. Свою мысль о «коловращении» в истории он иллюстрирует на примере борьбы вольномыслия с суевериями. Он показывает, как христианство «далося суеверию», «воздвигло начальника (т. е. папу), расширило его власть, и Папа стал всесильный из Царей». Затем появился Лютер, «воздвиг раскол», «здание предубеждения о власти Папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие». Но «вольность мысли» в свою очередь «вдалася необузданности». Дойдя до пределов, «вольномыслие возвратится вспять»¹.

В главе «Вышний Волочок» автор также предается размышлениям о том, что история представляет человеческому разуму ряд примеров последовательного движения сначала по восходящей, затем по нисходящей линии. Он делает вывод о том, что и «нынешние державы, от естественных и нравственных причин разпадутся, позлащенные нивы их порастут тернием, и в развалинах великолепных чертогов, гордых их правителей, скрываться будут ужи, змеи и жабы...»².

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, стр. 260—261.

² Там же, стр. 323.

Но в этих рассуждениях отнюдь нет той фаталистичности, которая присуща мировоззрению ряда представителей дворянской историографии. Революционная сущность идеологии Радищева приводит его к представлению о том, что главное в истории — это борьба «вольности» с деспотизмом, в результате которой деспотизм должен быть свергнут. «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...»¹.

В оде «Вольность» (написанной около 1781—1783 гг.) Радищев формулирует этот «закон» развития человеческого общества как своего рода «закон природы»:

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзят;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит².

В оде «Вольность» Радищев приводит ряд примеров из истории, рисующих борьбу вольности с деспотизмом. Он называет имя римского императора Августа, который, обвинив центавры чугунный скипетр, усыпив «вольность», давил «выю» народов, создавая при этом иллюзии, что они «правят сами». Вспоминает Радищев Брута и Вильгельма Телля — поборников республиканского строя, которые еще могут «проснуться» в лице будущих борцов за вольность, и тогда от «гласа» вольности придут в смятение цари, находящиеся у власти. Говоря о деятеле английской революции Кромвеле, Радищев отмечает, что он казнию «на суде» короля Карла дал потомкам пример того, «как могут мстить себя народы». В то же время Радищев указывает, что за подъемом английской революции, за свержением монархии наступила реакция, и обвиняет Кромвеля в том, что, имея в своей руке власть, он «твердь свободы сокрушил». Радищев обращается к деятелю борьбы за независимость североамериканских колоний Вашингтону со словами: «Твой вождь — свобода, Вашингтон»³.

Интересно, для своего времени творчески и по-новому подходит Радищев к вопросу о роли личности в истории. В произведении «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792—1796) Радищев ставит вопрос о великих людях и

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 361.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 1.

о среде и обстановке, в которых им приходится действовать. Мысль Радищева сводится к тому, что пределы возможностей «великих мужей» определяются условиями времени и места их деятельности. «Редко возмоет тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих». Природа щедра на «произведение» «великих дарований», но история не всегда создает нужные предпосылки для проявления этих дарований. Чингисхан и Степан Разин в других условиях, чем те, в которых они действовали, «были бы не то, что были». «Великого мужа» делают обстоятельства. Кромвель, «дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как-то на войне великие качества военного человека». Если же ему пришлось бы действовать в «тесной округе монашеской жизни», то он «прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами». Если бы Фридрих II не оказался на престоле, то он «остался бы в толпе посредственных стихоплетчиков, и, может быть, ничего более».

Далее Радищев утверждает, что деятельность «великих людей» привлекает к ним последователей. «Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъяться из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепится к магниту». Но для того, чтобы этот магнит оказался дееспособным, опять-таки «нужны обстоятельства, нужно их поборствие». Иначе «великих мужей» ждет участь Яна Гуса, который «издыхает во пламени», или Галилея, который «влечется в темницу».

Своевременное появление «великих мужей» на исторической арене обеспечивает успех их деятельности; «...время, уготовление, отъемлет все препоны». Так «преобразователями» стали Лютер и Декарт.

Радищев указывает, что в деятельности «великих мужей» есть известная историческая последовательность и преемственность. Для того, чтобы появился Ньютон, необходима была деятельность его предшественника Декарта. Воздействие идей, поступков, работ исторического деятеля на других лиц Радищев уподобляет результатам удара, данного шару. «Вследствие законов движения» этот удар «сообщается всем, на пути его стоящим»¹.

Несмотря на ряд чисто механистических параллелей, приводимых Радищевым для объяснения исторических явлений из области физики и т. д., несмотря на идеалистический характер его представлений о воздействии исторических деятелей на среду, высказывания Радищева о роли личности в истории имели для своего времени передовой характер.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, стр. 128—129.

Свои общие мысли об историческом процессе Радищев раскрыл при изучении конкретного материала, относящегося к разным стадиям общественного развития.

В работах Радищева поставлена проблема истории первобытного общества.

В труде «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев говорит об отличии человека от животных и дает характеристику первобытного человека. В этом труде широко использована передовая буржуазная литература XVIII столетия, французская, немецкая, английская: труды Гольбаха, Дидро, Гельвеция, Адама Смита и др.

Важное отличие человека от животного Радищев видит в том, что он обладает речью и способностью к мышлению. «Он (человек) един в природе велеречив, все другие его собрания немые. Он един имеет нужные для речи органы». Такое важное качество, присущее человеку, как речь, определяет возможность его развития. «Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием»¹.

Говоря о начале социальной жизни человека, Радищев исходит из теории «соучаствования». Это — свойство переживать чужие горести и радости. «Соучаствование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех одарен им человек»². Человек склонен также к «подражательности». Эту склонность многие вожди использовали в целях своего господства над народом. «На сем свойстве человека основывали многие управление толпы многочисленных»³.

Указывая, что человек — это существо мыслящее, Радищев подчеркивает, что на него большое влияние оказывает природная среда, в частности климат. «...многие его умственные силы следуют законам естественности»⁴.

Но одним воздействием на человека «естественности» (природной среды), считает Радищев, нельзя объяснить его общественное развитие. Необходимо учитывать, что человеку присущ разум. Благодаря разуму, человек способен к изобретениям, которые вызываются ростом потребностей и условия для которых создает природа. «Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 52.

² Там же, стр. 54.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 59.

лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель»¹ и т. д.

Громадную роль в развитии человечества сыграло, по Радищеву, земледелие. Оно способствовало общественному разделению труда, развитию производства и обмена, происхождению собственности и государства. «Земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления».

Радищев отмечает, что основой социального неравенства и установления системы господства и подчинения явилось право собственности на землю. «Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеку. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам...»².

Несмотря на отсутствие у Радищева научного представления о сущности антагонистических классов, верной была его мысль о роли частной собственности на землю в происхождении социального неравенства (которую высказывал и Десницкий).

В ранних трудах по законодательству Радищев ставит вопрос о происхождении государства. Он рисует первоначальное состояние человеческого общества, как состояние естественного равенства, заложенного самой природой: «Человек, исходя на свет, есть равен во всем другому. Немощен, наг, алчущ, жаждущ». Естественной обязанностью человека является забота о пропитании и сохранении жизни, первое право, ему принадлежащее, «есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков» (т. е. потребностей). Таков «естественный закон».

В дальнейшем человек сам, во избежание распрей и кровопролитий, отказывается от полученной им от природы неограниченной власти в использовании необходимых продуктов, соглашается признать общую власть над данною ему природою властью частною и тем самым делается гражданином.

Собрание граждан, по Радищеву, называется народом. Власть народа («соборная») — власть первоначальная и поэтому высшая. Поскольку всему народу трудно пользоваться властью, он ввергает ее в видах общей пользы одному человеку или ряду лиц. Злоупотребление народной властью «есть

преступление величайшее, но судить о нем может только народ в соборном своем лице»¹.

В труде «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищев также поднимает вопрос о возникновении и сущности государства. Первобытное («первенственное») состояние человека «состояние равенства и независимости» не могло продлиться долго. Природная слабость людей, их склонность к самовластию, боязнь насилия со стороны других — все это требовало объединения отдельных людей в общество. Для этого каждый член общества должен был переменить «свою природную свободу, силами каждого ограниченную, на свободу гражданскую, в житии по законам состоящую». Так образовалось государство — общество — народ (понятия для Радищева равнозначные). Государство, по мнению Радищева, основано на соглашении (прямом или безмолвном) лиц, в него входящих («единственников»). Для управления необходим государь или вождь, облеченный верховной властью. Ему принадлежит право назначать наказания (в пределах действия закона) для поддержания порядка².

Однако учреждение государства, по Радищеву, способствует росту «неравенства имений» (имущественного неравенства). «Опыт всех веков и современности доказывает невозможность равенства имений», а отсюда происходит нищета — на одном полюсе; роскошь — на другом³.

Укреплению общественного неравенства и росту деспотизма содействовал недостаток просвещения, позволяющий правителям обманывать народ. «Нума мог грубых еще Римлян уверить, что Нимфа Егерия наставляла его в его законоположениях. Слабые Перуанцы охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца, и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся Аравитян своими бреднями. Все они употребляли внешность; даже Моисей принял скрыжали заповедей, на горе среди блеску молнии»⁴.

Радищев исходил из теории происхождения государства в результате общественного договора. Эту теорию он использовал для провозглашения тезиса об ответственности государя перед народом и о праве народа вершить свой суд над государем, отступающим от закона.

В ряде работ Радищева содержатся высказывания по вопросам истории древнего рабовладельческого мира.

В 1773 г. был опубликован сделанный А. Н. Радищевым

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 64.

² Там же.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., 1952, стр. 10.

² См. А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 187—190.

³ Там же, стр. 193—194.

⁴ Там же, стр. 329.

перевод книги французского просветителя Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков». Перевод свой Радищев снабдил рядом примечаний. Из них наибольший интерес для характеристики Радищева как дворянского революционера представляет примечание, в котором он дает определение самодержавия, как «наипротивнейшего человеческого естеству состояния» и провозглашает право народа привлекать к ответственности государя за его «неправосудие», ибо «государь есть первый гражданин народного общества»¹.

И в других своих работах, в которых Радищев касается истории древнего мира, он обращает основное внимание на борьбу с тиранией.

В «Песне исторической» (произведение в стихах) Радищев излагает свои мысли об истории древнего Востока, Греции и Рима, следуя в значительной мере тем взглядам, которые развивались в западноевропейской буржуазной политической литературе (Монтескье, Мабли, Вольтер и др.). В образах отдельных деятелей прошлого Радищев представляет борьбу вольности с деспотизмом. Нарисовав картину расцвета Греции в то время, когда правил народ, «возлюбивший своевольность до безумья»², Радищев говорит затем о падении народоправления в результате деспотической политики македонских царей Филиппа и Александра. Хотя по смерти последнего и «возсиял дух древний паки» и можно было снова увидеть «возраждающуюся вольность», восстановить ее полностью не удалось; «...вольность, в древней Греции сиявшая, в век потухла невозвратно»³.

Смену вольности деспотизмом видит прежде всего Радищев и в основных событиях истории древнего Рима. История Рима опять-таки воплощается им в образах отдельных деятелей. Ромул основал Рим. Брут «положил угольный камень зданию Римския свободы». Ряд славных римлян — «украшение... отечества во Риме», — «рдея» к нему любовью, «все на жертву приносили»⁴. Но с ростом территории Римских владений и богатств государства «изрыгают в Рим все страсти, что затмят в нем добродетель». Росло неравенство, зная все более проявляла свое властолюбие. Напрасно братья Гракхи хотели «возродить в превратном Риме нравы древни и равенство»⁵. В Риме скоро воцарилась тирания.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 282.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 82.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 87, 90.

⁵ Там же, стр. 94—95.

В «Беседе о том, что есть сын отечества» (1789) Радищев ставит вопрос о происхождении античного рабства. Он возражает против тезиса Аристотеля о том, что сама природа предназначила одной части рода человеческого быть «в рабском состоянии», а другой — «в господственном». Радищев считает, что рабство — это явление историческое, оно вызывается различными обстоятельствами. «Причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству...»¹.

В главе «Хотилово» книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев истоки рабства ищет в странах древнего Востока: «Зверской обычай поработать себе подобного человека, возродившейся в знойных полосах Ассии, обычай диким народам приличный... простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко»². Памятниками поработки народа являются египетские пирамиды, «нелепые кучи камней», «беспольных обществу», созданные «на погребение надменных фараонов»³.

Не будучи научно раскрыты причины первого деления общества на антагонистические классы — рабовладельцев и рабов, — Радищев тем не менее правильно квалифицировал рабство как явление, возникающее на определенной ступени исторического развития, и отметил социальные противоречия в древних восточных государствах.

Много внимания в своих трудах уделил Радищев духовному гнету в эпоху древнего мира и средневековья. В «Путешествии из Петербурга в Москву» имеется очерк «Краткое повествование о происхождении цензуры». В этом очерке автор проводит мысль о реакционной роли деспотизма в борьбе со свободомыслием и в частности о том, что служители культа «были всегда изобретатели оков, которыми отягчались в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылья, да не обратит полет свой к величию и свободе»⁴. Радищев начинает с рассказа о гонениях на свободомыслие в древнем Риме, затем говорит о преследованиях, которые предпринимало в отношении своих противников христианское (особенно католическое) духовенство. Он рассказывает об учреждении инквизиции и ее злодеяниях. Специальное внимание уделяет Радищев истории цензуры в Англии, Франции, Австрии и т. д. Очерк насыщен богатым фактическим материалом.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 218—219.

² Там же, стр. 312.

³ Там же, стр. 317.

⁴ Там же, стр. 336.

Наконец, Радищев касался и той системы эксплуатации, которая существовала в современных ему буржуазных странах. Так, в главе «Хотиллов» книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев говорит о политике угнетения, проводившейся европейскими колонизаторами в Америке. В основе хозяйственного подъема в Америке лежит рабский труд. «Заклав Индейцев единовременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею»¹.

Итак, история стран Востока и Западной Европы рассматривалась Радищевым с позиций революционной историографии, видевшей основную действующую силу исторического процесса в борьбе передовых и реакционных явлений, стремящейся раскрыть роль народа. Правда, под понятием «народ» часто подразумевались не трудовые массы, а общество в целом, без деления на классы.

Особенный интерес проявлял Радищев к русской истории. Он изучал летописи, законодательный материал, труды Татищева, Миллера и др. Он писал поэтические произведения на темы из русской истории.

В поэтической повести «Бова» (1798—1799) в литературных образах Радищев воспроизводит сцены из русской истории. В этой повести интересно прежде всего, что он рисует исторические картины из жизни не только русского, но и нерусских народов: Армении, Грузии, Крыма, Тмутаракани, Дунайской области, Волжской Болгарии, Сибири. Касаясь истоков Древнерусского государства, Радищев описывает грабительские действия норманских дружин («...лютых и свирепых, ко серебру и злату алчных, сих варягов и норманов», которые «пеня волны, окропляют их верхи людскою кровью»).

Наряду с возвеличением древнерусской государственности в образе князя Владимира Святославича, который «в граде Киеве престольном княжил в блеске пышна сана над обширным царством Русским, окружен всегда толпою славных рыцарей Российских», в той же повести автор сочувственно дает образы тех, кто вел борьбу с крепостническим строем на более позднем этапе развития этой государственности — донских казаков («молодцов, что мы издавна называли козаками»)².

В поэме «Песни, петые на состязания в честь древним славянским божествам» описывается состязание древних сла-

вянских песнотворцев на языческом празднестве. В качестве эпитафии к своей поэме Радищев взял текст из «Слова о полку Игореве»: «Тогда пускает 10 соколов на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди песнь пояше...». Радищев, широко используя образы славянской мифологии, старался показать силу и красоту поэтического творчества древних славян. «Сладкогласные песнопевцы», пишет он, стремились к тому, чтобы «слава языка Славянского» проникла «во все концы известного тогда мира»¹. Сюжетом песен является борьба славянских воинов с опустошительными набегами кельтских полков. Славное прошлое славян, в представлении Радищева, является залогом их великого будущего:

О народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным...²

Песня кончается прорицанием жреца о том, что потомки древних славян

Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят природу даже,—
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства³.

Сохранились отрывочные записи Радищева по русской истории: выписки из исторических источников и трудов, заметки самого Радищева. Характер этих выписок и заметок в какой-то мере характеризует и направление интереса, и взгляды Радищева.

Общественный строй древних славян Радищев считал демократическим. Показателем этого, по мнению Радищева, являются вечевые собрания: «Народные собрания» были «во употреблении»; «Веча или народное собрание, на кое созывали особливым колоколом, называемым вечным, и на оных зборищах основалась наипаче вольность народа»⁴.

В «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» (1792—1796) Радищев высказывает мысль о том, что демократические порядки, подобные новгородским (Радищев не понимал классовой сущности Новгородской феодальной рес-

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 316—317.

² Там же, стр. 30—33.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 54—55.

² Там же, стр. 72—73.

³ Там же, стр. 73.

⁴ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 36.

публики), были издавна свойственны всем восточным славянам: «...вечевой колокол, палладиум вольности Новгородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее, и роду Славянскому сосущественно, с того может быть даже времени, одно, как Славяне начали жить в городах; другое, когда Христианский закон перенесен в Россию и при церквах колокола возвешены»¹.

Древнерусских князей Радищев считал выборными: «...сие, как думаю, было, как у других народов, что князей выбирали из княжеской фамилии»².

Специальное внимание уделяет Радищев борьбе Руси с татаро-монгольскими захватчиками, отмечая, например, такие факты: «В городах, непризнавая власть татар, зачели обращение чеканной монеты»; «Князь Александр Михайлович казнен в Орде за то, что Шелканку, ханскому родне, воспретил разорять Тверь»³ и т. д. Неоднократно обращается Радищев к страницам из истории Новгорода.

Общественно-политический строй древнего Новгорода Радищев представляет себе, как уже указывалось, в виде народоправства. В главе «Новгород» в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев пишет: «Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь». Радищев приводит выдержки из новгородской летописи, указывающие на то, что новгородцы написали специальное письмо «для защищения своих вольностей», что они чеканили свою собственную монету, что в Новгороде был колокол, «по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных».

Автор указывает на большие размеры территории Новгородского государства («Область Новгородская простиралась на Севере даже за Волгу»), на развитие его торговых связей («Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе»; «торговля была причиною его возвышения»). Причины падения Новгорода Радищев видит во внутренних усобицах и политике «хищного соседа» (Московского княжества)⁴.

Возвращаясь к теме об общественно-политическом строе Новгорода в работе «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», Радищев отмечает, что торговые сношения с Гамбургом и Любеком, вступление в Ганзейский союз спо-

собствовали распространению «лучших понятий о гражданской вольности» или же побудили в «жителях Нового города желание приобретения оной»¹.

Говоря об образовании Русского централизованного государства, Радищев больше всего останавливается на времени Ивана Грозного. Политику Ивана Грозного в отношении Новгорода Радищев рисует как деспотическую, вызванную борьбой новгородской республики, как органа народоправства, с самодержавием московских царей. «Уязвленный сопротивлением сей республики, сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел ее разорить до основания». Радищев задает вопрос о том, какое имел право Иван Грозный «свирепствовать» в Новгороде, «присвоить» его себе. И отвечает другим вопросом: «Но на что право, когда действует сила?». Иван IV, по мнению Радищева, действовал деспотически, по праву силы².

В то же время Радищев отмечает положительные мероприятия правительства Ивана Грозного, направленные на укрепление Русского государства, преодоление политической раздробленности и борьбу за его независимость. «...покорением царства Казанского и Астраханского» Грозный «возбудил государственные силы, всегдашним разделением и от ига татарского в недействие пришедшие. Введением лучшего в судах и в воинстве порядка он положил основание того величества, которого Россия достигла»³.

Радищев затрагивал и вопросы взаимоотношения русского и нерусского народов России в период образования централизованного государства.

«Сокращенное повествование о приобретении Сибири», основанное на материале «Описания Сибирского царства» Г. Ф. Миллера, интересно не только изложением обстоятельств присоединения Сибири к России, но и тем, что Радищев поднимает в этом труде общие проблемы политики Русского государства в отношении нерусских народов и народной колонизации окраин.

Радищев исходит из предпосылки о том, что присоединение Сибири было результатом стремления к «властвованию и присвоению» со стороны России. Причем инициатива в этом деле, по Радищеву, исходила не от правительства. «...Присоединение Сибири к Российскому владению был плод усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых»⁴. Под этим углом зрения Радищев рисует деятельность Строгановых, стремив-

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 145.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 38—39.

³ Там же, стр. 32—33.

⁴ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 262.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 145, 264.

² См. А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 263.

³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 41.

⁴ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 146.

шихся к «прибыльному торгу». Не раз Радищев проводит аналогии между завоеванием Сибири и проникновением европейских колонизаторов в Америку.

Сочувственно описывает Радищев деятельность Ермака Тимофеевича, отмечая такие его качества, как «неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения»¹. Указав далее, что эти качества вообще присущи русскому народу и что они не исчезли даже «при самой тяготе ига чужестранного» (татаро-монгольского), Радищев видит в них залог великого будущего «россиян», которые создадут новый общественный строй (об этом сказано, правда, в очень неясных выражениях). «О народ, к величию и славе рожденный,— восклицает Радищев,— если они («сии качества») обращены в тебе будут на снисkanie всего того, что соделать может блаженство общественное!»². Это было новое революционное понимание патриотизма.

Выразитель антикрепостнической идеологии, Радищев не мог пройти мимо вопроса об историческом развитии крепостнической системы. В главе «Хотиллов» книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев ставит вопрос о происхождении крепостного права. Отмечая его исторически преходящий характер, Радищев считает, что первоначально крестьяне были собственниками земли. Право собственности на землю возникло в процессе труда: «...в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно». Обстоятельства переменились, когда человечество удалилось «от первоначального общественного положения относительно владения». Имевший «естественное... право на владение землей» был «от того исключен совершенно», и «работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другаго!»³.

В России крепостнические отношения, по мнению Радищева, были введены дворянством. Цари якобы пытались «положить предел стоголанному сему злу» (крепостному праву), но из-за сопротивления дворянства не могли произвести «разрушение оков пражданския неволи»⁴.

Во взглядах Радищева на происхождение крепостного права в России много ошибочного, объясняемого и идеалистическими предпосылками в подходе к этому вопросу, и недостаточным знанием источников. Но ценной является общая направленность идеологии Радищева, интересовавшегося происхождением крепостного права в целях борьбы с ним.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 151.

² Там же, стр. 147.

³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 315.

⁴ Там же, стр. 312—313.

Подходя к петровскому времени, Радищев высказывает интересную мысль о том, что преобразования первой четверти XVIII в. были подготовлены в XVII в. Правда, предпосылки этих преобразований Радищев видит лишь в приглашении при Алексее Михайловиче в Россию иностранцев¹.

В оценке исторической роли Петра I Радищев значительно отошел от той панегирической литературы, которая так типична для его времени, хотя и отдавал Петру должное. О значении деятельности Петра I он говорит в «Письме к другу, жителюствующему в Тобольске» (1790), рассказывая об открытии в 1782 г. в Петербурге памятника Петру I работы Фальконе. Радищев, высоко оценивает деятельность Петра, называет его «обновителем России», «пределы коея он расширил столь славно». В Петре Радищев видит «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно». Он привел «силы пространные России в действие», первый дал «стремление столь обширной громаде, которая яко первенствующее вещество была без действия», основал Петербург и воздвиг «на Невских и Финских водах... российский флаг, доселе несуществовавший».

Радищев пытается разгадать замысел ваятеля памятника, воплощенный в его деталях. «Крутизна горы» — это препятствия на пути преобразований Петра. «Змея, в пути лежащая» означает «коварство и злобу» тех, кто желал его смерти «за ведение новых нравов». «Простой убор коня и всадника» является символом «простых и грубых нравов», отсутствия просвещения в народе, с чем боролся Петр. «Простертая рука» всадника — эмблема того, что он преодолел все «стремлению его противявшиеся пороки».

В то же время Радищев подчеркивает деспотизм Петра. Хотя его «громкие дела» возбуждали удивление и почтение, вряд ли был хоть один человек из тысячи, кто «возносил» его от чистого сердца. Половина людей, превозносивших Петра, — это «ласкатели», «во внутренности своей его ненавидевшие». Другая часть его современников раболепствовала перед ним, объятая «ужасом безпредельно самодержавных власти». Сам Радищев видит в Петре «властного самодержца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». Радищев считает, что Петр мог бы быть значительно более славным, если бы он «возносяся сам», возносил «отечество свое, утверждая вольность частную».

Самое открытие памятника Петру I Радищев оценивает не только как дань заслугам великого человека перед отечеством, но и как апофеоз самодержавия. «Но колико крат,— пишет

¹ См. А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 41.

Радищев,— признание наше было живее, и тебя достойнее, когда бы оно не следовало примеру твоея преемницы, достойному хотя примеру, но примеру того, кто смерть и жизнь миллионов в руке своей имеет». Это признание было бы свободнее и «чин открытия изваянного... образа Петра» превратился бы в «чин благодарственного молебствия» народа¹.

Для понимания идеологии Радищева интересно его отношение к лучшему представителю русской нации XVIII в.— Ломоносову.

В «Слове о Ломоносове», включенном в «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев дает оценку деятельности Ломоносова. Это «Слово» проникнуто гражданским пафосом. «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалю силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу». Ломоносов ценен своими заслугами перед обществом и за это он достоин похвалы, его «слово» — это слово «Российского племени», ибо он принадлежит к числу лучших представителей русской нации — вот что хочет сказать Радищев, развивая новое понятие патриотизма, связанная с понятием гражданского долга. Ломоносов будет жить до тех пор, пока «слово Российское ударять будет слух», если даже «яростный некий завоеватель истребит имя» его отечества.

Радищев отмечает заслуги Ломоносова в разных областях науки и просвещения.

В то же время Радищев возражает против преувеличения заслуг Ломоносова. «Отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарности, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал». Хотя Ломоносов и занимался историей, Радищев не считает правомерным «искать» в нем «великого деесписателя» и сравнивать его с Тацитом, Рейналем или Робертсоном. Ломоносов «умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома», но это, по Радищеву, не дает основания ставить его рядом с Франклином, ибо Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел». Таким образом, Радищеву свойственна известная недооценка научной оригинальности Ломоносова.

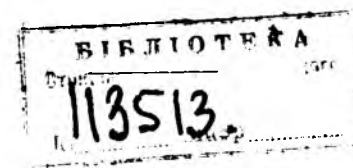
Особенно интересны те высказывания Радищева, которые представляют общественно-политическую оценку роли Ломоносова. Радищев порицает его за похвальные оды царям. «Не завидую тебе, что следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного брядания, ты льстил похвалою в стихах Елизавете». Радищев пишет, что он готов бы был

простить Ломоносову такую политическую слабость, если бы можно было это сделать «без уязвления истинны и потомства»¹.

Творчество Радищева оказало влияние на лучших представителей революционной мысли России XIX в.— декабристов, революционных демократов.

XVIII столетие — это важный период в развитии русской историографии, отмеченной острой борьбой реакционных и передовых направлений исторической мысли. В XIX в., в условиях кризиса крепостнической системы, эта борьба наполнилась новым содержанием.

¹ См. А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 379—392. См. о Радищеве Э. С. Виленская. Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 32—51; Б. Б. Кафенгауз. А. Н. Радищев об истории России. Учен. Зап. МГУ, вып. 156, 1952, стр. 66—80.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 147, 151.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Лекция первая.</i> Введение. Предмет, задачи, методы разработки курса русской историографии	3
<i>Лекция вторая.</i> Истоки исторических представлений в устном народном творчестве. Развитие исторических знаний в Древнерусском государстве (X—начало XII вв.)	25
<i>Лекция третья.</i> Развитие исторических знаний в период феодальной раздробленности (начало XII—середина XV в.)	51
<i>Лекция четвертая.</i> Развитие исторических знаний на Руси в период ликвидации феодальной раздробленности и в Русском централизованном государстве (вторая половина XV—XVI в.)	78
<i>Лекция пятая.</i> Развитие исторических знаний в Русском централизованном государстве XVII в.	109
<i>Лекция шестая.</i> Дворянская историография первой четверти XVIII в.	138
<i>Лекция седьмая.</i> Дворянская историография второй четверти XVIII в.	162
<i>Лекция восьмая.</i> Историография второй четверти и середины XVIII в. Деятельность Академии наук. Труды М. В. Ломоносова	187
<i>Лекция девятая.</i> Дворянская историография второй половины XVIII в.	218
<i>Лекция десятая.</i> Историография второй половины XVIII в. Зарождение буржуазной историографии. Начало критики крепостнической системы	247
<i>Лекция одиннадцатая.</i> Историография второй половины XVIII в. Зарождение буржуазной историографии. Начало критики крепостнической системы. Историческая концепция А. Н. Радищева	278

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Русская
историография
до XIX века
курс лекций

*
Редактор Гаранина Н. С.
Техн. редактор Георгиева Г. И.

*
Сдано в производство 30/X 1956 г.
Подписано к печати 12/IV 1957 г.
Формат бум. 60 × 92/16
Печ. л. 19,25 Уч.-издат. л. 20,13
Тираж 4500 экз.
Издат. № 772 Заказ 2550
Цена 11 руб. Л-37548

*
Издательство
Московского университета
Москва, Ленинские горы

*
Типография Издательства МГУ.
Москва, Моховая, 9.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	2 снизу, 4 снизу	Amerikan	American
23	8—9 снизу	В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и т. д.	В. Г. Белинского и т. д.
97	9—10 снизу	и отдельно Львовской летописей и охватывающий	и Львовской летописей и отдельно, охватывающий
217	2 снизу	Шхецера	Шлецера

к Зак. 2550

НБ ПНУС

113513